

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№5–2 2023 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

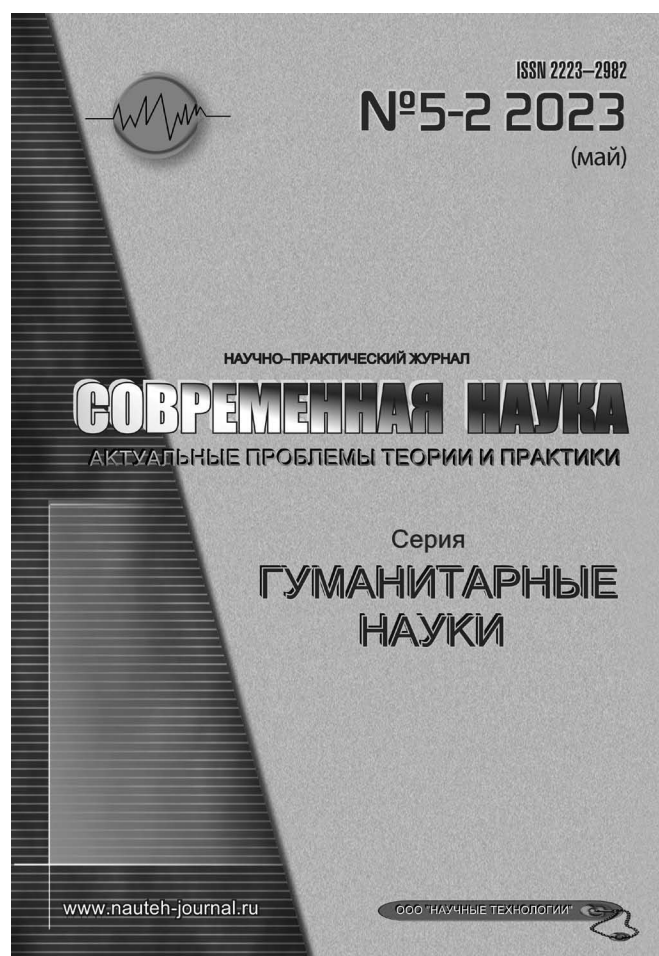
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №5-2 (май) 2023 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 12.05.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Каримов Т.Т. – К вопросу возникновения Мушугинской тубы Булярской поземельной волости Уфимского уезда (по материалам второй половины XVII-начала XVIII в.)
Karimov T. – To the question of the origin of the Mushuga tuba of the Bulyar land volost of the Ufmsky district (by the materials of the second half of the 17th-beginning of the 18th centuries)..... 7

Каримов Т.Т. – Булярская поземельная волость: припуск ясачных татар Казанского уезда (по материалам III ревизии)
Karimov T. – Bulyarskaya land volost: the supply of the yasak tatars of the Kazan district (by the materials of the III revision) 13

Филиппова Н.П. – Исторический дискурс о негласном комитете
Filipova N. – Historical discourse on the secret committee..... 17

Царикаев А.Т., Дзотцова З.Е., Тускаева Г.Б. – Особенности ротации председателей райисполкомов Северо-Осетинской АССР в 1953-1961 годах
Tsarikaev A., Dzotsoeva Z., Tuskayeva G. – Specific features of rotation of district executive committees of the North Ossetian ASSR in 1953-1961 22

Педагогика

Абдулрагимова Н.М. – Роль ИКТ при формировании дискурсивных умений у студентов второго курса на экстралингвистическом фоне: На основе преподавания английского языка
Abdulragimova N. – The role of ICT in the formation of discursive skills of second-year students on an extralinguistic background: Based on teaching English 27

Анохина А.С., Шупачева Т.А. –

Тип нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти как основной компонент, определяющий тактику нейропсихологической коррекции у детей с задержкой психического развития
Anokhina A., Shupacheva T. – Type of neuropsychological scale of hearing-speech memory as the main component determining the tactics of neuropsychological correction in children with mental delay..... 33

Боронихина И.О., Еремина Н.В., Матвиенко Т.И., Беляева Ю.А. – Кейс-технология в преподавании английского языка в вузе
Boronikhina I., Eremina N., Matvienko T., Beliaeva I. – Case technology in teaching English at the university..... 37

Гасимова А.Я. – Социально-культурные и нормативно-правовые условия совершенствования содержания высшего педагогического образования
Gasimova A. – Socio-cultural and regulatory conditions for improving the content of higher pedagogical education..... 43

Го Ханьвэнь, Нурғалиева Д.А. – Теоретические исследования основ современной методики раннего обучения иностранным языкам
Guo Hanwen, Nurgalieva D. – Theoretical studies of the foundations of modern early language teaching methodology..... 49

Горелова Л.И. – Дидактическое обеспечение модели профессиональной поддержки педагогов в условиях цифрового сообщества
Gorelova L. – Didactic support of the model of professional support for teachers in the digital community 52

Гусарова М.Н., Рагимова Н.К. – Проблемные аспекты Применения цифровых инструментов в маркетинговых стратегиях Приемных кампаний вузов <i>Gusarova M., Ragimova N.</i> – Problematic aspects of the use of digital tools in the marketing strategies of university admissions campaigns 58	Помыткина Т.Ю., Галиахметова Н.П., Жученко О.А. – Особенности профессионального становления молодых врачей <i>Pomytkina T., Galiakhmetova N., Zhuchenko O.</i> – Features of the professional development of young doctors 83
Ежов К.С., Ежов С.Г., Кумсков С.В., Козловских И.С. – Развитие социокультурных навыков учащихся благодаря занятию спортивной деятельностью <i>Ezhov K., Ezhov S., Kumskov S., Kozlovskikh I.</i> – Development of socio-cultural skills of students in sports activities 62	Реди Е.В., Ткачева Т.В., Берко Е.Е., Морозова Е.Н. – Исследование жизненной емкости легких спортсменов-подводников в зависимости от их спортивной специализации <i>Redi E., Tkacheva T., Berko E., Morozova E.</i> – The study of the vital capacity of the lungs of submariners, depending on the sports specialization 88
Зыков А.В., Акмеев А.С. – К вопросу об эффективности современных методов развития физической выносливости военнослужащих <i>Zykov A., Akmееv A.</i> – To the question of the efficiency of modern methods of physical endurance development of military personnel 66	Семышева В.М. – Ценностно-смысловые аспекты профессионального становления личности студента в аграрном вузе <i>Semysheva V.</i> – Value and sense aspects of the professional formation of a student's personality in an agricultural university 92
Коровин А.Ю. – Электронные библиотеки как средство формирования социокультурной компетентности студентов профессионального колледжа <i>Korovin A.</i> – Electronic libraries as a means for forming socio-cultural competence of professional college students 71	Сергеева Н.Л., Болбат О.Б., Самардак М.В. – Влияние политической культуры на электоральную активность современной студенческой молодежи <i>Sergeeva N., Bolbat O., Samardak M.</i> – Influence of political culture on electoral activity of modern student youth 96
Лаврова О.А. – Проблемы преподавания русского языка как иностранного для обучающихся из Узбекистана <i>Lavrova O.</i> – Problems of teaching Russian as a foreign language to students from Uzbekistan 75	Харатокова М.Г., Ашибокова З.Ч. – Употребление иностранными студентами имён существительных, связанных с категорией числа <i>Kharatokova M., Ashibokova Z.</i> – Difficulties in the use of nouns by foreign students related to the category of numbers 102
Липунова О.В. – Динамика профессиональной готовности студентов педагогического вуза к работе с несовершеннолетними с нарушениями поведения <i>Lipunova O.</i> – Dynamics of professional readiness of pedagogical university students to work with minors with behavioral disorders 78	Харченко Н.Л., Корнетов А.Н., Ялаева Н.В., Дмитриева Е.В., Кузнецова Н.В. – Иноязычная коммуникативная компетентность специалиста как педагогическая категория <i>Kharchenko N., Kornetov A., Yalaeva N., Dmitrieva E., Kuznetsova N.</i> – Foreign language communicative competence of a specialist as a pedagogical category 105

- Черненко И.И.** – Компетентностный подход в подготовке студентов аграрных вузов к управленческой деятельности
Chernenkova I. – Competency approach in preparing students of agricultural universities for managerial activities.....111
- Чугаева К.М., Ким Ю.Х.-С.** – Технология формирования языковой компетенции на основе семантического анализа лексических единиц
Chugaeva K., Kim J. – Linguistic competence formation technology based on lexical units' semantic analysis.....114
- Филология
- Арищенко С.И.** – Аллюзии на популярную культуру в видеоиграх. типология аллюзий и их локализация
Arishchenko S. – Popular culture allusions in video games. the typology of allusions and their localization120
- Брадецкая И.Г., Фысина У.Н.** – Понятие доброго имени в лингвистическом и юридическом аспектах
Bradetskaya I., Fysina U. – The concept of a good name in linguistic and legal aspects124
- Буслах Мохаммед** – Словообразовательная структура глагола «оппозиционировать»
Bouslah Mohammed – Word-formation structure of the verb "oppose"129
- Быкова Л.В., Побережник Д.А.** – Образные характеристики физических свойств человека в немецком языке
Bykova L., Poberezhnik D. – Figurative characteristics of human physical properties in the German language133
- Ван Тяньсюе** – Тематическая группа 'название болезней' в текстах Ф.М. Достоевского (на материале личных писем)
Wang Tianxue – Thematic group 'name of diseases' in the texts of F.M. Dostoevsky (on the material of personal letters)138
- Галиева Р.М., Зайни Р.Л.** – Процесс развития национальной печати в 90-е годы XX века (на материале газеты «Шәһри Казан»)
Galieva R., Zayni R. – Development process of the national press in the 90s of the XX century (by the material of the newspaper "Shahri Kazan")147
- Гао Хань** – Концепция жизни и смерти в прозе Ф. Крюкова
Gao Han – The concept of life and death in F. Kryukov's prose.....151
- Дун Синь** – Причины появления неологизмов в современной российской рекламе
Dong Xin – Reasons for the appearance of neologisms in modern Russian advertisements155
- Ли Н.Б., Кошелева А.А., Шаламова Д.А.** – Особенности корейской политической риторики в аспекте ее перевода на русский язык (на примере выступлений президента Республики Корея Юн Сок Ёля)
Lee N., Kosheleva A., Shalamova D. – Features of Korean political rhetoric in its translation into Russian (based on speeches of the president of the Republic of Korea Yoon Suk Yeol)159
- Макаренко А.С., Муравлева В.Р.** – К вопросу об индексальности языковой идеологии
Makarenko A., Muravleva V. – On the question of the indexality of linguistic ideology163
- Матвейчева Т.В., Князева О.В., Переверзева И.В.** – Особенности передачи средств выражения модальности с английского языка на русский язык в процессе перевода текстов СМИ
Matveicheva T., Kniazeva O., Pereverzeva I. – Means of modality expression in mass-media texts and peculiarities of their translation from English into Russian166
- Петренко О.А.** – Ядро и периферия лексико-семантической группы «Дворянская усадьба» (на примере произведений И.А. Бунина)
Petrenko O. – The core and periphery of the lexico-semantic group "Noble Estate" (on the example of the works of I.A. Bunin)171

Сунь Синь – Авторизующие конструкции как дискурсивные слова <i>Sun Xin</i> – Authorizing constructions as discourse words174	Цзянь Миньюй – Классическая китайская драма в России <i>Jiang Mingyu</i> – Classical Chinese drama in Russia187
Тин Ван – Особенности и коммуникативные функции дискурсивных формул с глаголами речи <i>Tin Wang</i> – Features and communicative functions of discursive formulas with verbs of speech177	Чжан Вэй – Исследование о применении социальных сетей в журналистике <i>Zhang Wei</i> – Research on the application of social networks in journalism190
Цзя Минсю – О дословном переводе на основе сходства синтаксических правил китайского и русского языков <i>Jia Mingxiu</i> – On literal translation based on similarities in the syntactic rules of Chinese and Russian182	Информация
	Наши авторы. Our Authors193
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале195

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МУШУГИНСКОЙ ТЮБЫ БУЛЯРСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ УФИМСКОГО УЕЗДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII-НАЧАЛА XVIII В.)

Каримов Тагир Тимергазимович

Кандидат исторических наук, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN
OF THE MUSHUGA TUBA OF THE BULYAR
LAND VOLOST OF THE UFIMSKY DISTRICT
(BY THE MATERIALS OF THE SECOND
HALF OF THE 17TH-BEGINNING
OF THE 18TH CENTURIES)

T. Karimov

Summary: The article deals with land documents that shed light on the initial history of the Mushuginskaya tyuba. The main patrimonies of this territory were representatives of the tarkhan family, whose ancestors in 1523 received a tarkhan label from the Kazan khan Sahib-Girey. In early documents they are called "chuvashs" and "bobylys", and in the last quarter of the 17th-early 18th centuries. - yasak tatars (represented by Murzakai Yukacheev and his comrades), the descendants of the latter - "bashkirs". The transformation of the estate name is associated with the transition from the bobyl yasak to the salary yasak and the acquisition of protective memory, as a result of which the tatars of the bobyl class became "bashkirs". The increase in the number of votchinniks and bobyls was accompanied by the appearance of a large number of settlements, which later formed the Mushugin tyuba of the Bulyar land volost.

Keywords: village of Anyakovo, Bulyar land volost, bobyls, Imencheevo, Murzakai Yukacheev, village Mushuga, Mushuginskaya tyuba, khan Sahib Giray, tatars of the bashkir estate.

Аннотация: В статье рассматриваются земельные документы, проливающие свет на начальную историю Мушугинской тубы. Основными вотчинниками данной территории являлись представители тарханского рода, предки которых в 1523 г. получили тарханный ярлык от казанского хана Сахиб-Гирея. В ранних документах они названы «чувашами» и «бобылями», а в последней четверти XVII-начале XVIII в. – ясачными татарами (в лице Мурзакай Юкачеве и его товарищей), потомки последних – «башкирцами». Трансформация сословного названия связана с переходом от бобыльского ясака на окладной ясак и получением оберегательной памяти, в результате чего татары бобыльского сословия стали «башкирцами». Увеличение численности вотчинников и бобылей сопровождалось появлением большого количества поселений, которые впоследствии составили Мушугинскую тубу Булярской поземельной волости.

Ключевые слова: д. Аняково, Булярская поземельная волость, бобыли, Именчево, Мурзакай Юкачев, д. Мушуга, Мушугинская туба, хан Сахиб-Гирей, татары башкирского сословия.

Мушугинская туба Булярской поземельной волости никогда не являлась предметом специального исследования. По этой причине вопросы о времени и обстоятельствах ее возникновения, а также поселений на данной территории оставались неясными. Не менее важным является также вопрос о формировании татар башкирского сословия. Актуальность последнего вопроса вызывает необходимость глубокого рассмотрения некоторых архивных источников, что является одной из задач нашего исследования. Появление Мушугинской тубы в составе Булярской поземельной волости стало логическим завершением формирования населения башкирского и бобыльского сословий. Анализируя земельные документы вотчинников («башкирцев») и «бобылей», мы можем выявить сословные различия, а также пролить свет на отдельные вопросы возникновения поселений.

Мушугинский край в течение длительного времени оставался вне Булярской поземельной волости. О том, что он составлял отдельную тубу в ее составе, наиболее полно известно по итоговым сведениям 8-й ревизии (1834 г.) о вотчинниках. Последние показаны в дд. Айманово, Атрякли, Зюбеирово, Иркеняш, Исансупово, Качкиново, Кулуново, Мушуга, Тюково, Усы, Чуплюк (ныне Кзыл-Тюбяк). По названиям этих деревень можно судить, что Мушугинская туба охватывала территорию современных Актанышского, Мензелинского и Муслимовского районов РТ.

Основными земельными документами вотчинников-татар Мушугинской тубы считались тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 929 [1523] г. и указ 7085 [1577] г. [11, л. 10].

Первый документ заслуживает особого внимания.

Исследователь данного ярлыка Ш.Ф. Мухамедьяров пишет, что Сахиб-Гирей занимал «казанский престол в 1521-1524 гг. Весной 1524 г. он установил вассальные отношения Казанского ханства к Турции, которые, однако, вскоре были ликвидированы под давлением России, причем Сахиб-Гирей вынужден был бежать в Турцию, уступив трон своему племяннику Сафа-Гирею (1524—1549). Проведя несколько лет при дворе Сулеймана I в Стамбуле, Сахиб-Гирей с его помощью обосновался на крымском престоле в 1532-1551 гг. При Сахиб-Гирее в Казанском и Крымском ханствах шло дальнейшее развитие феодального землевладения в виде ханских пожалований, оформлявшихся грамотами, аналогичными тарханному ярлыку 1523 г. Ярлык Сахиб-Гирея относится к разряду подтвердительных тарханных ярлыков. <...>. В 1678 г. в спорном деле о земле была представлена тарханная грамота Сахиб-Гирея 1523 г. татарского письма на имя Шеих-Ахмеда с товарищами, из которой в деле приводятся в русском переводе XVII в. отдельные выдержки, совпадающие с нашим ярлыком. Из дела видно, что в грамоте речь идет о землях по обоим берегам реки Ик. В то же время в родословной (шэжэрэ), найденной Г.В. Юсуповым в 1956 г. в селе Исламбахино Ермакеевского района Башкирской АССР и датированной 1807 г., упоминается тоже некий Шеих-Ахмед, которому вместе с товарищами была выдана тарханная грамота Сахиб-Гиреем. По-видимому, указанный в шэжэрэ Шеих-Ахмед и является владельцем нашего ярлыка» [3, с. 104-109].

Как видим, вотчинники-татары д. Исламбахино (ныне село Ермакеевского района РБ) также имели прямое отношение к тарханному ярлыку. Данная деревня относилась Кыр-Иланской поземельной волости, что подчеркивает тесную историческую взаимосвязь татар разных волостей по берегам р. Ик.

О начальной истории вотчинников Мушугинской тубы известно по документам второй половины XVII в., которые мы далее рассмотрим в хронологической последовательности. Впервые о них сообщается в недатированном источнике предположительно 7165 [1657] г. (В архивном деле по другим деревням названа дата 1657 г., поэтому следует полагать, что она относится и к рассматриваемому документу). В челобитной на имя царя вотчинники пишут следующее. «Деревни Именчеевы, что по речке Мушуге ясачные бобыли чюваша Юкачейка да Акешка да Иликейка Доскеевы, Бекчюрка Ахматетев, Урка Баимбетев, Келмячко Ишеев, вотчина г[осу]д[а]рь у нас старинная дедов и отцов наших в Уфинском уезде река Ику по обе стороны нижняя межа подле Ику реки на Уфинской стороне усть речки Бозяны Юту Наратас, а верхняя межа в вершине речки Бол[ь]шой Вереш, а с вершины и до устья, где [в]пала в Ик реку, а с вершины речки Бол[ь]шой Вереш на вершину же речку Мушуги на Минскую дорогу бортной ухойей и всякие звериные и рыбные ловли и всякие угодыя на дватцать версту да в той г[осу]

д[а]рь нашей вотчине речка Осы исток... и иные многие речки малые, которые пали в Ык[ь] реку и в Бозяну и в бол[ь]шую речку Вереш и озера и истоки и заводи и старицы, и с той г[осу]д[а]рь вотчины платим мы сироты твои в твою великого г[осу]д[а]ря казну в Казан[ь] ясаку по рублю да на Уфу з земли бобыльсково ясаку по десяти куниц да дватцат[ь] шест[ь] алтын четыре д[е]н[ь]ги на год. Вели г[осу]д[а]рь с меня Калмычка снят[ь] и из окладу выложить, а мы сироты твои ухнем в твою великого г[осу]д[а]ря казну сверх прежнего бобыли[ь]ского ясаку в окладной ясак внов[ь] платит[ь] по ш[е]сти куниц на год и в ясачные кн[и]ги и от ново прибылой ясак написать, а денежной ясак, который мы платим в Казани великий г[осу]д[а]рь, платит[ь] по прежнему в Казани по рублю на год. <...> Ясаку учнем платит[ь] на Уфу в твою г[осу]д[а]ря по три куницы с человека, итого на год осмьнатцат[ь] куниц. Вели г[осу]д[а]рь дат[ь] нам сиротам твоим свою великого г[осу]д[а]ря оберегал[ь]ную память[ь], чтоб нам ни от кого насил[ь]ства не было. Царь г[осу]д[а]рь смилуйся» [9, л. 1].

Данный документ примечателен тем, что в нем подробно описаны границы земель, в пределах которых хозяйствовались вотчинники. Река Ик, речки Бозяна, Большой Варяш, Усы («Осы»), еще другие «речки малые» и озера свидетельствуют об обширности их владений.

Важно обратить внимание на факт перехода с бобыльского ясака на окладной ясак: если они платили на Уфу ежегодно 10 куниц, то теперь обязались платить 18 куниц (рублевый денежный ясак в Казань сохранился). С этого времени (1657 г.) они перестали считаться бобылями, фактически и юридически оформились в окладные (ясачные) «башкирцы». Теперь никто не мог именовать их «бобылями-чювашами», однако вместо этого они будут называться ясачными татарами. Закрепление правового статуса «башкирцы» за их внуками четко станет видно только в ревизских сказках 1811 г.

Таким образом, бобыльский статус оказался промежуточным этапом на пути от «чювашского звания» к «башкирскому». «Оберегальная память» закрепляла их вотчинные права, поэтому при земельных спорах они и их потомки будут ссылаться на нее.

К рассматриваемому документу челобитчики Акеш, Иликей, Бекчюра, Урка, Келмяк «тамгу свои приложили». Последняя свидетельствует, что они являются представителями одного рода. Такие же тамги можно наблюдать у вотчинников д. Исламбахино Кыр-Иланской волости, которые также считали себя потомками тархан, названных в ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея.

Юкачи До[с]кеев и его товарищи из д. Именчеево на речке Мушуга упоминаются также в документе 7166 [1658] г. в связи с их челобитной «о снятии кунного ясака

с вотчины их по Ику реке» [10]. Через некоторое время эти же вотчинники будут названы ясачными татарами д. Мушуга.

Наибольший интерес представляет ханский ярлык, который упоминают вотчинники. О нем сообщается в связи с земельным спором мушугинцев с ирехтинцами. Первые представили документ, который сообщает, что в [7]188 [1680] г. «по указу великого з[осу]д[а]ря прислана великого з[осу]д[а]ря грамота, велено Уфинского уезду Казанской дороги деревни Мушуги ясачным татарам Акешке Доскееву с товарищи вотчиною по Ику реке, которою владели отцы их и они по крепостям девят[ь] сот дватцет[ь] девятого да семь тысяч восем[ь]десят пятого годов (929[1523]г. и 7085 [1577] г. – Т.К.), владет[ь] им по прежнему, <...> а уфинским башкирцам Каракуске Аканаеву с товарищи в той вотчине отказат[ь]» [11, л. 10].

Из данного документа видно, что владенные права вотчинников, подтверждались документами 1523 (929 г. по Хиджре) и 1577 (7085) гг. О содержании последнего документа, датированного в другом источнике 7087 (1579) г. [7, л. 221], нам ничего неизвестно. Мы полагаем, что он юридически оформил вотчинное право на землю, доставшейся по тарханскому ярлыку 1523 г.

Нужно сказать, что благополучное для мушугинцев решение в земельном споре с ирехтинцами было принято после тщательного изучения вопроса. В документе от 20 мая 7188 [1678] г. сообщается, что «спорною вотчиною по Ику реке которою владели Акешка с товарищи отцы их и они по крепостям 929 [1523] и 7085 [1577] годов, велено владеть им Акешку с товарищи по прежнему да и потому им тою вотчиною владеть на Уфе в ясачных книгах та вотчина написана за ними и в сыску обыскные люди сказали, что та вотчина их Акешкова с товарищи, а не башкирская». Окольничий и воевода П.Д. Скуратов велел «в Уфинской уезд в вотчину ясачных татар Акешка Доскеева с товарищи чем владели деды и отцы их и они, послать кого пригоже». Он же велел «уфинцу Ивану Кириловичу Нарматцкому, да с ним приказные избы подьячому Ивану Антропову ехать в Уфинской уезд на Ике реку в вотчину Казанской дороги д[е]р[е]в[н]и Мушуги ясачных татар Акешка Доскеева, да Мурзакайка Юкачеева, да новокрещена Данилка Иванова». А «приехав в той вотчине межи и грани и урочища и с чьими вотчинами смежна описать и все описав велеть им Акешку с товарищи тою вотчиною владеть и ясак платить по прежнему, чтоб впредь о том челобитья не было» [12, л. 2-4].

Еще одно значение данного документа заключается в том, что Акеш Доскеев и его товарищи впервые названы ясачными татарами (раньше они именовались как «ясачные бобыли чуваша»). Кроме Акеша, пристального вни-

мания заслуживает ясачный татарин Мурзакайка Юкачеев, который также будет фигурировать в других источниках.

В связи с земельным спором с ирехтинцем Каракузем Аканаевым имя Акеша Доскеева встречается в разных источниках. В одном документе сообщается, что вотчина «написана в Казани в прежних ясачных книгах по сию Казанского взятия в первых летах, а у него же Акешки Доскеева с товарищи на ту вотчину до Казанского взятия, как в Казани был татарский царь и тогда вотчину дал владеть деду его Доскену Белякову и дал жалованную грамоту и та де грамота татарская у него Акешки». С той вотчины они платили «ясаку в Казань и на Уфе по тредцати по три (33. – Т.К.) куницы да в Казани же сверхъ того денег по шести рублев, по двадцати по три (23. – Т.К.) алтына по две деньги по десяти батманов меду на год» [7, л. 219-219 об.].

Как видим, рассматриваемые документы указывают, что предки ясачных татар владели здешней землёй со времен Казанского ханства. С переходом в российское подданство прежний порядок землевладения сохранился.

Переходим к другим архивным источникам последней четверти XVII в. Документ от 28 декабря 1689 г. предписывает татарам д. Сабаево «Утячке да Кимечке Еныкеевым, Баймячке Тохтамышеву платит[ь] окладной ясак с родственником их деревни Шайчюрины Утемышко Байтерековым з братьями в прибыль вопче по три куницы на год» [13, л. 35]. Это можно считать первым упоминанием д. Шайчурино (ныне село Актанышского района РТ) в архивных источниках.

В данном документе сабаевцы названы также «чуваши», что подчеркивает их происхождение из Казанского уезда. Связь татар д. Сабаево с Мушугинским краем прослеживается также 100 лет спустя.

Ясачный татарин д. Исенсубино Иштуган Ишмаматов (сыновья Сафар и Сурмекей), плативший бобыльский ясак, в своей челобитной в 1693 г. просил, «чтоб великие государи пожаловали ево, велели ему Иштуганку платить окладной ясак Байлярские волости з башкирцы старого и с прибылым по три куницы на год», «а из бобыльского ясаку выписат[ь]». Его прошение было удовлетворено, и он получил оберегальную память. «Велено <...> ясачным зборщикам и иным посыльщикам с него Иштуганку и з детей ево бобыльского ясаку не спрашивать...» [13, л. 28-29].

Таким образом, вышерассмотренные документы свидетельствуют, что ясачные татары 2 деревень сменили свой бобыльский статус на «башкирский». Однако данные источники не позволяют полно судить как о населении, так и поселениях Мушугинского края. Такую

возможность впервые предоставляет документ 1701 г., который ранее привлек внимание исследователей, но так и остался не до конца изученным.

В основе этого документа из фонда «Уфимская приказная изба» РГАДА лежит земельный спор между вотчинниками-татарами и «бобылями» Мушугинского края. Первые во главе с Мурзакаем Юкачевым обратились к властям с просьбой «на Уфе допросить, для чего они на той их вотчинной земле поселились [ь] и завели д[е]р[е]вни и есть ли у них на ту их вотчинную землю поступные их крепости, а которые крепостей не положат и тех с той их земли сослать долой» [14, л. 3]. Однако в ходе допроса представители власти выяснили, что «бобыли» проживали на законных основаниях и свои обязанности перед государством выполняли. По этой причине просьба вотчинников была не удовлетворена. Чтобы упрочить свое положение, «бобыли» просили дать им оберегальную память и получили ее.

Хотя ряд исследователей использовали данный документ, однако самое главное – факт получения «бобылями» оберегальной памяти оставили без внимания. Оберегательная память «бобылей»-мушугинцев в источниках середины XIX в. многократно упоминается как «владенная память 1701 г.». Она и еще указ 1678 г. рассматривались как основной земельный документ татар тептярского сословия (к этому вопросу вернемся позже).

Рассматриваемая тюба и Булярская волость в документе 1701 г. не называются. Его немаловажная ценность в том, что впервые сообщается о 29 поселениях Мушугинского края, большинство которых оставалось неизвестным. Документ сообщает имена «бобылей», проживающих в дд. Айкеменево, Айманово, Акташево, Аняково, Атрякле («Атракле» по источнику 1701 г.), Базяна, Бекбулатово, Илтемирово, Именчи, Исансупово («Исенсупино»), Исяково, Кадеево, Калтаково, Кузегулово, Кузякино, Кулуново, Маметеево, Мушуга (новокрещенные; ныне Русская Мушуга), Мушуга (ныне Татарская Мушуга; Мензелинского района РТ), Мушугатамак («На усть Мушуги»), Поисево («Поюсево»), Семяково, Ташлыяр («Ташлаяр»), Тегирмен, Тузлукош («Тозлукош»), Чапкиново (Чапкиново), Чупаево («Чопаево», «Чюпаево»), Шайчурино («Шайчюрино»), Юзнат. Кроме 2 марийских деревень (Калтаково, Чупаево), национальность жителей вышеназванных деревень в этом и других источниках указана татарская [14]. В ведомости участников Пугачевского восстания, потомки этих татар бобыльского сословия будут названы ясачными татарами [1, с. 281-282].

Документ позволяет ответить на главный вопрос о том, откуда и когда пришла данная категория населения в Мушугинский край. Так, «чювашенин» Баймурзка Байчюрин (из д. Семяково) «сказался, что он прежде сего живал в Казанском уезде в ясаке, а в Уфимский уезд

пришел тому ныне лет с тридцать, а тот свой ясак сдал братьям своим. А в допросе сказал, как он пришел в уфимский уезд, приехав в деревню Семякову к татарину к Апаску Акматову и увидел, что жить ему в той деревне мочно (можно. – Т.К.), так же и вотчинные всякие угодьи есть и он Баймурзка в той деревне поселился, а на Уфу <...> о том не бил челом и до ныне де в той деревне живет без указа и бес приему челобитчиков Мурзакайка с товарищи» [14, л. 4].

Как известно, ясачные татары Казанского уезда до конца XVII-начала XVIII вв. обозначались сословным термином «чюваш». Данный источник как раз отражает трансформацию сословного названия, когда один назван «чювашенином», а другой – татарин. Именно это переходное состояние отражается и в словах Мурзакая о живущих в его вотчине «татарах и чювашах» [14, л. 2]. По мере выхода из оборота данного сословного термина, все «бобыли» из «чюваш» стали называться ясачными татарами.

Получив оберегальную память, «бобыли» Мушугинского края закрепили свое владенное право на территории, на которой они хозяйствовали вопреки претензиям вотчинника-татарина Мурзакая Юкачевево. Не случайно, предки жителей Аняково (105 душ муж. пола в 1816 г.), Илтимерово (67), Поисево (272), Тыгермен (в другом источнике «Тигирманче» [6, л. 9 об.]; 22), Шайчурино (122), Ятово (22) и других деревень заявляли, что имеют «владен[н]ую память» 1701 г. и «выпись Оренбургской палаты гражданского суда 1808 года декабря 3-го дня». Кроме того, косвенное отношение к их заселению имел указ 7191 [1682] г. [4, л. 17], содержание которого упоминается в рассматриваемом документе 1701 г.

Следует указать, что «владен[н]ая память» в другом документе записана как «сберегательная память», в 70-е гг. XIX в. на основании этого документа «тептяри» ряда деревень (Поисево, Исансупово, Калтаково и других) просили «о наделении их землю на равне с вотчинниками» [7, л. 45 об.]. С 1855 г. они стали называться «башкирами-припущенниками», и в этом новом необычном качестве 28 марта 1872 г. указывали, что «на основании оберегательной памяти 1701 года декабря 24-го дня должны считаться вотчинниками Булярской волости Мушугинской тюбы, а не припущенниками, как теперь считаются». Поэтому ходатайствовали «о нарезке им земли, в пределах означенной тюбы, на равне с вотчинниками» [6, л. 29]. Это, пожалуй, единственный документ, где названы день и месяц (27 декабря) выдачи оберегательной памяти.

Кроме оберегательной памяти, не меньшего внимания в документе 1701 г. заслуживают факты о ясачном татарине Мурзакае Юкачевево. Как вотчинник, он привлекался к военным походам царя («по наряду стол[ь]ника

Дмитрия Молоствовова были они и в Донском походе под Азовым» [14, л. 3]). Предоставляя права собственности на землю, государство обязывало владельцев нести военную службу. Вот так татары-вотчинники Мушугинского края сформировались в башкирское служилое сословие.

Личность Мурзакая Юкачеева стала объектом пристального внимания не только потому, что он был вотчинником-татаринном башкирского сословия. Немаловажно и то, что название вотчины потомков тархан связывалось с его именем. В отказной книге от 16 января 1717 г. при определении границы Ирехтинской волости пишется, что она «смежна с вотчиной Мурзакая Юка[ч]еева с товарищи» [8, л. 38-38 об.]. Позже, когда не стало Мурзакая Юкачеева, данная территория стала рассматриваться как часть Булярской волости и, исходя из названия д. Мушуга, именоваться Мушугинской тьюбой. «Тюба» («төбәк») переводится как «край», поэтому применительно к концу XVII-началу XVIII в. ее можно назвать Мушугинским краем татар-вотчинников и «бобылей». Будь территория исследуемой тьюбы значительно большей, она по ее названию могла именоваться Мушугинской волостью (а ведь именно так она называлась в документе от 18 марта 1728 г. [2, с. 251]).

Мурзакый Юкачеев один раз он назван татаринном д. Мушуги [14, л. 4], второй раз – ясачным татаринном этой же деревни [14, л. 36], третий раз – ясачным татаринном д. Айманово [14, л. 26]. Так как отец Мурзакый Юкачеев был известен как житель д. Именчеево, а сам он – д. Мушуга, с этого времени мы можем говорить об образовании волости (тьюбы) под названием «Мушугинская».

Айманово стала родовым гнездом вотчинника Мурзакый Юкачеева и его сородичей. Через 100 с лишним лет (1819 г.) их потомки, известные как «башкирцы» дд. Айманово и Сасыбрун, будут обращаться с прошением «о внесении их тарханами в дворянскую родословную книгу» [7, л. 222]. Внуки Мурзакый Юкачеева также названы в других источниках. Так, «башкирец» д. Айманово Ибрагим Айдагулов сын Мурзакеев в составе 5-го «башкирского» полка участвовал в походах против французских войск и награждался серебряными медалями «За взятие Парижа» и «В память 1812 г.». После служил в чине зауряд хорунжего (с 1815 г.) и старшинского помощника (1824) [5, л. 27 об.-28]. Как видим, внук

ясачного татарина образовал свою родовую фамилию от имени знатного деда.

Рассматриваемый документ 1701 г. не позволяет целостно наблюдать формирование башкирского сословия татар, но указывает на древнее происхождение их поселений. Так, «бобыль» д. Шайчурино Уразлы Шабаев в 1701 г. сообщил, что ясак в казну платил его отец, а после смерти его платит он «лет с пят[ь]десят без доимки, а в той де ево деревне живут с ним и[з]стари ж брат ево Уразый Шабаев, да сын ево Топай, да родственники ево Юсуп Кадырметев, Ра(х)менкул Досаев да башкирец Смаил Каипов» [14, л. 22].

Слово «башкирец» в этом большом документе названо только здесь. Но по другим источникам можно наблюдать переход «бобылей»-ясачных татар в данное сословие.

Так, в документе от 13 июня 1701 г. сообщается, что ясачные татары д. Мушуга Досейка Байбулатов, Емекейка Янтиков, Кутлемяска Дусеев раньше платили бобыльской ясак по две куницы с человека, а с переходом на окладной ясак стали платить «все вопче по семи куниц на год». Поэтому они просили выписать их с бобыльских книг и написать в окладные книги. Их просьба была удовлетворена: они освободились от «всяких бобыльских податей» и стали «всякие службы служить с башкирцы». «А бобыльской их ясак велеть написать ясачинном той дороги на безьясачным и дать Дескейку память» [15].

Вот так с переходом на окладной ясак ясачные татары-«бобыли» обрели права «башкирцев», о чем получили документ («память»). Мы обратили внимание, что бобыльский ясак 1700 г. они платили как жители д. Именчеево. Складывается ощущение, что данный топоним в какой-то степени связан с д. Мушуга.

Итак, рассмотрение земельных документов XVII в.–начала XVIII в. свидетельствует, что вотчинники тарханского рода Мушугинского края называли себя только татарами. Применительно к другим вотчинникам сословный термин «башкирцы» употреблялся крайне редко. Однако более поздние источники позволяют установить, что потомки всех татар-вотчинников носили сословное название «башкирцы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975. 496 с.
2. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3.
3. Мухамедьяров Ш. Ф. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 104-109.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 450. Л. 17.
5. НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4022.

6. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1536.
7. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1545.
8. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 2.
9. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 468.
10. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 470.
11. РГАДА. Ф. 1173. Оп. Д. 767.
12. РГАДА. Ф. 1173. Оп. Д. 769.
13. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1152.
14. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1325.
15. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1329.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

БУЛЯРСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ВОЛОСТЬ: ПРИПУСК ЯСАЧНЫХ ТАТАР КАЗАНСКОГО УЕЗДА (ПО МАТЕРИАЛАМ III РЕВИЗИИ)

Каримов Тагир Тимергазимович

кандидат исторических наук, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

BULYARSKAYA LAND VOLOST: THE SUPPLY OF THE YASAK TATARS OF THE KAZAN DISTRICT (BY THE MATERIALS OF THE III REVISION)

T. Karimov

Summary: The article discusses the circumstances of the settlement of yasak tatars of the Arskaya and Zyureyskaya roads of the Kazan district in the villages of Kashir Kamyshlitamak, Kalmiya Karamaly tozh, Anyakovo, Sredny Kashir, located on the territory of the Bulyar land volost, and now belonging to the Muslyumovsky and Sarmanovsky regions of the Republic of Tatarstan. In addition to the village of Kalmiya Karamaly, yasak tatars also lived in these villages. The transition of a new group of tatars in the inter-revision period (1747-1762) significantly increased the population of these villages, and also led to a change in the class structure of the village of Kalmiya Karamaly also. Additional information on the history of the village of Kashir Kamyshlitamak made it possible to reveal that the Bulyar land volost also covered part of the territory of the modern Almeteyevsk region of the Republic of Tatarstan.

Keywords: village of Anakovo, Bulyar land volost, Imangul Kutlin, New Kashir village, village of Sredny Kashir, village Old Karamaly, village Old Kashir, shedzhere F.Kh. Mukhametshina, yasak tatars.

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства заселения ясачных татар Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда в дд. Кашир Камышлитамак, Калмия Карамалы тож, Аняково, Средний Кашир, расположенных на территории Булярской поземельной волости, а ныне относящихся к Муслюмовскому и Сармановскому районам РТ. Кроме д. Калмия Карамалы тож, ясачные татары ранее проживали в данных деревнях. Переход новой группы татар в межревизский период (1747-1762 гг.) заметно увеличил численность населения данных деревень, а также привел к изменению сословной структуры д. Калмия Карамалы тож. Дополнительные сведения к истории д. Кашир Камышлитамак позволили выявить, что Булярская поземельная волость также охватывала часть территории современного Альметьевского района РТ.

Ключевые слова: д. Анаково, Булярская поземельная волость, Имангул Кутлин, с. Новый Кашир, д. Средний Кашир, с. Старые Карамалы, с. Старый Кашир, шеджере Ф.Х. Мухаметшина, ясачные татары.

Немаловажное место в изучении вопросов истории Булярской поземельной волости занимают материалы переписи 1762 г. по Уфимскому уезду. Однако аналогичные источники по Казанскому уезду продолжали оставаться вне внимания. Их изучение позволяет расширить географию волости и представление о ней, в этом заключается научная новизна и актуальность темы нашего исследования. Для этого требовалось выявить поселения Булярской поземельной волости, население которой относилось к Казанскому уезду. Поэтому была поставлена задача изучения всех ревизских сказок 1762 г. рассматриваемого уезда. При определении современных названий деревень опирались на дополнительные архивные источники и на статистическую литературу.

В Булярской волости по материалам 3-й ревизии известны ясачные татар-выходцы из Байлярской волости, живущие в 7 деревнях. Несколько позже они будут зафиксированы как «тептяри и бобыли».

Вышеназванные категории заселились в Булярской волости до 2-й ревизии и относились к Уфимскому уезду. О времени и обстоятельствах их появления в ревизских

документах не сообщается.

Однако в состав коренного населения Булярской волости вливались не только ясачные татары из других поземельных волостей Уфимского уезда, но и выходцы из Казанского уезда. Оттуда ясачные татары постоянно и в большом количестве переселялись в подведомственные Уфимскому уезду деревни. К сожалению, в большинстве случаев сведений об обстоятельствах и времени их миграции не всегда обнаруживается.

Особо важное значение рассматриваемых здесь ревизских сказок 1762 г. Казанского уезда заключается в том, что они позволяют определить численность и происхождение ясачных татар, заселившихся в Булярской поземельной волости в межревизский период (1747-1762 гг.) по припуску старшины Имангула Кутлина. Переходим к пристальному изучению и анализу документов 1762 г.

В д. Кашир Камышлитамак (ныне с. Старый Кашир Сармановского района РТ) по припуску «Булярской волости старшины Имангула Кутлина» жили ясачные тата-

ры сотни Ремкула Тлекеева Зюрейской дороги во главе Полатом Ибраевым (69 лет) и его сыновьями Юртбагышем (31), Мухамметом (28), Ишмуратом (7) и Солта[н]мратом (полугода). В межревисский период сюда перешли ясачные татары д. Лиябаш (3 рев. души) сотни Салтана Чимашева («ныне правит Гумер Казаков»), д. Кутемели (15 рев. душ; в том числе Аит Юсупов, Токтагул и Карагул Аднагуловы и др.) сотни Ремкула Тлекеева той же Зюрейской дороги Казанского уезда. Всего в данной деревне насчитывалось 40 душ муж. пола. Выборным был Мустей Токаев, старостой – Килей Аитов [10, л. 630-632 об.].

Братом вышеупомянутого Полата Ибраева показан Сеит Ибраев (48 лет), который был женат на Салихе Смаиловой (35), дочери ясачного татарина д. Уратма. У них были сыновья Сагит (21), Юзей (20), Башир (10), Ашир (6), Амир (3) и дочь Гульбустан (13).

Уместно будет сказать, что Амир – предок Председателя Госсовета РТ Фариды Хайрулловича Мухаметшина. Центральная линия шеджере (по отцовской линии) выглядит так: Ибрай–Сеит (1714)–Амир (1759)–Тимербай (1795-1861)–Гумер (1821-1853)–Нугман–Хайрулла (1918)–Фарид (1947), Райса, Алфия. Шеджере с коленами до Амира впервые составлено и опубликовано в печати писателем Д. Гарифуллиным [1]. Однако автор целиком опирался на сведения метрических книг, многочисленные ревизские материалы им не использованы, по этой причине шеджере имело существенные недостатки. Изучение данного ревизского документа дало возможность установить год рождения Амира, определить его отца (Сеит) и деда (Ибрай). Шеджере также было дополнено сведениями метрических книг.

Следует заметить, что в одном справочнике XIX в. деревня показана как «Старый Кашир (Кашир-Камышлы) при рч. Каширке» [13, с. 114]. Информация о ее старом названии послужила ключом к поиску этой деревни в архивных материалах середины XVIII в.

Кроме ясачных татар, в рассматриваемой деревне также проживали «тептяри». Представителей данного сословия в «деревне Кашировой что на речке Кашир» в 1762 г. насчитывалось 10 душ муж. пола, относящиеся к команде Суяндуга Тукбаева Байлярской волости [11, л. 904].

Таким образом, общая численность татар 2 сословий в 1762 г. составляла 50 душ муж. пола. Припуск ясачных татар Зюрейской дороги привел к почти двукратному росту их численности по сравнению с 1747 г. (тогда их было 23 души муж. пола, а деревня была зафиксирована под названием «Кашир») [7, л. 434-435].

В современной литературе утверждается, что с. Новое Каширово (ныне Альметьевского района) было ос-

новано переселенцами из с. Старое Каширово не позднее середины XVIII в. Не случайно, «башкирцы» д. Новое Каширово «предъявили, что сами они и часть владимой ими земли, лежащая на правой стороне по течению реки Урсала, на которой состоит их селение, принадлежат не к Надыровской, а к Булярской волости» [4, л. 20 об.-21, 28].

Таким образом, не приходится сомневаться в очевидной связи двух деревень. Поэтому остается лишь констатировать, что границы Булярской поземельной волости также охватывали часть современного Альметьевского района РТ.

Следует указать, что земли по Урсала (правый приток р. Степной Зай) и ближайшим рекам находились во владении вотчинников Булярской волости вплоть до 3 февраля 1785 г., пока не были проданы генерал-поручику А.Г. Петрово-Соловово за 400 руб. [2, с. 167-169] В результате живущие там припущенники-татары вынуждены были выселиться в другие деревни. На место татарской д. Урсала (ныне микрорайон г. Альметьевск) помещик переселил своих крестьян из Симбирской (198 душ муж. пола к 1799 г.) и Саратовской (7) губерний [5, л. 216 об.-217]. Хотя народная молва ошибочно связывает продажу земель этому помещику [со старшиной Юсупом] Надыровым, но точно указывает, что «привезены были крестьяне из села Большая Сура Симбирской губернии (ныне Ульяновская область)» [12].

Вернемся к рассмотрению материалов 3-й ревизии. Вторая деревня, о которой далее пойдет речь, зафиксирована так – «по припуску Бюлярской волости бывшего старшины Исмаила (Имангула. – Т.К.) Кутлина с товарищи и с переписных капитаном Аничковым под деревней Сайкановой в деревне Калмия Карамалы тож» (ныне с. Старые Карамалы Муслюмовского района РТ). Здесь жили ясачные татары (24 души муж. пола), перешедшие в д. Калмия Карамалы тож из дд. Муслюмово Сайкан тож (Сафар Болтаев (41 год), его сын Епар и др.) и «Илкеталово Исян Елова тож» (семья 37-летнего Танатара Арыкова) сотни Аиткула Токанаева («ныне правит Аккучюк Кирилов») Зюрейской дороги, дд. Ошады (семья Имая Тойметева), Каинлыкул (19-летний Юлдаш Юзюкеев и др.), Муслюмово (семьи Сеиткула Юзюкеева и Араслана Килмамметева) сотни Кулмета Кутлугушева («ныне правит Токтамыш Саперов») Арской дороги. У выборного Ишмаммета Ишкинина (45 лет) жена Халимзян Мратова (22) была дочерью татарина башкирского сословия д. Урусово [10, 634-635 об.].

Как видим, в отличие от ранее рассмотренной д. Кашир Камышлитамак, ясачные татары в д. Калмия Карамалы тож впервые появились в межревисский период. Они были выходцами разных деревень и сотен Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда. Обращаем внима-

ние на название д. Илкеталово Исян Елова тож. В переписи 1748 г. данная деревня зафиксирована как «Илкетал Исенгулова Береза тож».

Забегая вперед, скажем, что Калмия Карамалы тож не стала местом фактического жительства этих ясачных татар. Только часть их, по какой-то причине оказавшаяся в д. Уртамак, в 1789 г. перешла д. Калмия Карамалы тож, где была учтена в ревизской сказке 1795 г. в количестве 11 душ муж. и 10 душ жен. пола. Это были семьи братьев Ишмета (76 лет в 1795 г.), Мансура (62; двоюродный брат), Искендера (50) Ишкининых и Тимербая Зайтова (43) [6, л. 741-742]. Очевидно, что Ишмет Ишкин – это выборной Ишмамет Ишкинин из ревизской сказки 1762 г.

Коренными жителями в д. Калмия Карамалы тож являлись «башкирцы». Припуск ясачных татар изменил социальную структуру деревни. А когда сюда переселится еще семья «тептяра», она станет трехсословной.

Продолжим рассмотрение материалов 3-й ревизии. Ясачные татары (73 души муж. пола) д. Аняково (ныне Анаково Сармановского района РТ) также жили по припуску старшины Булярской поземельной волости Имангула Кутлина. В списке жителей учтены семьи братьев Имангула (44 года; сыновья Исламгул и Назир), Ямангула (35), Кинзягула (33) Минкиных, Нурмета Бектерьякова (58), братьев Актугана (48) и Сеиткула (46) Байтерьяковых, Адила Иштуганова (36), Габдрахмана Алметева (41) и других сотни Абдула Абдрезякова («а ныне Епара Мурзакаева») Арской дороги. Другая часть ясачных татар (семьи Чюраша Кусекеева, Муслюма Якшибаева, а также Ишкильде Калеев и Бекей Кутлуметев) относилась к сотне Ремкула Тлекеева («а ныне Мрата Курмекеева») Зюрейской дороги. В межревизский период в д. Аняково перешли выходцы из д. Акметева (семьи двоюродных братьев Супхангула Байметева, Абдулмена Абдюкеева, Галия Абдрезякова и др.; 16 душ муж. пола) сотни Иркаша Кутуева («а ныне Зайта Аитова») Зюрейской дороги, а также 23-летний Ишмамет Килмаматов из д. Шипкабаш сотни Габдрезяка Мрясева той же дороги. Последний показан пасынком двоюродного брата Епара Мурзакаева [10, л. 636-643].

При изучении данной ревизской сказки д. Аняково мы обратили внимание на два показательных факта. Бекмет Утяшев выдал дочь Кадиму за «башкирца» д. Кашир (ныне с. Новое Каширово Альметьевского района РТ) Надыровской волости Уфимского уезда Солтанбека Кадырова. Дочь Ишмета Бикиева Зябида (17 лет) сочеталась браком с жителем башкирского сословия д. Кандра (ныне с. Кандрыкуль Туймазинского района РБ) Калнинской волости Урманчи Минлибаевым [10, 638 об.-639]. Эти факты свидетельствуют, что большие расстояния и сословные различия не препятствовали общению татар разных поземельных волостей, а межсословный брак был обычным явлением.

Имеется другая ревизская сказка 1762 г. д. Аняково по речке Кашир, где сообщается о принадлежности жителей к сотне Абдула Абдрезякова («ныне правит сотник Максют Бикбавкин деревни Евлаш») Арской дороги. Этот документ имеет существенные отличия. В частности, в списке ясачных татар первым зафиксирован отец Иманкула Минкина Минка Шикмаматов (умер в 1757 г.), а новопоселенцы не учтены. Здесь же указано, что аняковцы «по указу приписаны в 1761 году в Уфинскую провинцию и там скасках объявлены будут, а жительство имеют в оной же деревне». Из данного документа четко видно, что во время 2-й ревизии (1747 г.) здесь было учтено 44 души муж. пола ясачных татар Арской дороги. К ревизской сказке по просьбе выборного Сеита Сулейманова Касим Бекбовкин (житель д. Ташлык той же сотни) «руку приложил» [8, л. 216-217 об.].

Из третьей ревизской сказки 1762 г. д. Аняково следует, что Муслюм Якшибаев, Бикей Кутлуметев, Чюраш Кукеикин, Ишкильде Калеев, зафиксированные здесь еще во время 2-й ревизии, относились к сотне Ремкула Тлекеева Зюрейской дороги. В 1747 г. там было 13 душ муж. пола, однако большинство скончалось в межревизский период, осталось всего 6 мужчин (двое отданы в рекруты). Вышеназванные мужчины «по указу Правительствующего сената, по описям прапорщика Миткова и капитана Аничкова в скасках написались в Уфинскую канцелярию, а жительство имеют в той же деревне Анякове» [9, л. 459-459 об.]. Как видим, данный источник также отметил изменение ведомственной принадлежности ясачных татар перед переписью 1762 г. В ревизском списке фамилия третьего жителя написана некорректно (ранее – «Кусекеев»).

Таким образом, коренные жители д. Аняково состояли в сотнях Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда (в 1747 г. их было 57 душ муж. пола). К сожалению, в последнем и предпоследнем документах не сообщается о том, на земле какой поземельной волости возникла рассматриваемая деревня. Это важно потому, что в другом документе позднего периода анаковцы (46 душ по 7-й ревизии) показаны в составе Саралиминской волости как живущие «по добровольному допуску вотчинников башкирцев без договоров» [3, л. 11]. Разумеется, ревизская сказка 1762 г. – надежный источник, и причин сомневаться в том, что Анаково возникла на земле Булярской волости, нет.

И, наконец, переходим к последней деревне – Средний Кашир (ныне Сармановского района РТ), где ясачные татары также заселились «по припуску Булярской волости старшины Имангула Кутлина с товарищи». Старожилы (Хусеин Дюсеев, Дюсмет Алметев, Зайт Юсупов, Адзитер Сайтов, Рямгул Минлибаев, Зайт и Субханкул Урмановы, Абдрахман и Абдулла Ермаковы и др.) входили в сотню Ремкула Тлекеева («ныне правит Мрат Урме-

кеев») Зюрейской дороги. В межревисский период сюда перешли ясачные татары д. Ташкичу (двоеженец Беккул Токбаев (41 год) с сыновьями Ишмуратом (17), Ишменем (16), Ишбаем (8), Иштерьяком (2) и семья Бекчюры Токбаева) сотни Ермака Иштерьякова («ныне правит Тохтагул Иркачев») Арской дороги. Отдельно отмечен Курманай Кузиев (33 года, холост) из д. Кадик сотни Иркаша Кутуева Зюрейской дороги. Всего зарегистрировано 38 душ муж. пола (в т. ч. выборной Рысай Урманов и староста Хасеин Усеинов) [10, л. 644-646 об.]. Данные сведения в некоторой степени отражены и в другом документе 3-й ревизии [9, л. 465-468 об.]. Средний Кашир известна еще по источникам 1724 г., поэтому сведений современной энциклопедической литературы об ее возникновении во 2-й пол. XVIII в. нельзя считать обоснованными.

Итак, мы рассмотрели обстоятельства заселения ясачных татар Арской и Зюрейской дорог Казанского

уезда в дд. Кашир Камышлитамак, Калмия Карамалы тож, Аняково, Средний Кашир по припуску вотчинников Булярской поземельной волости. Кроме д. Калмия Карамалы тож, ясачные татары ранее присутствовали в данных деревнях. Переход новой группы татар в межревисский период (1747-1762 гг.) заметно увеличил численность населения рассматриваемых деревень, а также привел к изменению сословной структуры д. Калмия Карамалы тож.

Рассмотрение истории заселения этих деревень позволило внести уточняющие сведения к географии Булярской поземельной волости. Она не ограничивается только территориями современных Илишевского и Бакалинского районов РБ, Актанышского, Мензелинского, Муслюмовского районов РТ, а выходит за их пределы, т. е. охватывает еще часть Альметьевского и Сармановского районов РТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарифуллин Дамир. Шеджере председателя Госсовета (на татарском языке)//Мэдэни жомга, 1998, 10 июль.
2. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. М., 1960.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 450.
4. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5678.
5. НА РБ. Ф. И-138 Оп. 2. Д. 39.
6. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 48.
7. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1143.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1188.
9. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1207.
10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795.
11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801.
12. Сайт села Урсала Альметьевского района (ныне микрорайон г. Альметьевск). URL: <https://yrsala.ru/odna-iz-legend-o-vozniknovenii-sela/> [дата обращения – 08.04.2023 г.].
13. Список населенных мест по сведениям 1870 года. Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1877.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О НЕГЛАСНОМ КОМИТЕТЕ

HISTORICAL DISCOURSE ON THE SECRET COMMITTEE

N. Filippova

Summary: The article analyzes some of the historical sources revealing the existence and the activity of the Secret Committee at the beginning of the reign of Alexander I. Pre-revolutionary historians, based on their ideological views, gave various assessments of reformatory aims of the Committee members. The author's analysis of the sources is given from the perspective of Discourse Studies. It allows to assess them as a multidimensional and variable historical discourse.

Keywords: Secret Committee, primary historical discourse, secondary historical discourse, reform issue, sources, protocols of the Secret Committee.

Филиппова Наталья Павловна

кандидат исторических наук, доцент, Рязанский
государственный медицинский университет
им. академика И.П. Павлова
nathaliePF@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые исторические источники, свидетельствующие о существовании и деятельности Негласного комитета в начале правления Александра I. Исходя из своих идеологических воззрений, историки по-разному оценивали реформаторские устремления членов тайного общества. Авторский анализ источников проводится с позиции дискурсологии и позволяет дать их оценку, как многомерному и вариативному историческому дискурсу.

Ключевые слова: Негласный комитет, первичный исторический дискурс, вторичный исторический дискурс, проблема реформ, источники, протоколы Негласного комитета.

Повышенный интерес к исторической науке на современном этапе связан не только с необходимостью выработать систему ценностей и осознать свою гражданскую идентичность, но и оценить роль государства и личности в национальной и мировой истории, используя при этом новые подходы. В этом контексте дополнительную актуальность приобретает использование междисциплинарного подхода к изучению исторических источников и их анализ с точки зрения лингвистики, социолингвистики, дискурсологии. В исторической науке сложилась устойчивая традиция исследования источника как текста, являющегося важнейшим способом хранения и передачи информации об историческом явлении, событии, факте. Благодаря изысканиям М. Фуко акцент с изучения текста как грамматической, лексической, синтаксической структуры, сместился на осознание необходимости расширения текста до дискурса, который был выделен в отдельное направление, ставшее перспективным не только для лингвистов.

Необходимость разработать типологию дискурсов была продиктована их разнообразием. Исторический дискурс, выделенный и описанный М. Фуко, неоднороден по своим типологическим характеристикам. Он многомерен, полифункционален, вариативен и соотнесен с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого [29]. На сегодняшний день существует большое количество научных работ, которые не противопоставляют дискурс и текст, а изучают их взаимосвязь и взаимодействие. Терминологический словарь «Теория и методология исторической науки» определяет исторический дискурс как многообразие суждений об

исторической действительности, ансамбль смысловых схем, образующих историческую реальность с одной стороны, с другой как когнитивное поле конкурентной борьбы в исторической науке, связанной с производством исторического знания [26, с. 93–95].

В сфере наших научных интересов находится проблема реформ в России имперского периода начала XIX века. Политическая система, характерная для российского абсолютизма, позволяла путем неформальных связей с монархом создать противовес тем бюрократическим традициям, которые существовали в предыдущем столетии. Друзья императора Александра I – Павел Александрович Строганов, Виктор Павлович Кочубей, Адам Адамович Чарторыйский, Николай Николаевич Новосильцев – объединившись в секретное общество весной 1801 г., пришли к решению действовать не только на политическом поприще, которое было еще в стадии формирования, а через верховную власть. Обществом-политическими устремлениями членов Негласного комитета были связаны с глубинными потребностями российского общества, а именно решением крестьянского вопроса и вопроса о правах сословий, реформированием государственного управления, совершенствованием системы образования. Не остались без внимания сотрудники комитета и вопросы внешней политики государства.

С позиции междисциплинарного подхода представляется актуальным проследить процесс формирования исторического дискурса о Негласном комитете и его роли в реформировании России в начале правления Александра I. В историческом дискурсе, как отмечает

А.П. Миньяр-Белоручева, можно выделить несколько типологических групп посредством классификации составляющих его текстов. «Уникальность исторического дискурса заключается в том, что в его формировании участвуют несколько видов концептуально связанных текстов: первоисточники и созданные на их основе научно-исторические или художественные произведения» [8]. Исследователь разделяет исторический дискурс на два основных вида: первичный исторический дискурс и вторичный исторический дискурс.

Под дискурсом о Негласном комитете будем понимать совокупность источников и научно ориентированных текстов, связанных с проблемой преобразований в эпоху императора Александра I и общественно-политическим движением в России, создающих единое концептуальное пространство. В данной статье при определении границ дискурса о Негласном комитете мы ограничиваемся временными рамками дореволюционного периода изучения его деятельности. Сам дискурс понимается широко, а именно, как дискурс непосредственных участников событий, либо документов, о них свидетельствующих, так и дискурс, порождаемый историками, интерпретирующими первоисточники в зависимости от их идеологических воззрений.

Первичный исторический дискурс о Негласном комитете строится на вербальных источниках, к которым мы, прежде всего, отнесем «Протоколы заседаний комитета», составленные Павлом Александровичем Строгановым на французском языке, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, фонд 1278 (Строгановы). В соответствии с хронологической последовательностью отчетов о прошедших заседаниях они сброшюрованы в три тома, соответственно датированы и озаглавлены. Первый том «Conférences avec l'Empereur et ces ministres 1801» включает отчеты в период с 24 июня по 30 декабря 1801 г. [17]. Второй том «Séances du comité 1802» отражает ход заседаний Негласного комитета в период с 3 января по 24 марта 1802 г. [18]. Третий том «Séances du comité 1802» содержит протоколы, освещающие собрания сотрудников комитета с 31 марта 1802 г. по 9 ноября 1803 г. [19]. Опубликованные тексты «Протоколов» на французском языке являются ценнейшим источником, обладающим высоким научным потенциалом [16]. Уникальность отчетов Строганова заключается не только в том, что, по сути, это единственный источник информации о Негласном комитете. «Протоколы» являются формой политической культуры, позволяющей установить связь между участниками внутриполитического процесса и передать специфику политической расстановки сил в первые годы правления Александра I, проследить ход обсуждения в комитете проблем преобразования Сената, создания профильных министерств, кадрового обеспечения административных институтов, реформирования системы общего и специального воен-

ного образования [28, с. 76–79].

Несмотря на доминирующую роль «Протоколов» для дискурса о Негласном комитете, необходимо также обозначить другие первоисточники такие, как записки, мемуары и проекты членов этого тайного общества и привлеченных к работе государственных сановников, которые характеризуют объем и основные направления занятий Негласного комитета. Прежде всего, к ним относятся записки П.А. Строганова о преобразованиях, о принципах и формах организации работы с императором над реформой, о необходимости создания комитета. Основной корпус записок на эту тему опубликован в приложении ко второму тому исследования великого князя Николая Михайловича [16, с. 5–57]. Из неопубликованных записок Павла Строганова отметим: «Des changements gradués...» [20, л. 38–39]; «Application des principes de changement à notre cas» [20, л. 42–43]; «Dans ce moment notre comité» [21, л. 25–26]. Некоторые проекты, рассмотренные на заседаниях Негласного комитета, опубликованы и представляют значительный интерес для характеристики внутренней политики Александра I. К ним отнесем: «Таблицу властей империи», предложенную к рассмотрению А.А. Чарторыйским [1, с. 98–99]; «Проект организации министерств» [16, с. 277–297]; «Наказ Совету» [16, с. 247–252]; «Очерк об органическом регламенте всех ветвей правительства России» [16, с. 253–261]; «Реформа Сената» [16, с. 301–313], а также архивные документы, связанные с процессом подготовки министерской реформы [13].

Первичный дискурс о Негласном комитете опирается на источники личного происхождения. Прежде всего, речь идет о личной переписке членов комитета между собой, а также с государственными сановниками, представителями аристократической элиты, чиновниками. Основной массив писем содержится в «Архиве князя Воронцова» [9,10,11], а также в «Сборнике Императорского русского исторического общества» [24, с. 431–443] и в монографии великого князя Николая Михайловича [16, с. 325–423]. Особой ценностью обладает переписка между Александром Павловичем и его наставником Ф.-С. Лагарпом, свидетельствующая о большом влиянии, которое в течение тридцати лет тот оказывал на формирование либеральных взглядов будущего императора [6, с. 280–343; 378–553]. Несомненный интерес представляют дневники и мемуары [4, 7]. Отдельно выделим дискурс мемуаров члена Негласного комитета А.А. Чарторыйского, являющийся отражением взглядов представителя иной национальности и правовой культуры на жизнь российского общества и внутреннюю политику государства, принципы и устремления императора и своих друзей – сотрудников комитета [30]. Несмотря на ангажированность, по сути, только в мемуарах А.А. Чарторыйского деятельность Негласного комитета получила должное отражение.

Дискурс эпистолярного наследия и мемуаров, в комплекте с обзорными записками, мемориями и проектами позволяет воссоздать межличностные отношения членов комитета, проследить жизнь российского придворного общества, реконструировать закулисную борьбу в административно-бюрократическом аппарате России имперского периода начала XIX в., а также процесс подготовки в Негласном комитете преобразований в начале Александровского царствования. Оценить некоторые результаты деятельности Негласного комитета можно по материалам официального делопроизводства государственных учреждений Российской империи, которые относятся к первичному дискурсу о Негласном комитете. Они отложились в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива [3, 22, 23]. Законодательные акты сосредоточены в инкорпорации «Полное собрание законов Российской империи» [12] и других тематических сводах [25].

В материалах первичного дискурса о Негласном комитете содержится информация, отображающая социально-политическую культуру и идеологию периода их создания, которую нельзя подвергнуть изменению. Несмотря на все разнообразие источников, составляющих первичный дискурс о деятельности этого неофициального органа, необходимо отметить их статичность, константность как свойства первостепенной важности. «Дискурс первоисточников обретает динамизм при их интерпретации, – указывает А.П. Миньяр-Белоручева, – вторичный исторический дискурс создается посредством составляющих его вторичных, по отношению к первоисточникам, текстов, т.е. научно-исторических и художественных произведений, в которых эксплицитно и имплицитно прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка. Во вторичном историческом дискурсе присутствует историческое сознание исследователя или писателя, его восприятие и интерпретация событий прошлого, изложенных в первоисточниках» [8].

Ярким свидетельством этого утверждения служит вторичный дискурс о Негласном комитете. Посредством изучения многочисленных первоисточников, прежде всего «Протоколов заседаний», дореволюционные историки дали неоднозначные оценки реформаторской деятельности этого тайного общества, трактуя их в зависимости от своих идеологических воззрений. Таким образом, вторичный дискурс дореволюционного этапа изучения Негласного комитета может быть условно разделен на три направления: консервативное, демократическое и либеральное. Официальное консервативное направление связано с именами военных дворянских историков, генералов М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера, которые имели доступ к архивным документам и рукописям, т.е. первичному дискурсу о создании комитета, его преобразовательных планах и занятиях. Оба истори-

ка, находясь на монархических позициях, рассматривали деятельность Негласного комитета лишь в контексте истории правления Александра I, не осмеливаясь критиковать инициативы императора. Однако дискурс историков относительно членов Негласного комитета и их реформаторских инициатив вариативен и неоднороден.

М.И. Богданович дает членам Негласного комитета подробные и далеко не лестные характеристики, осуждая их конституционные устремления, чуждые, по его мнению, историческому пути развития российской государственности. Он подчеркивает, что мысль о важнейших реформах принадлежала исключительно «молодым друзьям», которые по своей «неопытности и неведению порицали законы и уставы», существовавшие в России [1]. Не имея на то никаких оснований, они подрывали основы государственности, рассуждая о свободе и конституциях в превратном смысле. В противовес «пылкой юности» М.И. Богданович ставит пассивность опытных дельцов екатерининской эпохи: Д.П. Трощинского, П.В. Завадовского и др., не сумевших противостоять принятию противоречивших друг другу реформ Сената и создания министерств.

В 1897 г. Н.К. Шильдер также обращается к первичному дискурсу, т.е. к «протоколам Негласного комитета», и публикует их краткий текст на французском языке, особо подчеркивая значимость изучения именно подлинника [32]. При всей близости позиций дискурсы М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера о деятельности Негласного комитета существенно отличаются, прежде всего, в трактовке противоборствующих сил в правительственных кругах в начале правления Александра I. Если М.И. Богданович видит две противостоящие группировки, то у Н.К. Шильдера расстановка сил более сложная, их не две, а три, что, очевидно, более точно отражает конкретно-историческую ситуацию. Историк противопоставляет «молодым друзьям» – сторонникам преобразований и новых идей, не только «екатерининских стариков», которые придерживались традиционных идеалов прошлого, но и влиятельных сановников, таких как Д.П. Рунич, Г.Р. Державин, А.А. Беклешев, негативно настроенных к либеральным идеям государя. По мнению автора, такое противостояние значительно затрудняло преобразовательную деятельность императора. В отличие от М.И. Богдановича, Н.К. Шильдер называет это время правления Александра I периодом колебания.

Демократическое направление в дискурсе о Негласном комитете имплицитно прослеживает его деятельность и может быть классифицировано как художественно-историческое. Оно представлено не историками, а писателями-публицистами, теоретиками и практиками оппозиционного движения середины XIX в., философами А.И. Герценом [2, с. 209–230] и Н.Г. Чернышевским [31, с. 794–827]. Ими был поставлен вопрос о необходимо-

сти общественных преобразований в России не путем постепенного реформирования, как того хотели Александр I и его сподвижники, (все реформы они считали полумерами), а радикальным путем революционных, буржуазно-демократических преобразований. Труды и публицистика А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского способствовали формированию взглядов, которые впоследствии стали основой дискурса советской идеологии и историографии. Их идеи и многие практические оценки правительственно-реформаторского направления политики Александра I оказали заметное влияние не только на развитие революционной теории и практики, но и на либеральное направление в историографии второй половины XIX столетия.

Эволюция в восприятии и интерпретации первичного дискурса о Негласном комитете связана с развитием либеральных идей о правах и свободах личности, светском характере общества, политическом плюрализме и конституционной монархии. Ярким представителем либерального направления и наиболее крупным исследователем эпохи Александра I был историк и исследователь общественного движения А.Н. Пыпин. С его точки зрения, члены Негласного комитета явились выразителями тех буржуазно-либеральных идей, которые зарождались в общественном сознании в этот период, и которые были подготовлены всем ходом исторического развития России в XVIII в. [14]. Историк называл Александра I и его советников передовыми людьми общества и подчеркивал, что их объединяло «согласие в убеждениях и сходство понятий». В дискурсе историка прослеживается высокая оценка преобразовательных замыслов членов комитета и императора, в том числе и в области народного образования, он показывал, каким толчком к дальнейшему развитию просвещения в России послужили мероприятия первых лет правления Александра I. Все преобразования администрации: создание министерств и реформа Сената, предпринятые Негласным комитетом, по мнению А.Н. Пыпина, осуществлялись в ожидании преобразований политических, установления конституции и введения представительных основ правления. Его взгляды оказали существенное влияние на развитие исторического дискурса об эпохе Александра I вплоть до настоящего времени.

Похожая высокая оценка реформ государственного управления прослеживается в дискурсе С.В. Рождественского, который в 1902 г. опубликовал «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения» [15]. В кратком очерке занятий Негласного комитета в особую заслугу членам неформального органа С.В. Рождественский ставил учреждение Министерства народного просвещения, «считая, что вопрос о создании центрального органа управления, объединяющего в своих руках правительственное попечение о народном образовании» являлся одним из важнейших. Он полагал,

что, благодаря деятельности знаменитого Неофициального комитета, интересы народного просвещения в правительственной политике Александра I и его приемников выдвинулись на первый план.

Фундаментальным событием в дореволюционной историографии стало появление исследования историка, великого князя Николая Михайловича. Его дискурс о деятельности Негласного комитета, рассматриваемой через призму биографии П.А. Строганова, позволил перейти от выдвижения гипотез об основных общественно-политических направлениях развития России к конкретно-историческим исследованиям. Дискурс великого князя Николая Михайловича отличался от дискурса предшественников, он дал собственную трактовку реформаторской деятельности Александра I и членов Негласного комитета, настаивая на том, что в основе деятельности комитета лежала законность, «как исходная точка и конечная цель преобразований». Он считал большой ошибкой утверждение, что автором всех реформ являлся император Александр I. В отличие от предшественников, несмотря на принадлежность к императорской фамилии, великий князь Николай Михайлович достаточно критично оценивал личность Александра I и пришел к выводу, что инициатива в деле реформирования исходила не от императора, а от членов Негласного комитета. По мнению историка, царь никогда не был реформатором, «а в первые годы своего царствования он был консерватором более всех, окружавших его советников». Главенствующую роль в преобразованиях начала XIX в. сыграл Негласный комитет, целью которого было «обеспечить государственные учреждения конституцией». Главной заслугой великого князя Николая Михайловича является публикация материалов первичного дискурса, а именно наиболее полных французских текстов «протоколов» и целого ряда архивных материалов в монографии «Граф Павел Александрович Строганов» [16].

Революционные события 1905–1907 гг. и связанное с ними создание Государственной думы усилили интерес историков к правительственному реформаторству Александра I. Изучив первичный дискурс о Негласном комитете, в том числе на основе публикации великого князя Николая Михайловича, профессор Киевского университета М.В. Довнар-Запольский выступил с критикой деятельности «молодых друзей», так как не нашел в «Протоколах» реальных проектов преобразований [5]. Он использует первичный дискурс для характеристики общественного движения в России с либеральных позиций. В дальнейшем конкретно-историческое изучение деятельности Негласного комитета было прервано революционными событиями 1917 г., которые неизбежно привели к смене исследовательских парадигм в отечественной науке.

Итак, во вторичном историческом дискурсе о Негласном комитете явно прослеживается вариативность и динамика оценки его деятельности: от полного отрицания роли этого неформального органа в реформировании России, до признания значения преобразований, принятых в комитете, для будущего государства. Такая полифоничность вторичного дискурса детерминирована первичным многоаспектным дискурсом и неоднозначностью восприятия исследователями информации, содержащейся в первоисточниках. Интерпретируя собы-

тия в зависимости от своих идеологических убеждений, исторических условий, мировоззрения, исследователи разошлись в оценке деятельности Негласного комитета. В границах дореволюционного дискурса, который мы характеризуем, как вариативный и полифункциональный, поиск исторической истины не был завершён, он способствовал не только формированию нового знания о феномене Негласного комитета, но и его трансляции в академических кругах исторического сообщества в последующие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869. Т. 1. 539 с.
2. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 7. 457 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 535, 536, 538.
4. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. Суворина, 1886. 588 с.
5. Довнар-Запольский М.В. Зарождение министерств в России. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1906. 83 с.
6. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: письма, документы: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1. 920 с.
7. Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003. 720 с.
8. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения 21.01.2023)
9. Письма В.П. Кочубея // Архив князя Воронцова. Кн. XIV. М.: Типография Лебедева, 1879. 556 с.
10. Письма В.П. Кочубея к С.Р. Воронцову. Письма Н.Н. Новосильцева к графу А.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. XVIII. М.: Университетская типография, 1880. 510 с.
11. Письма С.Р. Воронцова к Н.Н. Новосильцеву // Архив князя Воронцова. Кн. XI. М.: Типография Лебедева, 1879. 514 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
13. Приходько М.А. Черновики Манифеста 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств». М.: Компания Спутник+, 2003. 137 с.
14. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. СПб.: Академический проект, 2000. 560 с.
15. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. 820 с.
16. Романов Н.М. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. Т. 2. 488 с.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 10.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12.
20. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 13.
21. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 14.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 14.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 732.
24. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Печатня В. Головина, 1872. Т. 9. 536 с.
25. Сборник постановлений по министерству народного просвещения: в 17 т. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. Т. 1. 1007 с.
26. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
27. Филиппова Н.П. Негласный комитет и проблема реформирования России: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2017. 23 с.
28. Филиппова Н.П. Протоколы Негласного комитета как явление политической культуры // VIII Барташевские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. 268 с.
29. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
30. Чарторижский А. Мемуары. М.: «Терра-Книжный клуб», 1998. 304 с.
31. Чернышевский Н.Г. Русский реформатор (рец. на кн. М. Корфа) // Собрание сочинений в 15 т. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1950. Т. 7. 1096 с.
32. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. Т. 1. 408 с.

© Филиппова Наталья Павловна (nathaliePF@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РОТАЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ РАЙИСПОЛКОМОВ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В 1953-1961 ГОДАХ

SPECIFIC FEATURES OF ROTATION OF DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEES OF THE NORTH OSSETIAN ASSR IN 1953-1961

**A. Tsarikaev
Z. Dzotsoeva
G. Tuskaeva**

Summary: This paper considers rotations of the chairmen that took place in the district executive committees of the North Ossetian ASSR in 1953-1961 on the basis of party documents which have been introduced into scientific circulation for the first time. The authors focused on the level of turnover of chairmen in different years, the causes of the removal and the sources of replenishment of the corps of chairmen of district executive committees. The research results show that one of the main tasks of the rotation was the replacement of ineffective executive committees' heads. At the same time, the most successful chairmen were nominated for high positions not only in district committees of CPSU, but also in the regional party committee.

Keywords: CPSU, chairman, district executive committee, personal rotation, North Ossetian ASSR.

Царикаев Алан Тахирович

кандидат исторических наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ);
старший научный сотрудник, Институт истории и
археологии Республики Северная Осетия-Алания
(г. Владикавказ)

Tsarikaev.A.T@yandex.ru

Дзотцоева Залина Ермаковна

кандидат исторических наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
zalina.dzotsoeva@mail.ru

Тускаева Гуара Батразовна

кандидат исторических наук, доцент,
Северо-Осетинская государственная медицинская
академия, (г. Владикавказ)
guara.tuskaeva@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе впервые вводимых в научный оборот материалов партийного делопроизводства рассматриваются ротации в корпусе председателей райисполкомов Северной Осетии в 1953-1961 гг. В центре внимания авторов уровень сменяемости председателей в разные годы, причины освобождения от занимаемой должности, источники пополнения корпуса председателей райисполкомов. Результаты исследования показывают, что одной из главных задач ротаций была замена неэффективных и не обеспечивающих работу исполкомов руководителей. При этом наиболее успешные председатели выдвигались на высокие должности не только в районах КПСС, но и в обкоме партии.

Ключевые слова: КПСС, председатель, райисполком, ротация, Северо-Осетинская АССР.

Смерть Сталина в марте 1953 г. открыла новый этап в эволюции советской партийно-государственной системы. Одной из его главных особенностей явилось усиление политического и экономического влияния региональных элит. По мнению такого авторитетного исследователя, как В.П. Мохов, в период хрущевской «оттепели» произошла трансформация положения и статуса региональной партийно-советской номенклатуры, содержание которой определялось передачей части властных полномочий в руки региональных руководителей [5, с.75].

Другим не менее важным аспектом трансформации руководящих сетей в регионах (групп партийно-советских управленцев областного, краевого и республиканского уровней) в соответствии с новыми послесталинскими социально-политическими реалиями, являлась массовая ротация кадров в корпусе первых секретарей

региональных партийных комитетов. Только за три года, прошедшие после смерти Сталина, от момента избрания Н.С. Хрущева секретарем ЦК КПСС и до XX съезда партии, сменились 45 из 84 первых секретарей обкомов и республиканских партийных комитетов, находившихся в непосредственном подчинении центрального комитета [9, с.31].

Массовое обновление секретарского корпуса привело к пополнению его сторонниками Хрущева, что в итоге стало существенным фактором, обеспечившим победу первого секретаря в борьбе со своими политическими оппонентами.

Приход нового секретаря регионального партийного комитета, в свою очередь, нередко приводил к заметной ротации субрегиональных партийных лидеров (первых секретарей райкомов КПСС) и советских руководителей

(председателей райисполкомов).

Кадровые перестановки в корпусе номенклатурных функционеров районного уровня в 1953-1964 годах вызывались разными причинами: стремлением регионального партийного руководства избавиться от дискредитировавших себя секретарей и председателей райисполкомов; изменениями в административно-территориальном устройстве ряда краев, республик и областей; провалами руководителей в хозяйственной деятельности и др. Безусловно, важным фактором явилось и изменение с приходом к власти Хрущева принципов кадровой политики КПСС, ее направленность на обновление и омоложение партийно-советского аппарата на местах. От секретаря райкома партии требовалось умело сочетать хозяйственную и идеологическую работу, быть экономически образованным, но при этом и политически грамотным управленцем. Неизменным оставалось то, что, как и в предшествующий период, первый секретарь РК КПСС и председатель райисполкома продолжали находиться в центре политической и хозяйственной жизни на вверенных им территориях, несли персональную ответственность за выполнение социалистических обязательств по сдаче государству хлеба и другой сельскохозяйственной продукции государству. В этой связи комплексное исследование субрегиональных партийных лидеров и советских руководителей представляет несомненный научный интерес.

В отечественной историографии субъекты управления районного уровня остаются практически неизученными, хотя в последние годы и появляются отдельные публикации, написанные на основе материалов ряда регионов РСФСР [1;4].

В то же время, в региональных архивах отложились значительные массивы документов, в том числе материалы партийного делопроизводства, организационно-распорядительная документация Советов Министров автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов и др., которые обладают большим информационным потенциалом в контексте изучения ротаций как в корпусе первых секретарей РК КПСС, так и в группе председателей райисполкомов.

В данной работе предпринимается попытка комплексного анализа особенностей кадровых перестановок в корпусе председателей райисполкомов Северо-Осетинской АССР в период хрущевской «оттепели». Хронологически исследование охватывает период от момента избрания В.М. Агкацева в ноябре 1953 г. первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС до августа 1961 г., когда он был освобожден от занимаемой должности в связи с утверждением заместителем председателя Ставропольского крайисполкома [8, с.588].

Исследование доступной организационно – распорядительной документации обкома партии (стенограммы и протоколы партийных конференций, пленумов), постановлений и распоряжений Совета Министров Северо-Осетинской АССР, материалов фондов райисполкомов, а также периодической печати показывает, что в корпус председателей райисполкомов Северной Осетии в 1953–1961 годах входило 53 управленца. При этом отметим, что численность райисполкомов в данный период не была одинаковой. Следствием административно-территориальных преобразований явилось постепенное сокращение их числа с 17 в 1953 году до 9 к началу 1960-х гг.

Некоторые из управленцев в обозначенный период успели поруководить двумя райисполкомами: З.С. Тезиев – Моздокским и Алагирским; М.И. Малиев – Махчешским и Ирафским, А.Н. Бесолов – Курпским и Ардонским, Д.А. Гуриев – Аланским и Моздокским, Х.А. Хатагов – Дарг-Кохским и Кировским, М.Б. Цкаев – Правобережным и Кировским.

Отправной точкой серьезных кадровых перестановок среди представителей партийно-советской номенклатуры Северо-Осетинской АССР (секретари обкома, министры, секретари райкомов, председатели райисполкомов и др.) стало заседание Секретариата ЦК КПСС 18 ноября 1953 г., на котором были заслушаны доклад заведующего сектором Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК Г.М. Коротаева о результатах проверки и о положении дел в Северо-Осетинской областной парторганизации, объяснение первого секретаря обкома К.Д. Кулова и выступления секретарей обкома М.М. Севастьянова и Б.Е. Кабалоева. По итогам заседания Секретариата было установлено, что «положение дел в Северо-Осетинской парторганизации явно неблагополучно» [2, л.13]. На состоявшемся 30 ноября 1953 г. IX пленуме Северо-Осетинского обкома КПСС, деятельность К.Д. Кулова на посту первого секретаря подверглась критике. Ему был предъявлен ряд политически мотивированных обвинений. Постановлением пленума К.Д. Кулов был освобожден от занимаемой должности [2, л.18]. Новым первым секретарем Северо-Осетинского обкома партии пленум избрал В.М. Агкацева.

Одновременно постановлением пленума своих должностей лишились заместитель председателя Совета Министров К.Б. Бураев и министр финансов М.К. Мамиев. В декабре 1953 г. освобожден еще ряд высокопоставленных номенклатурных функционеров, включая министра внутренних дел республики М.И. Мамиева, управляющего делами Совета Министров С.Н. Бидихова, министра просвещения М.И. Хуцистова и др.

В феврале 1954 г. началось обновление и корпуса председателей районных исполнительных комитетов.

Анализ архивных материалов позволяет выделить несколько волн ротации советских руководителей субрегионального уровня. Наиболее масштабные – 1954, 1955, 1956 и 1957 годов. Каждая из них была вызвана определёнными причинами.

Ротации 1954 года были напрямую связаны со сменой в конце ноября 1953 г. партийного руководителя Северо-Осетинской АССР. Новый первый секретарь областного комитета партии В.М. Агкацев инициировал масштабные кадровые перестановки в партийно-советском аппарате автономии. Их целью было удаление неэффективных и скомпрометировавших себя номенклатурных функционеров, повышение качества управления промышленностью и сельским хозяйством, формирование собственной лояльной клиентелы.

В течение 1954 года было заменено 11 председателей: Алагирского, Ардонского, Гизельдонского, Дарг-Кохского, Дигорского, Ирафского, Махчешского, Моздокского, Орджоникидзевого, Правобережного, Садонского райисполкомов. Таким образом, уровень сменяемости советских руководителей составил 64,7%. В 7 из 11 обозначенных районов помимо председателей райисполкомов в 1954 году от своих должностей были освобождены и первые секретари райкомов партии.

Основанием для освобождения председателей исполкомов Гизельдонского и Дигорского райсоветов депутатов трудящихся явилось их направление на политическую учебу, то есть речь идет о резервации данных функционеров.

Председатели Ардонского, Махчешского, Моздокского и Орджоникидзевого райисполкомов повысили свой должностной статус в 1954 году. Они были направлены на руководящую партийную работу: двое утверждены первыми секретарями райкомов КПСС, а один зональным. Председатель Орджоникидзевого райисполкома М.Н. Фидаров переведен в обком партии на должность заместителя заведующего сельхозотделом. Таким образом, эти перемещения могут быть однозначно отнесены к «положительным ротациям».

5 из 11 председателей райисполкомов, освобожденных от своих должностей в 1954 году, были переведены на более низкие должности (зав. районо, председатель колхоза и др.). Причем, трое председателей (Правобережного, Алагирского и Дарг-Кохского райисполкомов) сняты с формулировкой «как не обеспечивающие работу».

Кто пришел на смену субрегиональным советским руководителям, покинувшим свои посты в 1954 году? Новые председатели райисполкомов – представители когорты 1954 года – это в основном опытные управлен-

цы, политическая социализация которых проходила в сталинскую эпоху. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о партийном стаже показывают, что два председателя вступили в ВКП(б) в 1920-е гг., двое пополнили ряды партии в 1932 году, а пять управленцев в 1939 – 1941 гг. И только партстаж нового председателя исполкома Дарг-Кохского райсовета депутатов трудящихся Х.А. Хатагова к моменту утверждения составлял скромные по сравнению с другими 7 лет.

Исследование такого важного вопроса, как внутри-республиканские источники рекрутации председателей райисполкомов, свидетельствуют, что в 6 случаях замещения производились за счет руководящих партийных работников (1-й секретарь и 2-й секретарь райкома, секретарь парторганизации МТС и др.). Новым председателем Ардонского райисполкома был выдвинут прокурор района, а Орджоникидзевого бывший заместитель председателя Верховного Суда Северо-Осетинской АССР. Среди выдвинутых в 1954 года также советские и хозяйственные работники.

В 1955 году сменилось 7 председателей райисполкомов в 6 районах республики: Дигорском, Ирафском, Махчешском, Правобережном, Пригородном и Садонском. Все они, кроме одного, выдвинуты в 1954 году, проработавшие в новой должности менее года. 5 и 7 председателей райисполкомов, покинувших свои посты в 1955 году, были перемещены на более низкие должности. Таким образом, эти перемещения можно охарактеризовать как проявления нисходящей мобильности. Должностной статус повысился только у председателя исполкома Ирафского райсовета депутатов трудящихся, Х.А. Тадеева. Он был утвержден председателем партийной комиссии при Северо-Осетинском обкоме КПСС.

Значительные изменения произошли в корпусе председателей райисполкомов в 1956 году. В этом году от своих должностей освобождено 15 руководителей райисполкомов. Кадровые решения в отношении 7 председателей были вызваны ликвидацией соответствующих райисполкомов в связи изменением административно-территориального устройства Северной Осетии. Указами Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР от 15 марта, 3 и 15 августа 1956г. упразднены Нартовский, Махчешский, Садонский, Гизельдонский, Дарг-Кохский и Курпский районы республики [6]. Остальные 8 руководителей были освобождены по разным причинам: неудовлетворительные результаты работы, поступление на учебу, отказ перевести в район свою семью, выезд за пределы республики и др. Большинство этих управленцев после снятия заняли более низкие хозяйственные и советские должности. Исключение составляет только председатель Кировского райисполкома Х.А.Хатагов чья карьера резко пошла вверх. В декабре 1956г. он был утвержден первым секретарем Орджоникидзевого РК

КПСС, а через четыре года занял пост министра сельского хозяйства Северной Осетии.

В целом, за период с февраля 1954 г. по декабрь 1956 г. свои посты покинули 33 председателя райисполкомов. 17 из этих 33 управленцев были выдвинуты на руководящую должность бывшим первым секретарем обкома партии К.Д. Куловым, в основном в 1952-1953 гг. В число председателей исполкомов, освобожденных от своих должностей в обозначенный период, вошли и все 11 представителей когорты 1954 года, т. е. первые выдвиженцы нового партийного руководства Северной Осетии во главе с В.М. Агкацевым. Перемещения 1954-1956 гг. относились к проявлениям как нисходящей, так и восходящей мобильности.

В 1957 году высокий уровень сменяемости председателей райисполкомов Северо-Осетинской АССР сохранялся. В этом году председатели сменились в 7 из 9 оставшихся районах республики, причем в Дигорском 2 руководителя. Свои должности сумели сохранить лишь председатели Орджоникидзевского и Пригородного райисполкомов. Чем было вызвано такое масштабное обновление? Ведь никто из освобожденных управленцев не проработал в своей должности и двух лет. 90% перемещений 1957 года имели в своем основании негативные причины. Фактически, главной целью ротации была замена «не обеспечивающих работу» председателей. В своем отчетном докладе на XVIII областной партийной конференции (7-8 декабря 1957 г.) первый секретарь обкома В.М. Агкацев так охарактеризовал деятельность возглавлявшихся ими райисполкомов: «Неудовлетворительно выполняли свои функции организаторов масс в хозяйственном и культурном строительстве, слабо проявляли заботу о жизненных нуждах трудящихся, мало проявляли инициативу в улучшении работы школ, больниц...» [3, л.49].

Из всех перемещений 1957 года только перевод председателя Кировского райисполкома И.С. Басиева на должность 1-го секретаря Пригородного райкома КПСС можно однозначно охарактеризовать как проявление восходящей мобильности.

Кто сменил председателей райисполкомов, освобожденных от своих должностей в 1957 году? Новые руководители - управленцы разных поколений. Так, например, возглавивший в ноябре 1957 г. исполком Кировского райсовета депутатов трудящихся Ф.К. Агкацев, вступил в партию в далеком 1927 году и имел солидный стаж работы на ответственных партийных должностях в Дарг-Кохском районе. Новому председателю Правобережного райисполкома М.Б. Цкаеву, занявшему должность также в ноябре 1957 г. было всего 30 лет. Он исчислял свой партстаж только с ноября 1951 г. и его политическая социализация проходила в другое время. При этом, Цка-

ев характеризовался как энергичный работник, «принципальный в решении важных вопросов» [10, л.69].

Председателей райисполкомов – выдвиженцев 1957 года объединяло наличие опыта руководящей партийной работы, причем 4 новых руководителя в прошлом занимали должности вторых секретарей райкомов ВКП(б)/КПСС.

В 1958 году интенсивность ротаций заметно снижается. Председатели райисполкомов сменились в Дигорском, Орджоникидзевском и Правобережном районах республики. Вообще, Дигорский и Правобережный райисполкомы были лидерами по уровню сменяемости своих руководителей в 1953 – 1961 годах.

Несмотря на определенную ограниченность, ротации 1958 года имеют, тем не менее, большое значение. Именно в этом году, впервые в истории Северной Осетии, в должности председателя райисполкома была утверждена женщина-горянка. На необходимость активного выдвижения женщин, на руководящую работу обкому партии неоднократно указывали из Центра. В своем выступлении на XVIII областной партконференции в декабре 1957г., заведующий сектором Отдела парторганов ЦК КПСС по РСФСР М.А. Пономарев прямо заявил: «Совершенно нетерпимо, что среди первых и вторых секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, министров и начальников управлений Совмина, заведующих отделами обкома, первых секретарей райкомов комсомола нет ни одной женщины» [3, л. 163]. В октябре 1958 г. выпускница Высшей кооперативной школы Центросоюза, член партии с 1945 года З.М. Мисикова возглавила исполком Правобережного райсовета депутатов трудящихся.

В 1959 году от своих должностей были освобождены председатели исполкомов райсоветов депутатов трудящихся Ардонского, Пригородного и в очередной раз Дигорского районов. Глава Ардонского райисполкома выдвинут на пост первого секретаря Ардонского райкома КПСС, а Пригородного утвержден начальником Северо-Осетинского республиканского управления хлебопродуктов. Таким образом, эти перемещения могут быть отнесены к «положительным ротациям».

В целом, за период с января 1957 г. по декабрь 1959 г. от своих должностей были освобождены 14 председателей райисполкомов. 7 управленцев, покинувших свои посты в этот период, перемещены на более низкие должности.

Уровень сменяемости руководителей райисполкомов в начале нового десятилетия снизился в сравнении с показателями конца 1950-х гг. Несмотря на известное ужесточение региональной политики союзного руко-

водства, проявлением которого стала кампания по борьбе с «приписками» и «искажениями государственной отчетности», масштабного обновления корпуса председателей райисполкомов в Северо-Осетинской АССР не произошло. Однако некоторые управленцы лишились своих постов за обман государства при выполнении социалистических обязательств по производству и продаже продуктов земледелия и животноводства. Широкий резонанс, например, приобрело дело руководителей Ирафского района, о котором на XXI областной партконференции в сентябре 1961г. сообщил новый первый секретарь обкома партии Б.Е. Кабалоев. В целях создания видимого благополучия с выполнением плана продажи государству животноводческих продуктов они встали на путь прямого обмана. Колхозы Ирафского района закупали в государственной торговой сети сливочное масло и сдавали его государству в счет плана продажи молока. Таким образом, за 1958-1960гг. было куплено сливочного масла 13.600 кг. [7].

В 1961 году грубые нарушения в сфере закупок сельскохозяйственных продуктов были вскрыты также в Алагирском, Ардонском и Орджоникидзевском районах республики.

В целом, в 1960-1961гг. свои посты покинули 5 председателей райисполкомов, в том числе 4 в марте-апреле 1961г. Должностной статус в данной группе управленцев повысился только у руководителя Пригородного райисполкома М.Б. Кадзаева, который в марте 1961г. стал первым секретарем райкома партии. Таким образом, в 1960–1961 гг. преобладали ротации по негативным основаниям.

Итак, наиболее масштабные волны обновления советских руководителей субрегионального уровня пришлись на 1954–1957 годы. Они были вызваны «естественно-политическими» причинами, экономическим отставанием районов, срывами в выполнении обязательств по продаже сельхозпродуктов государству, злоупотреблениями властью и переводом отдельных председателей на высокие партийные должности.

Проведенный анализ показал, что корпус председателей райисполкомов не рассматривался партийным руководством Северо-Осетинской АССР как кадровый резерв для выдвижения кандидатур на должности первых секретарей райкомов КПСС. Из 53 управленцев рассматриваемого периода только 6 непосредственно после освобождения от должности председателя райисполкома будут утверждены первыми секретарями райкомов партии. Причем, четверо из них по типу карьеры были классическими партработниками, и пост председателя райисполкома являлся, в общем-то, исключением в списке их партийных должностей.

В то же время не получило распространение и выдвижение партийных руководителей непосредственно с поста первого секретаря райкома КПСС на должность председателя райисполкома. В 1953-1961 годах состоялось всего 5 подобных кадровых решений. Опыт таких перемещений нельзя назвать удачным. 4 председателя райисполкома из числа бывших первых секретарей, отработав от 8 до 20 месяцев, были освобождены от своих должностей, не сумев обеспечить должный уровень социально-экономического развития районов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945 – 1982 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
2. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (далее - ГАНИ РСО-А) Ф.Р.1. Оп. 13. Д. 13.
3. ГАНИ РСО-А. Ф.Р.1. Оп.13. Д. 690.
4. Кометчиков И.В. Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945-1953 годах. // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №12 (341). История. Вып.60. С. 66 - 73.
5. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991гг.). Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 238 с.
6. Социалистическая Осетия, 1956г. 27 октября. № 211
7. Социалистическая Осетия. 1961 г. 17 сентября. № 220
8. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. / Составители Хлевнюк О.В., М.Ю. Прокуменщиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т.Ю. Жукова, В.В. Кондрашин, Л.П. Кошелева, Р.А. Подкур, Е.В. Шевелева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 774 с.
9. Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты. // Отечественная история. 2007. №3. С. 31 - 49.
10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.Р.558. Оп.1. Д. 32.

© Царикаев Алан Тахирович (Tsarikaev.A.T@yandex.ru), Дзотцоева Залина Ермаковна (zalina.dzotsoeva@mail.ru), Тускаева Гуара Батразовна (guara.tuskaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ИКТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСИВНЫХ УМЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ВТОРОГО КУРСА НА ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ФОНЕ: НА ОСНОВЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Абдулрагимова Нушаба Мирза гызы
старший преподаватель,
Азербайджанский университет языков
nushaba-a@rambler.ru

THE ROLE OF ICT IN THE FORMATION OF DISCURSIVE SKILLS OF SECOND-YEAR STUDENTS ON AN EXTRALINGUISTIC BACKGROUND: BASED ON TEACHING ENGLISH

N. Abdulragimova

Summary: The most advanced technologies used in English classes are considered to be ICT. Thus, the discursive skills of second-year students of a language university are formed more effectively with the help of information and communication technologies, which are now widely used in all fields. Considering that the discursive analysis reflects linguistic and extralinguistic features, which are also aimed at the formation of discursive skills and abilities of second-year students of a language university. These features also need to be taken into account when developing discursive skills. Thus, the various and motivating multimedia capabilities provided by ICT tools virtually reflect the linguistic parameters of the discourse. At this time, psychological, socio-cultural, pragmatic, historical and multicultural features of the English language are evolving in English classes thanks to various audio-video materials, download programs, Google platforms, Youtube, blogs, etc. Thus, with the help of ICT, students' discursive skills and abilities are effectively developed when teaching English, both at the linguistic and extralinguistic, that is, at the non-linguistic level.

Keywords: discourse, discursive skills, extralinguistics, extralinguistical situation, pragmatics, ICT tools, multimedia.

Аннотация: Наиболее прогрессивными технологиями, используемыми на занятиях английского языка, считаются ИКТ. Таким образом, дискурсивные умения и навыки студентов второго курса языкового вуза формируются более эффективно с помощью информационно-коммуникационных технологий, получивших в настоящее время широкое распространение во всех областях. Учитывая, что в дискурсивном анализе отражаются лингвистические и экстралингвистические особенности, которые также направлены на формирования дискурсивных умений и навыков у студентов второго курса языкового вуза. Эти особенности также необходимо учитывать при развитии дискурсивных умений. Таким образом, различные и мотивирующие мультимедийные возможности, предоставляемые средствами ИКТ, виртуально отражают языковые параметры дискурса. В это время психологические, социокультурные, прагматические, исторические и мультикультурные особенности английского языка функционируют на занятиях английского языка благодаря различным аудио-видео материалам, программам для скачивания, платформам Google, Youtube, блогам и т.д. Таким образом, с помощью средств ИКТ эффективно развиваются дискурсивные умения и навыки студентов при обучении английскому языку, как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом, то есть на неязыковом уровне.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные умения, экстралингвистика, экстралингвистическая ситуация, прагматика, инструменты ИКТ, мультимедиа.

Методика обучения иностранным языкам направлена на использование новейших информационных коммуникационных технологий с целью формирования и совершенствования дискурсивных умений студентов второго курса языкового вуза. Как мотивирующий эффект, так и богатство аутентичных материалов современных занятий на основе ИКТ служат для развития дискурсивных умений и навыков в лингвистической и экстралингвистической основах. Важным условием возникновения дискурса, наряду с языковыми основами, является наличие лингвистических критериев. Поэтому при формировании дискурсивных умений и навыков студентов на современных занятиях средствами ИКТ, необходимо не только ограничиваться знанием языка, но и ознакомиться с экстралингвистическими аспектами.

В целом, одна из проблем, которая отличает дискурс от текста, заключается в том, что он богат экстралингвистическими аспектами, а также лингвистическими характеристиками. Термин «экстралингвистический», впервые предложенный Дэниелом Джайлом, охватывает все внеязыковые критерии [8, с.264]. Эти критерии были разнообразными и отличались богатством прагматических элементов. Не случайно анализ прагматических проблем включает в себя и дискурсивные вопросы, а иногда к экстралингвистике относят все средства, служащие возникновению коммуникации, но не имеющие лингвистической связи. В это время также появляется термин «экстралингвистическая ситуация», объединяющий в себе три компонента:

– Цель общения. В результате этого экстралингвистического фактора создаются благоприятные условия для

общения и возникает дискурс. Цель коммуникации в сетевом общении рождается из реальной ситуации. Этой целью могут быть деловые беседы, сбор информации, ознакомление, отправка документов и получение ответов, обмен информацией посредством фото и видео и многое другое. На уроках английского языка, оснащенные ИКТ, любую коммуникативную цель можно взять за основу для дискурса. После определения цели общения развиваются дискурсивные способности студентов к деятельности на основе ИКТ, выбранной учителем.

– Стороны, участвующие в дискурсе. Естественно, что для возникновения дискурса важным условием является наличие сторон, участвующих в акте коммуникации. Благодаря ИКТ во время виртуального общения все участники интернета со всего мира могут переписываться или общаться через «видеочат». Интересно, что в акте коммуникации компьютер может рассматриваться как сторона, участвующая в дискурсе. Как и в реальном общении, в виртуальном общении участвуют два или более человека. Искусственный интеллект, как одно из последних достижений века ИКТ, день ото дня развивается и доводится до уровня человеческого общения. Это создает вероятность того, что в будущем может появиться новый тип дискурса, но плюсы или минусы такой революции все еще требуют большого количества исследований.

– Коммуникативная среда. Для возникновения дискурса должна быть определенная коммуникативная среда. На занятиях на основе ИКТ эта среда появляется как в реальном, так и в виртуальном мире. Таким образом, в результате взаимодействия реальной и виртуальной среды создаются благоприятные условия для дискурса. Точнее, то есть выбранный инструмент ИКТ в реальных условиях обучения (аппликации, программы, чаты, блоги, видео на YouTube, документальные и художественные фильмы, квесты и т. д.) обеспечивает коммуникативную среду с собственной разнообразной мультимедийной системой.

Т.А.Ван Дейк заявил, что «дискурс сам по себе является сложным коммуникативным понятием, которое отражает как текстовые, так и экстралингвистические особенности» [1, с.7]. Поэтому при развитии дискурсивных умений с помощью ИКТ необходимо учитывать различные экстралингвистические критерии. Не случайно И.А.Евстигнеева также в своем исследовании, говоря о методике совершенствования дискурсивных умений с помощью ИКТ, выделяет лингвистические и экстралингвистические (социокультурные, психологические, эмоциональные и др.) особенности как с точки зрения «кодирования», так и – «декодирования» информации [4, с.46].

Стоит отметить, что кодирование информации во время дискурса основано на продуктивных дискурсив-

ных умениях, а декодирование – на рецептивных дискурсивных. В это время внедрение ИКТ демонстрирует экстралингвистические особенности дискурса в наглядной и виртуальной форме. Обмен различными ссылками, изображениями, видео, особенно при переписке в сетевом общении повышает эффективность языковых средств, создавая «гипертекст».

Формирование дискурсивных умений в экстралингвистическом направлении зависит от ситуативных, социокультурных, а также прагматических основ. Для развития дискурсивных умений на экстралингвистическом фоне важны определенные стратегии:

– Определение целей и мотивов общения или дискурса. Реализация дискурса невозможна без знания целей и мотивов общения. Цели и мотивы беседы должны быть определены как при расшифровке информации, передаваемой средствами мультимедиа, так и при кодировании информации в репродуктивной форме. Дискурс или текст, возникающий при общении, возникает на основе определенного мотива. В связи с этим информативная функция средств ИКТ помогает студентам. В частности, каждый текст, представленный с помощью ИКТ, служит для передачи и обработки определенной информации, как в устной, так и в письменной форме. В результате обмен информацией в процессе общения основывается на определенных мотивах и целях. В частности, в мире интернета бесчисленные коммуникационные порталы предлагают множество вариантов. Среди них мы можем указать на развлекательные, игровые, страницы знакомств, политические, культурные новостные сайты и многое другое. Естественно, что информация и корреспонденция на каждом портале выделяются своими конкретными целями и мотивами. Учитывая, что тексты на основе ИКТ, направленные на развитие дискурсивных умений (чтение, письмо, понимание на слух и речь), имеют определенную цель и мотивацию, мы считаем важным их определение.

– Понимать и отражать социокультурные особенности, соответствующие предмету и иноязычной среде. Как мы знаем, каждая среда отличается своими национальными особенностями и ценностями. Поэтому в условиях современной глобализации нелегко адекватно и уместно воспринимать те или иные темы для всех групп. Например, тексты на основе ИКТ (дискурсы) или электронные книги, выбранные для студентов, могут быть неоднозначно восприняты западной и восточной аудиторией. Внимательность преподавателя очень важна при выборе той или иной аудитории. Для адекватного восприятия информации, передаваемой в дискурсе, целесообразно учитывать социокультурные особенности.

– Учитывать историко-культурный контекст. Наряду с социокультурным контекстом отслеживание истори-

ко-культурных процессов открывает путь к правильно-му и быстрому пониманию информации, передаваемой на информационных порталах. В содержании квестов (Quest), различных языковых обучающих игр, электронных книг, выступлений блогеров иногда указываются исторические и культурные аспекты. Рассмотрение историко-культурного контекста для анализа того, насколько объективен или субъективен подход к фактам в этих материалах, значительно улучшает дискурсивные умения. Практически каждый дискурс несет в себе определенную историческую и культурную информацию. Бытовые беседы также могут содержать разговор о проблемах, стоящих на повестке дня. В частности, в последние годы, когда наблюдаются межцивилизационные столкновения, целесообразно совершенствовать дискурсивные умения. В связи с этим считается важным учитывать исторический культурный контекст при общении в среде английского языка и обучение на основе ИКТ.

– Прогнозирование хода текста. Как мы уже отмечали, одной из экстралингвистических характеристик дискурсивных умений являются прагматические качества. В связи с этим одной из важных прагматических характеристик дискурсивных умений можно считать то, в каком направлении должен идти дискурс при коммуникации, и вероятностные стратегии реагирования. Стоит отметить, что результаты, возникающие при восприятии дискурса с рецептивной точки зрения, иногда могут носить объективный, а иногда и полностью субъективный характер. С прагматической точки зрения естественно, что фоновые знания, представления и выводы об информации совершенно разные. Таким образом, появляются стратегии фронтальной позиции (*presupposition*) и логического вывода (*entailment*) [9, с.25]. На основе этого формируются умения прогнозирования информации. Например, к информации, передаваемой в заголовках любого материала Youtube, представленного студентам, можно подходить с разных точек зрения. В качестве примера можно рассмотреть предсказание студентами информации, представленной в заголовке выбранного видеоматериала со страницы Билла Гейтса на YouTube: *"A promising new approach that help save mothers and their babies"* (27 января). В этом заголовке, перевод которого является «многообещающим новым инструментом, помогающим младенцам и матерям», студенты выдвигают свои собственные предположения о том, о чем будет текст, на основе стратегий пресуппозиции. Таким образом, они могут делиться своими мыслями и участвовать в коммуникативном акте. Естественно, это один из дискурсивных навыков, который им необходим для предоставления информации об обосновании идей и о том, как они пришли к выводам.

– Определение проблемы в тексте. Одним из экстралингвистических параметров дискурсивных умений является понимание проблемы, основного вопроса в

тексте. В это время крайне важно, чтобы рецептивные дискурсивные умения были согласованы с языковыми умениями. То есть такие факторы, как знакомство учащегося со словарным запасом текста, умение фонетически правильно слышать и понимать слова и т.д., а также осведомленность о предмете, соответствие контекста интересам и возрастным особенностям студентов, знание социокультурного и исторического фона, умение студентов анализировать и делать выводы служат для определения проблемы текста. Разнообразие на занятиях на основе ИКТ, стимулирующие свойства мультимедийных инструментов, звуковые эффекты и многое другое быстро улучшают эти умения. В частности, условия, создаваемые средствами ИКТ для учащихся, помогают им работать над текстом свободно и индивидуально с дидактической точки зрения.

– Определение основной и вспомогательной информации. Реализация этого умения также связана с развитием рецептивных умений, ориентированных на дискурс. Для определения темы текста и поставленной проблемы при чтении электронных текстов, прослушивании аудио, видео носителей и т.д. важны умения отличия основной информации от вспомогательной. Учитывая богатые базы данных информационного века, следует отметить, что довольно много полезной и бесполезной информации. В такой ситуации студентов должна интересовать именно та информация, которая для них необходима и считается основной. В частности, последовательность гипертекстов может сместить акцент студентов с первичной информации на вторичную. Если, с одной стороны, это способствует повышению мировоззрения студентов, а с другой стороны, может вызывать у них интерес к второстепенным, ненужным для них вопросам, уход от той или иной поставленной проблемы. Например, при подготовке самостоятельных работ через ИКТ важно различать основную и вспомогательную информацию. Изучение студентами фактов, деталей, доказательств и аргументов в этом отношении чрезвычайно важно. Все вышеперечисленное основано на способности определять основную и вспомогательную информацию.

– Различение правильной и «ложной» информации. Современный век ИКТ создает условия для распространения информации миллионами одновременно по всему миру. В результате такой степени развития информационного изобилия сбор правильной информации зависит от надежности средств массовой информации и их источников из официальных источников. Тот факт, что средства ИКТ обеспечивают условия для принципа индивидуальности с дидактической точки зрения, позволяет студентам собирать любую информацию в удобное для них время и свободно общаться с гражданами всех стран мира. Таким образом, у них должны быть развиты умения использования официальных источников

и правильного поиска, чтобы они не были обмануты в этом процессе, не сталкивались с ненужной, ненадежной информацией. Важно, чтобы они были внимательными и информированными, чтобы их не обманули при внутрисетевом общении с иностранными гражданами и при обмене идеями. «Блогеры», занимающиеся передачей информации в непрофессиональной, любительской форме, иногда путаются в анализе многих явлений. В результате могут возникнуть различные заблуждения о реальной сущности какого-либо события. С другой стороны, во время сбора правильной информации также может наблюдаться ситуация, противоположная информации. Если быть более точным, то иногда неофициальные источники информации служат для выявления каких-либо скрытых фактов определенным образом, но принятие этих фактов, зависит от логических рассуждений реципиентов.

Также можно улучшить типы экстралингвистических умений, которые были проанализированы выше. Это зависит от вида используемых средств ИКТ и различных методических операций.

Что касается роли ИКТ для совершенствования этих стратегий, мы должны отметить, что использование разнообразных и виртуальных эффектов при просмотре или прослушивании любого мультимедийного материала, а также при письменном общении в сети создает прагматичную ситуацию. В частности, специальные пиктограммы, то есть «смайлики», используемые при общении в мире интернета, несут в себе определенные психологические, прагматические и даже социокультурные особенности. Таким образом, посредством дискурса, возникающего в среде интернета, можно наблюдать и экстралингвистическую информацию, отражаемую «смайликами». В настоящее время пиктограммы, доступные в сетевых средах, постоянно обновляются и улучшаются. Даже взятые с фотографий известных людей разнообразные «стикеры» служат для передачи многих эмоций с юмористическим содержанием.

В целом ИКТ – это окно в реальную иноязычную коммуникацию, среду дискурса виртуальным путем. Аутентичные аудио-видео материалы улучшают умения письменной и устной речи студентов в короткие сроки, предоставляя примеры дискурса различных типов. Как мы уже отмечали выше, информационно-коммуникационные технологии наряду с лингвистическими особенностями дискурса обеспечивают его экстралингвистические аспекты (социальные факторы, культурные факторы, политкорректность и др.) в учебно-воспитательном процессе. Когнитивные проблемы, культурные взгляды, дискурсивные ситуации и т.д., характерные для английского языка, помогают студентам быстро адаптироваться к языковым внешним факторам благодаря сетевому общению.

В качестве примера хотелось бы отметить, что у студентов, имеющих опыт письменного общения с иностранными гражданами, дискурсивные способности развиваются в большей степени, чем у студентов, малоактивных в социальной сети. Таким образом, регулярно участвуя в англоязычных форумах, студенты быстро усваивают выражения, которые считаются уместными с точки зрения политкорректности и этики. Это свидетельствует о реализации экстралингвистических аспектов дискурса.

И.В.Роберт рассматривал вопрос интерактивного диалога через ИКТ, анализируя его как связь между пользователем и программной системой. По его мнению, интерактивность на основе ИКТ отличается и сложнее, чем диалогические тексты вопросно-ответного характера [5, с.182]. Если подойти через эту призму, то действительно увидим сложный характер интерактивности на основе ИКТ. Быстрый обмен информацией, своеобразная техника переписки, специфические психолингвистические факторы и многое другое характеризуют диалог пользователя и программы в различной форме. В этом случае мы хотели бы особо выделить психолингвистические факторы. Таким образом, письменный дискурс в мире интернета также может осуществляться скрытым или ложным профилем. В результате встает вопрос о соблюдении критериев безопасности сетевого общения. При выборе аватаров (пользовательских официальных для виртуального мира) следует учитывать силу творческого мышления, характер человека, индивидуальные особенности, мировоззрение и многое другое.

Дискурс, возникающий в ходе спонтанной или подготовленной речи, предполагает реализацию коммуникативно-познавательных структур. К когнитивной структуре относятся фоновые знания и производные от них «рамки», то есть носители социокультурной информации (типовые ситуации, стереотипы). Термин «фрейм» понимается как единица, собранная вокруг определенного понятия и несущая в себе основную информацию. По этой причине когнитивно-коммуникативный подход привлекает внимание при развитии дискурсивных умений. Согласно этому подходу должны быть созданы такие дидактические условия для перехода от организации репродуктивной модели обучения к проблемно-решающей модели. В частности, коммуникативные акты, возникающие в конкретных ситуациях, аспекты и межкультурные компетенции, вытекающие из языковой культуры, более целесообразны, если они реализуются в рамках дискурса [7, с. 75]. Роль современных средств ИКТ для обеспечения тех или иных упомянутых нами экстралингвистических аспектов исключительна. Так много мультимедийных инструментов, приложений, сетевых коммуникаций и т.д. служит для усвоения социокультурной информации. В связи с этим примечательны особенности «гипертекстов», существующих в сети Интернет.

Информационная емкость гипертекста может состоять не только из текстов. При передаче информации изображения, графические средства, видеоматериалы и другие мультимедийные средства также могут находиться в составе гипертекста параллельно с текстом. В результате появляются два термина «гипермедиа» и «мультимедиа». В состав гипермедиа входят графические, аудио-видео материалы, представляющие собой текстовые и экстралингвистические средства, являющиеся языковой единицей. Мультимедиа состоит только из аудио-видео графического изображения, мультипликации, радио и видео средств [6, с.139].

Принимая во внимание развитие дискурсивных умений в письменной и устной формах, мы должны отметить, что экстралингвистические факторы являются важными для обоих дискурсивных умений. Как мы уже упоминали выше, дискурсивные умения заключаются не только в создании текста и восприятии его в рецептивной форме, но имеют более широкое содержание. Помимо влияния ситуации и окружения учет психологического состояния и социального статуса реципиента зависит от дискурсивной компетентности стороны, пишущей или устно комментирующей текст. В связи с этим при анализе дискурсивных умений письма Н.Р. Головина подчеркнула, что существуют трудности в обеспечении лингвистических, то есть экстралингвистических аспектов [2, с. 4]. Так, в частности, возможности, создаваемые средствами ИКТ на занятиях английского языка, устраняют связанные с этим проблемы, создают мост между учащимися и языковыми аспектами. Например, если тема программы «образ жизни британской королевской семьи», то этические правила королевской семьи сопровождаются языковыми и экстралингвистическими средствами с помощью определенных видео, интервью, документальных и художественных фильмов, изображений и т.д. во время демонстрации. Студенты не просто слушают английский, они также знакомятся с культурной средой и социальными нормами, относящимися к этому иностранному языку.

При развитии дискурсивных умений с помощью ИКТ обеспечивается обратная связь (поиск материала для усвоения, проведение опроса и получение результатов, ответов), проведение интерактивных операций над содержанием текста (уменьшение, увеличение или изменение объема материала), креативность (создание продукта собственного воображения) и др.

Проведение опроса и поиск в интернете для усвоения материала само по себе является особым умением. Для опроса в это время может наблюдаться двусторонняя интерактивность «студент-компьютер» или трехсторонняя интерактивность «студент-преподаватель-компьютер» [3, с.236]. При сборе информации по одной и той же теме в сервисе Google стратегии поиска каждого студен-

та не одинаковы. Некоторые могут получить сотни информации за короткий промежуток времени, в то время как другие могут получить очень мало информации. Как мы уже упоминали, это зависит от способности искать. В этом случае важно правильно подобрать ключевые слова для поиска и набрать их на клавиатуре. Таким образом, в ходе упомянутых нами интерактивов «студент-компьютер» и «студент-преподаватель-компьютер» коммуникативный акт происходит на фоне лингвистических и языковых внешних факторов. Так, определенные средства мультимедиа несут в себе много социокультурной, исторической, этнической, психологической, прагматической и прочей информации. С точки зрения установления обратной связи, о которой мы упоминали выше, в ходе проведения любого опроса студенты знакомятся с социальными, политическими, культурными и психологическими критериями.

По мере развития дискурсивных умений с помощью ИКТ развивается и творческое мышление студентов. Креативный подход особенно важен при подготовке презентаций в программе Power Point. Это, в свою очередь, связано с экстралингвистическими знаниями студентов, поскольку основная роль в выборе и последовательном представлении в презентации соответствующих изображений или видеоматериалов в соответствии с текстом принадлежит творческому мышлению студентов.

Постоянная активность студентов в социальных сетях позволяет им быстро привыкнуть к языковым внешним критериям. В качестве примера можно привести любой видеоматериал, представленный для развития рецептивных дискурсивных умений. Например, реалити-шоу (reality show), отражающие повседневный образ жизни иностранных граждан, также отражают психологические и социокультурные ситуации, одновременно улучшая свои умения слушания и понимания на лингвистической основе. В частности, идеи, выраженные в юмористическом или ироническом содержании, требуют от слушателя культурных, а иногда и политических знаний. Эта категория шоу обычно предназначены для постоянного просмотра. Таким образом, видеоматериал, выбранный на основе общего мнения учителя и студентов, может быть использован либо в качестве учебного пособия, либо в качестве домашнего задания после урока. Чем больше студенты знакомы с этими материалами, тем больше они могут формировать свои дискурсивные умения на экстралингвистическом фоне.

Одним из вопросов, выдвинутых в последнее время в мире ИКТ, является обработка текстов на естественном языке (Natural Language Processing-NLT). В результате этой технологии, которая все еще остается под вопросом, насколько она будет полезна в будущем, искусственный интеллект и лингвистическая система объединяются для обработки естественных речевых текстов с помощью

инструментов ИКТ. В результате этого тексты переходят из словесной формы в цифровую, компьютеры осуществляют расшифровку и кодирование естественного речевого дискурса. В частности, цель этой технологии – заставить компьютеры понимать человеческую речь и логически реагировать на нее. Точнее, концепция обработки текстов на естественном языке (NLT) была формой искусственного интеллекта и основана на принципе понимания человеческой речи и логического вывода [10]. И что нас больше всего интересует в этом процессе, так это изучение того, насколько эффективной может быть такая технология в обучении английскому языку, а также негативное и положительное влияние замены человеческого общения кибер-коммуникацией на естественные

дискурсивные умения. Другой заметный вопрос – это последствия риска того, что эти технологии постепенно удалят лингвистические основы и полностью оцифруют их. На наш взгляд, эти проблемы должны быть тщательно рассмотрены в педагогических исследованиях на основе ИКТ.

Подводя итог сказанному выше, хотелось бы подчеркнуть, что использование средств ИКТ на занятиях английского языка по-разному отражает экстралингвистические особенности дискурсивных умений. На занятиях английского языка дискурсивные умения и навыки студентов второго курса языкового вуза при изучении английского языка необходимо развивать параллельно на лингвистическом и экстралингвистическом фоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т.А. Язык - познание - коммуникация. Прогресс 1989, 310 с.
2. Головина Н.П. Формирование дискурсивной компетенции у студентов старших классов в процессе обучения репродукции и продукции иноязычных письменных текстов: Школа с углубленным изучением английского языка, 2004, 159 с.
3. Драгунова А.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов факультета иностранных языков через использование учебных Интернет-ресурсов на основе технологий Веб 2.0. Ярославль 2014, 236 с.
4. Евстигнеева И.А., Методика развития дискурсивных умений студентов на основе современных информационных и коммуникационных технологий (английский язык, языковой вуз): автореф. Дис.. канд. Пед. Наук. М., 2013. 217 с.
5. Роберт, И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования [Текст] / И.В. Роберт. – М.: «Школа – Пресс», 1994. – 205 с.
6. Сувернева И.О. Экстралингвистические и лингвистические особенности электронного гипертекста ЖУРНАЛ, Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, Языкознание и литературоведение, 2010, с. 134-140.
7. Федорова С.А. Интернет-дискурс в развитии компенсаторных умений студентов. // «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина» Вестник ТГУ, выпуск 6 (134), 2014, с.75-79.
8. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Revised Edition. The Journal of Specialised Translation Issue 14 – July 2010 263(2009). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 278 p.
9. Guli G. Pragmatics. Oxford University press, 1996, 127 p.
10. The role of information and communication technology in natural language processing // <https://open.library.okstate.edu/adect2021/chapter/the-role-of-ict-in-natural-language-processing/>

© Абдулрагимова Нушаба Мирза гызы (nushaba-a@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИП НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКАЛЫ СЛУХОРЕЧЕВОЙ ПАМЯТИ КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ТАКТИКУ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

TYPE OF NEUROPSYCHOLOGICAL SCALE OF HEARING-SPEECH MEMORY AS THE MAIN COMPONENT DETERMINING THE TACTICS OF NEUROPSYCHOLOGICAL CORRECTION IN CHILDREN WITH MENTAL DELAY

**A. Anokhina
T. Shipacheva**

Summary: The article presents the experience of constructing correctional and developmental work on the development of auditory-speech memory in primary school children with mental retardation, depending on the children's attribution to one of the four types of neuropsychological scale of auditory-speech memory. It is noted that the establishment of the type of neuropsychological scale of auditory-speech memory determines the specifics and directions of correctional and developmental work, due to which the process of correction of the studied higher mental function becomes more optimal and complex. The presented study made it possible to select those corrective measures, the target of which is the "weak link" in the development of auditory-speech memory. The system of work on the correction of auditory-speech memory, taking into account its main parameters, is determined. The consideration of the game is justified from the point of view of taking into account the basic conditions of neuropsychological correction of auditory-speech memory.

Keywords: auditory-speech memory, neuropsychological correction, mental retardation, type of neuropsychological scale of auditory-speech memory, correctional and developmental learning, primary school age, principles of correctional and developmental learning.

Анохина Ася Сергеевна

кандидат биологических наук, доцент, Кемеровский
государственный университет (г. Новокузнецк)
asyaship@gmail.com

Шипачева Татьяна Андреевна

Магистрант, Кемеровский государственный
университет (г. Новокузнецк)
madam.shipacheva@mail.ru

Аннотация: В статье представлен опыт организации коррекционно-развивающей работы по развитию слухоречевой памяти у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития в зависимости от отнесенности детей к одному из четырех типов нейropsихологической шкалы слухоречевой памяти. Отмечено, что установление типа нейropsихологической шкалы слухоречевой памяти определяет специфику и направления коррекционно-развивающей работы, за счет чего процесс коррекции исследуемой высшей психической функции становится более оптимальным и комплексным. Представленное исследование позволило выбрать те коррекционные мероприятия, мишенью которых выступает «слабое звено» в развитии слухоречевой памяти. Определена система работы по коррекции слухоречевой памяти, учитывающая ее основные параметры. Обосновывается рассмотрение игры с точки зрения учета основных условий нейropsихологической коррекции слухоречевой памяти.

Ключевые слова: слухоречевая память, нейropsихологическая коррекция, задержка психического развития, тип нейropsихологической шкалы слухоречевой памяти, коррекционно-развивающее обучение, младший школьный возраст, принципы коррекционно-развивающего обучения.

Известно, что повышенная учебная нагрузка на нервную систему, а в результате – стрессы и переутомления, обуславливают специфику развития слухоречевой памяти детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития.

Дефицит слухоречевой памяти приводит к нарушению понимания обращенной речи, словесных инструкций, а ограничение возможности оперировать слухоречевым материалом вносит определенные трудности в усвоение программы начального общего образования детьми младшего школьного возраста с задержкой пси-

хического развития, в связи с чем необходима ее комплексная коррекция [1].

Коррекцией слухоречевой памяти у детей младшего школьного возраста занимались Т.В. Ахутина, Ю.В. Микадзе, Т.В. Цветкова [3, 6, 8]. Исследователи пришли к выводу о том, что данный психический процесс необходимо развивать путем нейropsихологической коррекции.

Для успешного развития слухоречевой памяти у детей данной категории с использованием нейropsихологической коррекции необходимо определить тип ней-

ропсихологической шкалы слухоречевой памяти для построения оптимальной стратегии коррекционно-развивающей работы.

Анализируя современные исследования Т.В. Ахутиной, Ю.В. Микадзе [4, 6], мы пришли к выводу о том, что существует четыре основных типа нейropsychологических шкал слухоречевой памяти. В зависимости от типа шкалы определяются обязательные коррекционно-развивающие мероприятия для процессов слухоречевой памяти.

Тип нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти определяется путем систематизации и анализа ее параметров, среди которых выделяют [6]:

- эффективность заучивания;
- прочность следов;
- устойчивость следов к интерферирующим воздействиям;
- объем слухового восприятия стимулов;
- стабильность регуляции и контроля мнестической деятельности;
- устойчивость семантической отнесенности стимулов (удержание стимулов в пределах семантического поля);
- сохранение порядка слухоречевых следов;
- объединение различных стимулов в целостную смысловую структуру.

Предварительная оценка параметров слухоречевой памяти осуществляется по диагностической методике «ДиаКор», разработанной Ю.В. Микадзе [6]. Как указывалось выше, через оценку параметров слухоречевой памяти определяются типы нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти, для каждого из которых свойственны специфические особенности. Рассмотрим их более подробно.

Дети I типа нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти характеризуются трудностью вхождения в задания. Как правило, показатели всех параметров слухоречевой памяти в равной степени у таких детей превышают норму. При запоминании слухоречевого материала таким детям свойственно придумывание «помогающего» движения, например, это могут быть движения руками в пространстве при воспроизведении порядка заученных слов. При достаточно неплохом словарном запасе и достаточно развитом мышлении таким детям все равно не удается грамотно составить речевое высказывание и соблюсти всю логическую цепочку своего рассказа. В ответах встречаются парафазии преимущественно по внешнему сходству. Детям данного типа свойственно эмоциональное безразличие к ситуациям успеха и неуспеха. Этот тип нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти относят к слабости первого функционального блока головного мозга, по А.Р. Лурии, в связи с чем, в нейropsychологической коррекции

слухоречевой памяти у детей данного типа обязательно должны быть дыхательные упражнения [5].

Дети II типа нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти отличаются неплохим вхождением в задание. Такие дети могут запомнить несложные слухоречевые следы, но оперировать ими в дальнейшем без помощи педагога им трудно, так как запоминание носит механический характер. Отличительной чертой для детей данного типа нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти являются стабильные, многочисленные ошибки порядка сохранения в памяти слухоречевых следов, в основном – неустойчивого типа. Их ответы бедны, однотипны, часто повторяются. В ответах преимущественно встречаются парафазии по ситуационному признаку или общей ситуации. Этот тип нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти относят к слабости второго функционального блока головного мозга, по А.Р. Лурии, в связи с чем в нейropsychологической коррекции слухоречевой памяти у детей данного типа обязательно должна быть работа со звуками неречевого характера и с речевыми контрастными звуками в дидактических играх, а также упражнения и подвижные игры, направленные на пространственную коррекцию. Они являются предпосылкой к формированию квазипространственных отношений, а, говоря о квазипространстве, нельзя не отметить его неоценимую роль в слухоречевой памяти. Оно обеспечивает возможность хранения и воспроизведения слова из нашей памяти, соблюдая определенные семантические закономерности и порядок слухоречевых следов. К тому же, так как этот блок мозга напрямую связан с анализаторными системами, то данная работа способствует отработке обратной связи в анализаторных системах [5].

Дети III типа нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти характеризуются яркой слабостью процессов регуляции и контроля мнестической деятельности в слухоречевой памяти, что проявляется в многочисленных ошибках при воспроизведении слухоречевого материала на фоне персевераций и замен. У таких детей неплохой объем, прочность, эффективность заучивания слухоречевого материала, но, наряду с этим их ответам свойственна инертность и большое количество ошибок ригидного типа. Этот тип нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти относят к слабости третьего функционального блока головного мозга, по А.Р. Лурии, в связи с чем в коррекционную работу с детьми данного типа должны активно вовлекаться контроль со стороны ребенка за протеканием собственной деятельности, ее программированием, а также включаться подвижные игры, которые развивают саморегуляцию и контроль у детей за собственной деятельностью [2].

Дети IV типа нейropsychологической шкалы слухоречевой памяти вместе с недостаточной мотивацией к деятельности отличаются преимущественно низким уровнем

нем объема слухоречевой информации, им требуется постоянная мотивация к деятельности и многократное повторение слухоречевого материала для его прочного запоминания. Такие дети чаще всего в ответах допускают «смешение» новой информации со старой. Этот тип нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти относят к слабости в одинаковой степени первого и второго функциональных блоков головного мозга, по А.Р. Лурии. В нейропсихологической коррекции слухоречевой памяти у детей данного типа обязательно должны быть дыхательные упражнения, работа со звуками неречевого характера и с речевыми контрастными звуками; работа, направленная на пространственную коррекцию [5].

Следовательно, направления коррекционно-развивающей работы по каждому типу нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти можно систематизировать следующим образом [7]:

- с детьми с I типом нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти в начале занятия происходит обязательное включение дыхательных упражнений;
- в коррекционной работе с детьми со II типом нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти обязательна коррекционная работа с неречевыми звуками, а также с пространственными и «квазипространственными» представлениями в соответствии со следующими этапами:
 - освоения телесного пространства;
 - освоения внешнего пространства;
 - освоения пространственных схем и диктантов;
 - конструирования и копирования;
 - освоения «квазипространственных» речевых инструкций;
- в коррекционной работе с детьми с III типом нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти для развития саморегуляции и контроля у детей за собственной деятельностью, а также ее программирования используют подвижные игры;
- с детьми с IV типом нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти в коррекционную работу включают дыхательные упражнения и упражнения со звуками неречевого характера и с речевыми контрастными звуками, а также работу с пространственными и «квазипространственными» представлениями.

Важно отметить, что одна лишь отнесенность ребенка к тому или иному типу нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти недостаточна, необходимо выделить основные условия нейропсихологической коррекции, которые будут учитываться при работе с каждым типом нейропсихологической шкалы.

Так, среди основных условий выделяют соблюдение принципов нейропсихологической коррекции:

- эмоциональное вовлечение ребенка во взаимо-

действие;

- учет закономерностей процесса интериоризации;
- учет слабого звена функциональной системы ребенка.

Стоит отметить, что, по мнению Т.В. Ахутиной, Ю.В. Микадзе, А.В. Семенович [3, 6, 7], нейропсихологическая коррекция слухоречевой памяти у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития обязательно должна включать игры. Это связано с тем, что таким детям трудно сосредотачиваться, запоминать материал, переключаться с одного вида деятельности на другой, а игры позволяют сделать процесс запоминания проще и интереснее. Сам принцип эмоционального вовлечения ребенка во взаимодействие предусматривает использование игр в нейропсихологической коррекции. Этот принцип в своей реализации пересекается с остальными принципами именно в организации коррекционно-развивающих игр. Например, можно рассмотреть использование данных принципов в подвижной игре «Действуй».

Эмоциональная вовлеченность во взаимодействие заключается в передаче ребенку права выбора действий с предметами, или, свободных действий, которые в ходе игры он должен будет выполнять, а также в соревновательном моменте, который создается в этой игре при участии нескольких игроков.

Учет слабого звена функциональной системы ребенка прослеживается в процессе коррекционно-развивающей работы, когда ребенок временно «отдает слабое звено» взрослому, при этом активно опирается на свои «сильные звенья», чтобы лучше развивать дефицитарные функции. Так, например, для детей, «слабым звеном» у которых выступает устойчивость следов слухоречевой памяти к интерферирующим воздействиям, а в качестве «сильного звена» – сохранение порядка предъявления стимулов в слухоречевой памяти, предлагается при переходе от одной группы действия к другой подсказка в виде опоры на схематический материал, или же, взрослый начинает показывать первое необходимое движение, а дальше, опираясь на «сильное звено», ребенок уже продолжает сам. Такая работа продолжается на протяжении всей игры при переходе от одной группы действия к другим.

Учет закономерностей процесса интериоризации заключается в поэтапности организации коррекционно-развивающей игры. Так, на первом этапе дети играют совместно со взрослым следующим образом: сначала проговаривание действий взрослым для их наилучшего запоминания или же для выполнения действий, обозначенных правилами игры; на втором этапе проговаривание действий, которые необходимо выполнить со стороны взрослого уходит, а остается лишь проговаривание со стороны ребенка; на третьем этапе – список действий

уже не проговаривается даже ребенком, а, выполняется сразу же после его прослушивания.

Представленным образом осуществляется работа со всеми играми, которые используются в коррекционно-развивающей работе с каждым типом нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отме-

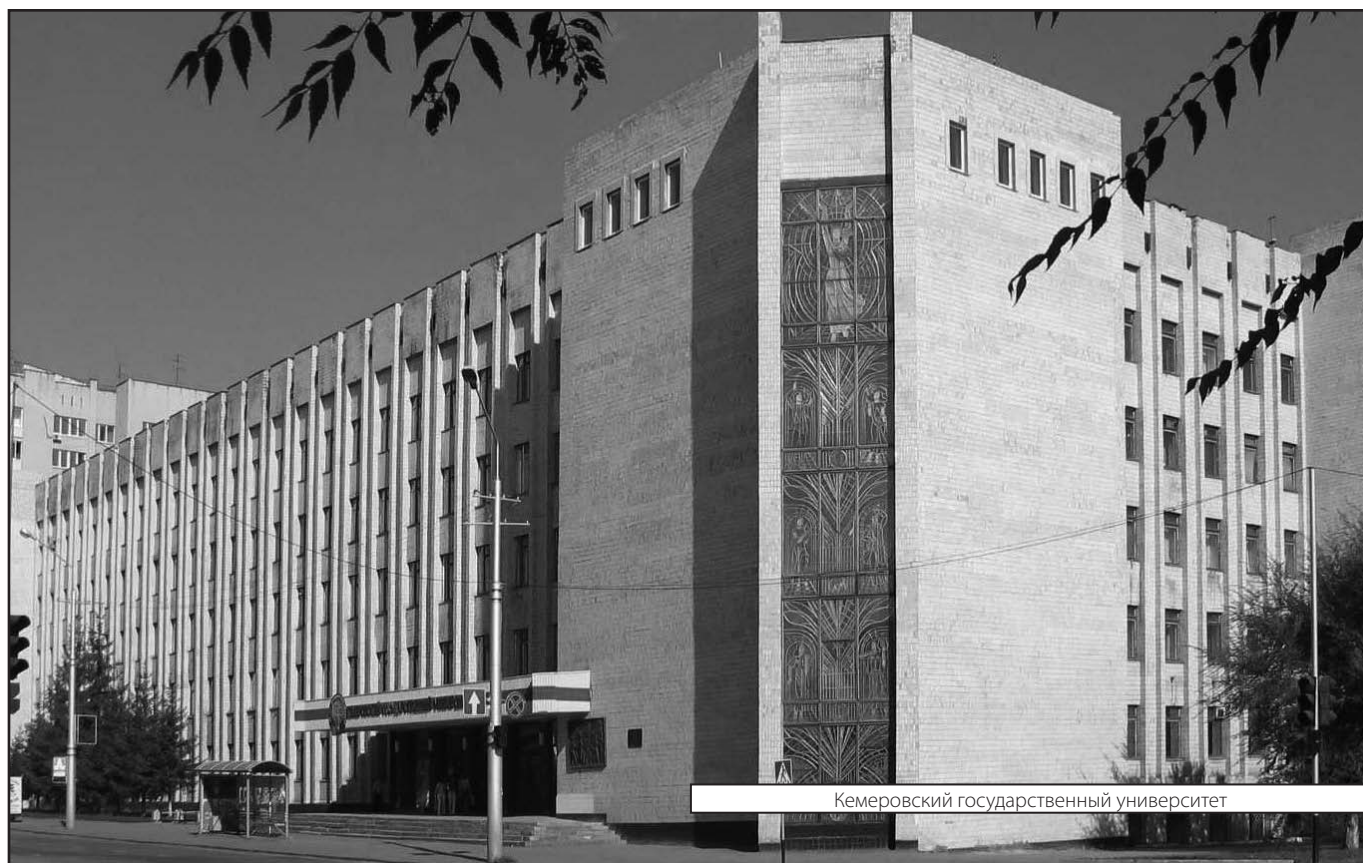
тить следующее. Процесс развития слухоречевой памяти у детей исследуемой категории будет оптимальным и комплексным, если опираться на специфику и особенности организации коррекционно-развивающей работы в зависимости от выделенного типа нейропсихологической шкалы слухоречевой памяти, а также на выявленные условия нейропсихологической коррекции, которые будут учитываться при работе с каждым типом нейропсихологической шкалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина, А.С., Исследование слухоречевой памяти у детей младшего школьного возраста с ЗПР / А.С. Анохина, Т.А. Шипачева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №71. – С.14-16.
2. Анохина, А.С. Стратегия и тактика коррекционной работы по развитию слухоречевой памяти детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития / А.С. Анохина, Т.А. Шипачева. // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №70. – С.9-12.
3. Ахутина, Т.В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход / Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева. – Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2008. – 320 с.
4. Ахутина, Т.В. Нейропсихологический анализ высших психических функций / Т.В. Ахутина. – Москва: Теревинф, 2002. – 144 с.
5. Лурия, А.Р. Маленькая книжка о большой памяти / А.Р. Лурия. – Москва: АСТ, 2008. – 646 с.
6. Микадзе, Ю.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция младших школьников в связи с неуспеваемостью в школе / Ю.В. Микадзе, Н.К. Корсакова. – Москва: Правление общества «Знание» России, ТОО «ИнтелТех», 1994. – 63 с.
7. Семенович, А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте / А.В. Семенович. – Москва: Академия, 2015. – 232 с.
8. Цветкова, Л. С. Методика нейропсихологической диагностики детей / Л.С. Цветкова, Т.В. Ахутина. – Москва: издательство Юрайт, 2012. – 96 с.

© Анохина Ася Сергеевна (asyaship@gmail.com), Шипачева Татьяна Андреевна (madam.shipacheva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный университет

КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Боронихина Ирина Олеговна

Старший преподаватель, Российский
биотехнологический университет (Москва)
boronikhinaio@mgupp.ru

Еремина Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский
государственный университет
nataly-eremina@mail.ru

Матвиенко Татьяна Игоревна

Кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский
филиал Военного учебно-научного центра Военно-
Воздушных сил, Военно-Воздушная академия
имени профессора Жуковского и первого космонавта
Ю.А. Гагарина
mvtaty@yandex.ru

Беляева Юлия Александровна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет
juliebeliaeva@yandex.ru

CASE TECHNOLOGY IN TEACHING ENGLISH AT THE UNIVERSITY

I. Boronikhina

N. Eremina

T. Matvienko

I. Beliaeva

Summary: The article discusses the potential of using case technology in teaching English at the university. It gives the definition of case technology, analyzes the advantages of its application in the modern educational process. The article substantiates the effectiveness of using case technology in teaching English at the university, as it contributes to the solution of important educational tasks in intercultural communication, such as the active participation of students in the learning process, the ability to apply the acquired knowledge in solving various problem situations, and the development of critical thinking. The article proposes the authors' research case, which is used in English lessons and contributes to the development of students' cognitive activity, understanding of real problems and finding ways of their solution.

Keywords: case technology, intercultural communication, critical thinking, cognitive activity, interactive method.

Аннотация: В данной статье рассматривается потенциал применения кейс-технологии в преподавании английского языка в ВУЗе. Дается определение самого понятия кейс-технологии, анализируются преимущества ее использования в условиях современного образовательного процесса. Обосновывается эффективность использования кейс-технологии в преподавании английского языка в ВУЗе, что способствует решению важных образовательных задач в условиях межкультурной коммуникации, таких как активное участие студентов в процессе обучения, умение применять полученные знания при решении различных проблемных ситуаций, развитие критического мышления. В статье предложен собственный кейс авторов, применяемый ими на занятиях по английскому языку и способствующий развитию познавательной активности студентов, пониманию реальных проблем и нахождению способов их решения.

Ключевые слова: кейс-технология, межкультурная коммуникация, критическое мышление, познавательная активность, интерактивный метод.

Введение

Современное образование формирует потребность общества в развитии межкультурной коммуникации [5, с. 6], при которой выпускник ВУЗа должен уметь пользоваться иностранным языком в профессиональной деятельности. Для реализации данной задачи преподавателю ВУЗа необходимо использовать в своей работе инновационные и эффективные методы обучения иностранному языку, которые позволят сделать студентов активными участниками учебного процесса [2, с. 290], стимулируют их самостоятельную деятельность [16, с. 296] и повысят мотивацию к учебе [19]. Согласно мнению С.В. Дюминой, «для того, чтобы процессы воспи-

тания и обучения были результативными, а именно обеспечивали развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения российского гражданского общества, необходимо грамотное управление деятельностью студенческой группы» [8]. В современной педагогике уделяется большое внимание интерактивным технологиям обучения, где «наиболее активное общение осуществляется между обучающимися, а роль педагога заключается в создании благоприятных условий для такой коммуникации. По сравнению с традиционными методами обучения интерактивные предполагают большую степень самостоятельности и активности учащихся. Это соответствует переходу на субъект-субъектный тип

обучения, в котором ученик выступает полноправным участником образовательного процесса, а не пассивным объектом воздействия со стороны педагога» [7].

Задачей авторов при написании данной статьи является выбор такой эффективной интерактивной технологии, которая позволила бы применить ее в условиях современного образования с учетом специфики дисциплины «Иностранный язык». Такой актуальной технологией, по мнению авторов, является кейс-технология (case-study).

Кейс-технология (case-study)

В отличие от стандартных методов обучения иностранному языку в ВУЗе, где активное участие студентов в занятии незначительно, кейс-технология предполагает активное внедрение студентов в процесс обучения [6, с. 107]. Авторы статьи определяют кейс-технология как деятельность, ориентированную на студента, побуждающую студента к самостоятельному поиску решения проблемы, развитию критического мышления и вместе с тем появлению стимула изучать иностранный язык.

Название самой технологии имеет латинские корни, слово «casus», переводится с латинского языка как «запутанный или необычный», в английском языке слово «case» означает «дело, случай». Задачей кейса является представление проблемы с определенном набором информации, где студентам предлагается осмыслить и проанализировать проблему и найти способы ее решения, обладая определенным набором знаний, умений и навыков по дисциплине.

Впервые кейс-технология возникла в США в Гарвардском университете в 20-х годах прошлого века. Студентам была предложена конкретная проблема, им было необходимо изучить данную проблему и найти варианты ее решения, используя коллективную работу в группе. Хотя существует иное мнение, согласно которому прародителем кейс-технологии является Сократ, который еще много веков назад сделал вывод, что так называемое готовое знание не является ценным для человека, а истинную ценность представляет собой самостоятельно сформированное знание.

На протяжении нескольких лет проблемами кейс-технологии занимались многие зарубежные исследователи, такие как С.М. Гасс, Л. Селингер, А.Л. Джордж и другие, благодаря которым были достигнуты огромные успехи в данной области.

В нашей стране данная технология появилась в 70-х годах прошлого века благодаря исследованиям Ю.Д. Красовского, О.А. Овсянникова, Д.А. Поспелова и других. Интерес к кейс-технологии в нашей стране воз-

рос в 90-х годах прошлого века в связи с перестройкой в области политики, экономики, социальной жизни общества и, соответственно, изменением стандартов в подготовке специалистов в различных видах профессиональной деятельности. «Становится востребованным специалист, умеющий работать в команде, способный генерировать идеи и технологии их внедрения, имеющий склонность к инновациям, умеющий критично и оперативно работать с огромными объемами информации различных видов» [4].

В дальнейшем российские исследователи, такие как Ю.П. Сурмин, А.В. Прутченков, О.Г. Смолянинова, О.Ю. Мельник и многие другие, уделяли большое внимание развитию кейс-технологии у нас в стране при подготовке специалистов в различных отраслях профессиональной деятельности [9, с. 110].

Сегодня метод кейс-технологии широко распространен в преподавании английского языка в ВУЗах при подготовке специалистов в области медицины, биологии, химии, физики, инженерных специальностей, экономики, юриспруденции [21].

К.У. Гроссе отмечает большую результативность использования кейс-технологии в преподавании английского языка: «Case studies, как правило, основываются на аутентичном материале, который знакомит студентов с реальными проблемами, требующими анализа и решения, в то время как более традиционное содержание состоит из диалогов и текстов для чтения по различным бизнес-тематикам. Данный метод является интегрированным профессиональным подходом, который развивает навыки чтения, говорения и аудирования» [18]. А.В. Прутченков считает, что «кейс-стади – многоэтапный процесс знакомства с реальной (или смоделированной) сложной проблемой, ее коллективное обсуждение и последующее представление своего взгляда на ее решение перед всей аудиторией» [13].

Case-study дает студентам возможность проанализировать предложенную проблему, найти ее решение, развивать навыки сотрудничества и работы в команде, представить свое решение перед аудиторией [17, с. 359]. Каждый студент принимает активное участие в работе, происходит обмен мнениями и обсуждение принятых решений, а затем, на финальном этапе, группа формулирует коллективное решение и представляет его преподавателю и аудитории. Решение группового кейса может быть представлено обучающимися в виде цифрового продукта (видеоролика, электронного пособия, интерактивного кластера или ментальной карты на виртуальной доске и т.д.) [3, с. 450]. Одной из главных задач преподавателя, применяющего кейс-технология, является вовлечение всех студентов в процесс обучения, обсуждения и решения проблемы [20, с. 207].

Авторы статьи рекомендуют использовать метод case-study в тех группах, где студенты владеют языком на достаточно хорошем уровне, который необходим для конструктивного анализа и принятия решения. Помимо этого, студенты получают прекрасную возможность усвоить новую лексику, фразеологические обороты и идиомы, грамматические и синтаксические структуры, совершенствовать фонетический уровень владения языком.

Этапы работы с кейсом

Источниками создания кейсов, по мнению авторов статьи, могут служить различные публикации, художественные произведения, фильмы, научные статьи, диссертации, Интернет с его многочисленными ресурсами и огромным объемом материала. Материал кейса должен быть актуален и интересен студентам с точки зрения их профессиональной деятельности, быть доступным для решения проблемы, предполагать разные варианты решения проблемы, помогать в формировании критического мышления при анализе полученной информации. Кейс может быть представлен в различных видах – печатном, мультимедийном, наглядном (фото, таблицы, схемы). Кейсы должны соответствовать рабочей программе дисциплины «Иностранный язык» и содержать жизненную, реальную ситуацию или проблему. Э.А. Пазылов считает, что «при составлении кейса необходимо четко формулировать цель и подбирать материал с учётом уровня студентов» [12].

В.В. Филонова считает, что кейс-технология «обычно включает три этапа: подготовительный, непосредственно процесс анализа кейса, заключительный этап» [15].

Мы предлагаем следующие этапы работы студентов над кейсом:

1. Знакомство с кейсом (вступительное слово преподавателя, представление студентам кейса).
2. Анализ информации студентами (отбор нужной информации, синтез, сопоставление и анализ фактов).
3. Поиск решения каждым студентом отдельно (принятие индивидуального решения, предвидение его последствий).
4. Обсуждение принятых решений (взаимодействие с участниками группы, аргументированное отстаивание своей позиции, анализ точки зрения других участников группы).
5. Выработка совместного решения группы (коллективное взаимодействие участников группы, работа в команде).
6. Презентация результатов (представление результатов в различных формах в зависимости от вида кейса и поставленной педагогом задачи).
7. Оценивание работы участников группы (выстав-

ление педагогом баллов за каждый вид работы и итогового балла).

8. Подведение итогов работы (заключительное слово преподавателя по результатам работы студентов, выводы).

Виды кейсов. Пример кейса авторов

Российские исследователи предлагают разделение кейсов по следующим принципам: структура, объем, вид деятельности, область использования.

С.А. Федосова предлагает «следующую классификацию кейсов по структуре:

- структурированные кейсы (highlystructured cases), в которых кратко и точно излагаются ситуации с конкретными цифрами и данными;
- неструктурированные кейсы (unstructured cases), которые содержат в себе материал с большим количеством информации. Данные кейсы используются для оценки стиля и скорости мышления;
- первооткрывательские кейсы (ground breaking cases), которые могут быть короткими и длинными. Данные кейсы побуждают студентов мыслить нестандартно» [14].

Л.Н. Кононыхина и Д.А. Матвеева классифицируют кейсы «по объему и выделяют:

- полные кейсы (20-25 страниц), которые представляются учащимся для работы в группе в течение нескольких дней;
- сжатые кейсы (3-5 страниц), предназначенные непосредственно на занятии для обсуждений;
- мини-кейсы (1-2 страницы), которые также, как и сжатые кейсы зачастую используются для группового обсуждения и в качестве иллюстрации к тому, о чем говорится на занятии» [10].

Некоторые методисты, такие как С.Ю. Абрамова и Ю.В. Белозерова, предлагают классификацию кейсов в зависимости от области их применения и «выделяют:

- научно-исследовательские, которые являются моделями для получения новых знаний о ситуации и ориентированы на исследовательскую работу;
- практические, которые отражают ситуации из повседневной жизни;
- обучающие, которые отражают ситуации, наиболее встречающиеся в реальной жизни» [1].

Каждый преподаватель осуществляет выбор определенного вида кейса и его подготовку в зависимости от различных факторов: целей занятия по иностранному языку, уровня языковой подготовки группы, профессиональной направленности студентов.

Авторы статьи представляют свой пример обучающе-

го кейса «**The position of an administrative manager**», который успешно применяется на занятиях со студентами 2 курса, обучающимся различным специальностям, и может адаптироваться к конкретной группе студентов. В данном кейсе студентам предлагается выступить в роли владельца крупной компании, которому необходим квалифицированный специалист (можно адаптировать кейс к поиску специалиста в различных областях профессиональной деятельности студентов – технолог, инженер, ветеринар, юрист, менеджер в разных отраслях, бухгалтер, экономист и другие). На первом этапе студенты погружаются в определенную ситуацию: они изучают информацию в кейсе (объявление о вакансии с требованиями к кандидату, резюме 3 претендентов) и решают, кто из кандидатов является самым достойным. На втором этапе студенты проводят работу в группах по 3-5 чел. Каждый член команды представляет свой монолог согласно предложенного плана: 1) назвать выбранного кандидата, 2) объяснить и обосновать свой выбор, 3) сделать вывод. Остальные члены группы внимательно слушают, задают вопросы, обсуждают каждую кандидатуру. Задача каждого студента – аргументировать и отстаивать свою точку зрения. На заключительном этапе каждая из групп выбирает лучшего кандидата на должность и представляет свою точку зрения преподавателю и аудитории.

Case «**The position of an administrative manager**»

1. Imagine that You are the owner of a big company and your company is looking for an administrative manager. Look at the job advertisement, the requirements for this position. Study carefully the CVs of 3 candidates below, their professional skills and personal qualities. Decide who is the best for the position of an administrative manager.
2. Have a meeting with 2-4 members of your group. Present your point of view and discuss it with your colleagues. Make up your monologue speech according the following plan: 1) name the candidate You have chosen, 2) explain and prove your choice, 3) make a conclusion.

3. Finally, your group is to choose the best candidate for the position and present your decision to the teacher and the class.

Оценивание результатов работы студентов происходит по следующим критериям: выполнение задачи, структура монолога, языковая составляющая монолога.

Максимальное количество баллов, которое может получить каждый студент – 9.

Это лишь один из примеров кейса, предложенного авторами статьи, показывающий, что использование кейс-технологии в преподавании английского языка позволяет студентам не только осмыслить возможные ситуации профессиональной деятельности, но и научиться перерабатывать большой объем информации в короткие сроки, синтезировать полученную информацию, развивать критическое мышление, коммуникативные навыки и навыки работы в группе (Таблица 1).

Заключение

В результате исследования, проведенного авторами данной статьи, можно сделать вывод, что метод кейс-технологии необходимо использовать при обучении английскому языку в современном ВУЗе. Предоставив собственное описание и пример кейса, проанализировав основные критерии, виды, этапы работы над кейсом, авторы пришли к заключению, что кейс-технология имеет ряд преимуществ по сравнению с другими методами и отвечает стандартам и требованиям современного образования. Как и в случае с любой другой технологией, применение case-study связано с определенными трудностями, что является неизбежным и очевидным. Подготовка самого кейса – это достаточно сложный процесс, требующий от педагога высокого уровня профессионализма, осведомленности о языковой подготовке группы, умений сочетать индивидуальные и групповые формы обучения, быть в курсе реальных жизненных ситуаций и профессиональных интересов студентов. М.В. Куимова отмечает следующие важные моменты работы педагога при подготовке кейса: «Во-первых, он должен знать

Таблица 1.

Баллы	Выполнение задачи	Структура монолога	Языковая составляющая монолога
3	Полное выполнение, аргументированное выражение своего мнения, 10-15 фраз	Четкая структура монолога, есть вступление, основная часть и заключение, связующие элементы	Использование лексики по теме, изученных грамматических структур, отсутствие фонетических ошибок
2	Частичное выполнение, недостаточное количество аргументов, 8-10 фраз.	Монолог в целом структурирован, но отсутствует одна из частей структуры, нет достаточного количества связующих элементов	Недостаточное использование лексики по теме и грамматического потенциала, незначительные фонетические ошибки
1	Неполное выполнение, отсутствие аргументов, подтверждающих точку зрения, 5-6 фраз	Высказывание практически не структурировано, нет вступления, основной части и заключения, отсутствуют связующие элементы	Практически полное отсутствие лексики по теме и изученных грамматических структур, большое количество фонетических ошибок

всё содержание ситуации. Во-вторых, он должен знать, как организовать дискуссию, привлечь всех студентов к обсуждению, разрешить возникающие конфликты. В-третьих, учитель думает о более широкой картине, о том, как студенты работают во всём курсе и как анализ кейса вписывается в общую программу» [11]. Еще один важный момент – это оценивание работы студентов. Преподаватель должен оценить работу каждого студента и отдельных групп по разным критериям, проанализировать решения, принятые студентами в ходе работы над кейсом, и сделать выводы.

Но несмотря на вышеуказанные трудности, кейс-технология имеет огромное количество преимуществ по сравнению со стандартной формой обучения английскому языку в ВУЗе. Данная технология дает преподавателю возможность сочетать теорию и практику в комплексе, развивая все виды речевой деятельности – говорение, аудирование, чтение и письмо. Кейс-технология позво-

ляет студентам активно участвовать в самом процессе обучения, не получать готовые знания, а самостоятельно формировать их, работая индивидуально и в группе, аргументировать свою точку зрения, вести дискуссию. Кейс-технология представляет собой творческий процесс, который дает студентам возможность работать с большим количеством информации, адаптироваться к реальным жизненным проблемам, полностью погрузившись в предложенную педагогом проблему, уверенность в решении проблем и огромный потенциал для развития критического мышления. Кейс-технология, являясь интерактивным методом обучения английскому языку, способствует формированию личности студентов, позволяет им совершенствовать свои профессиональные навыки, проявлять активность и инициативу, видеть свою значимость в образовательном процессе, тем самым формируя интерес к английскому языку и мотивацию к его изучению.

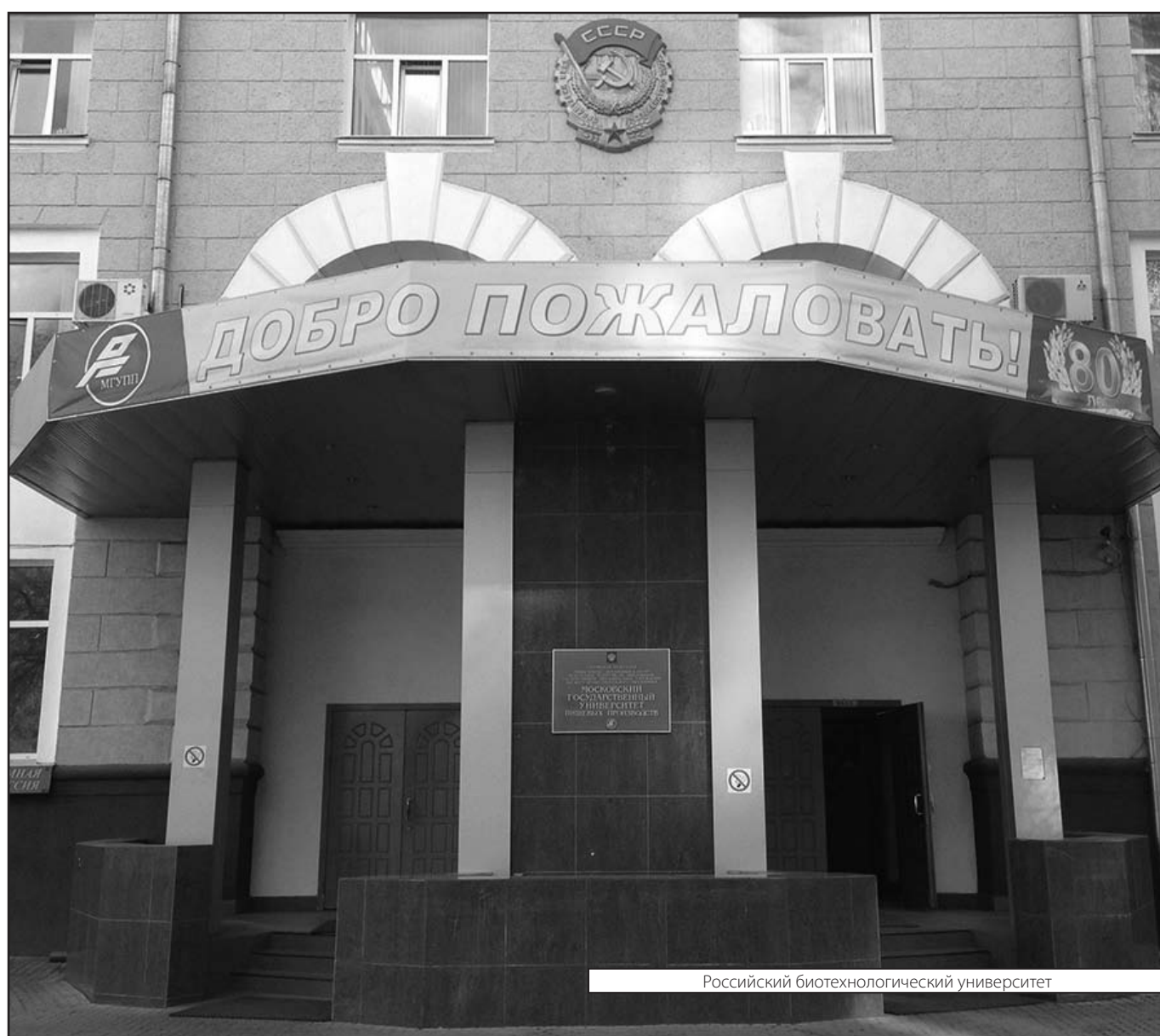
ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова С.Ю. Использование кейс-метода на уроках английского языка / С.Ю. Абрамова, Ю.В. Белозерова [Электронный ресурс]. – URL: <http://moluch.ru/conf/ped/archive/148/7466/>
2. Акбилек, Е.А. Совершенствование процесса обучения иностранному языку в системе непрерывного профессионального образования (в неязыковом вузе) / Е.А. Акбилек, Л.М. Казначеева // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2016. – № 3. – С. 290-296. – EDN YLJUVN.
3. Алферьева-Термисикос В.Б. Структура электронной информационно-образовательной среды педагогического вуза // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. № 6А Ч. 1. – С. 445-453. – DOI: 10.34670/AR.2022.96.45.070.
4. Андрюсов Б.Е., Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей // Директор школы. – №4, 2010. – 61-69 с.
5. Арапова, П.И. Реализация идей гуманной педагогики в международном образовательном пространстве / П.И. Арапова, Н.Н. Илюшина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3(284). – С. 6-9. – EDN DEBKJE.
6. Бочкина, Е.В. Способы взаимодействия между преподавателями и студентами в образовательных пространствах вуза / Е. В. Бочкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 7-1(70). – С. 107-109. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-7-1-107-109. – EDN GNVVFY.
7. Горощко Ю.Н. Роль интерактивных методов обучения в преподавании учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 1А. С. 90-95.
8. Дюмина С.В. Условия формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи как компонента личностных универсальных учебных действий. Гражданственность личности в условиях изменяющегося мира: от протестной к созидательной активности. Сборник научных статей международной научно-практической конференции. С.И. Беленцов (ответственный редактор). 2015. С. 286-290
9. Использование средств информатизации в процессе подготовки педагогов для работы с обучающимися с ОВЗ / Н.Л. Харченко, А.З. Измайлов, И.Ю. Багдасарова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 5-2. – С. 110-113. – DOI 10.37882/2223-2982.2021.05-2.34. – EDN FUYYXU.
10. Кононыхина, Л.Н. Использование кейс-метода на уроках гуманитарных дисциплин с целью повышения мотивации к обучению у студентов педагогического колледжа / Л.Н. Кононыхина, Д.А. Матвеева // В сборнике: Новые технологии в образовании. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. Научный редактор И.А. Рудакова – Строитель: ООО издательство «Спутник+», 2014. – С. 30-33.
11. Куимова М.В. The use of case study method in teaching English as a foreign language in technical university // Молодой учёный. – 2010. – №1-2. – С. 82-86. – URL: <https://moluch.ru/archive/13/1176/> (дата обращения: 19.01.2023).
12. Пазылов Э.А. Методические проблемы кейс-стади // Наука, техника и образование. – 2017. – №7 (37). – С. 94-96.
13. Прутченков А.С. Кейс-метод в преподавании экономики в школе / А.С. Прутченков // Экономика в школе. – М.: 2007. – С. 15-31
14. Федосова, С.А. Кейс-метод как творческое овладение знаниями английского языка. / С.А. Федосова // Языки и литература в поликультурном пространстве. – Барнаул: 2015. – №1. – С. 138-142.
15. Филонова В.В. Методика развития межкультурных умений студентов на основе кейс-метода. Дисс. канд. пед. наук. – Москва, 2013. – 160 с.
16. Хорохорина, Г.А. Средства формирования компетенций студенческой аудитории при организации самостоятельной работы / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современ-

- ном полиэтничном ВУЗе : материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции, Москва, 24 ноября 2016 года. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – С. 296-302. – EDN XXPEEZ.
17. Effect of mesodiencephalic stimulation on adaptation to stress and academic performance of students / A.V. Yumashev, O.I. Admakin, A.S. Utyuzh [et al.] // International Journal of Learning and Change. – 2018. – Vol. 10, No. 4. – P. 359-367. – DOI 10.1504/IJLC.2018.10016003. – EDN YKTFZF.
 18. Grosse U.C. The Case Study Approach to Teaching Business English // English for Specific Purposes. 1988. Vol. 7. P. 131–132.
 19. Psychological and Pedagogical Aspects of Increasing the Educational Process Efficiency in a University for Specialists in the Field of Physical Education and Sport / I.P. Gladilina, A. V. Yumashev, T.I. Avdeeva [et al.] // . – 2018. – Vol. 39, No. 21. – P. 11. – EDN XNAYGT.
 20. Safonov, M.A. E-Learning Application Effectiveness in Higher Education. General Research Based on SWOT Analysis / M.A. Safonov, S.S. Usov, S.V. Arkhipov // ACM International Conference Proceeding Series: 5, Education and Multimedia Technology, Virtual, Online, 23–25 июля 2021 года. – Virtual, Online, 2021. – P. 207-212. – DOI 10.1145/3481056.3481096. – EDN HAXXVK.
 21. Theoretical aspects of the theory of decision-making in terms of contracting in the field of metrological support / V.N. Malikov, V.D. Munister, A.L. Zolkin [et al.] // Journal of Physics: Conference Series: II International Scientific Conference on Metrological Support of Innovative Technologies (ICMSIT II-2021), St.Petersburg, 03–06 марта 2021 года. Vol. 1889. – Krasnoyarsk: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 32002. – DOI 10.1088/1742-6596/1889/3/032002. – EDN OSBOYO.

© Боронихина Ирина Олеговна (boronikhinaio@mgupp.ru), Еремина Наталья Владимировна (nataly-eremina@mail.ru), Матвиенко Татьяна Игоревна (mvtaty@yandex.ru), Беляева Юлия Александровна (juliebeliaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский биотехнологический университет

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гасимова Айнура Ясин гызы

*Преподаватель, Бакинский славянский университет
gasimova.a@rambler.ru*

SOCIO-CULTURAL AND REGULATORY CONDITIONS FOR IMPROVING THE CONTENT OF HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATION

A. Gasimova

Summary: In the early 90s, fundamental changes in the state structure, socio-economic and socio-political spheres took place in Azerbaijan, which led to the implementation of fundamental substantive reforms in the education system, including in higher pedagogical education. There has been a radical renewal of the activities, structure, management, content and economics of education of higher pedagogical schools. The main goal of the new educational policy was to preserve the unified educational space of the country, provided that the independence of educational institutions is ensured. In 1994, 1997, 2008, 2014, 2020, the educational program for pedagogical specialties was approved. The article provides a comparative analysis of these educational programs, defines the socio-cultural and regulatory conditions for the development of rapidly modernizing Azerbaijani education.

Keywords: pedagogic education, content, regulatory and legal conditions, competence, European integration.

Аннотация: В начале 90-х годов в Азербайджане произошли фундаментальные изменения в государственном устройстве, социально-экономической и общественно-политической сферах, обусловившие проведение коренных содержательных реформ в системе образования, в том числе в высшем педагогическом образовании. Произошло коренное обновление деятельности, структуры, управления, содержания и экономики образования высших педагогических школ. Основная цель новой образовательной политики заключалась в сохранении единого образовательного пространства страны при условии обеспечения независимости образовательных учреждений. В 1994, 1997, 2008, 2014, 2020 годах была утверждена образовательная программа по педагогическим специальностям. В статье дается сравнительный анализ этих образовательных программ, определяются социально-культурные и нормативно-правовые условия развития быстро модернизирующегося азербайджанского образования.

Ключевые слова: педагогическое образование, содержание, нормативно-правовые условия, компетентность, евроинтеграция.

В начале 90-х годов в Азербайджане произошли фундаментальные изменения в государственном устройстве, социально-экономической и общественно-политической сферах, обусловившие проведение коренных содержательных реформ в системе образования, в том числе в высшем педагогическом образовании. В первые годы независимости в республике был принят первый «Закон об образовании» (1992). Несмотря на определенное положительное влияние на развитие высшего педагогического образования, в этом законе было много недостатков. При разработке закона не учитывались существующие реалии, общественно-политическая ситуация в Азербайджане. Впервые в этом законе были закреплены вопросы внедрения многоуровневой системы высшего педагогического образования, выдачи разрешения на создание негосударственных (частных) высших педагогических школ, аккредитации высших педагогических учебных заведений и др. Первые годы реформа высшего педагогического образования не имела четкой и точной программы, технологии реализации, работа в этой области не носила

эпизодического характера. По этой причине внедренные инновации не были столь эффективными.

Повторный приход Гейдара Алиева к политической власти привел к коренным изменениям в образовательной политике государства.

Произошло коренное обновление деятельности, структуры, управления, содержания и экономики образования высших педагогических училищ, намечена «оптимизация сети действующих учебных заведений с целью обеспечения гибкости и динамичности подготовки кадров в области высшей и средней профессиональной квалификации» [1, с.136]. Наряду с этим были определены приоритетные направления высшего педагогического образования, «создание академии образования с целью создания и применения научных основ учебно-методического и информационного обеспечения в системе образования» [1, с.137]: 1) осуществление подготовки и переподготовки руководящих кадров для образовательных учреждений; 2) создание нового меха-

низма обеспечения педагогическими кадрами; 3) разработка новых образовательных программ; 4) подготовка педагогических кадров с педагогическим мастерством, научно-методической подготовкой, профессионализмом; 5) подготовка педагогических кадров на договорной основе для регионов; 6) перестройка системы дополнительного педагогического образования и др. Все это являлось основными элементами проводимой в стране политики педагогического образования. Это положение, включенное по инициативе великого лидера в «Программу реформ в сфере образования Азербайджанской Республики», к сожалению, в последующие периоды не было реализовано. Направления развития высшего педагогического образования нашли свое отражение в выступлении Гейдара Алиева на заседании Государственной комиссии по реформам (19 апреля 1999 г.) [2, с.442]. Общенациональный лидер рекомендовал обратить особое внимание на следующие вопросы: 1) Выбор эволюционного, а не революционного пути перемен; 2) изучение и учет результатов опыта зарубежных стран в сфере высшего педагогического образования; 3) недопустимость передачи зарубежного опыта в Азербайджан, как есть; 4) эффективное использование сложившегося в Азербайджане опыта, образовательных традиций, национально-культурных ценностей в сфере высшего педагогического образования; 5) продуманное проведение реформ в сфере высшего педагогического образования, недопущение формализма, конъюнктуры.

Основная цель новой образовательной политики заключалась в сохранении единого образовательного пространства страны при условии обеспечения независимости образовательных учреждений. Необходимым стало распределение подготовки педагогических кадров между государственным и частным секторами, установление государственных требований (образовательных стандартов) к высшему педагогическому образованию с целью предотвращения негативного влияния диверсификации подготовки педагогических кадров на качество педагогического процесса в высших учебных заведениях.

«Программа реформ в сфере образования в Азербайджанской Республике» (1999 г.), «Концепция и стратегия непрерывного педагогического образования и подготовки учителей в Азербайджанской Республике» (2007 г.), «Закон Азербайджанской Республики об образовании» (2009 г.), Концепция развития «Азербайджан 2020: Взгляд в будущее» (2012 г.), «Государственная стратегия развития образования в Азербайджанской Республике» (2013) и другие нормативно-правовые документы привели к диверсификации содержания образования. В педагогическую терминологию было введено понятие «государственный образовательный стандарт», «государственные стандарты высшего профессионального

образования». В 90-х годах прошлого века государственные стандарты для общего образования (начального, основного, среднего) и профессионально-специального образования (техническо-профессионального, среднего и высшего) были реализованы положениями, утвержденными Кабинетом Министров Азербайджанской Республики, и была создана Государственная Высшая экспертная комиссия при Кабинете Министров. Государственная высшая экспертная комиссия была создана в 1993 году при министерстве образования. Комиссия должна была заниматься не только разработкой государственных стандартов высшего педагогического образования в соответствии с мировыми стандартами, предусмотренными законом об образовании, но и расширением сети частных высших учебных заведений (в том числе частных высших педагогических учебных заведений). Одной из основных функций государственной высшей экспертной комиссии считалось регулирование деятельности существующих частных высших педагогических учебных заведений, согласование создания новых учебных заведений. Государственная высшая экспертная комиссия действовала 5 месяцев, в короткие сроки поспешно дала согласие на создание 30 частных учебных заведений, а государственные стандарты высшего педагогического образования так и не были разработаны. 29 июля 1993 г. постановлением Кабинета министров государственная высшая экспертная комиссия была реорганизована. Приостановлена деятельность 27 частных учебных заведений, деятельность которых ранее была согласована, материально-техническая база, кадровый потенциал которых не соответствовали нормативам. 24 сентября 1994 года Указом Президента Азербайджанской Республики Алиева при Кабинете министров была создана Государственная высшая экспертная комиссия. Частные образовательные учреждения, в том числе частные высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку педагогических кадров (Хазар, Азия, Тафаккур, Одлар Юрду, Высшая педагогическая женская семинария, Нахчыванский частный университет, Азербайджанский Международный университет и др.) были зарегистрированы государством. Государственная высшая экспертная комиссия функционировала до 1998 года.

В те годы в структуре высшего педагогического образования были внесены определенные изменения. В связи с переходом на двухуровневое образование (бакалавриат и магистратура) начался процесс обновления содержания высшего педагогического образования. При подготовке педагогических кадров с высшим образованием срок обучения определен в 4 года. Количество экзаменов и зачетов было значительно сокращено. Если раньше за один семестр студенту приходилось сдавать 7-8 экзаменов, и столько же зачетов, то в осеннем семестре 1993 года было решено, что количество экзаменов не должно превышать 4, а число зачетов – 5. Началась

разработка новых учебных планов, предметных программ, учебников и учебных пособий. В 1994 году была утверждена образовательная программа по высшему педагогическому образованию. Все учебные планы, направленные на подготовку учителей, были адаптированы к требованиям новой образовательной программы. Содержание высшего педагогического образования обогащалось национально-нравственными ценностями, осуществлялся критический взгляд на идеологию марксизма-ленинизма. Одно из серьезных изменений в учебной программе было связано с гуманитаризацией. Время, отведенное на преподавание гуманитарных дисциплин, было значительно увеличено. В связи с этим 25 января 1995 года министерство образования приняло концепцию совершенствования преподавания и применения гуманитарных наук в высших учебных заведениях. Эти новые подходы не привели к существенному прогрессу в развитии высшего педагогического образования, так как при определении содержания высшего педагогического образования учебные планы разрабатывались за счет вытеснения традиционных учебных планов. Содержание в основном оставалось прежним, хотя ежегодная и еженедельная учебная нагрузка была снижена. Предметам, на преподавание которых раньше отводилось 4-6 часов, теперь отводилось всего 2 часа.

9 января 1997 года Кабинет министров утвердил «Перечень направлений и специальностей высшего и среднего специального образования» [3], а 13 февраля 1997 года – «Положение о подготовке магистров (магистратуре) в многоуровневой системе высшего образования в Азербайджанской Республике» [4]. Разработка стандартов для многоуровневой системы образования была очень сложной задачей из-за отсутствия опыта в этой области в стране. Некоторые образовательные традиции советских времен еще сохранялись. Например, студент мог заниматься педагогической деятельностью, «окончив» университет с документом «неполное высшее образование», не завершив полностью предусмотренную для него образовательную программу.

Для формирования содержания определяемых педагогических специальностей была разработана и утверждена «структура минимальных государственных требований к содержанию и уровню подготовки бакалавров». На основании приказа министерства образования от 22 апреля 1997 г. были разработаны государственные стандарты по всем специальностям высшего педагогического образования.

Выпускники первой ступени многоуровневых высших учебных заведений в соответствии с государственным стандартом начинали свою педагогическую деятельность с получения научно-квалификационной степени «бакалавр». На уровне магистратуры (второй

уровень) проводилась углубленная специализация. Те, кто заканчивал этот уровень, начинали научно-педагогическую деятельность, получая специальность «магистр» и ученую степень по защищенной диссертации. Третья ступень считалась докторантурой по принципу преемственности. Этого процесса не произошло, хотя предполагалось постепенное ограничение деятельности средних специальных педагогических учебных заведений.

С сентября 1998 г. организация обучения во всех высших учебных заведениях по подготовке педагогических кадров осуществлялась на основе новых учебных планов. Подготовка кадров по направлениям в высших педагогических учебных заведениях претерпела структурные изменения, количество дисциплин в учебных программах сократилось с 48-55 до 38-40. Часы работы в аудитории были сокращены с 4200 до 3800. Увеличен объем часов, выделяемых на блок предмета по выбору. Если в учебных программах по утвержденным в 1995 г. специальностям преподавания часы, отведенные на факультативы, составляли 5% от общего количества аудиторных часов, то в 1999 г. по некоторым специальностям они составляли 10%, а по некоторым-15%. Разработка новых стандартов высшего педагогического образования была связана, с одной стороны, с интеграцией в европейское образовательное пространство, а с другой – с реформами образования, проводимыми в стране. Азербайджан, присоединившись к Болонскому процессу в 2005 году, взял на себя ряд обязательств, связанных с модернизацией образования и внедрением многоуровневой системы высшего образования в соответствии с Болонской декларацией. Отметим, что при совершенствовании содержания высшего образования считалось важным учитывать рекомендации ЮНЕСКО, даже если в этой области не предъявлялись требования к стандартизации.

30 октября 2006 года Кабинетом министров была утверждена «Концепция общего образования в Азербайджанской Республике (Национальный куррикулум)» [5]. Этот документ, носивший концептуальный характер, представлял собой новый подход к общему образованию. Он принципиально отличался от предыдущих образовательных программ своим назначением, содержанием, технологией и структурой. Здесь были четко сформулированы компетенции, которыми должны овладеть учащиеся на общеобразовательной ступени, даны результаты обучения по уровням. Реализация этого подхода зависела от обучающихся в высших педагогических учебных заведениях (будущих педагогов). В то время содержание высшего педагогического образования не было направлено на привитие будущим учителям тех компетенций, которыми должны овладеть учащиеся на общеобразовательной ступени. Содержание высшего педагогического образования отличалось не студенче-

ской направленностью, а педагогичностью. Поскольку в процессе обучения в высших педагогических школах преобладало преподавание «абстрактных знаний» [6], предусмотренные стандарты подготовки учителей не были реализованы. По этой причине выпускники с высшим педагогическим образованием терпели неудачу из-за своей неконкурентоспособности на рынке труда.

Еще в 60-е годы Дж. Минцер справедливо утверждал, что потребность в высококвалифицированных специалистах определяется спросом на рынке труда [7]. А. Аббасов, однако, считал важным «разработать стандарты и куррикулумы, соответствующие новой концепции, с целью очистки содержания образования от учебной нагрузки, которая уже считается излишней» [8]. Кроме того, в рамках совместного проекта Министерства образования и Всемирного банка «Развитие сектора образования» предусматривалась разработка стратегии и концепции непрерывного педагогического образования по подкомпоненту «подготовка учителей», разработка и внедрение содержания учебной программы по специальности «Учитель начальных классов» и предмета «Основы образования».

По этой причине была начата разработка «концепции и стратегии непрерывного педагогического образования и подготовки учителей в Азербайджанской Республике» [9]. С этой целью в Министерстве образования создана рабочая группа. Концепция и стратегия, разработанные с целью обеспечения всех уровней и ступеней образования компетентными педагогическими кадрами, отличающимися высокой квалификацией и профессиональной подготовкой, были утверждены 25 июня 2007 года.

В целях разработки нового содержания, касающегося подготовки учителей начальных классов, соответствующим приказом Министерства образования была создана рабочая группа. Документ, подготовленный рабочей группой, был утвержден в 2008 году под названием «Рамочный куррикулум подготовки учителя начальных классов на уровне бакалавра высшего образования в Азербайджанской Республике». На основе этого куррикула были разработаны новые учебные планы, и с 2007/08 учебного года преподавание началось на соответствующих факультетах Азербайджанского государственного педагогического университета, Гянджинского государственного университета и Азербайджанского института учителей. В подготовке учителя начальных классов успешно внедрена новая модель. В учебный план, утвержденный в 2009 году, вошли дисциплины «Основы образования», «Оценка достижений учащихся», «Знание жизни и методика его преподавания», «Технология и методика ее преподавания» и «Иностранный язык и методика его преподавания». Были внесены существен-

ные изменения в содержание, структуру, стандарты содержания и оценку подготовки учителей начальных классов. Учебный план состоял из 3 разделов: 1) блок общеобразовательных предметов – аудиторные часы – 465 часов (25 кредитов); 2) блок общеобразовательных предметов профессиональной подготовки – аудиторные часы 1290 (86 кредитов); 3) блок специализированных дисциплин – аудиторные часы 1245 (83 кредита). Длительность педагогической практики составляла 18 недель. Общая учебная нагрузка составляла 3000 часов (200 кредитов (194+6)).

В 2009 году был принят Закон Азербайджанской Республики «Об образовании» от 19 июня 2009 года. В статье 17 закона ступени образования определены следующим образом: 1) дошкольное образование; 2) общее образование; 3) первое профессионально-специальное образование; 4) среднее специальное образование; 5) высшее образование [10]. При организации ступеней образования каждая строится на основе своей предшественницы, то есть ожидаются требования принципа преемственности (передача усвоенных знаний и опыта на следующий уровень и ступень). Пятый уровень, по видимому, включает высшее образование и его уровни (бакалавриат, магистратура, докторантура), где также готовятся «высококвалифицированные специалисты и научно-педагогические кадры с учетом потребностей общества и рынка труда» [10]. Большую часть этих студентов составляют будущие учителя. Если развитие общества зависит от школы, то развитие школы также зависит от качественной и компетентной подготовки учителей. После принятия нового закона Об образовании была обновлена нормативно-правовая база высшего образования, в том числе высшего педагогического. В статье 6 «Закона об образовании» сущность государственных стандартов в области образования раскрыта так: «Государственные стандарты в области образования – это совокупность общих норм, разработанных в соответствии с требованиями личности, общества, государства, на основе научно-педагогических принципов и отражающих единые государственные требования на определенный период (не менее 5 лет)» [10]. При определении государственных образовательных стандартов следует руководствоваться международными критериями, национальными и общечеловеческими ценностями, учитывать все составляющие образования (цель, содержание, материально-техническую базу, инфраструктуру и т.д.), который должен был охватить. В отличие от предыдущего закона Об образовании (1992 г.), новый закон (2009 г.) предусматривает особое внимание к качественным показателям преподавателей высших учебных заведений и измерению уровня знаний, умений и навыков учащихся на всех уровнях ступени высшего образования. Для реализации этих вопросов министерство образования приняло более 20 новых документов по организации высшего об-

разования [11, с.100]. Принятые документы охватывали структуру высшего педагогического образования, его содержание, направления интеграции в европейское образовательное пространство. Постановлением Кабинета министров от 23 апреля 2010 г. утвержден «Государственный стандарт и программа высшего образования». Здесь отражены государственные требования к содержанию, управлению, материально-технической и учебной базе, инфраструктуре высшего образования, уровню знаний, умений и навыков студентов, программам высшего образования.

Важную роль в развитии образования, в том числе высшего педагогического, сыграла «Государственная стратегия развития образования в Азербайджанской Республике» [12]. В стратегии анализируется международный опыт и тенденции в сфере образования, профессиональные кадры рассматриваются как основа интеллектуального потенциала страны, приводятся основные задачи системы образования, цель стратегии, стратегические направления, цели и мероприятия, реализуемая технология. Стратегия выдвигает требование совершенствования содержания высшего образования. Сообщается, что «хотя вводятся новые куррикулы по подготовке учителей, куррикулы высших учебных заведений в целом не соответствуют требованиям к компетентности сотрудников на рынке труда» [12].

Это было тяжелое обвинение для высших педагогических учебных заведений. По этой причине разработка и внедрение стандартов по каждой специальности высшего образования, направленных на подготовку конкурентоспособных специалистов, а также куррикулов подготовки педагогических и научно-педагогических кадров считались необходимыми. Образовательная программа (государственный стандарт) по специальностям уровня бакалавриата высшего образования подготовлена и утверждена министерством образования в 2014 году. Продолжительность выполнения образовательной программы бакалавриата по педагогическим специальностям определялась следующим образом: 1) общее количество недель, отведенных на освоение образовательной программы бакалавриата – 198; 2) количество недель, отведенных на теоретическую подготовку, в том числе на практику (14 недель) – 154; 3) количество недель, отведенных на каникулы – 38; 4) количество недель, отведенных на итоговую аттестацию – 6.

Учебные планы составлялись на основе утвержденных Министерством образования образовательных программ. Учебные планы, рассчитанные на 4 года обучения, состояли из 3 разделов: 1) раздел гуманитарных дисциплин – аудиторные часы – 405 (30 кредитов); 2) раздел дисциплин профессиональной подготовки по специальности – аудиторные часы 1725 (142 кредита); 3) факуль-

тативные дисциплины кафедры профессиональной подготовки по специальности – аудиторные часы – 390 (38 кредитов). В учебной программе 2014 года количество часов в аудитории составляло всего 2520. Учитывая, что в 1999 году это число составляло 3800. За 15 лет учебная нагрузка студентов (аудиторные часы) снизилась на 1280 часов (33,7%). В 2014 году общий объем часов, отведенных на факультативы по профессиональной подготовке, составил 390 часов (15,5%).

Часы работы по двойным специальностям (математика-физика, химия-биология, история-география) были разными, хотя учебный план имел одинаковую структуру. Аудиторные часы на кафедре гуманитарных дисциплин – 405 (30 кредитов); 2) аудиторные часы на кафедре профдисциплин специальности – 2280 (188 кредитов); 3) аудиторные часы на кафедре профдисциплин специальности – 555 (52 кредита). Для парных специальностей (5 лет) годовая учебная нагрузка (аудиторные часы) составляла 3240 часов. В 2014 году общий объем часов, отведенных на факультативные предметы, связанные с профессиональной подготовкой по 5-летним учебным планам, составил 555 часов (17,1%). Для педагогической практики по всем специальностям было предусмотрено 14 недель.

В 2015 году по предложению Министерства образования был разработан новый учебный план только для специальности «Учитель начальных классов». По сравнению с учебной программой 2014 года было увеличено общее количество часов, а также разница между предметами. Аудиторные часы блока общих предметов увеличились с 405 до 540 часов. 180 часов (12 кредитов), отведенных на предмет иностранного языка и методики его преподавания, увеличены до 510 часов (29 кредитов). Количество часов, отведенных на предметный блок профессиональной подготовки по специальности, сократилось с 1710 часов (144 кредита) до 1680 часов (140 кредитов). 405 часов, отведенных на факультативные дисциплины блока профессиональной подготовки специальности, сокращены до 300 часов. Поводом для проведения такого серьезного изменения стало повышение уровня владения английским языком будущих учителей. Вскоре после этого стало ясно, что эта идея не очень эффективна. В учебном плане 2009 года также было выделено 360 часов (24 кредита) на иностранный язык и методику его преподавания. Учителя начальных классов должны были преподавать этот предмет в своих классах. В 2014 году от этой идеи отказались, так как в ходе эксперимента выяснилось, что она не оправдала себя. Выделение часов, отведенных на специализированные дисциплины, для преподавания иностранного языка не казалось логичным. В 2015 году этот горький опыт был повторно использован, и часы, отведенные на преподавание иностранных языков, были искусственно

увеличены. В 2020 году после серьезного вмешательства специалистов объем часов, отведенных на специализированные дисциплины, был увеличен, часы, отведенные на иностранные языки, были приравнены к часам, отведенным для других факультетов.

В 2020 году Министерством образования были утверждены образовательные программы уровня бакалавриата по педагогическим специальностям. На основе образовательных программ разрабатывались новые учебные планы. В 4-летних учебных программах на блок общих предметов отводилось 330 часов (30 кредитов), на специализированные предметы – 1320 часов (120 кредитов), на предметы, определенные высшими учебными заведениями (факультативы), – 660 часов (60 кредитов). Количество кредитов педагогической интернатуры (практики) увеличено с 21 до 30 кредитов за счет выпускных итоговых аттестационных экзаменов. Общая учебная нагрузка определена в 2310 часов. В 5-летних учебных программах выделялось 330 часов (30 кредитов) на блок общих предметов, 1980 часов (180 кредитов) на специализированные предметы и 660 часов (60

кредитов) на предметы, определенные высшими учебными заведениями (факультативные предметы). Учебная нагрузка была запланирована на 2970 часов.

В 2008 году еженедельная учебная нагрузка составляла в среднем 28,5 часов, 24 часа в 2014 году и 22 часа в 2020 году. Кредиты на педагогическую практику составили 30 кредитов в 2020 году по сравнению с 21 кредитом в 2008 и 2014 годах.

Подготовка педагогических кадров с необходимыми профессиональными компетенциями в образовательных программах была представлена как один из важнейших вопросов в настоящее время. Ответ развития человеческого капитала на вызовы нового тысячелетия в быстро модернизирующемся азербайджанском образовании, создание условий для его устойчивого развития, укрепление инфраструктуры высших педагогических учебных заведений, создание содержания личностно-ориентированного образования и модернизация человеческих ресурсов зависят от социально-культурных и нормативно-правовых условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azərbaycanın təhsil siyasəti (1998-2004). I cild. Bakı: Çarşıoğlu, 2005, 832 s.
2. Əliyev H. Təhsil millətin gələcəyidir. Bakı: Təhsil, 2002.
3. Ali və orta ixtisas təhsili istiqamətlərinin və ixtisaslarının siyahısı haqqında Azərbaycan Respublikasının Nazirlər Kabinetinin Qərarı. <https://e-qanun.az/framework/12927>
4. Azərbaycan Respublikasında çoxpilləli ali təhsil sistemində magistr hazırlığı (magistratura) haqqında əsasnamə. Magistr hazırlığı haqqında Azərbaycan Respublikasının Nazirlər Kabinetinin qərarı. <https://edu.gov.az/az/esas-huquqi-aktlar/784>
5. Azərbaycan Respublikasında ümumi təhsilin konsepsiyasının (Milli Kurrikulumun) təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabinetinin qərarı. <https://e-qanun.az/framework/11562>
6. Федяева, А. Двухуровневая система высшего образования [Электронный ресурс]: за и против / А. Федяева, О. Сидельникова. <http://www.kurskcity.ru/news.php?date=2007-03-12&id>.
7. Mincer, J. On the job-training costs, returns, and some implication / J. Mincer // The Journal of Political Economy. - 1962. - № 5. - P. 48-56.
8. Abbasov, Ə. Yeni kurikulumların seçiyəvi xüsusiyyətləri // Kurrikulum. 2008. №1, s. 31-37
9. Azərbaycan Respublikasında fasiləsiz pedaqoji təhsil və müəllim hazırlığının Konsepsiya və Strategiyası. <https://e-qanun.az/framework/13540>
10. "Təhsil haqqında" Azərbaycan Respublikasının Qanunu // Xalq qəzeti, 19 iyun 2009-cu il.
11. Mərdanov M. Azərbaycan təhsil tarixi. IV cild. /M. Mərdanov. - Bakı: Təhsil, -2012. - 912 s.
12. Azərbaycan Respublikasında təhsilin inkişafı üzrə Dövlət Strategiyası // Xalq qəzeti, 24 oktyabr

© Гасымова Айнура Ясин гызы (gasimova.a@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Го Ханьвэнь

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
guohanwen615@163.com

Нурғалиева Долорес Абилдаевна

Доцент, Казахский национальный университет имени
аль-Фараби
rusbear@internet.ru

THEORETICAL STUDIES OF THE FOUNDATIONS OF MODERN EARLY LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY

**Guo Hanwen
D. Nurgalieva**

Summary: Parents' attitudes towards early learning of English are very important. Many parents believe that their children will only be more competitive if they learn the language as early as possible.

The main aim of language learning is to develop interest, at the learning stage the main aim should be to develop a child's interest in early language learning and to form the habit of speaking boldly. For young children, language learning should be "playful". If the child is interested in learning the language, it will not be difficult to learn it. The characteristics of early language learning for young children is that they will mainly listen and speak in order to develop basic communication skills. If adults force children to spell and repeat boring words to learn a language, they will lose interest in learning.

Keywords: learning, language, early learning, development.

Аннотация: Отношение родителей к раннему изучению английского языка очень важно. Многие родители считают, что их дети будут более конкурентоспособны, только если как можно раньше выучат язык.

Главная цель изучения языка - развить интерес, на этапе обучения основной целью должно быть развитие у ребенка интереса к раннему изучению языка, формирование привычки смело говорить. Для маленьких детей изучение языка должно быть "игровым". Если ребенок заинтересован в изучении языка, то выучить его будет несложно. Особенности раннего изучения языка для маленьких детей заключаются в том, что они будут в основном слушать и говорить, чтобы развить базовые коммуникативные навыки. Если взрослые будут заставлять детей произносить по буквам и повторять скучные слова для изучения языка, они потеряют интерес к изучению.

Ключевые слова: обучение, язык, раннее обучение, развитие.

Принято считать, что учителя имеют чистое произношение и стандартизированный язык. Дети могут заниматься с учителем, чтобы выучить стандартное произношение и правильную грамматику. Однако, помимо языковой спецификации, учитель должен обладать соответствующей педагогической квалификацией. Некоторые учителя не понимают психологию детей и не владеют хорошими методами преподавания, поэтому они могут не суметь эффективно обучать [1]. Напротив, некоторые опытные и квалифицированные учителя лучше умеют полноценно общаться с детьми и своевременно выявлять их проблемы и трудности в обучении. Поэтому, когда родители выбирают специальный курс для своих детей, они должны быть конкретными в выборе преподавателей.

В настоящее время английский язык является вторым по важности языком, и для того, чтобы дать детям хорошую основу английского языка с самого раннего возраста, многие родители выбирают учреждения раннего образования для изучения языка для своих детей. На самом деле, раннее образование - это очень широкий вопрос, и обычно говорят, что образование детей до 6 лет относится к раннему образованию, но обычно дети поступают в детский сад в возрасте 3 лет, поэтому образо-

вание детей в возрасте 3-6 лет также называется ранним образованием. Содержание раннего образования основано на самых базовых знаниях. С развитием современного общества английский язык стал международным языком, и важность свободного владения английским языком является дополнительным навыком. В настоящее время все больше и больше родителей осознают необходимость изучения английского языка для своих малышей. Поэтому раннее изучение языка для малышей вполне уместно. Дети, которые изучают английский язык как можно раньше, будут иметь преимущество в произношении, восприятии на слух и языковых навыках [2]. Если вы обеспечите своему малышу англоязычную среду в самом раннем возрасте и дадите ему стимуляцию различных фонетических средств, вы сможете познакомить его с фонетикой различных языков в первые 10 месяцев его фонетической чувствительности, заложив основу для изучения этого языка в будущем. У маленьких детей хорошая память и сильные навыки подражания. С самого рождения младенцы способны впитывать и запоминать все звуки, которые они слышат, образы, которые они видят, и предметы, которые они трогают, из различных контекстов, постепенно формируя осмысленные понятия [3].

Дети, говорящие на двух языках, имеют преимущество перед теми, кто говорит только на одном, в плане гибкости мозга и навыков решения проблем. Поскольку языковая стимуляция является ключевым фактором в росте и развитии клеток мозга, предоставление вашему ребенку двуязычной стимуляции в раннем детстве способствует координации между двумя полушариями мозга и укрепляет связи между нервными клетками.

Это, конечно, не означает, что дети, изучающие язык в более позднем возрасте, плохо его усвоят. Дети, изучающие язык в более позднем возрасте, могут иметь более четкое понимание структуры предложений, что может быть полезно для более глубокого чтения в более позднем возрасте.

Многие эксперты утверждают, что дети лучше всего учатся в возрасте от 2 до 3 лет, поскольку именно в это время малыши проявляют интерес и любопытство к изучению языка, поэтому они получают вдвое больший результат, приложив вдвое меньше усилий. Конечно, в период до двухлетнего возраста вы можете создать английскую среду, в которой ваш малыш будет естественным образом знакомиться с английским языком, например, слушая детские песенки и сказки на английском языке. Постепенно выучите несколько простых слов и делайте это для удовольствия. Нет необходимости указывать, сколько говорить по-английски каждый день, просто позвольте ему учиться, если ему интересно или нет. Вы также можете посмотреть мультфильмы на английском языке, чтобы развить интерес вашего ребенка. Вот несколько способов, как родители могут научить ребенка английскому языку в раннем возрасте [4].

Для малышей в возрасте до трех лет изучение языка в основном стимулируется "звуком", а "слушание" – это начало быстрого усвоения языка.

Малыши любят смотреть мультфильмы, поэтому мамы и папы могут выбрать несколько любимых мультфильмов, чтобы включать их снова и снова. Живая анимация, милые персонажи и привлекательные сюжеты – все это позволяет малышам естественным образом входить в виртуальные ситуации, знакомиться с поговорками, учиться использовать шаблоны предложений и развивать навыки аудирования и говорения. Однако мамы и папы должны делать это постепенно, в зависимости от ситуации, в которой находится их ребенок.

Играя, вы можете уменьшить давление обучения и позволить вашему ребенку изучать английский язык радостно и непреднамеренно. По этой причине мамы и папы могут создавать игры на распознавание английских слов или выбирать книги, которые вдохновляют, интерактивны и веселы. Кроме того, вы можете использовать интерактивные мультимедийные средства, чтобы

разжечь интерес вашего ребенка к изучению английского языка с помощью сочетания анимации, изображений, звуков и слов.

Изучение языка для младенцев и детей младшего возраста связано с определенным контекстом и наличием кого-то, с кем можно общаться на этом языке [5].

Согласно исследованиям, предоставление малышам разнообразных обогащающих стимулов в возрасте до трех лет стимулирует рост клеток мозга, что не всегда дает немедленные результаты, но резервирует способности для последующего обучения и развития. В результате дошкольники легче усваивают языки, чем дети других возрастов, поэтому, пока дети интересуются иностранными языками, чем раньше они с ними знакомятся, тем естественнее и правильнее они могут их произносить и использовать.

Артикуляционные органы человека находятся в состоянии развития до полового созревания и обладают значительной эластичностью. После подросткового возраста развитие стабилизируется, а эластичность снижается. Поэтому, если ребенок растет, изучая второй язык, и имеет широкие возможности для его использования, его артикуляционные органы естественным образом адаптируются к системе произношения этих языков и производят различные звуки, необходимые для них. Если ребенок изучает второй язык после подросткового возраста, он будет иметь некоторые ограничения в произношении и столкнется с так называемой проблемой акцента. С точки зрения внешней среды и психологии, когда взрослые изучают английский язык, они озабочены правильностью грамматики и смысла, и чувствуют себя униженными, если говорят неправильно; в то время как у детей "лингвистическая самооценка" еще не сформирована, и они не знают, какой язык является родным, а какой нет, поэтому они, естественно, не сопротивляются изучению или говорению на иностранном языке. С самого рождения они способны впитывать и запоминать все звуки, которые они слышат, образы, которые они видят, и предметы, к которым они прикасаются в различных ситуациях, и подражать им. Вначале они подражают бессознательно, осмысливая звуки, голоса и образы, понимая то, чего не понимают, смеясь, потому что смеются, плача, потому что плачут, и постепенно, по мере накопления опыта, формируя осмысленные понятия и вынося суждения с помощью собственного сознания. К тому времени, когда дети достигают возраста одного-двух лет, они могут имитировать произношение, жесты, жестикуляцию и естественные движения языка взрослых. В этот момент изучение второго языка происходит легко, без каких-либо трудностей или давления. Ребенок, как чистая, сухая губка, находится в счастливом расположении духа, наслаждается обучением, впитывает знания и интегрирует их для полного выражения.

Одним из наиболее важных аспектов изучения второго языка является объем приобретенного словарного запаса. Это связано с тем, что грамматика осваивается и должна пересматриваться и совершенствоваться со временем и через опыт. Чем богаче словарный запас вашего ребенка, тем лучше он сможет четко выразить смысл, и

чем лучше он овладеет грамматикой, тем свободнее он будет владеть вторым языком. Это означает, что время, затрачиваемое ребенком на изучение второго языка, максимально продлевается, как в плане приобретения словарного запаса, так и в плане грамматической коррекции, и ему гарантируется самое щедрое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вронская И. Методика раннего обучения английскому языку. – Litres, 2022.
2. Миролюбов А.А. и др. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность //Обнинск: Титул. – 2010. – С. 330.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам как наука: проблемы и перспективы //Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – №. 1. – С. 22.
4. Колесников А.А. Профориентационное обучение иностранным языкам в школе и вузе: от теории к технологии. – 2018.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика //М.: академия. – 2004. – Т. 336. – С. 2.

© Го Ханьвэнь (guohanwen615@163.com), Нурғалиева Долорес Абилдаевна (rusbear@internet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИДАКТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО СООБЩЕСТВА

Горелова Людмила Игоревна

старший преподаватель «МИРЭА – Российский технологический университет»;
соискатель, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
lyudmila.gorelova.mgupi@mail.ru

DIDACTIC SUPPORT OF THE MODEL OF PROFESSIONAL SUPPORT FOR TEACHERS IN THE DIGITAL COMMUNITY

L. Gorelova

Summary: The article analyzes the readiness of vocational education teachers to work in a digital educational environment and the conditions for its formation. Models of digital competencies are analyzed. A study was made of the readiness of teachers in the higher education system. It is concluded that one cannot limit oneself only to analyzing the level of readiness of teachers without identifying emerging difficulties, problems and barriers in pedagogical activity and, accordingly, without understanding the necessary conditions for overcoming them. Otherwise, there may be an unlawful shifting of responsibility entirely on the teaching staff themselves. In the course of the pilot study, it was shown that, despite the accelerated mastering of digital technologies and teaching aids by teachers, the conditions for the formation of professional readiness to work in a digital educational environment are not fully formed, both due to the underdevelopment of the digital educational environment of colleges, and because of the lack of solutions to many issues that require integrated approaches and often go beyond the capacity of the higher education system itself. The identified problems will allow a purposeful and targeted approach to designing a system of conditions for the formation of the readiness of higher education teachers to work in a digital educational environment.

Keywords: digital educational environment, distance interaction, trello, distance learning, professional support.

Аннотация: В статье проводится анализ готовности педагогов профессионального образования к работе в цифровой образовательной среде и условий ее формирования. Проанализированы модели цифровых компетенций. Проведено исследование готовности преподавателей системы высшего образования. Сделан вывод, что нельзя ограничиваться только анализом уровня готовности преподавателей без выявления возникающих трудностей, проблем и барьеров в педагогической деятельности и, соответственно, без понимания необходимых условий для их преодоления. В противном случае может произойти неправомерное переложение ответственности всецело на самих педагогических работников. В ходе опытно-поискового исследования было показано, что, несмотря на ускоренное освоение педагогами цифровых технологий и средств обучения, условия формирования профессиональной готовности к работе в цифровой образовательной среде не сформированы в полной мере, как из-за неразвитости самой цифровой образовательной среды колледжей, так и из-за отсутствия решений по многим вопросам, нуждающимся в комплексных подходах и часто выходящим за рамки возможностей самой системы высшего образования. Выявленные проблемы позволят целенаправленно и адресно подойти к проектированию системы условий формирования готовности преподавателей высшего образования к работе в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, дистанционное взаимодействие, трелло, дистанционное обучение, профессиональная поддержка.

Апробация технологии проводилась в ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». Суммарная выборка опытно-экспериментальной работы составила 100 педагога и 161 студента.

«Педагогическое взаимодействие — это достаточно разностороннее определение, которое может включать в себя контакты «преподаватель-преподаватель», «преподаватель-обучающийся», «обучающийся-обучающийся», «группа обучающихся-преподаватель», «администрация-преподаватель», «администрация-обучающийся» и т.д., группе как совокупном субъекте, различающемся по составу, по характеру выполняемой

деятельности сложную взаимосвязь общественных явлений — системы образования, общества, социального заказа и пр. т.е. в зависимости от ситуации, может быть абсолютно разное количество участников педагогического взаимодействия».

Была создана виртуальная доска трелло – «Наука ИФТИС МПГУ» (см. рисунок 1) [11].

«Дистанционное взаимодействие – взаимодействие субъектов образовательного процесса (в концепте полисубъективности), реализованное с помощью цифровой образовательной среды (например, компьютерно-опосредованной коммуникации), разнообразное по формам,

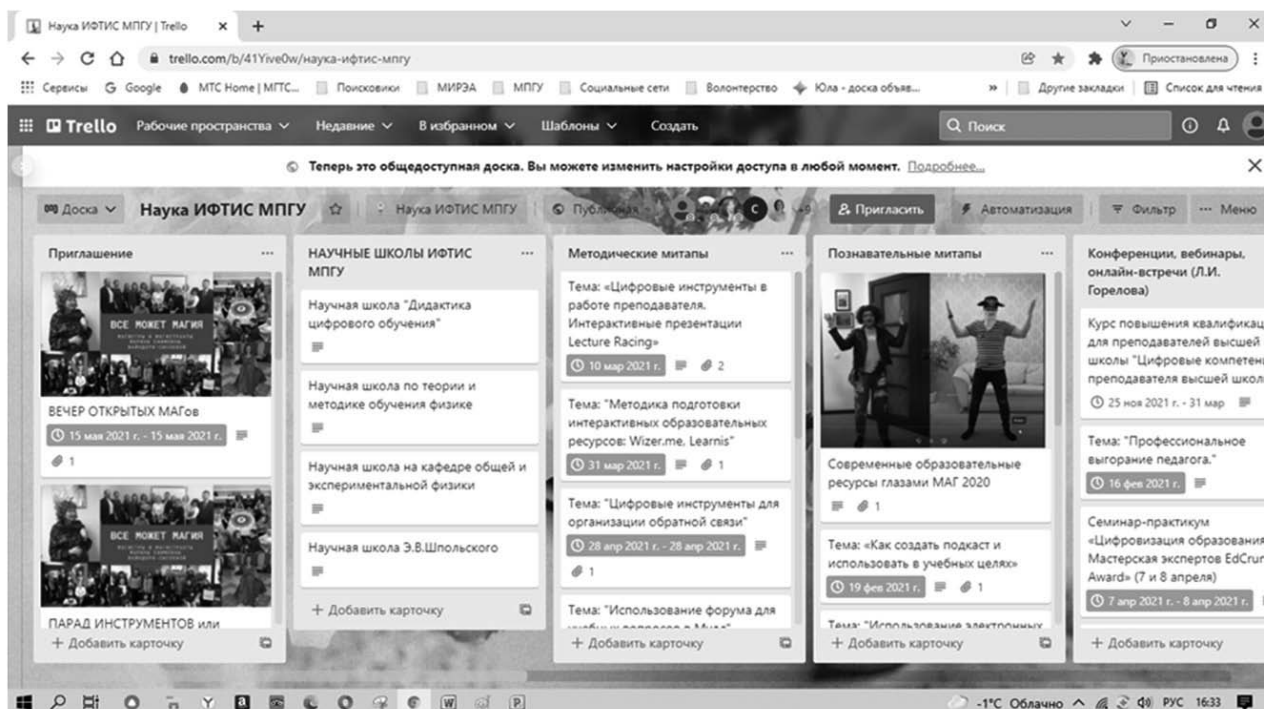

Рис. 1. Виртуальная доска трелло «Наука ИФТИС МПГУ»

режимам и специфичным методам взаимодействия».

«Образовательное средство – это сочетание научно и практически обоснованных методов и средств, для достижения желаемого результата в любой сфере образования».

Цифровая образовательная среда как средство организации дистанционного взаимодействия в системе повышения квалификации педагогов позволяет решать такие вопросы как:

- управление педагогическим процессом и организацией дистанционного взаимодействия;
- анализ и систематизация полученного практического опыта взаимодействия субъектов образовательного процесса;
- комплексное решение образовательных проблем;
- обеспечение андрагогического подхода в образовании;
- оптимальное использование имеющихся в распоряжении ресурсов;
- прогнозирование и корректирование образовательных результатов.

Одним системообразующим компонентом образовательного средства, педагогического взаимодействия и дистанционного взаимодействия – являются субъекты образования. В качестве субъектов в системе повышения квалификации могут выступать не только педагог и слушатель, но и другие педагоги, эксперты по оценке качества образования. Необходимо также обратить внимание на позицию, которую будут занимать субъекты, и

каким образом будет происходить дистанционное взаимодействие.

Обобщающим компонентом является цифровая образовательная среда, которой отводится определенная роль (например, средство мониторинга результатов дистанционного взаимодействия, организационная форма дистанционной коммуникации, электронно-образовательный ресурс, направленный на приобретение пользователями опыта дистанционных взаимодействий и др.).

Рассмотрим этапы использования цифровой образовательной среды как средства организации дистанционного взаимодействия в системе повышения квалификации на примере платформы дистанционного обучения СДО Moodle.

1. Предварительный этап.
 - Постановка цели;
 - Выбор сервиса/платформы взаимодействия;
 - Подбор электронных образовательных ресурсов;
 - Определение критериев оценивания работы и дистанционного взаимодействия в зависимости от предстоящей работы с определенным контингентом слушателей;
2. Основной этап.
 - Входное анкетирование;
 - Обучение;
 - Дистанционное взаимодействие во время обучения.

3. Заключительный этап

- Подведение итогов;
- Выходное анкетирование по результатам работы;
- Рефлексия деятельности педагогом и слушателем.

Рассмотрим подробно этапы использования цифровой образовательной среды как средства организации дистанционного взаимодействия в системе повышения квалификации педагогов с примером развития определенных компетенций.

Все этапы обусловлены целым рядом обстоятельств, которые необходимы для использования цифровой образовательной среды как средства дистанционного взаимодействия. Без этого ряда условий будет невозможен процесс подготовки основного содержания обучения на курсах повышения квалификации, а также комфортной среды обучения.

При определении цели предстоящего дистанционного взаимодействия и образовательного процесса, необходимо учитывать различного рода факторы: материальные, технические, временные, а также личностные и возрастные особенности слушателей, тематику курсов повышения квалификации, общую поставленную цель, формат работы. Например, при построении занятий в системе СДО Moodle в модульном виде при построении цели дистанционного взаимодействия учитывается общая цель курса, цель каждого модуля и результат, которого должны достигнуть слушатели.

На сегодняшний день в открытом доступе находится множество сервисов, с помощью которых возможно создать коммуникацию и дистанционное взаимодействие, в частности, но выбор должен быть обусловлен такими факторами как: доступность программного обеспечения, сложность интерфейса, наличие или отсутствие инструкций по работе с сервисом, разнообразие инструментов сервиса для решений, поставленных задач взаимодействия. Необходимо учитывать возраст слушателей, их владение персональным компьютером и умение владеть различными программами.

Необходимость подбора разнообразных электронных ресурсов для поддержки дистанционного взаимодействия обуславливается не только возможностью облегчить трудозатраты и разнообразие, но и преследует собственную цель: определенные электронные образовательные ресурсы способствуют развитию разнообразных компетенций. Регулярная работа в том числе с дополнительными ЭОР должна быть направлена на развитие у слушателей умений организации дистанционного взаимодействия, рефлексии своей деятельности, формированию готовности к использованию цифровой образовательной среды как средства организации

дистанционного взаимодействия в профессиональной деятельности. Понимание алгоритма построения дистанционного взаимодействия, будет способствовать формированию следующих компетенций:

1. Общекультурные компетенции.
 - «Готов к дистанционному взаимодействию с коллегами».
 - «Владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации сетевой среды».
 - «Умеет логически верно, аргументировано ясно строить дистанционную письменную речь».
2. Общепрофессиональные компетенции.
 - «Способен использовать систематизированные теоретические и практические знания при ведении дистанционного взаимодействия»;
 - «Владеет навыками дистанционного письменного профессионального взаимодействия».
 - «Способен самостоятельно вести организацию дистанционного взаимодействия с помощью цифровой образовательной среды».
3. Педагогические компетенции.
 - «Готов применять современные сетевые информационно-коммуникационные технологии в профессиональной педагогической деятельности».
 - «Способен использовать возможности сетевой информационно-образовательной среды в том числе для обеспечения качества образовательного процесса».
 - «Готов включаться в дистанционное взаимодействие с другими участниками образовательного процесса».

Развитию компетенций, в свою очередь будет способствовать подготовка преподавателем возможного дистанционного взаимодействия в цифровой образовательной среде, совместная со слушателями работа в сети, постоянный совместный анализ результатов деятельности. Педагогу также необходимо обратить внимание на мотивацию слушателей в зависимости от возраста и опыта, проанализировать критерии эффективности организации дистанционного взаимодействия. Моделирование образовательных ситуаций дистанционного взаимодействия позволяет выйти за рамки основного учебного процесса и помогает в развитии компетенций. Необходимо помнить, что развитие особых компетенций требуют от педагога нелинейного построения внеаудиторной работы, как например, внесение изменений в запланированный порядок ранее построенного дистанционного взаимодействия.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, преподавателю необходимо постоянно проводить мониторинг общей деятельности и дистанционного взаимодействия в течение всей работы. Мониторинг необходим для даль-

нейшего обобщения результатов и подведения итогов, а также самоанализа преподавателем своей профессиональной деятельности и способности организовать дистанционное взаимодействие. Объектами мониторинга можно выставить образовательный процесс и его результаты, дистанционное взаимодействие и личностные характеристики всех участников образовательного процесса, а также их потребности. На уровне дистанционного взаимодействия в цифровой образовательной среде объектами мониторинга и управления качеством могут быть:

- образовательные взаимодействия, протекающие в цифровой образовательной среде;
- развитие дистанционного взаимодействия;
- развитие способов отношений, ролей;
- качество образовательного процесса и т.д.

Целью мониторинга является оперативность и своевременность выявления изменений, происходящих в цифровой образовательной среде как инструмента дистанционного взаимодействия. Полученная информация позволяет оценить не только образовательный процесс, но и его результат, служит для принятия дальнейших педагогических решений касательно последующей организации дистанционного взаимодействия.

На наш взгляд, целесообразно ход мониторинговой работы разбить на три этапа, содержание которых представлено в таблице 1.

Следует отметить, что важным моментом является подведение промежуточных итогов всего дистанционного взаимодействия между слушателем и преподавателем, уточнение вклада в обсуждение каждого участника образовательного процесса. Преподавателю необхо-

димо поддерживать дистанционное взаимодействие и помогать в сложных ситуациях, т.е. поддерживать активную позицию и обеспечивать техническую профессиональную поддержку.

Использование цифровой образовательной среды как средства дистанционного взаимодействия педагогов требует выработки общих правил взаимодействия (например, запрета на оскорбление, перехода на личности или необходимости указания источника информации, постоянную обратную связь по заданиям).

Не стоит забывать, что существуют определенные трудности, которые могут помешать успешному дистанционному взаимодействию педагогов. Технические – ограниченное техническое оснащение педагогических работников, плохое подключение к стабильному Интернет-соединению, недостаточная «компьютерная грамотность» слушателей, отсутствие подключения к домашней сети. Методические – отсутствие рекомендаций по разрешению нетрадиционных педагогических проблем и конфликтов, возникающих при взаимодействии педагога и слушателя в рамках электронного курса, слабое владение слушателями приемами письменной и устной коммуникации. Организационные – согласование дистанционного взаимодействия слушателей с текущей профессиональной деятельностью, поддержание мотивации слушателей к выполнению заданий и коммуникации, дальнейшее применение образовавшихся педагогических дефицитов.

Следует отметить необходимость организации такой совокупности условий развития обучающегося, которые обеспечат возможность для наиболее эффективного использования цифровой образовательной среды как

Таблица 1.

Этапы мониторинга дистанционного взаимодействия с использованием цифровой образовательной среды.

Название этапа	Содержание этапа
Подготовительный	– На данном этапе предполагается получение знаний об особенностях организации мониторинга дистанционного взаимодействия (изучение теоретических материалов и практического опыта) – Определение на основе полученных знаний критериев, способов и периодичности оценивания взаимодействия слушателей – Итогом подготовительного этапа станет знание педагога о системе мониторинга в целом и составление собственных критериев оценивания.
Основной	В зависимости от выбранной системы оценивания, необходимо реализовать последовательность шагов по осуществлению мониторинга. Примерный план может быть следующий: 1. Оценивание дистанционного взаимодействия по заданным критериям. 2. Выставление предварительных баллов. 3. Отслеживания возникновения дискуссионных моментов (например, обращение участников друг к другу). 4. Рефлексия деятельности (активность участников, появление новой проблематики, новых ролей, способов отношений).
Заключительный	Этот этап предполагает формулировку выводов с целью планирования дальнейшей деятельности. Необходимо определить не только положительные моменты, но и возникшие риски, а также вероятные причины их возникновения. На заключительном этапе осуществляется получение новой опытной информации о результатах выполнения предыдущих этапов, а, следовательно, появляется возможность коррекции процесса образования, выработке стратегических решений.

средства организации дистанционного взаимодействия. Нами выделены несколько групп условий:

1. Условия, характеризующие отбор структуры образовательного процесса.
 - образовательная интерпелляция и образовательная необходимость согласно современным тенденциям и становления образования;
 - возрастные психофизические и профессиональные особенности обучающихся;
 - программа курсов повышения квалификации;
 - цифровая образовательная среда, как совокупность специальных условий, в которых будет протекать и образовательный процесс в этой среде;
 - способ организации образовательного процесса (дистанционный, модульный, виртуально-распределенный и др.).
2. Технологические условия, определяющие специальные специфические особенности организации дистанционного взаимодействия в цифровой образовательной среде:
 - выбор ресурса или платформы дистанционного взаимодействия в цифровой образовательной среде;
 - соответствие выбранного формата (синхронный или асинхронный) дистанционного взаимодействия целям и задачам образования слушателей на конкретном этапе образовательного процесса в рамках курса;
 - наличие правил для организации дистанционного взаимодействия и критериев его оценивания.
3. Личностные условия, которые определяются психофизическими индивидуальными качествами слушателей, индивидуальными способностями преподавателя, а также связанные с межличностным психоэмоциональным дистанционным взаи-

модействием и коммуникацией преподавателя и слушателя.

- цели, мотивация и ценностные ориентации всех участников образовательного процесса системы повышения квалификации;
 - готовность к рефлексивной деятельности педагога и слушателей;
 - стиль общения участников, активность взаимодействия;
 - учет индивидуальных психофизических особенностей каждого участника дистанционного взаимодействия (например, пассивность на аудиторном занятии, активность в цифровой среде).
4. Технические условия:
 - наличие работоспособных технических устройств для доступа к глобальной сети у преподавателя и слушателей;
 - наличие базовой ИКТ-компетентности для работы с цифровой образовательной средой и другими информационными ресурсами.

В заключение, следует отметить, что «для того, чтобы использование цифровой образовательной среды как средства организации дистанционного взаимодействия было эффективным, педагогу необходимо акцентировать внимание не только на деятельности слушателей в курсах повышения квалификации и образовательном процессе в целом, но и на взаимодействие всех субъектов образования». Это позволит развить новые профессиональные компетенции педагогических работников, организовывать дистанционное взаимодействие, создавать условия для рефлексии прошедшей практической деятельности и возможного взаимодействия, развивать и обогащать элементную базовую основу цифровой образовательной среды, что, в конечном счете, будет способствовать дальнейшему тиражированию педагогического опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Панькина Е.В. Риск возникновения конфликтных ситуаций при организации взаимодействия участников учебного процесса в цифровой образовательной среде [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. – Том 9. – № 3. – С. 79–86. doi:10.17759/jmfp.2020090307
2. Вайндорф-Сысоева Марина Ефимовна, Чекалина Татьяна Александровна, Лебедеко Алексей Владимирович Система дистанционного наставничества как средство профессионального развития педагогов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. №4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-distantsionnogo-nastavnichestva-kak-sredstvo-professionalnogo-razvitiya-pedagogov> (Дата обращения: 03.01.2022).
3. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Модель многоуровневой подготовки педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения / М.Е. Вайндорф-Сысоева, М.Л. Субочева // Электронный научно-публицистический журнал «Ното Cyberus». – 2019. – №2(7). – URL: http://journal.homocyberus.ru/Vayndorf-Sysoeva_ME_Subocheva_ML_2_2019 (Дата обращения: 26.12.2021)
4. Вайндорф-Сысоева, М.Е. Многоуровневая подготовка педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: дис. ... докт. пед. наук / Вайндорф-Сысоева Марина Ефимовна; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2019. – 461 с.
5. Вайндорф-Сысоева, М.Е. Методическая грамотность преподавателя вуза как профессиональная компетенция (на примере организации коммуникаций различных видов) / М.Е. Вайндорф-Сысоева. – Текст: непосредственный // Learning Stakeholders and Researchers Summit 2017: материалы междуна-

- ной конф.: proc of the Intern. conf., Москва, 10–11 октября 2017 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; отв. ред. Е.Ю. Кулик, У. Кускин. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 137–145 с. 0.5 п.л.
6. Вайндорф-Сысоева, М.Е. Современные профессиональные риски преподавателя вуза / М.Е. Вайндорф-Сысоева. – Текст: непосредственный // EdCrunch Томск: материалы международной конференции по новым образовательным технологиям. г. Томск, 29–31 мая 2019 г. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019 – 400 с.
 7. Уварина, Н.В. Проблема синдрома эмоционального выгорания в современной педагогике и психологии / Н.В. Уварина // . – 2013. – № 3. – С. 153-164. – EDN TBEETR.
 8. Информационная подготовка педагогов профессионального обучения в аспекте безопасности / Е.А. Гнатышина, С.А. Богатенков, Е.В. Гнатышина, Н.В. Уварина. – Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2015. – 415 с. – ISBN 978-5-906752-00-0. – EDN VNNTFD.
 9. Модели обучения в цифровой образовательной среде профессиональной организации: проблемы, опыт внедрения и перспективы / Е.А. Гнатышина, Н.Ю. Корнеева, Д.Н. Корнеев, Н.В. Уварина. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2023. – 147 с. – ISBN 978-5-93162-730-4. – EDN EXWMQD.
 10. Корчемкина, Ю.В. Индивидуализация процесса формирования информационно-аналитических умений студентов в виртуальной образовательной среде вуза / Ю.В. Корчемкина, Н.В. Уварина // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2022. – Т. 14, № 4(58). – С. 65-72. – DOI 10.7442/2071-9620-2022-14-4-65-72. – EDN DQHWVX.
 11. Виртуальная доска трелло – «Наука ИФТИС МПГУ»: <https://trello.com/b/41Yive0w/наука-ифтис-мпгу>

© Горелова Людмила Игоревна (lyudmila.gorelova.mgupi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЯХ ПРИЕМНЫХ КАМПАНИЙ ВУЗОВ

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL TOOLS IN THE MARKETING STRATEGIES OF UNIVERSITY ADMISSIONS CAMPAIGNS

*M. Gusarova
N. Ragimova*

Summary: The article considers the main directions of digital transformation in the system of higher education. The authors revealed the insufficient development of the regulatory framework and the lack of a unified strategy for the transition to a digital university. Analyzed various digital practices that were used by the country's universities, including in the field of organizing and conducting admission campaigns. Particular attention is paid to the analysis of marketing strategies of universities based on the use of digital services. The established practices for organizing admissions campaigns are considered, their strengths and weaknesses are identified.

Keywords: regulatory framework; digitalization, information and communication sphere, digital university, IT sphere, applicants, content, practices.

Гусарова Мария Николаевна

доктор исторических наук, доцент, профессор,
кафедры ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
университет «МЭИ» (г. Москва).
gusyan@bk.ru

Рагимова Наргиз Камиль Кызы

кандидат юридических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО
«МИРЭА - Российский технологический университет»,
(г. Москва)
rnk279@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления цифровой трансформации в системе высшего образования. Авторы выявили недостаточную разработанность нормативно-правовой базы и отсутствие единой стратегии перехода к цифровому университету. Проанализированы различные цифровые практики, которые применялись вузами страны, в том числе в сфере организации и проведения приемных кампаний. Выявлены проблемы взаимодействия локальных (на уровне вузов) цифровых сервисов и платформ с федеральными информационными системами; нормативно-правового обеспечения и исполнения требований регуляторов к информационным системам вузов.

Особое внимание в статье уделяется анализу маркетинговых стратегий вузов на основе использования цифровых сервисов. Проанализированы сложившиеся практики по организации приемных кампаний, выявлены их слабые и сильные стороны. Авторы статьи приходят к выводу, что отечественным вузам с каждым годом все труднее поддерживать прежние форматы для привлечения талантливой молодежи; предлагают пути выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: нормативно-правовая база; цифровизация, информационно-коммуникативная сфера, цифровой университет, IT-сфера, абитуриенты, контент, практики.

Развитие мировой цивилизации в последнее десятилетие во многом обусловлено стремительной цифровизацией и ее внедрением во все сферы общественной жизни, включая частную. Внедрение в нашей стране цифровых платформ, инструментов и соответствующих технологий значительно изменило функционирование целых секторов экономики (развитие онлайн-банкинга, маркетплейсы, доставка продуктов и товаров, интернет-сервисы по вызову такси, каршеринг, сервисы по покупке билетов и бронированию жилья, онлайн-образование, и т.д.). Очевидно, что переход к цифровой экономике оказывает трансформирующее воздействие на рынок труда, повышая спрос на высококвалифицированные кадры, с развитыми цифровыми навыками, позволяющими их носителям не только решать сложные проектные и бизнес-задачи, применяя

соответствующий инструментарий и контент, но также эффективно коммуницировать в общественной жизни [1, 2]. Вот почему, одним из важнейших направлений цифровизации является сфера образования.

Цифровая трансформация стала одним из магистральных направлений развития системы высшего образования в нашей стране примерно с 2014 -2018 гг. Это проявилось, во-первых, в росте числа научных, научно-практических конференций и круглых столов с участием представителей Минобрнауки, ректоров ведущих российских вузов, на которых обсуждались различные аспекты цифровизации; во-вторых в росте числа научных публикаций методического и методологического характера, посвященных вопросам применения в вузах цифровых инструментов и технологий; в- третьих, в

административных изменениях (например, во многих вузах появилась должность проректора по цифровизации); в -четвертых, в наращивании объемов дистанционного формата обучения; в пятых, в переходе к электронному документообороту и во внедрении электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) [3]. С 2014 года существует Центр компетенций по цифровизации образовательных организаций, под эгидой которого проводятся различные конференции, семинары и круглые столы. На этих мероприятиях участники, представляющие различные организации высшего и среднего профессионального образования, обсуждают и анализируют реализуемые в российских вузах стратегии цифровой трансформации, в частности, в сфере использования отечественного программного обеспечения, взаимодействия с федеральными информационными системами, нормативно-правового обеспечения и исполнения требований регуляторов к информационным системам вузов. Между тем, единой стратегии перехода к цифровому университету в масштабах страны до сих пор не выработано.

Система образования в нашей стране чрезмерно бюрократизирована, что в значительной степени сужает возможности вузов по поиску и внедрению цифровизации в учебный процесс. Исследование выявило недостаточную проработанность нормативной базы по этому вопросу. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» ориентирован преимущественно на учреждения среднего образования и включает в себя меры по их соответствующему техническому и кадровому оснащению.

Нормативной базой для цифровой эволюции вузов стали Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (Минцифры РФ, 2020) и Письмо Минобрнауки от 7 октября 2021 г. №МН-19/697 «О направлении методических рекомендаций по разработке стратегии цифровой трансформации образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России». Однако, эти документы носят скорее методологический характер и не содержат перечня конкретных практических действий по осуществлению цифровой трансформации вуза.

В итоге каждый вуз должен выработать собственную концепцию цифрового развития (или цифрового перехода) и реализовать ее. На наш взгляд, стратегии вузов можно систематизировать и свести к следующему перечню:

- переход к гибриднему или полностью безбумажному документообороту;
- максимальное развитие онлайн обучения;
- внедрение и развитие мультимедийных средств обучения и мультимедийного контента;

- внедрение платформенных решений (разработка собственных цифровых платформ);
- внедрение отечественного аппаратного и программного обеспечения (импортозамещение);
- информационная безопасность на базе отечественных программных продуктов и решений;
- цифровое просвещение студентов и преподавателей; обучение работе в цифровой среде;
- применение цифровых технологий при организации приемных кампаний (онлайн-сервисы, проторинг, личный кабинет абитуриента, цифровые сервисы вступительных испытаний, ФИС ГИА и приема и т.д.);
- использование искусственного интеллекта [1,3,8].

Вопросам цифровизации различных направлений деятельности вуза посвящено немало исследований. Эти исследования носят как теоретический (анализ различных методологических подходов), так и прикладной характер (авторы, как правило, делятся цифровым опытом вуза, в котором работают) [3,5,8]. В исследованиях, направленных на изучение различных аспектов цифровизации приемных кампаний, преобладают работы, связанные с поиском решений по применению информационных систем и цифровых платформ; обеспечению информационной поддержки всех процессов приемной кампании от подачи документов до зачисления [5]. В числе объективных проблем, препятствующих цифровизации, исследователи называют: слабость нормативного регулирования применения цифровых технологий в сфере высшего образования, несогласованность требований регуляторов и законодательства; отсутствие платформенных решений «под ключ»; проблему интеграции платформ и технологий; нехватку кадров с соответствующей компетенцией; рост киберугроз; медленные темпы импортозамещения.

Достаточно много публикаций посвящено внедрению цифровых инструментов в маркетинговые стратегии вузов. Однако, чаще всего в этих работах присутствует, преимущественно, описательный аспект. Недостаточной, разработанной, на наш взгляд, является проблема применения цифровых инструментов с точки зрения их актуальности для привлечения абитуриентов, прежде всего, на «не престижные» направления подготовки, где учиться сложно или сфера профессиональной реализации достаточно узкая.

Инновационная модель экономики, производящая идею, технологию, цифровой продукт, глобальна и интернациональна сама по себе. Она не может быть привязана к одному месту. Именно поэтому, работа из любой точки мира – важнейший вектор ее развития. Не обязательно приходить в офис, чтобы производить программный продукт, администрировать сеть или управлять целыми технологическими комплексами.

Современное поколение молодых людей легко включается в эту новую цифровую реальность и выбирает профессию, где можно реализовать себя и оставаться «космополитом» в профессии и в жизни. Зачастую не так важен карьерный рост, как перспектива «оставаться всю жизнь на плаву», быть востребованным, успешным с финансовой точки зрения. Индустриальный формат организации (компании), где царит строгая иерархия и чиновничество, больше не привлекателен для поколений Z и «альфа». Они выбирают свободу, мобильность и успешность. В этом, очевидно, кроется рецепт высокой популярности IT-сферы. Молодое поколение привлекает как высокая зарплата в экономике, стабильный спрос на специалистов, так и наличие своего рода «окна возможностей», в плане мобильности, конкурентности и самореализации. В этой связи, неплохие перспективы по набору у тех вузов, которые способны предложить абитуриентам как можно больше направлений подготовки, имеющих самое непосредственное отношение к информационно-коммуникационному сектору (ИКТ-сектору). Например, в РТУ-МИРЭА из семи институтов IT-специалистов выпускают пять.

Конкуренцию IT-специальностям у абитуриентов традиционно составляют направления подготовки в области экономики, управления бизнесом, дизайна (в том числе цифрового дизайна), рекламы и связи с общественностью, здравоохранения, государственного и муниципального управления, иностранных языков и межкультурной коммуникации. И, как правило, востребованные специальности, закрывают ведущие вузы страны: МФТИ, НИУ ВШЭ, МГИМО, ИТМО, РАНХиГС, МИФИ, Финансовый университет, СПбГУ. Именно туда устремляется талантливая молодежь [6].

Конкурировать с флагманами отечественного образования региональным вузам крайне сложно. И дело не только в бюджетах, но и в послевузовских возможностях для выпускников, которые напрямую зависят от социально-экономического и культурного развития региона. В условиях демографической стагнации и сокращения численности абитуриентов ситуация для некоторых вузов вырисовывается просто угрожающая и это несмотря на то, что число бюджетных мест в региональных вузах выросло. Например, в 2022-м университеты, расположенные за пределами столичного региона, получили 75,6% бюджетных мест, что выше показателей 2019 года на 2,6% [6,7].

Как показало исследование, приемные кампании вузов сталкиваются не только со структурными проблемами, обусловленными, например, постоянными изменениями Порядка приема, непрозрачностью самой процедуры приема, недоверием к цифровым сервисам со стороны абитуриентов и их родителей, недостатком нормативно-правовой базы в сфере использования информационных систем, цифровых платформ и инструментов, но и с тем, что с каждым годом все труднее поддерживать

прежний формат используемых маркетинговых стратегий для привлечения талантливой молодежи [3].

Выявлено, что среди вузов, даже с привлекательными в сфере ИКТ направлениями подготовки, растет конкуренция за абитуриентов, а численность последних неуклонно снижается. Как было отмечено выше, одна из причин – демографическая. Еще одна – затянувшийся спад в экономике и стремление еще недавних школьников как можно скорее выйти на рынок труда, минуя вуз, и отдав предпочтение обучению в системе среднего профессионального образования – СПО (колледж). Так, например, в 2015 г. в вузах страны обучалось 4,77 млн. студентов, в СПО – 2,87 млн. человек; в 2021 г. – 4,22 млн. человек в вузах и 3,4 млн. человек в образовательных учреждениях системы СПО [9]. В этой ситуации вузы вынуждены расширять и постоянно корректировать казавшиеся такими успешными и устоявшимися практики привлечения абитуриентов; проведения приемных компаний; дней открытых дверей.

Главным вектором трансформации вузовских приемных компаний является интеграция цифровых инструментов и платформ в этот процесс. Чем больше «цифры», тем более привлекателен вуз для школьников и их родителей. В западном мире цифровизация позволила, по сути, преодолеть конфликт «отцов и детей». Современные родители и их дети отлично взаимодействуют в «цифровом мире»: учатся, работают, отдыхают, занимаются саморазвитием, коммуницируют. Поэтому, и родители, и дети, ищут не только хороший вуз, с качественным образованием, высоким рейтингом, но и удобный (привычный цифровой) формат взаимодействия с миром знаний, учебным процессом, и всем, тем, чем наполнено обучение в высшем учебном заведении. Вот почему, на наш взгляд, маркетинговые стратегии вузов будут меняться, чтобы привлечь абитуриентов.

Нами было проанализировано несколько официальных сайтов российских вузов (НИУ ВШЭ, НИУ МЭИ, РТУ МИРЭА и др.), их страницы в социальных сетях, каналы в RUTUBE, а также публикации в научных журналах, в которых авторы анализируют социологические опросы абитуриентов об их выборе образовательной траектории и цифровые инструменты в маркетинговых стратегиях вузов [4,6,7]. На первый взгляд, российские вузы блестяще освоили цифровые инструменты и уверенно продвигают себя на рынке. Все вузы в достаточной степени развили такие практики как онлайн экскурсии по вузу, онлайн-формат открытых дверей, мастер-классы выпускающих кафедр на различных видеоплатформах. Здесь сложно найти нишу, где можно занять более выигрышную позицию. Рекламу вузов мы регулярно встречаем в социальных сетях. У всех вузов есть страницы в социальных сетях и «телеграмме».

Регулярные опросы поступивших в вуз студентов, по-

зволяют руководству вузов сформировать и занять свой сегмент рынка образовательных услуг. Чаще всего в ответах студентов фигурируют значимость рейтинга вуза – вузы прикладывают огромные усилия, чтобы не выпасть из него; престижность и доходность профессии – вузы предлагают именно востребованные на рынке направления подготовки; наличие базы практики с возможностью последующего после окончания вуза трудоустройства – вузы стремятся к интеграции с крупными компаниями и предприятиями. В целом, проведенный анализ выявил высокую рыночную ориентированность российских высших учебных заведений. При всем формализме и забюрократизированности учебного и административного процессов вузы стремятся гибко реагировать на запросы абитуриентов, корректируя при необходимости учебные планы, расширяя направления подготовки и наращивая базу практики.

Между тем, рост маркетинговых возможностей себя исчерпал и это на фоне сокращения численности абитуриентов. С каждым годом вузам придется пересматривать свои уже сложившиеся практики по набору и корректировать их. Так, например, контент официальных сайтов вузов практически одинаковый и мало чем отличается друг от друга. Их изучение вряд ли станет преимущественным фактором при выборе вуза, кроме того, отсутствие мобильного приложения сразу отсекает часть потенциальных студентов, ведь у нас в руках гаджет, а не компьютер с большим и плоским экраном. Информация для абитуриентов также везде примерно одинаковая. Может сработать подход агрессивного маркетинга, но его возможности не бесконечны.

Будущее нам видится за новым контентом, который

сможет убедить как абитуриентов, так и их родителей в том, что выбранный вуз сможет создать цифровую среду, аналогичную той, в которой они живут. Очевидно, что это многофакторная проблема. В большинстве своем российские вузы успешно справились с внедрением электронной информационно-образовательной среды, но цифровую пока не создали, они еще в начале пути. Причины кроются как в не достаточном осмыслении того, что представляет собой цифровая трансформация образовательного учреждения, так и в отсутствии исчерпывающей нормативно-правовой базы; подготовленных кадров, способных реализовывать цифровые решения и обеспечивать их соответствующую поддержку; высокой стоимости решений импортозамещения в сочетании с их недостаточным функционалом, не обеспечивающим в достаточной мере защиту персональных данных и иной информации. Добавим к этому негативное влияние санкций, отрезавших страну от поставок современного оборудования.

Но цифровой мир уже вокруг нас и вузам придется научиться его создавать, чтобы сохранить рыночное преимущество. Ведь сегодня мы находимся на заре четвертой промышленной революции, технологическим каркасом которой являются цифровые платформы, сквозные технологии, а также киберфизические системы, способные принимать решения и обрабатывать их в конкретной производственной операции. Инженерным вузам следует ориентироваться на расширение линейки направлений подготовки на стыке традиционных отраслей и ИТ (например, энергетики и ИТ). Такой подход обеспечит как устойчивость вуза на рынке образовательных услуг, так и всего сектора материального производства в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. M. Gusarova, O. Savka, S. Gorkush. Electronic Information and Educational Environment at a Technical University. AIP Conference Proceedings 2647, 040083 (2022); <https://doi.org/10.1063/5.0105022> Published Online: 01 November 2022.
2. Савка О.Г., Гусарова М.Н., Сумина С.В., Князев Я.О., Безруков Д.А. Модель формирования цифровых компетенций при реализации программ высшего образования. *Russian Technological Journal*. 2022;10(6):78-90. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2022-10-6-78-90>
3. Цифровизация приёмной кампании 2023. Автоматизация управления учебным процессом вуза и колледжа с учетом изменений законодательства РФ // <https://www.sut.ru/university/structure/podrazdeleniya-prorektora-po-cifrovoy-transformacii/meropriyatiya/cifrovizaciya-priemnoy-kampanii-2023.-avtomatizaciya-upravleniya-uchebnim-processom-vuza-i-kolledzha-s-uchetom-izmeneniy-zakonodatelstva-rf-1>
4. Белова Л.И. Социологическое исследование мотивирующих факторов выбора студентами университета // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 2021, №5–6. – С. 33–45. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-5.6-33-45>.
5. Едренкина М.В., Слинкин Д.А., Бельков Д.М. Возможности информационной поддержки приемной кампании вуза в условиях дистанционного взаимодействия субъектов образовательного процесса // *Мир науки, культуры, образования*. № 5 (90) 2021. С.73-77.
6. Региональный разрез мониторинга качества приема: ключевые аспекты // <https://www.hse.ru/ege2022-3>
7. Романова Л.Л. Привлечение абитуриентов в региональный вуз на основе анализа их потребностей // *Вестник АмГУ*. 2021. Выпуск 94. С.69-72.
8. Слинкин Д.А., Устинова Н.Н. Модернизация цифровой образовательной среды вуза в условиях перехода на дистанционное обучения в связи с пандемией коронавирусной инфекции. *Вопросы педагогики*. 2020; № 9-2: 235 – 239.
9. Число студентов СПО приближается к количеству учащихся в вузах – URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/8/8/chislo-studentov-spo-priblizhaetsya-k-kolichestvu-uchashihsya-v-vuzah/> (дата обращения: 12.03.2023). – Режим доступа: Российский союза ректоров.

© Гусарова Мария Николаевна (gusyan@bk.ru), Рагимова Наргиз Камиль Кызы (rnk279@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НАВЫКОВ УЧАЩИХСЯ БЛАГОДАРЯ ЗАНЯТИЮ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL SKILLS OF STUDENTS IN SPORTS ACTIVITIES

K. Ezhov
S. Ezhov
S. Kumskov
I. Kozlovskikh

Summary: The article deals with the problem of the development of socio-cultural skills in the process of sports activity. The importance of this problem is shown, since sports activity is not only an opportunity to ensure human health, but also to develop his communicative, social skills. The purpose of the article is to study the formation of socio-cultural skills of students during sports activities. It is shown that in the course of sports activities, not only the formation of such sports qualities as endurance, competitiveness, reaction speed, discipline, but also the ability to work in a team, empathy, trust, mutual assistance and mutual support, the ability to understand representatives of different countries, socio-cultural skills is carried out. The sports team forms students' ability to interact with each other, a culture of communication, respect for each other and the opponent. The article concludes that sports activity forms the socio-cultural skills of students, teaches them effective ways of interaction during games, competitions and outside of them.

Keywords: sports activity, socio-cultural skills of students, interaction of students in a team, competition.

Ежов Кирилл Сергеевич

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Уральский государственный экономический
университет», Россия, г. Екатеринбург
kiril1@list.ru

Ежов Сергей Геннадьевич

кандидат педагогических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Российский Государственный Профессионально-
Педагогический Университет», Россия, г. Екатеринбург
sergey-ejov@mail.ru

Кумсков Сергей Викторович

кандидат педагогических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Российский Государственный Профессионально-
Педагогический Университет», Россия, г. Екатеринбург
kumskovs@mail.ru

Козловских Илья Сергеевич

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Уральский
государственный экономический университет»,
Россия, г. Екатеринбург
kozlovskikh81@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема развития социокультурных навыков в процессе спортивной деятельности. Показана важность данной проблемы, поскольку спортивная деятельность является не только возможностью обеспечить здоровье человека, но и развить его коммуникативные, социальные навыки. Целью статьи является изучение формирования социокультурных навыков учеников в ходе спортивной деятельности. Показано, что в ходе спортивной деятельности осуществляется не только формирование таких спортивных качеств, как выносливость, соревновательность, быстрота реакции, дисциплинированность, но и умение работать в команде, эмпатия, доверие, взаимопомощь и взаимоподдержка, умение понимать представителей различных стран, социокультурные навыки. Спортивный коллектив формирует у учеников умение взаимодействовать друг с другом, культуру общения, уважительное отношение друг к другу и сопернику. В статье делается вывод о том, что спортивная деятельность формирует социокультурные навыки учеников, обучает их эффективным способам взаимодействия в ходе игры, соревнования и вне их.

Ключевые слова: спортивная деятельность, социокультурные навыки учеников, взаимодействие учеников в команде, соревнование.

Проблема физической культуры и спорта всегда были в зоне особого внимания и рассматривались преимущественно в рамках проблем здорового образа жизни.

В настоящее время проблемы спорта остаются актуальными и в связи с последними событиями жизни общества, привлекают все больше внимание как с научной, так и с практической точки зрения.

Современные научные работы изучают влияние спор-

та и здорового образа жизни на человека, его физическое и психологическое здоровье и благополучие. Много исследований также посвящено изучению влияния конкретного вида спорта на личность человека.

Занятия спортом пропагандируются среди населения, строится большое количество физкультурно-оздоровительных комплексов, способных принять большое количество детей и взрослых и обеспечить каждому занятие различными видами спорта.

В Национальной доктрине образования Российской Федерации, в качестве одной из задач государства ставится всесторонняя забота о физическом воспитании и развитии учащихся [3]. Физическое воспитание подразумевает создание комплекса мероприятий и идей, направленных на возникновение культуры здорового образа жизни, культуры спортивной деятельности и взаимодействия внутри их.

Занятия спортом, физкультурой, пропагандируются в настоящее время как важная составляющая здорового образа жизни, воспитания и образования подрастающего поколения.

Развитие социокультурных навыков подрастающего поколения является одной из важных задач концепции современного образования.

Современный социум также нуждается в развитии социокультурных навыков, культуры взаимодействия и общения.

Под социокультурными навыками понимают умение человека взаимодействовать с окружающими людьми [1].

Эти навыки развиваются во многих сферах жизнедеятельности человека. Одной из важных сфер развития этих навыков является спорт и физкультурно-спортивная деятельность.

По мнению исследователей, спортивная деятельность развивает социокультурные навыки у 60% детей младшего школьного возраста, совершенствует их у 54% подростков и 41% взрослых [1; 2; 3; 4].

Спорт, спортивная деятельность – деятельность человека, которая, базируясь на соревнованиях, продуцирует спортивные достижения и победителя [6].

Целью данной статьи является изучение формирования социокультурных навыков учеников в ходе спортивной деятельности.

Являясь значимыми сферами социокультурной жизни человека и общества, физкультура и спортивная деятельность способствует развитию не только социально значимых качеств характера, но формирует личность, ее умение взаимодействовать с социумом.

Занятия спортивной деятельностью требуют от человека разных умений и качеств: ловкости, выносливости, силы, сноровки, быстроты реакций, умения взаимодействовать с другими спортсменами и тренерами не только своей команды или страны, но и из команд противников, представляющих другие страны. Все это и связанные с этими действиями умения составляют социокультурные навыки спортсменов.

Необходимыми элементами структуры социокультурной среды являются система отношений, культура, пространство деятельности и временная организация жизни, в котором образовательное учреждение занимает свое место [3].

Социокультурная среда, способная обеспечить развитие учеников и их социокультурные навыки должна быть относительно стабильна и устойчива, осмысленностью видов деятельности, взаимодействием, воплощением учеников во внешнем мире, способностью учеников создавать среду, богатством и разнообразием элементов среды.

Спортивная деятельность обучающихся строится в детском спортивном коллективе. Детский коллектив является организованной социальной средой. Попадая в эту среду, ребенок, с одной стороны, начинает жить по законам данного коллектива, приучается к ним. С другой стороны, спортивный коллектив – это всегда формирование и проявление спортивных качеств характера, которые формируются, не только индивидуально, но и во взаимосвязи с другими детьми и взрослыми людьми.

Вышесказанное подчеркивает важность детского спортивного коллектива в формировании социокультурных навыков.

Перед спортивным коллективом всегда стоят конкретные задачи, для достижения которых необходимо взаимодействовать, кооперировать свои усилия, искать и устанавливать личные, деловые контакты.

В детском спортивном коллективе всегда происходит взаимодействие детей, развиваются не только спортивные качества: сила, выносливость, соревновательность, но и умение взаимодействовать, учитывать не только свои интересы и действия, но и ориентироваться на интересы и действия других. Одним из важных составляющих спортивной деятельности является умение работать в команде, а для этого необходим определенный уровень коммуникативной компетентности, социокультурные навыки.

Взаимодействуя в команде, научаясь слушать мнение других, учитывать действия членов команды, соотносить и координировать свои и чужие действия, ориентироваться в процессе игрового взаимодействия и соревнований, развивают у учеников социокультурные навыки [2; 4].

В детском спортивном коллективе происходит развитие моральных качеств. Такие качества, как честное товарищество, честная борьба, ответственность перед собой и перед другими членами коллектива, дружеские отношения в команде, организованность труда также являются составляющими социокультурных умений.

Большая роль в развитии социокультурных навыков учеников принадлежит тренеру, который не должен ограничиваться только тренерской работой. Тренер должен интересоваться успехами и неудачами учеников в учебе, должен знать другие стороны их жизни, следить за повышением учениками своего культурного уровня, находить подход к ученикам, уметь поддержать учеников.

Как отмечают исследователи, тренер должен идти в ногу со временем, уважать учеников, воспитывать уважение к другим, быть дисциплинированным, поскольку, как отмечает А.С. Макаренко, дисциплина спортсмена – это не только дисциплина порядка, но и дисциплина борьбы и преодоления трудностей. Эти качества он также должен воспитать в учениках.

Таким образом, дела формирования у учеников социокультурных навыков педагог должен быть и тренером, и воспитателем, следя за техническими особенностями выполнения спортивной деятельности и за развитием личности, культурного и социального уровня учеников [4].

Предметом спортивной деятельности является физические способности и качества человека, которые развиваются в процессе занятий физкультурой и спортом [5]. Как известно, одним из важнейших качеств человека, занимающегося спортивной деятельностью, является соревновательность, которая одновременно является и характеристикой социальных отношений, и видом социальных отношений и определенным психологическим состоянием человека или группы людей, занимающихся спортивной деятельностью.

Состязательность проявляется в готовности спортсмена или команды соревноваться с другими.

Пространство спортивной деятельности не является замкнутым в себе самом мире. Оно включено в мир практики и потребления, имеет воспитательную систему и является фактором гармоничного развития личности.

Важно отметить также, что, вступая в процесс состязания, спортсмены контактируют с представителями иной культуры не только в процессе соревнований на площадке, но и вне соревнований.

Как отмечают исследователи, спортивное соревно-

вание является полем реализации всего спектра социальных взаимодействий, а спортивный статус является статусом страны, социальной системы. Это положение усиливается при рассмотрении положения современных спортивных соревнований и деятельности. Современность диктует, что спортивная профессиональная деятельность невозможна без политики. Рассмотрение непрофессиональной спортивной деятельности также показывает, и об этом говорилось выше, что в ней необходимо обладать социокультурными навыками.

Таким образом, происходит полное социокультурное взаимодействие, проявляющееся как на уровне спорта, так и на личностном уровне. Этот личностный уровень является неотъемлемой частью соревновательного процесса и состязания [5].

Следующий вид спортивной деятельности, где происходит развитие социокультурных навыков – это игра и командные виды спорта. Как отмечал Ю.М. Лотман, игра – определенный вид действительности, в которой существуют свои правила и реализуется определенное взаимодействие [5]. Это значит, что здесь развиваются социокультурные навыки, являясь необходимым условием осуществления игры. В спортивной деятельности человек подчиняется духу игры, что способствует развитию как социокультурных, так и других необходимых навыков.

Следующий признак спортивной деятельности, развивающий социокультурные навыки – зрелищность. Этот признак в первую очередь относится к зрителям. Просматривая спортивные соревнования, зрители могут обсудить их, им свойственно переживания за спортсменов, происходит эмоциональная доработка происходящего. Спортсмены, обеспечивая зрелищность, также используют и проявляют социокультурные навыки.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что спортивная деятельность учеников формирует у них социокультурные навыки, обучает их эффективным способам взаимодействия в ходе игры, соревнования и вне их. Особенно эффективным для формирования социокультурных навыков является спортивный коллектив, взаимодействуя в котором ученики развивают социокультурные навыки, формируют культуру общения, Большая роль в этом процессе принадлежит тренеру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капотов В.М. Введение в общую теорию развития личности. М. 2019. 200с.
2. Лосева Л.П. Формирование физической культуры детей и подростков в условиях социально-культурной среды: Дисс. ...канд. пед. Наук. М. 2002. 311 с.
3. Платонов В.Н. Подготовка квалифицированных спортсменов. М.: Физкультура и спорт. 2018. 286 с.
4. Славко А.Л. Социокультурные особенности физкультурно-спортивной деятельности // Аналитика культурологии. 2011. № 21 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-osobennosti-fizkulturno-sportivnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 15.03.2023).

5. Хасанов А.Т. Физическая культура и спорт как важный аспект в формировании личности // Молодой ученый. 2017. № 11. С. 527-529.
6. Физическое воспитание и спорт в колледже: монография / Л.И. Анищева, И.О. Соловьев, В.Г. Прокудина. Воронеж: ВГПГК, 2019. 63 с.

© Ежов Кирилл Сергеевич (kiril1@list.ru), Ежов Сергей Геннадьевич (sergey-ejov@mail.ru),
Кумсков Сергей Викторович (kumskovs@mail.ru), Козловских Илья Сергеевич (kozlovskih81@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный экономический университет

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

TO THE QUESTION OF THE EFFICIENCY OF MODERN METHODS OF PHYSICAL ENDURANCE DEVELOPMENT OF MILITARY PERSONNEL

A. Zykov
A. Akmeev

Summary: The issue of improving the quality of the process of physical training of military personnel by optimizing physical endurance has been updated. The goal is to explore modern approaches to the development of physical endurance of military personnel. Methodology. Achieving the goal of the article involved the use of relevant theoretical methods of pedagogical research, as well as pedagogical modeling. Results of the study and their discussion. It has been established that physical endurance is an important factor in the success of performing professional tasks by modern military men. The actual ways of its development involve the use of both traditional methodology and modern combined fitness trends used in physical education in paramilitary structures. The disadvantage of the methods under consideration is both the narrow focus of the means used, which form the endurance of a certain type or for a certain activity, and the complexity of individual means, when endurance is not developed purposefully, but as a concomitant developed quality or functional readiness. Findings. Theoretical understanding of issues related to the development of endurance of military personnel is in the plane of understanding the importance of this quality in the context of the complexity of the professional duties of this contingent, often associated with the need for prolonged exhausting psychological and physical activities in their relationship. The necessity of optimizing the process of developing the endurance of military personnel is revealed, taking into account modern directions for solving this problem in the framework of the physical training of the military. A variant of increasing the effectiveness of the development of endurance of military personnel based on the use of the provisions of functional training is proposed. The results of the study expand the understanding of the importance of physical endurance as a basic quality of the physical fitness structure of modern servicemen. The data obtained suggest their use in the structure of the theoretical and methodological development of physical training programs for military personnel. Further research will be aimed at concretizing the methodology for the optimized development of the physical endurance of military personnel and its empirical substantiation.

Keywords: physical training, readiness, endurance, aerobic abilities, military personnel, physical education, psychological reliability, physical readiness, nervous tension, physical exhaustion.

Зыков Андрей Викторович

кандидат педагогических наук, профессор, Вольский
военный институт материального обеспечения
zikov.a.v@list.ru

Акмеев Анвер Сулейманович

Кандидат педагогических наук, доцент, Вольский военный
институт материального обеспечения
akmeev.a.s@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос повышения качества процесса физической подготовки военнослужащих посредством оптимизации физической выносливости. Цель – исследовать современные подходы к развитию физической выносливости военнослужащих. Методология. Достижение цели статьи предполагало использование релевантных теоретических методов педагогического исследования, а также педагогического моделирования. Результаты исследования и их обсуждение. Установлено, что физическая выносливость является важным фактором успешности выполнения профессиональных задач современными военными специалистами. Актуальные пути ее развития предполагают использование как традиционной методологии, так и современных комбинированных направлений фитнеса, используемого в физическом воспитании военнослужащих. Недостатком рассматриваемых методов выступает как узкая направленность используемых средств, формирующих выносливость определенного вида или к определенной деятельности, так и комплексность отдельных средств, когда выносливость развивают не целенаправленно, а в качестве сопутствующего развиваемого качества или функциональной подготовленности. Выводы. Теоретическое осмысление вопросов, связанных с развитием выносливости военнослужащих, находится в плоскости осознания важности данного качества в контексте сложности профессиональных обязанностей данного контингента, зачастую связанных с необходимостью продолжительной истощающей деятельности психологического и физического толка в их взаимосвязи. Выявлена необходимость оптимизации процесса развития выносливости с учетом современных направлений решения данной задачи в рамках физической подготовки военнослужащих. Предложен вариант повышения эффективности развития выносливости на основе использования положений функциональной тренировки. Результаты исследования расширяют представление о значении физической выносливости как базового качества структуры физической подготовленности современных военнослужащих. Полученные данные предполагают их использование в структуре теоретико-методической разработки программ физической подготовки военнослужащих. Дальнейшие исследования будут направлены на конкретизацию методики оптимизированного развития физической выносливости военнослужащих и ее эмпирического обоснования.

Ключевые слова: физическая подготовка, подготовленность, выносливость, аэробные способности, военнослужащие, физическое воспитание, психологическая надежность, физическая готовность, нервное напряжение, физическое истощение.

Военные профессии представляют собой высокоуровневую структурированную организационно ориентированную деятельность по решению во-

просов реализации и обеспечения безопасного выполнения задач согласно профессиональным обязанностям. Подобная деятельность логично стремится к

упорядочиванию функциональных операций отдельных профессий военных, что требует повышения надежности их выполнения как на индивидуальном уровне, так и для определенной военизированной структуры. Следовательно, требуется обеспечение возможности выполнения отдельными участниками профессиональных военных обязанностей с определенной частотой, интенсивностью и продолжительностью. Реализация данного требования возможна лишь при надлежащем уровне физической подготовленности военных, что достигается средствами физического воспитания в структуре организованной физической подготовки военнослужащих разных специальностей. Таким образом, качественная физическая подготовка актуальным направлением научного поиска, как составляющая успешного выполнения профессиональной деятельности современными военными специалистами.

Рассматривая процесс физической подготовки большинство специалистов акцентируют внимание на исключительности вопроса развития выносливости как базового физического качества современных военных [1, с. 83; 2, с. 24; 4, с. 67]. Указывают, что невозможно обособлено рассматривать виды выносливости в физической подготовке военнослужащих, как это принято в теории и методике физического воспитания и спорта, а только как комплексное качество [5, с. 116]. Следовательно, встречаются рекомендации относительно как обособленного развития общей [8, с. 160], специфической [3, с. 107], психологической выносливости [7, с. 190-191], так и их комплексного проявления [6, с. 62-63]. Причем, на современном этапе исследователи используют как традиционные направления в развитии выносливости военных [13, с. 199-200; 15, с. 42-43], так и актуализируют использование современных направлений спортивного фитнеса [9, с. 76-77; 16, с. 1510], а также использование специфических «армейских» средств [18, с. 44-45]. Однако общим недостатком данных исследований выступает отсутствие оценки эффективности применения определенных средств в контексте профессиональных требований в физической выносливости военнослужащих [12, с. 133].

Таким образом, возникает необходимость оценки имеющихся представлений относительно подходов к развитию физической выносливости военнослужащих, с точки зрения внедрения в структуру физической подготовки эффективных программ. В результате подобного анализа создаются предпосылки к пониманию сущности физической выносливости военнослужащих как фактора, обеспечивающего высокий уровень надежности и устойчивости при выполнении профессиональных задач, что сформировать обоснование оптимизации процесса ее развития. Таким образом, гипотеза исследования состояла в определении возможностей оптимизации процесса развития физической выносливости военнослужащих посредством актуализированного поиска и анализа

имеющихся научно-методических данных.

Обобщение имеющегося материала позволит выявить актуальные направления развития физической выносливости военнослужащих, которые не противоречат положениям теории и методики физического воспитания и могут быть успешно реализованы в структуре физической подготовки в военизированных структурах. В результате этого создаются предпосылки к разработке и практической реализации оптимизированных программ развития физической выносливости военнослужащих.

Цель – исследовать современные подходы к развитию физической выносливости военнослужащих.

Методология исследования

Исходя из цели статьи в контексте необходимости обобщения теоретико-методологических подходов относительно изучения предмета исследования требовалось обобщить актуальные сведения, содержащиеся в рецензируемой научной литературе. Для этого, наряду с теоретическими методами педагогического исследования, был проведен основательный анализ научных статей относительно предмета исследования. Для анализа были использованы данные полнотекстовых статей из баз Elibrary, Google Scholar, Cyberleninka, которые были отобраны по следующим критериям: временной период – 2010-2023 гг.; ключевые слова – «выносливость, военные, армия, физическая подготовка», «physical training, military personel, soldiers, troops, endurance, aerobic training». Все найденные статьи (n = 106) были проанализированы на предмет соответствия критериям, приведенным выше по аннотациям (если требовалось по полнотекстовой версии, в случае ее доступности) и критериям приемлемости относительно предмета исследования. Всего в предварительный список было включено 68 статей. Окончательный список публикаций, удовлетворяющий задачам работы, после полнотекстового анализа составил 18 статей. Критерием исключения было отсутствие фактического материала, теоретической новизны полученных данных, нечеткого описания методологии исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Установлено, что для развития физической выносливости военнослужащих используются традиционные средства, которые предполагают продолжительное выполнение определенной двигательной деятельности, зачастую циклического характера [14, с. 175], с заданной или переменной интенсивностью [17, с. 1133], а также с использованием затрудняющих передвижение факторов [10, с. 16-17]. Такой подход является вполне оправданным, ведь определенные военные профессии предполагают продолжительное передвижение по суше

или вводе, или же перемещение груза на разное расстояние. Это, в целом, согласуется с концепцией развития общей выносливости и концепцией функциональной тренировки [11, с. 14]. Однако в большинстве случаев не учитываются характеристики режимов выполнения профессиональной военной деятельности, а также современные представления о режимах развития аэробных способностей. Также в большинстве случаев оценка выносливости происходит по средством преодоления того или иного расстояние в циклическом передвижении или повышении качества выполнения двигательной деятельности, которая использовалась для обучения. Это происходит вне контекста оценки физиологических детерминант физической выносливости военнослужащих, а также повышения эффективности выполнения профессиональных задач. Таким образом, в данном направлении используется оценка неспецифической составляющей физической готовности военнослужащих – общей выносливости, как способности продолжительно выполнять определенную физическую работу со слабоизменяемой интенсивностью.

Другое направление в развитии физической выносливости военнослужащих предполагает использование средств современных фитнес направлений, преимущественно функционального тренинга, со сложной структурой двигательной деятельности. Основные характеристики его состоят в использовании последовательного выполнения отличающихся двигательных действия, а также работы с высокой интенсивностью. По сравнению с традиционным направлением, здесь исследователи ориентируются больше на вариативность движений и физиологические характеристики эффективности. Результативность воздействия в процессе развития физической выносливости военнослужащих оценивается по результатам двигательных тестов и динамики показателей, характеризующих анаэробную производительность индивидов в широком диапазоне. Однако разработка программ тренировки также не учитывает специфику профессиональной деятельности военнослужащих.

Третье направление предполагает прогрессивное развитие физической выносливости военнослужащих на основе использования специфических «армейских» протоколов физической подготовки: упражнений с гирями, преодоления полосы препятствий, единоборств. Исходя из специфичности данного направления, используемые средства, в целом, согласуются с характеристиками профессиональной деятельности военнослужащих. Однако, с точки зрения теории и методики спортивной тренировки, используемые протоколы не всегда соответствуют методическим положениям развития физической выносливости. При этом, некоторые упражнения, традиционные для физической подготовки военнослужащих, не являются достаточно действенными относительно повышения выносливости человека.

Оценка физической выносливости при использовании данной методологии заключается в определении результативности в обучающих упражнениях, а также содержит соревновательный аспект специфически для относительно военных профессий.

Выделенные современные направления развития физической выносливости военнослужащих, в процессе анализа демонстрируют достаточную эффективность относительно динамики изучаемых показателей. Однако в большинстве случаев речь идет о параметрах общей выносливости или улучшении результатов в упражнениях, которые являются обучающими. Исключения составляют результаты армейского многоборья, которые отражают проявление физической выносливости военнослужащих в специфических условиях двигательной деятельности. Использование полевых и лабораторных тестов по определению физической выносливости военнослужащих не находит достаточного распространения в практике.

Исходя из сложности предмета исследования, что связано с высокой вариативностью условий деятельности военнослужащих, следует выделить ведущие факторы, характеризующие выносливость современных военных. В большинстве случаев, в современной литературе рассматриваются аспекты физической и психологической выносливости военных. Данные характеристики отражают спектр сложностей, которые испытывают военные разных специальностей при решении функциональных задач. Очевидно, именно в этом направлении следует адаптировать современные подходы к развитию физической выносливости военнослужащих. Независимо от использования той или иной методологии, развитие выносливости предполагает продолжительную работу с разной интенсивностью до определённой степени истощения энергетических ресурсов организма. Причём, если задача состоит в выполнении продолжительного передвижения или перемещения отягощения вначале происходит психологическое, а затем макроэнергетическое истощение ресурсного обеспечения деятельности, что сказывается на надёжности выполнения отдельных элементов, а также точности в решении конкретной двигательной задачи. Таким образом, оптимизация процесса развития физической выносливости военнослужащих должна способствовать отдалению наступления утомления в контексте сохранения надёжности выполнения профессиональной задачи. С другой стороны, ряд задач, которые присущи военным специальностям, предполагает проявление специфической выносливости, что выражается продолжительным выполнением работы с изменяющейся интенсивностью. С точки зрения теории и методики спортивной тренировки, это соответствует понятию «специальной выносливости», как в плане специфичности решаемых продолжительное время двигательных задач, так и интенсивности двигательной деятельности.

Обобщая фактический материал теоретико-практических исследований относительно эффективности развития физической выносливости возможно выделить ключевые характеристики дальнейшей оптимизации физической подготовки военнослужащих. Наряду с определением преимущественного характера двигательной деятельности требующей проявления выносливости, следует определить психологические особенности ее выполнения, с их дальнейшим учетом в тренировочной практике как фактора, способствующего прогрессированию утомления. Следовательно, оптимизация развития физической выносливости военнослужащих должна касаться комплексного использования тренировочных и психологических воздействий. Ключевым является вопрос выбора характера двигательной деятельности и ее характеристик. Если вопросы развития общей выносливости, что определяет формирование аэробного компонента работоспособности, являются достаточно изученными в плане использования эффективных протоколов тренировки, то для специфического компонента вопрос остается дискуссионным. Считаем верным необходимость проведения эмпирических исследований относительно использования элементов функционального тренинга в отношении адаптации тренировочных протоколов к условиям, в которых будет проходить профессиональная деятельность военнослужащих. Это касается именно выбора параметров чередования нагрузки и отдыха, а также интенсивности выполнения движений и ее чередования. Отдельно следует разрабатывать программ-

ное наполнение протоколов развития выносливости средствами физических упражнений с характерной для военнослужащих двигательной деятельностью. Реализация данных положений позволит проектировать эффективные программы развития физической выносливости военнослужащих, что подтверждает рабочую гипотезу данной статьи.

Выводы

Определены методические подходы относительно эффективного развития физической выносливости военнослужащих посредством использования специфической и неспецифической для данного контингента двигательной деятельности. Следует заметить, что в анализируемых направлениях содержатся фактические данные относительно эффективности изучаемых воздействий относительно повышения физической выносливости военнослужащих. Следовательно, изученный эмпирический опыт служит опорой в дальнейшей разработке оптимизированных программ развития данного качества у военнослужащих. Однако требуется оптимизация протоколов обучения и их логичное встраивание в процесс физической подготовки военнослужащих с учетом требований предъявляемых к выносливости в профессиональной деятельности военных конкретных специальностей. В дальнейшем планируется разработка программы развития физической выносливости военнослужащих с учетом особенностей профессиональной деятельности конкретной специальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакалдин, И.В. Развитие выносливости военнослужащих в войсках национальной гвардии Российской Федерации в процессе физической подготовки / И.В. Бакалдин, К.С. Дунаев // Актуальные вопросы теории и методики физической культуры и спорта: Сборник материалов I научно-практической конференции (20 ноября 2019 года). – Малаховка, 2020. – С. 83-84.
2. Варжеленко, И.И. Требования к физической подготовленности военнослужащих в ходе проведения учений / И.И. Варжеленко, М.В. Скачков, А.М. Андронов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2016. – № 3. – С. 23-27.
3. Гадисов, К.Я. Физическая подготовка войсковых разведчиков / К.Я. Гадисов, А.А. Мартынов // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 107.
4. Держинская, Л.Б. Особенности развития и совершенствования выносливости у военнослужащих срочной службы в подразделениях войск связи / Л.Б. Держинская, Ю.М. Созин // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2018. – № 2(14). – С. 66-69.
5. Дмитриев, Г.Г. Требования к физической подготовленности военнослужащих в ходе оперативно-стратегических учений / Г.Г. Дмитриев, И.И. Варжеленко, М.В. Скачков, С.А. Малашенко // Научные исследования в сфере физической подготовки и спорта в вооруженных силах Российской Федерации: опыт и перспективы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (30 ноября 2016 года). – Санкт-Петербург, 2017. – С. 114-120.
6. Ендальцев, Б.В. Теоретические основы развития физической выносливости у военнослужащих на современном этапе реформирования вооруженных сил Российской Федерации / Б.В. Ендальцев // Актуальные проблемы физической подготовки силовых структур. – 2012. – № 3. – С. 61-64.
7. Захарычев, И.В. Основы развития выносливости у военнослужащих Сухопутных войск с учетом их индивидуальных особенностей / И.В. Захарычев, Т.И. Вихрук // Сборник статей итоговой научной конференции военно-научного общества курсантов военного института физической культуры за 2018 г. (16–17 апреля 2019 года). – Санкт-Петербург, 2019. – С. 189-194.
8. Колесниченко, Н.А. Формирование выносливости у военнослужащих в гиревом спорте / Н.А. Колесниченко, А.А. Частихин, Т.А. Селитреникова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 7(197). – С. 159-163.
9. Лаврухина, Г.М. Развитие силовой выносливости средствами кроссфита (на примере военнослужащих) / Г.М. Лаврухина, И.В. Быстрова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 2(73). – С. 74-80.

10. Миронов, В.В. Актуальность развития физической выносливости у военнослужащих операторского профиля / В.В. Миронов, А.Н. Чиргин, Я.С. Козилов, В.Н. Максимов // *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация.* – 2019. – Т. 4. – № 4. – С. 15-20.
11. Миронов, В.В. Состояние научной обоснованности физической подготовки военнослужащих РВСН / В.В. Миронов, А.Н. Чиргин, Д.В. Чернов, Д.Г. Герасимов // *Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур.* – 2019. – № 2. – С. 13-16.
12. Хламов, В.Н. Особенности развития выносливости в зависимости от характера военно-профессиональной деятельности / В.Н. Хламов // *Теоретические и прикладные аспекты современной науки.* – 2015. – № 8-5. – С. 131-136.
13. Щеголев, В.А. Особенности планирования физической подготовки военнослужащих и сотрудников в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В.А. Щеголев, Р.В. Кириченко, П.С. Пак // *Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур.* – 2021. – № 3. – С. 198-206.
14. Drain, J.R. The effectiveness of basic military training to improve functional lifting strength in new recruits / J.R. Drain, J.A. Sampson, D.C. Billing, S.D. Burley, D.M. Linnane, H. Groeller // *The Journal of Strength & Conditioning Research.* – 2015. – № 29. – P. 173-177.
15. Gibala, M.J. Military applicability of interval training for health and performance / M.J. Gibala, P.J. Gagnon, B.C. Nindl // *The Journal of Strength & Conditioning Research.* – 2015. – № 29. – P. 40-45.
16. Haddock, C.K. The benefits of high-intensity functional training fitness programs for military personnel / C.K. Haddock, W.S. Poston, K.M. Heinrich, S.A. Jahnke, N. Jitnarin // *Military medicine.* – 2016. – № 181(11-12). – P. 1508-1514.
17. Kyröläinen, H. Optimising training adaptations and performance in military environment / H. Kyröläinen, K. Pihlainen, J.P. Vaara, T. Ojanen, M. Santtila // *Journal of science and medicine in sport.* – 2018. – № 21(11). – P. 1131-1138.
18. Vaara, J.P. Physical training considerations for optimizing performance in essential military tasks / J.P. Vaara, H. Groeller, J. Drain, H. Kyröläinen, K. Pihlainen, T. Ojanen, B.C. Nindl // *European Journal of Sport Science.* – 2022. – № 22(1). – P. 43-57.

© Зыков Андрей Викторович (zikov.a.v@list.ru), Акмеев Анвер Сулейманович (akmeev.a.s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭЛЕКТРОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА

Коровин Александр Юрьевич

преподаватель, ГБПОУ МО
«Подольский колледж имени А.В. Никулина»,
korowinau@rambler.ru

ELECTRONIC LIBRARIES AS A MEANS FOR FORMING SOCIO-CULTURAL COMPETENCE OF PROFESSIONAL COLLEGE STUDENTS

A. Korovin

Summary: The article considers electronic library systems as a means of forming the socio-cultural competence of students of a professional college. The digitization and placement in open access of literary works and local history materials on the history and traditions of various Russian ethnic groups contributes to the popularization of the multicultural world, which can be effectively used in extracurricular activities programs of a sociocultural orientation, the pedagogical goal of which is to develop the ability of students to interact in a multicultural society, which will allow them to fulfill themselves in the process of future professional activity. The author characterizes the forms and methods of educational work using the resources of national EBS, creating conditions for mastering knowledge about the behavior of the peoples inhabiting the Russian Federation, for developing an emotional and value attitude to national cultures and the ability to engage in cross-cultural communication.

Keywords: electronic libraries, electronic library systems, electronic information and educational environment, distance learning, socio-cultural competence, secondary vocational education, cultural code, cultural intelligence, cross-cultural method, case-study method, cross-cultural communication.

Аннотация: В статье рассмотрены электронные библиотечные системы как средство формирования социокультурной компетентности студентов профессионального колледжа. Оцифровка и размещение в открытом доступе литературных произведений и краеведческих материалов, посвящённых истории и традициям различных российских этносов, способствует популяризации многокультурного мира, что может быть эффективно задействовано в программах внеурочной деятельности социокультурной направленности, педагогической целью которых является формирование способности у студентов взаимодействовать в многокультурном социуме, что позволит им самореализоваться в процессе будущей профессиональной деятельности. Автором охарактеризованы формы и методы воспитательной работы с использованием ресурсов национальных ЭБС, создающие условия для освоения знаний об особенностях поведения населяющих Российскую Федерацию народов, для развития эмоционально-ценностного отношения к национальным культурам и способности вступать в кросс-культурную коммуникацию.

Ключевые слова: электронные библиотеки, электронные библиотечные системы, электронная информационно-образовательная среда, дистанционное обучение, социокультурная компетентность, среднее профессиональное образование, культурный код, культурный интеллект, кросс-культурный метод, метод case-study, кросс-культурная коммуникация.

Практико-ориентированный подход к модернизации системы современного среднего профессионального образования реализуется посредством цифровизации, в рамках которой студенты могут получить доступ к образовательному контенту посредством электронной библиотечной системы (ЭБС). В условиях колледжа база учебных и методических материалов может быть спроектирована либо как локальная система (внутреннее облачное хранилище), либо как подраздел сайта учебного заведения с гиперссылками на крупнейшие российские ЭБС.

Согласно «Стратегии развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г.» [10] и проекту Закона Российской Федерации об общероссийских национальных библиотеках [6] создание системы электронных библиотек, помимо развития информационной инфраструктуры, направлено на «сохранение российской культуры и тра-

диционных ценностей в интересах национальной безопасности, укрепления единства нации, политической и социальной стабильности» [8].

Задача транслирования культурного наследия народов России в последние годы успешно реализуется посредством создания сети национальных ЭБС: НЭБ («Национальная электронная библиотека»), НЭБ ЧР («Национальная электронная библиотека Чеченской Республики»), «Финно-угорские библиотеки России», «Таткнигафонд», Национальная библиотека Чувашской Республики, «Сахалибнет» (Национальная библиотека Республики Саха), ЭЭЭ («Электронная еврейская энциклопедия»). Данные информационные ресурсы осуществляют оцифровку рукописных изданий на национальных языках, размещают краеведческие материалы, посвящённые истории и этническим традициям конкретного региона.

Виртуальные читальные залы позволяют оптимизировать временные затраты, открывая доступ к материалам, находящимся географически в разных регионах. Удобный интерфейс и архитектура сайта НЭБ, одной из самых популярных виртуальных библиотек [5, с. 26], позволяют осуществлять доступ к полнотекстовым электронным документам, посвящённым истории и культуре определённого этноса. Таким образом, электронная библиотечная система, помимо образовательной функции, обладает достаточным воспитательным потенциалом: целью оцифровки литературных памятников является сохранение многонационального культурного наследия, ознакомление с которым способствует формированию социокультурной компетентности студентов, способности осуществлять в своей будущей профессиональной деятельности коммуникацию с представителями разных народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Интеграция национальных ЭБС (НЭБС) в единое информационное пространство профессионального колледжа способствует установлению социального партнёрства с учреждениями культуры, накоплению у студентов социокультурного опыта, стимулированию их самостоятельной исследовательской деятельности. Данный цифровой ресурс, являясь элементом экосистемы информационно-образовательной среды [1, с. 449] профессионального колледжа, представляет собой одновременно и базу данных, и средство воспитания в рамках реализации программ внеурочной деятельности в дистанционном режиме обучения.

Комплекс текстов, используемых для формирования социокультурной компетентности студентов профессионального колледжа, должен соответствовать следующим характеристикам:

- Художественная литература или фольклорные произведения, отражающие особенности национального характера;
- Научные публикации, посвящённые анализу / обзору национального менталитета, художественной и духовной культуре народов России;
- Книги по этнографии;
- Краеведческие материалы, отражающие историю определённого региона и культурные традиции народов, населяющих данную территорию.

Формирование социокультурной компетентности посредством литературных и научных источников связано с понятием «культурный интеллект». Данная личностная категория представляет собой способность адаптироваться в поликультурном социуме. Н.В. Дроздова и А.П. Лобанов сделали вывод о том, что культурный интеллект связан с научным познанием общества и социальным интеллектом, проявляющемся в способности проявлять «дальновидность» в межличностных отно-

шениях [3, с. 103]. О.С. Семенова и А.К. Айтымова характеризуют данное качество как умение эффективно выстраивать политику отношений в межкультурном взаимодействии [9, с. 41]. Е.В. Кулеш, описывая составляющие культурного интеллекта, подчёркивает, что данный конструкт является результатом взаимообмена культурным наследием [4, с. 411], которое в том числе представлено в художественных произведениях и фольклоре. Л. Шипелевич и П. Романов отмечают, что для обмена информацией во время делового общения коммуникантам необходимо обладать определённым научным базисом [11 с. 90]. Таким образом, одним из источников общих и контекстных знаний о культуре является литература, в информационную эпоху – оцифрованные книги и электронные источники.

Необходимо охарактеризовать формы и методы воспитательной работы с помощью ЭБС и НЭБС, направленные на формирование социокультурной компетентности студентов, обучающихся по программам СПО.

Способность коммуницировать с представителями разных национальностей формируется на основе совокупности знаний «культурных» кодов различных этносов. Педагог, разрабатывая программу внеурочной деятельности, должен, во-первых, опираться на национальный состав региона, в котором находится учебное заведение, а во-вторых, учитывать выявленные в результате предварительного опроса или анкетирования информационные дефициты обучающихся, т.е. отсутствие у них представлений об обычаях и традициях людей, относящихся к той или иной культурной принадлежности.

Использование НЭБС для формирования когнитивно-аналитического компонента социокультурной компетентности, т.е. совокупности знаний о национальных особенностях поведения, осуществляется в рамках исследовательской деятельности студентов на дистанционных занятиях. Предварительно необходимо создать информационную базу из оцифрованной литературы. Оптимальным методом для исследования культурных доминант народов России является кросс-культурный, суть которого заключается в сопоставлении моделей поведения, обычаев и традиций различных наций. Результат данного исследования может быть оформлен в виде интерактивных таблиц и ментальных карт. Целесообразность задействования ресурсов электронных библиотечных систем обусловлена тем, что формирование знаний о многообразии культур необходимо осуществлять с помощью научной литературы, а не сомнительных и непроверенных источников, находящихся в открытом доступе сети Интернет. В результате сравнения культур и визуализации своего исследования в виде таблицы или схемы обучающиеся не только получают представления о «российском культурном коде», совокупности поведенческих реакций, характерных для людей определённых

ной нации [2, с. 40].

Социокультурная компетентность не ограничивается культурологическими знаниями о социально типичных проявлениях представителей различных народов, важной её составляющей является эмоционально-ценностный компонент, т.е. положительное восприятие многокультурного мира, которое развивается в процессе обсуждений национальной литературы. Студентам для ознакомления могут быть предложены небольшие по объёму фольклорные и литературные произведения, размещённые в НЭБС. В процессе дистанционных занятий, организованных в форме конференции или круглого стола, педагог с помощью методов проблемной дискуссии и эвристической беседы активизирует аналитическую деятельность обучающихся, в результате которой они приходят к выводу о единых для каждого народа представлениях о нормах морали, что способствует восприятию национальных культур на аффективном уровне. В результате знакомства с текстами в электронном формате тезаурус обучающихся пополняется национально-культурной семантикой.

Социокультурная компетентность проявляется не только в знаниях историко-культурного наследия и в ценностном отношении к различным этнокультурам, но и в умении осуществлять кросс-культурную коммуникацию, что составляет её поведенческий компонент. Метод case-study является эффективным педагогическим инструментом для формирования опыта взаимодействия с представителями различных национальностей. Кейсы социокультурной направленности, представляющие собой проблемную ситуацию из будущей профессиональной деятельности, должны содержать гиперссылки на научную литературу, размещённую в виртуальных читальных залах ЭБС.

Данный метод применяется педагогами-практиками

как кросс-коммуникационная стратегия, использующаяся во многих ситуациях: в изучении личности, группы, социально-политических и связанных с ними явлений [7, с. 160]. Способность общаться с представителями различных культур проявляется в прогнозировании возможных противоречий, вызванных разностью менталитетов, а также в умении устранять данные противоречия.

На начальном этапе реализации программы по формированию социокультурной компетентности студентов кейсы должны включать несколько вариантов решения предложенной проблемной ситуации. Обучающимся, помимо научной литературы, содержащей информацию об особенностях поведения представителей различных национальных групп, также должно быть предложено ознакомиться с научными статьями по конфликтологии и копинг-поведению (ориентация в стрессовой ситуации). После приобретения соответствующего социокультурного опыта студенты, обсуждая кейсы в группах, самостоятельно вырабатывают их оптимальное решение, для чего может быть задействован метод «мозгового штурма», когда на виртуальной доске каждый из членов команды может разместить соответствующий тезис или ссылку на источник в ЭБС. Таким образом, решение кейсов с помощью изучения соответствующей литературы, размещённой в ЭБС и НЭБС, формирует опыт анализа ситуации общения в определённом контексте.

Использование ресурсов электронных библиотечных систем в учебно-воспитательном процессе формирования социокультурной компетентности студентов профессионального колледжа способствует выработке у обучающихся системы знаний о «культурных» кодах, мироощущении этносов, населяющих Российскую Федерацию; активизирует ценностное отношение к культурам народов; создаст условия для развития способности осуществлять взаимодействия с представителями различных национальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферьева-Термисикос В.Б. Структура электронной информационно-образовательной среды педагогического вуза // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. № 6А Ч. I. – С. 445-453. – DOI: 10.34670/AR.2022.96.45.070
2. Васильев Н.А., Комиссаров С.Н. Культурный код. Новые поколения российской молодежи // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2020. – № 5(82). – С. 38-62.
3. Дроздова Н.В., Лобанов А.П. Культурный и социальный интеллект студентов: дифференциально-интегративный подход // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2020. – № 20-3. – С. 97-103.
4. Кулеш Е.В. Инновационная деятельность как средство развития культурного интеллекта студенческой молодежи в полиэтничном регионе // Проблемы высшего образования. – 2019. – № 1. – С. 408-411.
5. Лукьянцев А.С., Рябова Е.Л. НЭБ – национальная, научная электронная библиотечная система как проект в национальном приоритете и «импортозамещение» // Этносоциум и межнациональная культура. – 2019. – № 1(127). – С. 22-29.
6. Проект Закона Российской Федерации об общероссийских национальных библиотеках [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://elbib.gpntb.ru/subscribe/ntb/1992/9/Proekt_Zakona_Rossiyskoy_Federatsii_ob_obshcherossiyskikh_natsionalnykh_bibliotekakh.pdf
7. Проскура Я.В., Терехова Е.А. Роль метода кейс-стади в формировании навыков кросс культурной коммуникации у студентов направления «Междуна-

- родные отношения» // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 56-10. – С. 160-166.
8. Распоряжение Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 608-р Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400356337/>
 9. Семенова О.С., Айтымова А.К. Понятие и аспекты культурного интеллекта // Новый взгляд на систему образования: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Прокопьевск, 10 апреля 2019 года / Ответственный редактор Е.Ю. Пудов. – Прокопьевск: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2019. – С. 41-44.
 10. Стратегия развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400356337/#1000>
 11. Шипелевич Л., Романов П. Культурный интеллект и его влияние на межкультурную коммуникацию в бизнес переговорах // Cross - Cultural Studies: Education and Science. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 89-96. – DOI 10.24411/2470-1262-2020-10093.

© Коровин Александр Юрьевич (korowinau@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Подольский колледж имени А.В. Никулина

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Лаврова Ольга Аркадьевна

Доцент, Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
(ПГУПС) (Россия)
Lavrolga@mail.ru

PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS FROM UZBEKISTAN

O. Lavrova

Summary: The article is devoted to the description of the similarities and differences between the Russian and Uzbek languages. The relevance of the work is explained by the growing need to learn the Russian language by Uzbek speakers and the lack of ethno-oriented textbooks that address the similarities and differences in the acquisition of the Russian and Uzbek languages. The aim of the article is to consider the problems of teaching Russian as a foreign language to students from Uzbekistan. Practical significance of the research: the content of the article can be used in teaching Russian as a foreign language to citizens and students of Uzbekistan. The author concludes that there are difficulties for students in phonetic, lexical and grammatical sections of linguistics. Difficulties in teaching RLI are associated with the peculiarities of languages, their relation to different language families (the Turkic group of Altaic languages and the Slavic language family), as well as different structures (agglutinative and flexive).

Keywords: Russian language, Uzbek language, ethno-oriented, Russian as a foreign language, non-native language, language family, agglutinative type, inflectional type, sociocultural approach, interlanguage interference, policy of de-russification.

Аннотация: Статья посвящена описанию сходств и различий русского и узбекского языков. Актуальность работы объясняется ростом потребности в изучении русского языка носителями узбекского языка и отсутствием этноориентированных учебных пособий, рассматривающих сходства и различия при освоении русского и узбекского языков. Целью статьи является рассмотрение проблем преподавания русского языка как иностранного для студентов из Узбекистана. Практическая значимость исследования: содержание статьи может быть использовано в преподавании русского языка как иностранного гражданам и студентам Узбекистана. Автор приходит к выводу, что для обучающихся возникают сложности на фонетическом, лексическом и грамматическом разделах языкознания. Трудности преподавания РКИ связаны с особенностью языков, их отношением к разным языковым семьям (тюркская группа алтайских языков и славянская языковая семья), а также различному строю (агглютинативный и флективный).

Ключевые слова: русский язык, узбекский язык, этноориентированный, русский язык как иностранный, неродной язык, языковая семья, агглютинативный тип, флективный тип, социокультурный подход, межъязыковая интерференция, политика дерусификации.

В связи с увеличением численности иностранных граждан, желающих получить высшее образование в России, возникает необходимость совершенствования подходов к изучению русского языка как иностранного. Важную роль в преподавании РКИ играет национальная принадлежность студентов, поскольку в освоении неродного языка студенты могут испытывать определенные сложности, связанные с особенностями лексической, грамматической и синтаксической системы языков родного и неродного языков в процессе обучения.

Актуальность работы объясняется ростом потребности в изучении русского языка носителями узбекского языка и отсутствием этноориентированных учебных пособий, рассматривающих сходства и различия при освоении русского и узбекского языков.

Узбекистан – нейтральное государство, расположенное в центральной части Средней Азии. Особенностью узбекского языка является его отнесение к тюркской

группе алтайских языков, агглютинативный строй, при этом основную часть лексической системы составляют тюркские и узбекские слова. Эти отличия являются существенными при изучении русского языка, который характеризуется принадлежностью к славянской языковой семье, наличию флексий, префиксов и суффиксов, имеющих внутренние флексии, чередования фонем и др. особенности [1].

Как отмечает Т.А. Кротова, национально ориентированное обучение опирается на преподавание русского языка как иностранного с опорой на родной язык обучающихся [4, с. 21]. При этом большую роль при изучении русского языка играет сопоставление лексических систем родного и неродного языков, учет этнопсихологических и этнокультурных характеристик. На современном этапе развития методики преподавания РКИ предполагается выбор коммуникативного и социокультурного подходов к изучению неродного языка в качестве основополагающих, поскольку знания языковой системы и особенности их применения не могут со-

существовать в сознании индивида без представления о языковой картине мира носителей языка [3, с. 50]. В связи с этим, этнокультурный и социолингвистический факторы являются обязательным условием эффективного изучения РКИ.

Исследователь И.Н. Анисимова отмечает, что к числу проблем изучения РКИ для студентов из Узбекистана относятся экстралингвистические и языковые факторы. Экстралингвистические факторы связаны политикой дерусификации, которая в постсоветский период проводилась в Узбекистане [2, с. 10]. Следствием этого стала фрагментарность знания русского языка узбекскими студентами, которые стали испытывать сложности с базовыми навыками общения в официальной обстановке. К числу таких ситуаций относятся: общение в общежитиях, проблемы в деканате, в аптеке, поэтому первокурсники вынуждены пользоваться помощью студентов старших курсов для решения своих проблем.

Необходимо отметить, что базовые знания у студентов при этом имеются, но это не способствует дальнейшему развитию коммуникативных навыков. Однако отсутствие системности и сознательного подхода в изучении русского языка может стать причиной возникновения сложностей при овладении письменной речью научного стиля.

При изучении русского языка как неродного необходимо описать на реализацию следующих особенностей:

1. учитывать своеобразие системы русского языка в сопоставлении с родным узбекским языком;
2. представлять культурные особенности носителей русского языка для составления успешных диалогов;
3. учитывать специфические особенности учебно-познавательной деятельности носителей неродного языка.

Эти факторы необходимо раскрыть на конкретных примерах проявления взаимодействия русского и узбекского языка и выделить проблемы, возникающие при рассмотрении этих факторов и возможные пути решения.

При сопоставлении фонетических особенностей русского и узбекского языков следует отметить совпадения в гласных фонемах: [а], [о], [э] и [е], [и] и [i], [у] и [и]. Главной сложностью для узбекских студентов является межъязыковая интерференция, особенно в первом предупредительном слове [ъ]? что создает дополнительные трудности при чтении для узбеков. При чтении согласной фонемы [р] узбеки произносят ее как [п], письменная буква [м] читается как [м]. Эти фонетические ошибки можно устранить после многократного повторения правил и упражнений.

Большой проблемой являются звуки, которые отсут-

ствуют в узбекском языке [ш], [щ], [ж], [ы], [ц] и [ь], которые необходимо изучать и закреплять. Йотированные гласные звуки, которые соответствуют написанию в узбекском языке со звуком [й] также являются причиной многочисленных ошибок.

Кроме фонетических ошибок встречаются грамматические ошибки, поскольку в узбекском языке нет категории рода имен существительных, поэтому у узбекских студентов возникают проблемы употребления предлогов (пример: *поехал «на больницу»* вместо правильного употребления *«в больницу»*). Кроме этого, у узбекских студентов возникают сложности с употреблением инфинитивов, глаголов движения и повелительного наклонения.

Для устранения ошибок в фонетической системе русского языка необходимо многократно выполнять следующие упражнения:

1. упражнения на дифференциацию звуков: «Послушайте слоги *«са-са; са-ца»*;
2. аудирование, повторение и коррекция: *«Прочитайте текст вместе с диктором»*;
3. необходимость отсроченного воспроизведения: *«В каком слове на месте пропуска пишется И?»*.

В учебном комплексе «Русский язык для всех» встречаются следующие типы упражнений:

1. предметные упражнения для закрепления родовых форм имен существительных и прилагательных;
2. имитативные упражнения для многократного повторения правил;
3. подстановочные упражнения для повторения лексической системы русского языка;
4. трансформативные упражнения для выбора типов лексем;
5. репродуктивные упражнения в виде ответов на вопросы;
6. речевые упражнения (передача содержания, ситуативные и репродуктивные) [7, с. 65].

В работе А.Ю. Мельниковой выделяются трудности, связанные с освоением орфографических норм русского языка. Исследователь приводит в пример изучение следующих правил: «Правописание *не* и *ни*», «Правописание *н* и *нн*», др. [6, с. 53]. Решением этой проблемы является многократное повторение правил русского языка, обращение к орфографическим словарям, написание словарных диктантов и употребление слов в устной и письменной речи.

Особенностью речи узбекских студентов является понимание русского языка, возможность ответы на вопросы, но затруднения в произнесении монологических высказываний. Для устранения этой проблемы необходимо составлять диалоги и монологи, учить темы «Мой город», «Моя страна», «Моя будущая профессия», чтобы тренироваться в совершенствовании монологов и в воз-

возможности ответов на вопросы.

Многие студенты из Узбекистана понимают звучащую речь, но испытывают сложности при употреблении в речи терминологии, абстрактных понятий, а также нуждаются в совершенствовании лексики в своей профессиональной сфере. Для устранения проблем в лексической системе языка необходимо познакомиться с типами и стилями речи, разговорный стиль студентами усвоен, но научный стиль, который отличается логикой построения, точностью, правильностью и выразительностью студентам следует совершенствовать. В качестве примера можно привести умение грамотно формулировать свои мысли, высказывать утверждения, задавать уточняющие вопросы, составлять план, делать обобщения и выводы. Преподаватель может прочитать студентам текст, а им необходимо определить тип и стиль речи, составить план текста, выполнить композиционное членение, пересказать близко к тексту. Такая работа может проводиться при совершенствовании лексической системы русского языка узбекскими студентами.

В работе Х.М. Махмудовой и Н.Р. Абдусатторовой исследуются различия в лексической системе русского и узбекского языков. В лексический состав узбекского языка входят:

1. общепотребительные турецкие слова (*мать, отец*);
2. узбекские слова (*работа, мир*);
3. арабские слова (*школа, культура*);
4. персидско-таджикские слова (*цветок, скатерть*) [5, с. 501].

Лексический пласт русского языка составляют общеславянские слова (*дом, голова, город*), древнерусские лексемы (*снегопад*), исконно русские слова (*водитель*), заимствованная лексика (*лавр, иллюзия*).

Некоторые русские лексемы вошли в состав узбекского языка, но успели претерпеть изменения, однако в произношении эти слова являются тождественными: *кисть, одеяло*. У узбекских студентов возникают проблемы с определением значений русских слов при сужении или расширении значения: *окимак* (в русском языке – *читать и учиться* являются разными лексемами). При анализе лексических систем русского и узбекского языков необходимо отметить склонность к многозначности, синонимия, противоречия при характеристике фразеологизмов (*голову склонить – поклониться и потерпеть поражение*).

Таким образом, проблемы преподавания РКИ в узбекской аудитории связаны с особенностью языков, их отношение к разным языковым семьям (тюркская группа алтайских языков и славянская языковая семья), различному строю (агглютинативный и флективный). Эти отличия создают трудности в области фонетики, грамматики и лексики. Однако многократное выполнение имитативных, репродуктивных и речевых упражнений, а также составление диалогов и монологов, изучение тем и выступление на занятиях будет способствовать успешному изучению «Русского языка как иностранного» и, тем самым, работе с проблемами при изучении неродного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминова Т. Сравнительная характеристика лексических систем русского и узбекского языков // Экономика и социум. 2021. № 9 (88). [Электронный ресурс]. URL: www.iurp.ru (дата обращения: 06.04.2023).
2. Анисимова И.Н. О проблемах преподавания русского языка в узбекской аудитории // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах. Том 1. Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартынова, Г.А. Николаева. 2017. Казань, 18-21 октября 2017 года. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 10-12.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АРКТИ, 2003. 192 с.
4. Кротова Т.А. Способы реализации этноориентированной методики обучения русскому языку как иностранному с позиций лингвокультурной адаптации (на примере арабского контингента) // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 2. С. 22-28.
5. Махмудова Х.М., Абдусатторова Н.Р. Различия в лексике узбекского и русского языков // Экономика и социум. 2022. № 11 (102). С. 500-503.
6. Мельникова А.Ю. Проблемы обучения русскому языку как иностранному студентов из Узбекистана // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 50-54.
7. Русский язык для всех: упражнения / Под ред. В.Г. Костомарова. Изд-е 8. М.: Русский язык, 1984. 177 с.

© Лаврова Ольга Аркадьевна (Lavrolga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ С НАРУШЕНИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ

DYNAMICS OF PROFESSIONAL READINESS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS TO WORK WITH MINORS WITH BEHAVIORAL DISORDERS

O. Lipunova

Summary: The results of a study of the dynamics of professional readiness for the implementation of pedagogical activities with children and adolescents with behavioral disorders among graduate students of a pedagogical university are presented. An analysis of the dynamics of the components of the professional readiness of future teachers to work with deviant minors is presented.

Keywords: deviant behavior, minors with behavioral disorders, professional readiness, readiness for professional pedagogical activity.

Липунова Ольга Владимировна

ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет»
(г. Комсомольск-на-Амуре)
belousowa29@mail.ru

Аннотация: Изложены результаты исследования динамики профессиональной готовности к осуществлению педагогической деятельности с детьми и подростками с нарушениями поведения у студентов-выпускников педагогического вуза. Представлен анализ динамики компонентов профессиональной готовности будущих педагогов к работе с девиантными несовершеннолетними.

Ключевые слова: девиантное поведение, несовершеннолетние с нарушениями поведения, профессиональная готовность, готовность к профессиональной педагогической деятельности.

Одной из актуальных проблем современного образования является проблема формирования готовности будущего педагога к саморазвитию, самопознанию, самоорганизации, самообразованию, самореализации. Особое внимание в многочисленных современных исследованиях уделяется анализу состояния готовности будущего специалиста к профессиональной деятельности [11; 12].

Понятие готовности в педагогической науке рассматривается в соответствии с конкретным видом, формой, качеством деятельности, например, готовность к самообразованию, готовность к самостоятельной деятельности, готовность к творческой деятельности, готовность к профессиональной деятельности [1; 2; 4; 9; 10].

В соответствии с личностным, личностно-деятельностным подходами готовность к профессиональной деятельности рассматривается как совокупность индивидуально-личностных качеств и их проявление в соответствии с характером будущей профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, А.Г. Спиркин, Е.В. Шорохова и др.), как совокупность индивидуально-психологических особенностей личности, реализация которых позволяет эффективно выполнять профессиональную деятельность (А.А. Деркач, М.И. Дьяченко), как сложное образование, интегрирующее в себе определенные личностные особенности, специальные знания, навыки

и умения, способности, необходимые для эффективной профессиональной деятельности (Л.В. Большанина, Л.М. Бубнова, О.Г. Грибукова О.Б. Дмитриева) [1; 2; 3; 5; 11; 12].

В современных исследованиях выделяют различные компоненты готовности к профессиональной педагогической деятельности, характеризующие когнитивную, деятельностьную и эмоционально-ценностную стороны готовности педагога к педагогической деятельности [6; 7; 8].

Нами организовано и проведено исследование мотивационного, когнитивного, деятельностьного компонентов профессиональной готовности к работе с детьми и подростками с нарушениями поведения.

Параметрами оценки сформированности когнитивного компонента в нашем исследовании выступили: сформированность знаний о выбранной профессии, об основных направлениях деятельности педагога, о собственных педагогических качествах; понимание цели образования обучающихся, способность анализировать и адекватно оценивать результаты своей деятельности, сформированность представлений о методах и психолого-педагогических технологиях, необходимых для адресной работы с различным контингентом обучающихся, в том числе с несовершеннолетними с нарушениями в поведении (девиантными несовершеннолетними).

В качестве значимых параметров оценки сформиро-

ванности мотивационного компонента в нашем исследовании анализировали: отношение будущих педагогов к профессии, готовность будущих педагогов к самореализации в профессиональной деятельности, ориентация на ценности педагогической деятельности, готовность к проектированию и реализации образовательного процесса с девиантными несовершеннолетними.

Параметрами оценки сформированности деятельностного компонента в нашем исследовании выступили: возможность применения будущими педагогами знаний и представлений о технологиях работы с девиантными детьми и подростками, сформированность паттернов продуктивного копинг-поведения в работе с девиантными несовершеннолетними, профессиональная педагогическая рефлексия.

Исследование проводили в два этапа - в 2018 года (начало профессиональной педагогической подготовки студентов), в 2022 год (окончание периода профессиональной педагогической подготовки студентов).

В исследовании приняли участие студенты очной формы обучения, обучающиеся по направлениям подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки), проходившие профессиональную подготовку в указанный период в ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», в количестве 76 испытуемых на первом этапе исследования, 68 испытуемых на втором этапе исследования.

Уровни готовности принявших участие в исследовании студентов к работе с девиантными несовершеннолетними условно обозначены нами как низкий, средний, достаточный.

Критериями оценки уровней профессиональной готовности будущих педагогов к работе с девиантными несовершеннолетними выступили:

- степень владения знаниями о содержательных особенностях девиантного поведения, о видах девиантного поведения, о причинах девиантного поведения, умение использовать знания в различных педагогических ситуациях, связанных с организацией педагогического взаимодействия с несовершеннолетними с девиантным поведением;
- степень готовности к самореализации в области педагогики и психологии девиантного поведения; соотнесение совокупности сформированных знаний, умений и навыков с решением конкретных педагогических задач, сформированность паттернов продуктивного копинг-поведения;
- характер отношения к будущей профессиональной деятельности с девиантными несовершеннолетними (наличие устойчивой мотивации к работе

с девиантными детьми и подростками, стремление к самореализации в профессиональной деятельности, способность к рефлексии).

Участвовавшие в первом этапе исследования студенты имели только начальный опыт анализа структуры, специфики работы учреждений образования, в том числе, особенностями педагогического сопровождения детей и подростков с нарушениями поведения в образовательных организациях, полученный в рамках учебных практик. На момент реализации второго этапа исследования студенты имели более глубокие представления о содержании будущей профессиональной деятельности в образовательной организации, в том числе с несовершеннолетними с нарушениями поведения, пройдя различные виды производственных практик.

Для исследования была специально разработана анкета, вопросы которой составлены на основе выделяемых компонентов профессиональной готовности будущих педагогов к работе с несовершеннолетними с нарушениями поведения.

Анкета состоит из вопросов двух типов – по содержанию и по форме. В качестве вопросов по содержанию были сформулированы вопросы по исследуемому феномену – профессиональной готовности к работе с девиантными несовершеннолетними, которые позволили выявить представления исследуемых студентов о содержательных особенностях девиантного поведения, о видах, причинах нарушений в поведении, о направлениях превенции девиантного поведения и включения детей и подростков с нарушениями поведения в процесс взаимодействия с другими детьми.

Вопросы по форме в разработанной анкете представлены вопросами открытого, закрытого и полужакрытого типов. При ответе на открытые вопросы испытуемым предлагалось дать свой вариант ответа, в закрытых был предложен полный перечень ответов на выбор, в полужакрытых вопросах были предложены готовые ответы и предоставлена возможность предоставить свой или наиболее развернутый ответ.

Анализ динамики сформированности мотивационного, когнитивного, деятельностного компонентов профессиональной готовности будущих педагогов к осуществлению профессиональной педагогической деятельности с девиантными несовершеннолетними позволил выявить в целом динамику профессиональной готовности будущих педагогов к осуществлению педагогической деятельности с детьми и подростками с нарушениями поведения. Для проверки и оценки статистической значимости различий в сформированности исследуемых показателей использовали критерий χ^2 - угловое преобразование Фишера.

Динамику мотивационного компонента профессиональной готовности у исследуемых студентов осуществляли с помощью следующих вопросов анкеты: «Планируете ли Вы после окончания университета работать по осваиваемой специальности, направлению», «Как Вы относитесь к тому, что Вам придется работать с несовершеннолетними с отклонениями в поведении?»; «Хотели бы Вы работать в качестве педагога с девиантными несовершеннолетними?»; «Возникают ли у Вас опасения по поводу того, что вам придется работать с девиантными несовершеннолетними?»; «Готовы ли Вы взаимодействовать в профессиональной деятельности с девиантными несовершеннолетними?» и др.

Анализ результатов исследования динамики мотивационного компонента у исследуемых будущих педагогов отражает различия в показателях мотивационного компонента педагогической готовности у исследуемых групп студентов на начальном и на завершающем этапах профессиональной подготовки по всем анализируемым показателям: мотивация педагогической деятельности ($\varphi^*_{эм} = 3,193$ при $p \leq 0,05$), готовность к совершенствованию собственной профессиональной деятельности ($\varphi^*_{эм} = 4,038$ при $p \leq 0,05$), принятие девиантных несовершеннолетних ($\varphi^*_{эм} = 4,202$ при $p \leq 0,05$), готовность взаимодействовать в профессиональной деятельности с девиантными несовершеннолетними ($\varphi^*_{эм} = 4,397$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют о положительной динамике в формировании мотивационного компонента профессиональной готовности к работе с детьми с девиантным поведением у будущих педагогов.

Полученные результаты исследования убедительно свидетельствуют о сформированности у будущих педагогов мотивации профессиональной образовательной деятельности как устойчивой направленности на профессиональные интересы, готовности к самореализации в профессиональной деятельности на этапе завершения профессиональной педагогической подготовки. Можно с уверенностью сказать, опираясь на полученные результаты исследования, что педагогическая деятельность для исследуемых будущих педагогов выступает как личностная ценность, что, в свою очередь, определяет соответствующее позитивное восприятие будущими педагогами детей с нарушениями поведения как субъекта будущей профессиональной деятельности, готовность к самореализации в профессиональной деятельности, связанной с работой с «трудными» детьми и подростками.

Ряд вопросов анкеты по содержанию был направлен на анализ динамики когнитивного компонента профессиональной готовности у исследуемых студентов: «Знаете ли

содержательные особенности девиантного поведения?»; «Знаете ли дифференциацию видов отклоняющегося поведения несовершеннолетних?»; «Можете ли охарактеризовать причины девиаций в поведении несовершеннолетних?»; «Имеете ли представление о направлениях профилактики девиантного поведения, методах работы с девиантными несовершеннолетними?» и др.

Согласно анализу динамики когнитивного компонента профессиональной готовности будущих педагогов к работе с девиантными несовершеннолетними, наиболее значимые различия в представлениях у исследуемых групп студентов в начале и на завершающем этапе профессиональной подготовки выявлены по таким показателям, как сформированность представлений о содержательных особенностях девиантного поведения ($\varphi^*_{эм} = 3,648$ при $p \leq 0,05$), сформированность представлений о формах девиантного поведения ($\varphi^*_{эм} = 4,984$ при $p \leq 0,05$). Согласно анализу результатов исследования, статистически значимых различий не выявлено по таким анализируемым показателям, как сформированность представлений о причинах девиантного поведения ($\varphi^*_{эм} = 1,366$ при $p \leq 0,05$), сформированность представлений о направлениях профилактики и превенции девиантного поведения ($\varphi^*_{эм} = 1,342$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют об отсутствии выраженной динамики в формировании когнитивного компонента готовности к работе с детьми с нарушениями поведения у исследуемых будущих педагогов. Количество завершающих профессиональную педагогическую подготовку студентов, продемонстрировавших сформированность представлений о содержательных особенностях, формах девиантного поведения, увеличилось в сравнении с периодом начала подготовки. При этом сформированных знаний о причинах девиантного поведения, о направлениях профилактики девиантного поведения испытуемые на завершающем этапе профессиональной подготовки не продемонстрировали. Полученные результаты свидетельствуют о возможных затруднениях будущих педагогов при реализации профессиональной деятельности с несовершеннолетними с нарушениями поведения.

Для анализа динамики поведенческого компонента профессиональной готовности у исследуемых студентов в анкете были сформулированы следующие вопросы: «Готовы ли к дальнейшей переподготовке, повышению квалификации в сфере девиантологии?»; «Готовы ли к овладению технологиями реализации профессиональных знаний и представлений в работе с проявлениями девиаций?»; «Готовы ли к работе с родителями (законными представителями) девиантных несовершеннолетних?»; «Готовы ли к реализации направлений профилактики девиантного поведения?»; «Стремитесь ли достичь совершенства в своей профессиональной деятельности?» и др.

Анализ результатов исследования динамики деятельностного компонента профессиональной готовности будущих педагогов к работе с девиантными несовершеннолетними отражает различия на начальном и на завершающем этапе профессиональной подготовки выявлены по такому показателю деятельностного компонента профессиональной педагогической готовности у исследуемых студентов, как готовность к самореализации в выбранной специальности ($\varphi^*_{эм} = 4,709$ при $p \leq 0,05$). Различия по показателям готовности к реализации профессиональных знаний и представлений в работе с проявлениями девиаций ($\varphi^*_{эм} = 1,719$ при $p \leq 0,05$), готовности к реализации направлений профилактики и превенции девиантного поведения ($\varphi^*_{эм} = 1,444$ при $p \leq 0,05$) не являются статистически значимыми.

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют об отсутствии выраженной динамики в формировании деятельностного компонента готовности к работе с девиантными несовершеннолетними у будущих педагогов. Будущие педагоги, согласно анализу полученных результатов исследования, не актуализируют совокупность сформированных знаний, умений и навыков относительно конкретных педагогических задач взаимодействия с детьми с нарушениями поведения, не готовы к реализации профессиональных знаний и представлений в работе с проявлениями девиаций.

Итак, полученные результаты исследования свидетельствуют об отсутствии выраженной динамики в формировании когнитивного, деятельностного компонентов готовности к работе с несовершеннолетними с нарушениями поведения у исследуемых будущих педагогов.

Качественный анализ ответов испытуемых свидетельствует о несформированности у будущих педагогов полноценных профессионально-педагогических представлений о сущности, специфических особенностях и проявлениях отклоняющегося поведения несовершенно-

летних. Также будущие педагоги не дифференцируют различия в проявлениях девиаций, не владеют знаниями о причинах и условиях отклонений в поведении детей и подростков, о содержании педагогической поддержки девиантных несовершеннолетних в образовательном процессе. Будущие педагоги испытывают затруднения в понимании, и, соответственно, правильном выборе, методов сопровождения девиантных несовершеннолетних, условий реализации методов превенции и интервенции нарушений в поведении у детей и подростков. Выявленные особенности, на наш взгляд, будут в дальнейшей профессиональной деятельности педагогов существенно затруднять понимание исследуемыми будущими педагогами содержания педагогической поддержки девиантных обучающихся в процессе их образования, что повлечет за собой трудности анализа и адекватной оценки результаты своей профессиональной деятельности.

Также, согласно анализу результатов исследования, у будущих педагогов на этапе завершения профессиональной подготовки остается несформированным деятельностный компонент готовности к работе с несовершеннолетними с нарушениями поведения. Качественный анализ ответов испытуемых свидетельствует о неготовности будущих педагогов к реализации профессиональных знаний и представлений при работе с девиантными несовершеннолетними.

Таким образом, при сформированной мотивации профессиональной деятельности у будущих педагогов на завершающем этапе профессиональной подготовки не сформированы системные представления о девиантном поведении, специфике поведения и деятельности несовершеннолетних с отклонениями в поведении, содержании превентивной работы с несовершеннолетними в условиях образовательной организации, что свидетельствует о несформированности у будущих педагогов навыков эффективного разрешения проблемных ситуаций в профессиональной деятельности при работе с девиантными детьми и подростками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнова Л.М. Готовность к профессиональной деятельности в педагогике // Актуальные вопросы психологии, педагогики и образования: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. - 2015. - № 2. - 241 с.
2. Грибукова О.Г. К вопросу о формировании профессиональной готовности студентов педагогического вуза к работе с детьми, имеющими сложности в развитии // Современные направления психолого-педагогического сопровождения детства: материалы научно-практического семинара. Новосибирск: НГПУ. - 2016. - С. 8–11.
3. Дьяченко, М.И. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Пономаренко. - Минск: Изд-во «Университетское». - 1985. - 206 с.
4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. Минск: Изд-во БГУ. - 1975. - 173 с.
5. Дмитриева, О.Б. Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. наук / О.Б. Дмитриева. - М., 1997. - 188 с.
6. Попов Л.М., Пучкова И.М., Устин П.Н. Психологическая готовность и методы ее формирования // Ученые записки Казанского ун-та (Scientific notes of the Kazan University). - 2015. - Т. 157, кн. 4. - С. 215-225.

7. Романова Е.С. Психология профессионального становления личности / Е.С. Романова: дис. . . . д-ра психол. наук. – М., 1992 – 48 с.
8. Самарцева Е.Г., Поникарова В.Н. Динамика готовности к инклюзивному образованию: особенности и тенденции // Приоритетные направления развития науки и образования: монография / В.Н. Поникарова // Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева - Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». - 2018. - С.37 – 46.
9. Субботина Л.Ю. Формирование профессиональной готовности студентов к самостоятельной деятельности // Ярославский пед. вестн. (Yaroslavl Pedagogica! Bulletin). 2011. № 4. С. 295–298.
10. Сухих И.А. Теоретические аспекты формирования готовности к профессиональной (педагогической) деятельности студентов вуза – будущих учителей. Вестник Шадринского государственного педагогического университета. - 2013. - № 4 (20). - С. 52–57.
11. Шадриков В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. - 2004. - № 8. С. 26–31.
12. Шанц Е.А. Профессиональная подготовка студентов вуза как целостная педагогическая система // Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Реноме. - 2012. - С. 383–386.

© Липунова Ольга Владимировна (belousowa29@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ВРАЧЕЙ

Помыткина Татьяна Юрьевна

К. псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия»
Lampa2703@mail.ru

Галиахметова Наталья Павловна

К. пед. н., доцент
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия»,
n.gali671958@mail.ru

Жученко Ольга Александровна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия»
adlog@mail.ru

FEATURES OF THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG DOCTORS

**T. Pomytkina
N. Galiakhmetova
O. Zhuchenko**

Summary: The study of the features of the professional development of novice physicians is aimed at developing recommendations for facilitating and increasing the effectiveness of this process. It was revealed that therapists more often than doctors of other specialties are not satisfied with the chosen profession and more often seek to change it. The high importance of mentoring in the professional adaptation of young professionals was found: most of them recognize the need for an experienced colleague or mentor nearby in the first year of professional activity. An assessment of the level of professional readiness revealed problem areas in professional competencies: filling out medical documentation, providing emergency and emergency care, performing manipulations and developing skills for interacting with patients. As assistance to young specialists, it should be noted the management and creation of conditions in a professional environment aimed at the mode of operation, timely assistance in difficult situations, distribution of responsibilities, relations with higher management, and methodological assistance.

Keywords: professional development, young doctor, professional activity, adaptation, mentoring, motivation, specialization.

Аннотация: Изучение особенностей профессионального становления начинающих медиков направлено на разработку рекомендаций по облегчению и повышению эффективности данного процесса. Выявлено, что терапевты чаще врачей других специальностей не удовлетворены выбранной профессией и чаще стремятся ее сменить. Обнаружена высокая значимость наставничества в профессиональной адаптации молодых специалистов: большая часть из них признает необходимость наличия опытного коллеги или наставника рядом в первый год профессиональной деятельности. Оценка уровня профессиональной подготовленности выявила проблемные зоны в профессиональных компетенциях: заполнение медицинской документации, оказание экстренной и неотложной помощи, проведение манипуляций и развитие навыков взаимодействия с пациентами. В качестве помощи молодым специалистам следует отметить управление и создание условий в профессиональной среде, направленных на режим работы, своевременную помощь в сложных ситуациях, распределение обязанностей, отношения с вышестоящим руководством, методическую помощь.

Ключевые слова: профессиональное становление, молодой врач, профессиональная деятельность, адаптация, наставничество, мотивация, специализация.

Качество медицинского обслуживания населения зависит от профессионализма врачебных кадров, который начинает формироваться в период обучения в вузе, потому как очень многие студенты уже на старших курсах работают в системе здравоохранения. В этот период времени молодые специалисты обычно испытывают определенные трудности профессионального становления, адаптации к новым условиям работы, что отражается на их психике и здоровье, так как происходит резкий переход от подготовки, в большей степени теоретической, к выполнению трудовых функций, подвергаются практической проверке их профессионально значимые компетенции [4; 9; 10; 11]. Несмотря на то, что в вузе есть учебная и производственная практика, у студентов недостаточно вырабатываются квалификационные умения и навыки, необходимые в трудовой деятельности. В связи с этим актуальным является изучение

особенностей профессионального становления молодых врачей для выявления мер, способствующих повышению его эффективности.

Профессиональное развитие в научной литературе рассматривается с позиции педагогики, акмеологии, психологии труда, что говорит о многосторонности и сложности явления. Как указывает Э.Ф. Зеер [5], важнейшим критерием осознания и продуктивности профессионального становления молодого человека является его способность находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии, специальности и места работы. Развитие в этой сфере невозможно без мотивации и определенной трансформации психики, так как профессионализм — это системная организация

сознания и психики человека [6]. В период молодости подавляющее большинство специалистов испытывают кризис профессиональных ожиданий [5], связанный с несоответствием ожиданий и реальных условий работы, зарплаты, отношениями в коллективе и т.д. Результатом кризиса профессионального становления личности могут стать как личностный и профессиональный рост, изменение взаимоотношений с окружающими, коллегами и пациентами, так и уход из профессии врача [2].

В процессе становления происходит адаптация к трудовой деятельности. Так, в профессиональной адаптации молодых врачей Л.Н. Лаптиева выделяет подготовительный, квалификационный, производственный этапы [7]. На каждом из них выявляется трудность коммуникации, определяемая как значимая. Кроме того, для успешной профессиональной деятельности и социализации начинающим докторам необходимо развивать творческие качества, самоорганизацию, самостоятельность в постановке задач и принятии решений, уверенное поведение, адекватное ситуации [8]. Однако, следует отметить, что в настоящее время отсутствует системное исследование проблем профессионального становления молодых специалистов в области здравоохранения, что представляет отдельный научный интерес и является значимым компонентом снижения текучести кадров в здравоохранении.

В связи с этим цель нашей работы — изучение особенностей профессионального становления молодых врачей Удмуртской республики. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. анализ научной литературы по вопросам профессионального становления молодых специалистов;
2. разработка и анализ авторской анкеты, направленной на выявление основных проблем молодых врачей в процессе профессионального становления.

Гипотеза: терапевты чаще других специальностей испытывают неудовлетворенность профессиональной деятельностью.

Выборку составили 116 молодых специалистов городских и районных учреждений здравоохранения Удмуртской Республики (70,49% женщин и 29,51% мужчин, средний стаж — 1,5 года), что составило 45,6% от общего состава генеральной совокупности, так как, согласно данным ресурса «Медицинские кадры», количество молодых специалистов в Удмуртии на начало 2021 года составляет 251 человек. Данный факт позволяет сделать достоверные выводы об особенностях и проблемах адаптации молодых специалистов в учреждениях здравоохранения Удмуртской Республики.

Методы исследования: анализ, авторская анкета,

обобщение, методы математической статистики (описательная статистика, критерий согласия Пирсона для оценки значимости различий в полученных группах выборки, критерий Краскелла-Уоллеса, направленный на оценку степени удовлетворенности различными сторонами профессиональной деятельности молодыми докторами разных специальностей, множественный корреляционный анализ для выявления корреляционных связей между показателями). Математическая обработка осуществлялась в статистическом пакете программы SPSS Statistics 26.0.

Особенности профессионального становления молодых специалистов рассматривались в разрезе специальности (терапевты, педиатры, стоматологи, узкие специалисты), стажа профессиональной деятельности (до года и больше года).

Обнаружено, что подавляющему большинству респондентов (87,9%) нравится профессиональная деятельность. В целом готовыми к самостоятельной работе больше всего считают себя узкие специалисты (28,2% опрошенных). При этом им же чаще всего нужен наставник (25,6%). Педиатры чаще нуждаются в консультациях опытных коллег (84,6%). Выявлено, что терапевты значительно чаще хотят сменить выбранную специальность ($\chi^2 = 15,49$; $p < 0,01$). Вероятно, это связано с большой нагрузкой, условиями работы, не соответствующими потребностям и ожиданиям, низкой престижностью специальности в обществе.

Однако, в оценке степени профессиональной готовности к самостоятельной работе у специалистов значимых различий не выявлено, что можно оценить как примерно одинаковый уровень подготовки студентов в вузе. Наличие более длительного профессионального стажа (более года) закономерно увеличивает процент готовых к самостоятельной профессиональной деятельности (25,0% «против» 13,6% со стажем менее года). Однако значимость этих различий не подтверждена.

В то же время свой уровень профессиональной подготовки молодые специалисты оценивают достаточно высоко, особенно в области собственно профессиональной деятельности (сбор анамнеза, проведение объективного осмотра, назначения обследований, лечения) — выше 4 баллов по пятибалльной шкале, что отражено в таблице 1.

Обращая внимание на выявленную значимость в различиях среднего балла по отдельным навыкам (таблица 1), молодых специалистов-терапевтов необходимо оценить как наименее подготовленных к профессиональной деятельности по сравнению с другими категориями докторов. Максимальную трудность вызывают у них заполнение медицинской документации, оказание

Таблица 1.

Оценка уровня профессиональной подготовленности молодого специалиста

Навыки	Все	терапия	педиатрия	стоматология	специалисты	N	Уровень значимость
Сбор анамнеза	4,48	4,17	4,69	4,50	4,69	14,79	0
Постановка диагноза	3,99	3,85	4,00	3,88	4,08	2,85	0,42
Проведение объективного осмотра	4,39	4,10	4,62	4,44	4,56	11,44	0,01
Назначение обследования	4,39	4,10	4,46	4,31	4,46	8,27	0,04
Назначение лечения	4,12	3,98	4,23	4,13	4,18	2,33	0,51
Заполнение медицинской документации	3,80	3,46	3,69	4,06	3,97	8,15	0,04
Работа с электронной историей болезни, электронной амбулаторной картой	4,01	3,73	4,31	3,81	4,18	7,34	0,06
Планирование рабочего времени	4,09	3,73	4,38	4,31	4,21	10,45	0,02
Взаимодействие с пациентом	4,31	3,95	4,69	4,50	4,46	18,66	0
Оказание экстренной и неотложной помощи	3,93	3,37	4,23	4,25	4,18	19,93	0
Проведение манипуляций (постановка инъекций, катетеров, зондов и др.)	3,74	3,32	3,85	3,69	4,10	11,9	0,01
Работа с клиническими рекомендациями, стандартами	4,17	3,98	4,54	3,94	4,28	8,63	0,03
Составление отчетов по проделанной работе	3,59	3,41	3,85	3,63	3,56	2,11	0,55

экстренной и неотложной помощи, проведение манипуляций, взаимодействие с пациентом, планирование рабочего времени, проведение осмотра, назначение лечения. Среди педиатров ниже, чем у других, оцениваются навыки заполнения медицинской документации и проведения манипуляций.

Следующим этапом анализа стала оценка удовлетворенности молодых специалистов различными аспектами профессиональной деятельности. Значимые различия выявлены в оценке таких показателей как режим работы ($N=8,56$; $p<0,05$), своевременная помощь в сложных ситуациях ($N=8,39$; $p<0,05$), распределение обязанностей ($N=18,66$; $p<0,01$), отношения с вышестоящим руководством ($N=9,72$; $p<0,05$), методическая помощь ($N=9,79$; $p<0,05$). Обнаружено, что терапевты и педиатры меньше всего удовлетворены режимом работы и распределением обязанностей. Помощь в сложных ситуациях и удовлетворенность отношениями с руководством ниже всего оценивают терапевты, в методической помощи больше всего нуждаются терапевты и узкие специалисты.

Хотелось бы отметить, что при оценке отношений с коллективом подавляющее большинство молодых специалистов (73,9%) указали, что их приняли доброжела-

тельно, им помогают решать профессиональные задачи, о чем указали 67,8%. 66,1% опрошиваемых нашли общий язык с коллегами, чуть больше половины опрошенных молодых специалистов указали, что с ними делятся опытом и оказывают моральную поддержку. Чуть больше половины (54,2%) считают, что в рабочей группе коллеги понимают друг друга. Следует обратить внимание на то, что молодым терапевтам и педиатрам реже рекомендуют методы и приемы профессиональной деятельности (34,2% и 23,1%), чем стоматологам и узким специалистам (56,3% и 64,1%). Эти факты могут затруднять профессиональную и социальную адаптацию молодого специалиста. При этом 31,3% молодых стоматологов отметили, что в коллективе от них ждут практических советов.

Множественный корреляционный анализ показал наличие отрицательной корреляции ($r = -0,200$, $p<0,05$) удовлетворенности трудовой дисциплиной со стажем профессиональной деятельности, что может быть интерпретировано следующим образом: чем больше стаж профессиональной деятельности, тем меньше специалист нуждается в регламенте и контроле.

Две трети опрошенных молодых специалистов (75%) считают, что им необходим наставник. Хороший настав-

ник — это не тот человек, который добросовестно излагает свой предмет ученику, а тот, который активизирует и развивает внимательность своих воспитанников [3]. Сегодня развитие наставничества способствует переходу от традиционной модели обучения к личностно-ориентированной, создающей необходимые условия для самосовершенствования личности, способствующего успешному профессиональному становлению. Как показывает практика, молодые специалисты невольно, а порой и осознанно, копируют практические нюансы манипуляций и привычки у опытных преподавателей и наставников. Так, среди терапевтов 41,5% высказались за помощь наставника в течение года, 50% стоматологов указали на необходимость помощи наставника в течение полугода.

В сохранении внутреннего психологического комфорта большую роль играет одобрение наставников и позитивная реакция окружающих на работу молодого специалиста. Отношения с пациентами постепенно меняются в лучшую сторону, так как врач постепенно приобретает уверенность в себе и своем профессионализме [1; 2]. Выявлено, что в сложных ситуациях профессиональной деятельности молодые специалисты чаще всего обращаются к более опытному коллеге (63,5%), к заведующему (59,3%), к своим однокурсникам, коллегам-сверстникам (4,4%). Самостоятельно пытаются разобраться лишь 2,6% респондентов. При этом терапевты и педиатры предпочитают чаще обращаться к заведующему (65,9% и 76,0% соответственно), а стоматологи и узкие специалисты – к более опытным коллегам (75,0% и 69,23%), что, вероятно, связано со спецификой условий работы.

Молодые специалисты со стажем работы более 1 года также выбирают регулярные встречи, обсуждения с опытными коллегами (17,9%), создание развивающей, обучающей обстановки в организации (16,1%).

Представляется закономерным, что из форм обучения молодые специалисты на первое место поставили разбор клинических случаев (65,2%) в силу их практической значимости и соответствия потребностям врачей [4], две трети стоматологов данный вид обучения оценили как самый востребованный. У терапевтов высока потребность в учебных консультациях узких специалистов (46,3%), в целом по выборке такая форма обучения респондентами поставлена на второе место (29,6%), неформальные встречи с опытными коллегами высоко оценивают молодые педиатры (38,5%), а молодыми стоматологами такая форма обучения не востребована (0%). Психологические тренинги привлекательнее для узких специалистов (15,4%) и терапевтов (14,6%). Кроме того, молодые специалисты предложили такие формы обучения как стажировки, работа с медицинской документацией, обучение методам лечения и методам postds.

Отметим, что начинающим докторам не хватает знаний по правовым аспектам медицинской деятельности (62,6%), при этом наиболее востребованы эти знания у молодых терапевтов (73,2%). Безусловно, важным компонентом профессионального становления являются коммуникативные навыки: умение разрешать конфликты, общаться с пациентами, умение противостоять агрессии и другие, о чем указали респонденты. Наиболее актуален этот вопрос для педиатров (38,5%) и стоматологов (37,5%).

Главной спецификой медицинской деятельности является осуществление профессиональной деятельности в стрессогенных условиях труда при достаточно высокой ответственности за жизнь и здоровье пациентов. Сталкиваясь в процессе профессионального становления с дополнительными стресс-факторами, молодой врач особенно остро нуждается в профессионально-педагогической помощи со стороны вуза, медицинского учреждения, наставничестве опытных медицинских работников, готовых и заинтересованных поделиться своими компетенциями с неопытными коллегами. Гипотеза подтвердилась: участковые терапевты выделена как категория, наиболее нуждающаяся в дополнительном профессиональном сопровождении в вопросах заполнения медицинской документации, оказания экстренной и неотложной помощи, проведения манипуляции и формировании навыков взаимодействия с пациентами. Они испытывают наибольшие трудности в профессиональном становлении, что приводит к более высокой текучести кадров среди этой категории специалистов. Возможно, переход врача-терапевта в категорию семейного врача повысит престиж данной специальности в обществе.

Одной из форм помощи молодым специалистам является управление и создание условий в профессиональной среде, направленных на режим работы, своевременную помощь в сложных ситуациях, распределение обязанностей, отношения с вышестоящим руководством, методическую помощь. В процессе профессионального становления молодые специалисты нуждаются в помощи наставника, особенно в течение первого года работы, в последующем предпочитая регулярные встречи, обсуждения с опытными коллегами и создание развивающей, обучающей обстановки в организации. Начинающим врачам не хватает компетенций в области правовых аспектов медицинской деятельности, разрешения конфликтов, противостояния агрессии, профилактики эмоционального выгорания, развития стрессоустойчивости.

В качестве методов обучения наиболее востребован разбор клинических случаев, учебные консультации узких специалистов, неформальные встречи с опытными

коллегами. Молодые специалисты хотели бы участвовать в психологических тренингах, стажировках.

Результаты исследования могут быть полезными как

для преподавателей медицинских вузов, так и для руководителей медицинских учреждений для повышения качества обученности и профессионального становления начинающих врачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович Н.В., Рубанова Н.А., Кнышова С.А. Трудности в обучении и практической подготовке молодого врача в условиях реформирования российского здравоохранения. Пути решения и практический опыт // Медицинское образование и профессиональное развитие. - 2019. - №2 (34). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-v-obuchanii-i-prakticheskoy-podgotovke-molodogo-vracha-v-usloviyah-reformirovaniya-rossiyskogo-zdravoohraneniya-puti> (дата обращения 11.10.2022).
2. Акименко Г.В., Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю. К вопросу о профессиональном становлении личности врача // Дневник науки. - 2020. - № 5(41). - С. 18 - 23.
3. Ермолаева Ю.Н. Профессиональная социализация молодых медицинских работников // Фундаментальные исследования. - 2013. - № 9-1. - С. 37-41.
4. Жученко О.А. Применение кейс-метода в обучении врачей-ординаторов педагогике // Актуальные вопросы современного медицинского образования: Материалы II Междун. Научно-практич. конф. – Ижевск: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. – С. 58-60.
5. Зеер Э.Ф. Психология профессий. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. - 336 с.
6. Климов Е.А. Психология профессионала. - М., Воронеж: Институт практической психологии, Издательство НПО «МО-ДЭК», 2006. - 400 с.
7. Лаптиева Л.Н. Профессиональная адаптация медицинских работников: этапы и их особенности // Вестн. МГПУ им. И.П. Шамякина. - 2015. - № 1 (45). - С. 80-86.
8. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. - М.: Директ-Медиа, 2011. - 541 с.
9. Помыткина, Т.Ю., Галиахметова Н.П. Оценка готовности молодых врачей к самостоятельной профессиональной деятельности // Актуальные вопросы современного медицинского образования: Материалы II Междун. научно-практич. конф. – Ижевск: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. – С. 25 — 29.
10. Родионова О.А., Воробьева Е.Е. Исследование адаптации выпускников вуза (на примере выпускников медицинского вуза) // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2015. - № 7-6. - С. 47-49.
11. Чибышев, М.А., Малахова О.Н. Коммуникативная компетентность как качество обученности участников образования: проблемно-аналитический взгляд // Молодежная наука: тенденции развития. - 2022. - № 1. - С. 17-24.

© Помыткина Татьяна Юрьевна (Lamp2703@mail.ru), Галиахметова Наталья Павловна (n.gali671958@mail.ru),
Жученко Ольга Александровна (adlog@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ЕМКОСТИ ЛЕГКИХ СПОРТСМЕНОВ-ПОДВОДНИКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ СПОРТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

THE STUDY OF THE VITAL CAPACITY OF THE LUNGS OF SUBMARINERS, DEPENDING ON THE SPORTS SPECIALIZATION

**E. Redi
T. Tkacheva
E. Berko
E. Morozova**

Summary: The purpose of our study was to determine the state of the vital capacity of the lungs of athletes 18-20 years old engaged in underwater sports, depending on the sports specialization. Materials and methods: the study involved highly qualified submariners (15 girls and 15 boys), members of the Krasnoyarsk Territory national team specializing in swimming at sprint, stayer and underwater distances. The study was conducted at the sports bases of the city of Krasnoyarsk (the Avangard sports complex, the SibGU Palace of Water Sports). The following methods were used in the work: analysis of pedagogical and scientific – methodical literature, methods for assessing morphofunctional indicators (LF), methods of mathematical processing of results. The results of the study: the conducted research allows us to summarize that girls specializing in underwater disciplines have a greater lung capacity than girls sprinters and stayers. In men, the same trend is observed. Intensive training regimes of highly qualified athletes, in cyclic sports, place increased demands on the external breathing apparatus, and scuba diving is just the kind of sport where the cardiorespiratory system plays a significant role.

Keywords: vital capacity of the lungs, spirometry, morphofunctional indicators, underwater sports, scuba diver, physical activity, respiratory system.

Реди Елена Владимировна

*Доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия
Russlen90@mail.ru*

Ткачева Татьяна Викторовна

Доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

Берко Елена Евгеньевна

Доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

Морозова Елена Николаевна

Старший преподаватель, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия

Аннотация: Целью данной научной работы является определение жизненной емкости легких у спортсменов-пловцов возрастной группы 18–20 лет, занимающихся подводным спортом, в зависимости от их спортивной специализации. В исследовании приняли участие спортсмены-подводники высокой квалификации (15 девушек и 15 юношей) – члены сборной команды Красноярского края по плаванию, специализирующиеся на спринтерских и стайерских дистанциях, а также в дисциплине «подводное плавание». Сбор эмпирического материала проводился на спортивных базах г. Красноярск (спортивный комплекс «Авангард» и Дворец водного спорта СибГУ). В ходе изучения объекта исследования использовались методы анализа педагогической и научно-методической литературы, методы оценки морфофункциональных показателей (ЖЕЛ), методы математической статистики (на этапе обработки собранных данных и выявления значимых тенденций). Анализ полученной авторами статьи статистической информации позволяет сделать вывод о том, что девушки, специализирующиеся на подводных дисциплинах, имеют большую жизненную емкость легких, чем девушки-спринтеры и девушки-стайеры. У мужчин наблюдается то же соотношение. Интенсивные тренировочные режимы высококвалифицированных спортсменов в циклических видах спорта предъявляют повышенные требования к аппарату внешнего дыхания, а подводное плавание – как раз тот вид спорта, где кардиореспираторная система играет исключительно важную роль.

Ключевые слова: жизненная емкость легких, спирометрия, морфофункциональные показатели, подводный спорт, пловец-подводник, физическая нагрузка, дыхательная система.

В подводном плавании одной из важных функций, определяющих работоспособность спортсмена, является функция дыхания [1]. Исследование предельных дыхательных возможностей спортсмена способствует выявлению показателей возможности совер-

шения спортсменом его специфической деятельности. В связи с этим у пловцов-подводников по сравнению с представителями других видов спорта отмечаются высокие показатели спирометрии. Обобщение данных различных исследователей [2; 3; 4; 5] свидетельствует

в пользу наличия связи показателя ЖЕЛ со спортивной специализацией атлета, как в рамках отдельного вида спорта, так и в разных спортивных дисциплинах.

У пловца-подводника дополнительным фактором для развития дыхательного аппарата выступает необходимость дыхания через трубку. Исследования, проведенные В. С. Анищенко в 1969 году, показали, что средняя жизненная емкость легких составляет у пловцов-подводников-мужчин 5,4 л, превосходя «должные величины» у обычного представителя мужской половины человечества на 22%; а у женщин – 3,6 л (что на 12% выше «должных» параметров). Экскурсия грудной клетки у мужчин-подводников равна в среднем 12 см, а у женщин – 10 см, что превышает аналогичные показатели у представителей других видов спорта.

Важной характеристикой развития дыхательного аппарата при этом являются изменение силы дыхательных мышц (пневмоманометрия) и мощности вдоха и выдоха (пневмотахометрия). Так, сила выдыхательной мускулатуры у мужчин-подводников достигает в среднем 254 мм ртутного столба, а выдыхательная – 139 мм рт. ст. Мощность вдоха составляет у мужчин 8,2 л/сек, а выдоха – 6 л/сек. У женщин-подводниц соответствующие величины фиксируются, соответственно, на уровне 5,9 и 4,5 л/сек. Эти значения надо признать весьма значительными!

Целью исследования, проведенного авторским коллективом данной статьи, стало изучение состояния жизненной емкости легких спортсменов возрастной группы 18–20 лет, занимающихся подводным плаванием, в зависимости от их спортивной специализации.

Материалы и методы исследования

В научном эксперименте приняли участие спортсмены-подводники высокой квалификации (15 девушек и 15 юношей) – члены сборной команды Красноярского края по плаванию, специализирующиеся на спринтерских (50 и 100 метров) и стайерских (800 и 1500 метров) дистанциях, а также на подводном плавании (с баллоном, на 400 и 800 метров). Каждый из испытуемых имел высокие спортивные результаты и звание не ниже мастера спорта (МС). Исследование проводилось в несколько этапов на спортивных базах г. Красноярска (спортивный комплекс «Авангард» и Дворец водного спорта СибГУ).

Для решения поставленных задач применялись следующие методы исследования:

- теоретический анализ педагогической и научно-методической литературы;
- методы оценки морфофункциональных показателей (жизненной емкости легких (ЖЕЛ) – измерение максимального количества воздуха (в мл), который может быть набран в легкие после мак-

симально полного выдоха). При этом измерение жизненной емкости легких проводили с помощью специального прибора – спирометра. Испытуемый делал максимальный выдох после глубокого вдоха. Выдыхал воздух в спирометр, плотно прижав мундштук к губам;

- методы статистической обработки полученных данных применялись для обеспечения достоверности и обоснованности результатов исследования. В частности, был проведен корреляционный анализ зависимости между спортивным результатом и уровнем ЖЕЛ среди стайеров, подводников и спринтеров. Математическая обработка результатов осуществлялась на персональном компьютере с использованием программ Microsoft Word и Microsoft Excel.

Результаты исследования

В научной литературе можно встретить различные оценки степени влияния жизненной емкости легких на качество спортивной подготовки атлетов в разных дисциплинах. Эти показатели не рассматриваются специалистами многих видов спорта как критерии уровня подготовленности спортсменов, хотя исследования по проблематике, связанной с дыхательной системой спортсменов, проводились и ранее. Известно, что в тяжелой атлетике при мышечной работе происходит увеличение функциональной остаточной емкости легких и уменьшение показателя ЖЕЛ [6]. Современные исследования в баскетболе не выявили достоверных различий в ЖЕЛ у мужчин-баскетболистов мирового уровня; значение этого параметра у баскетболистов фиксировалось на уровне установленной для мужчин нормы [7]. В гиревом спорте отмечалось наличие затрудненного дыхания у спортсменов в силу специфических особенностей техники самой спортивной дисциплины; также этот факт обуславливался квалификацией атлетов [8]. Однако особенности изменения жизненной емкости легких у спортсменов в подводном плавании в зависимости от их конкретной спортивной специализации на настоящий момент изучены мало, что и послужило дополнительным обоснованием актуальности избранной темы исследования.

Результаты исследования состояния ЖЕЛ среди девушек 18–20 лет, занимающихся подводным плаванием, в зависимости от их спортивной специализации приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты исследования показателя ЖЕЛ среди девушек 18–20 лет, занимающихся подводным спортом, дифференцированно по спортивной специализации.

Параметр	Спринтеры	Стайеры	Подводники
ЖЕЛ, мл ³	3300–4000	3600–4500	4300–4660

Средние показатели ЖЕЛ среди девушек-спринтеров колеблются в пределах от 3300 до 4000 млЗ. Среди стайеров – от 3600 до 4500 млЗ. Среди занимающихся подводным плаванием – от 4300 до 4660 млЗ.

Результаты исследования состояния ЖЕЛ среди пловцов-юношей в возрасте 18–20 лет, занимающихся подводным спортом, в зависимости от их спортивной специализации представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты исследования показателя ЖЕЛ среди юношей 18–20 лет, занимающихся подводным спортом, в зависимости от их спортивной специализации.

Параметр	Спринтеры	Стайеры	Подводники
ЖЕЛ, мл ³	4900–5400	5200–5900	5200–6100

Средние показатели ЖЕЛ среди пловцов-спринтеров-юношей колеблются от 4900 до 5400 млЗ. Среди стайеров – от 5200 до 5900 млЗ. Среди занимающихся подводным плаванием – от 5200 до 6100 млЗ.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что девушки и юноши, специализирующиеся на подводном плавании, имеют большую ЖЕЛ, чем спортсмены-пловцы, специализирующиеся на спринтерских и стайерских дистанциях, что указывает на высокие функциональные возможности дыхательного аппарата спортсменов, плавающих под водой с аквалангом. Интенсивный тренировочный режим высококвалифицированных спортсменов в циклических видах спорта предъявляет повышенные требования к развитости внешнего дыхания, а подводное плавание – это как раз тот вид спорта, где кардиореспираторная система играет особо значительную роль.

Рабочая функция дыхательного аппарата у пловцов-подводников, характеризуется таким параметром, как максимальная вентиляция легких, которая у мужчин в среднем составляет 196 л/мин, а у женщин – 144 л/мин, что превышает «должные величины», соответственно, на 82 и на 94%. Это обстоятельство можно объяснить спецификой подводного плавания как вида спорта – плавание с трубкой и аквалангом предъявляет специфические требования к работе спортсмена в анаэробных условиях (способность задерживать дыхание при нырянии в длину на 50 метров и работать с аквалангом в условиях умеренной гипоксии).

Для установления корреляционной зависимости между физическим параметром (ЖЕЛ) и спортивными результатами пловцов-подводников авторы приняли за основу следующие критерии оценки согласно значению коэффициента корреляции (r):

- $r < 0,3$ – низкая степень зависимости;
- r в пределах от 0,31 до 0,5 – слабая степень зависимости;

- r в пределах от 0,51 до 0,7 – средняя степень зависимости;
- r в пределах от 0,71 до 0,8 – выраженная степень зависимости;
- r от 0,81 до 0,90 и выше – сильная степень зависимости.

Данные корреляционной взаимосвязи спортивного результата с параметром ЖЕЛ у пловцов-подводников представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Корреляция спортивного результата и значения параметра ЖЕЛ, дифференцированно по спортивной специализации и полу спортсменов.

Исследуемая группа пловцов	Коэффициент корреляции
девушки-спринтеры	0,51
юноши-спринтеры	0,63
девушки-стайеры	0,71
юноши-стайеры	0,76
девушки-подводники	0,75
юноши-подводники	0,78

Из данных таблицы 3 следует, что значимая корреляционная взаимосвязь ЖЕЛ со спортивным результатом фиксируется у пловцов (девушек и юношей), специализирующихся на стайерских ($r = 0,71$ и $r = 0,76$) дистанциях и подводном плавании ($r = 0,75$ и $r = 0,78$). Средняя степень зависимости наблюдается у девушек и юношей, специализирующихся на спринтерских дистанциях ($r = 0,51$ и $r = 0,63$).

Полученные данные дают основание полагать, что аппарат внешнего дыхания наиболее развит у пловцов-подводников, специализирующихся на стайерских дистанциях и подводном плавании, и наименее развит у пловцов-спринтеров. Учитывая, что пловцы-стайеры и пловцы-подводники представлены исключительно аэробным типом энергообеспечения, а спринтеры – анаэробным, можно говорить о наличии связи между степенью развития аппарата внешнего дыхания и типом энергообеспечения. Так, анаэробный тип энергообмена, не требующий присутствия кислорода в мышечной ткани, в меньшей степени зависит от функционирования аппарата внешнего дыхания, что находит свое выражение в меньших величинах ЖЕЛ у спортсменов-спринтеров, ведущими энергопоставляющими процессами для которых выступают анаэробные.

Выводы

Параметры внешнего дыхания являются одним из важных маркеров медико-биологического состояния как начинающих, так и высококвалифицированных спортсменов. Результаты проведенного исследования

показали, что жизненная емкость легких у пловцов-подводников имеет разное значение, соответствующее их спортивной специализации, что указывает главным образом на прямую связь развитости физических параметров спортсменов и методики, а также интенсивности и длительности тренировочного процесса. Чем больше ЖЕЛ – тем больше дыхательная поверхность легких и тем большей может быть глубина дыхания атлета, а также легче достижимым увеличе-

ние объема вентиляции (что крайне важно для пловцов, специализирующихся на стайерских и подводных дистанциях).

Выраженная и средняя взаимосвязь ЖЕЛ со спортивными результатами пловцов-подводников указывает на методическую обоснованность учета в ходе тренировочного процесса, в том числе, и задачи развития данного физического параметра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко, В.С. Подводный спорт в клинико-физиологическом освещении / В.С. Анищенко // Физиологические предпосылки спортивной работоспособности в подводном спорте. – Москва, 1969. С. 9–10.
2. Дорохов, Р.Н. Спортивно-медицинские аспекты отбора и ориентации / Р.Н. Дорохов. – Москва, 1978. – 126 с.
3. Мартиросов, Э.Г. Современные проблемы спортивной морфологии: сб. науч. трудов / Э.Г. Мартиросов, Ю.П. Сергеев, В.П. Чтецов. – Москва, 1977. – Вып. 2, С. 8–29
4. Мартиросов, Э.Г. Морфофункциональная организация и спортивные достижения борцов высокой квалификации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук / Э.Г. Мартиросов. – Москва, 1968.
5. Ставицкая, А.Б. Методика исследования физического развития детей и подростков / А.Б. Ставицкая, Д.И. Арон. – Москва: Медгиз, 1969. – 60 с.
6. Тарасова, Л.В. Оценка внешнего дыхания квалифицированных тяжелоатлетов / Л.В. Тарасова, А.Н. Корженевский, А.В. Воробьев, Н.А. Худадов, С.В. Малиновский // Вестник спортивной науки. – 2013. – № 4. – С. 50–53.
7. Панков, М.В. Аэробные возможности высококвалифицированных хоккеистов / М.В. Панков // Вестник спортивной науки. – 2012. – № 5. – С. 54–58.
8. Тихонов, В.Ф. Исследование объемно-временных показателей системы внешнего дыхания спортсменов-гиревиков в упражнении «рывок» / В.Ф. Тихонов, Б.Н. Глинкин, А.М. Михалев // Актуальные проблемы физического воспитания и спортивной тренировки учащейся молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: НОУ РГУФК, 2009. – С. 203–208.

© Реди Елена Владимировна (Russlen90@mail.ru), Ткачева Татьяна Викторовна,
Берко Елена Евгеньевна, Морозова Елена Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В АГРАРНОМ ВУЗЕ

VALUE AND SENSE ASPECTS OF THE PROFESSIONAL FORMATION OF A STUDENT'S PERSONALITY IN AN AGRICULTURAL UNIVERSITY

V. Semysheva

Summary: The article considers the value and sense foundations of preparing students to work in the system of the agro-industrial complex, ensuring the professional formation of a future specialist, the personality development, professional position, ability to self-development.

Keywords: professional value orientations, vocational training, humanistic education, personality formation.

Семьшева Валентина Михайловна

к.пед.н., доцент, ФГБОУ ВО Брянский ГАУ

vsemysheva@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются ценностно-смысловые основы подготовки студентов к работе в системе агропромышленного комплекса, обеспечения профессионального становления будущего специалиста, развития его личности, профессиональной позиции, способности к саморазвитию.

Ключевые слова: профессиональные ценностные ориентации, профессиональное обучение, гуманистическое воспитание, формирование личности.

Система образования является стратегически важной сферой человеческой деятельности, одним из тех социальных институтов, роль которых неуклонно возрастает по мере продвижения общества на пути прогресса. В настоящее время перед вузами встали принципиально новые задачи. Образование не должно сводиться исключительно к передаче знаний молодежи. Оно должно выполнять и такие функции, как формирование новых ценностно-смысловых ориентаций студентов. Изучению психологических аспектов данной проблематики посвящены работы таких выдающихся ученых, как Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов [1], Н.Н. Нечаев [2], А.А. Бодалёв [3], А.А. Вербицкий [4].

Анализ представлений о развитии профессионала и ценностной сферы его личности (А.А. Деркач, Е.А. Климов, А.А. Петрусевич, Д. Сьюпер и др.) позволяет определить понятие профессиональных ценностных ориентаций личности, которые представляют собой базовую характеристику личности будущего специалиста, основным содержанием которого является система отношений к интегративным ценностям профессии и готовность действовать в профессиональной сфере в соответствии с ними. Развитие их осуществляется на основе согласования профессиональных и личностных ценностей. Профессиональные ценности выступают как один из аспектов внутреннего содержания деятельности, они дают основу оценке и регуляции деятельности [5].

По мнению А.А. Деркача, на уровне сознания ценности существуют в виде ценностных ориентаций, система которых определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений, ядро мотивации, жизненной концепции и смысла жизни.

Профессиональные ценностные ориентации являются смыслообразующим компонентом профессиональной деятельности, определяющим ее цель и смысл для личности и социума [6].

Современный аграрный вуз воплощает в себе многофункциональное, многопрофильное учебное заведение, призванное решать широкий спектр задач обучения и воспитания. Профессиональное обучение и гуманистическое воспитание в конечном итоге должны слиться в органический процесс целенаправленного формирования личности, результаты которого проявляются в единстве демократически-гуманистических, профессионально-трудовых, гражданско-патриотических и культурно-нравственных позиций студентов.

Целью высшего аграрного образования сегодня является не просто подготовка студентов к работе в системе агропромышленного комплекса, а обеспечение профессионального становления будущего специалиста, развития его личности, профессиональной позиции, способности к саморазвитию. Сегодня недостаточно уметь ориентироваться в потоках профессиональной информации, необходимо уметь ее анализировать, перерабатывать, самому искать новые знания, стремиться к новому творческому преобразованию мира. Для того чтобы работать в современных динамичных условиях, невозможно быть нетворческим, инертным человеком. Высшее аграрное образование предполагает подготовку профессионала, способного организовать работу специалистов-исполнителей, то есть руководителя. Вуз стремится воспитать в студенте те качества и способности, которыми необходимо обладать для работы в сфере управления АПК. Это умение организовать и координи-

ровать процесс производства сельскохозяйственной продукции, разбираться в человеческой психологии. Последнее качество не менее важно, поскольку атмосфера в коллективе оказывает огромное влияние на деятельность людей, поэтому одной из функций руководителя в сфере АПК является обеспечение благоприятной обстановки рабочего процесса. Руководитель отличается от рядового исполнителя способностью предвидеть последствия своих действий, абстрактностью мышления, что позволяет видеть все аспекты деятельности в комплексе. Каким образом можно воспитать в личности студента эти качества? Ответом на этот вопрос является творчество, формирование исследовательских умений студента. Творческая деятельность развивает нестандартное мышление, умение формулировать задачи и находить новые пути их решения. Творчество способствует воспитанию таких качеств, как самостоятельность, самостоятельность, инициатива, обеспечивает всестороннее развитие личности, что является важным критерием специалиста-управленца аграрного производства. Исследовательские умения, как базовые компоненты личности будущего профессионала, выражают ведущие характеристики процесса профессионального становления, отражают универсальность ее связей с окружающим миром, иницируют способности к творческой самореализации, определяют эффективность познавательной деятельности, способствуют перенесению знаний, умений и навыков исследовательской деятельности в любую область познавательной и практической деятельности, что в свою очередь, открывает дополнительные возможности повышения уровня знаний и опыта, благоприятствует социальной мобильности и устойчивости на рынке труда, позволяет в будущей профессиональной деятельности охватывать своим влиянием все стороны общества и человека. Как отмечается в документах по модернизации высшего образования, исследовательские умения во взаимосвязи с учебным и аналитическим мышлением составляют научно-исследовательскую подготовку будущего специалиста. Формирование будущего профессионала – это в первую очередь развитие его как личности, учитывая систему его интересов. Закон об образовании основывается на гуманизме и свободном развитии индивида. Это означает, что сам обучающийся влияет на процесс самореализации и эффективность профессионального становления.

Современная ориентация образования на формирование компетенций предполагает создание дидактических и психологических условий, в которых студент может проявить не только интеллектуальную и познавательную активность, но и личностную социальную позицию, свою индивидуальность, выразить себя как субъект обучения. Активное обучение представляет собой такую организацию и ведение образовательного процесса, которые направлены на всемерную активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, желательного комплексного,

использования как дидактических, так и организационно-управленческих средств, широкое использование ими различных средств и методов активизации [7]. Активное обучение как целенаправленный образовательный процесс организации и стимулирования активной учебно-познавательной и исследовательской деятельности студентов по овладению общекультурными и профессиональными компетенциями строится на основе использования активных методов и технологий в процессе проведения занятий. Активные методы обучения – 1) совокупность приемов и подходов, отражающих форму взаимодействия обучающихся и преподавателя в процессе обучения (В.А. Сластенин); 2) способы и приемы педагогического воздействия, которые побуждают обучаемых к мыслительной активности, к проявлению творческого, исследовательского подхода и поиску новых идей для решения разнообразных задач учебной и научно-исследовательской деятельности. Активные формы проведения занятий – это такие формы организации образовательного процесса, которые способствуют разнообразному (индивидуальному, групповому, коллективному) изучению (усвоению) учебных вопросов (проблем), активному взаимодействию обучаемых и преподавателя, живому обмену мнениями между ними, нацеленному на выработку правильного понимания содержания изучаемой темы и способов ее практического использования. Активные формы и методы неразрывно связаны друг с другом. Их совокупность образует определенный вид занятий, на которых осуществляется активное обучение. Методы наполняют формы конкретным содержанием, а формы влияют на качество методов. Если на занятиях определенной формы используются активные методы, можно добиться значительной активизации образовательного процесса, роста его эффективности. В этом случае сама форма занятий приобретает активный характер.

Учитывая действия, доминирующие при реализации исследовательских умений в процессе обучения, мы выделяем следующие группы исследовательских умений студента:

1. аналитико-синтетические (умение использовать научные методы познания и описания явлений; умение самостоятельно генерировать идеи, т.е. изобретать способ действия, привлекая знания из различных областей; умение самостоятельно найти недостаток информации в информационном поле; умение запросить недостающую информацию у преподавателя и т.д.);
2. прогностические (умение прогнозировать; умение проектировать; умение предвидеть, предугадывать; умение ставить цели и задачи; разрабатывать планы и проекты их решения и т.д.);
3. гностические (умения выделять и строить цели; умения формулировать проблему и гипотезу; умения составлять библиографию; умение построить эксперимент и т.п.);

4. контрольно-оценочные (осуществлять самоконтроль и саморегуляцию исследовательской деятельности; анализировать и контролировать результат своей деятельности с целью ее улучшения и т.д.).

В процессе профессионального становления личности студента в вузе в качестве формирования исследовательских умений мы предлагаем использовать активные методы обучения с опорой на информационные технологии [8, 9]. Применение информационных технологий в профессиональном становлении будущих специалистов аграрного производства готовит их к реальной трудовой деятельности в существующих на сегодняшний день социально-экономических условиях, приобщает к фонду накопленного знания, дает возможность наиболее ускоренного поиска необходимой информации, позволяет ознакомиться с библиографией той или иной проблемы, выбрать материал по интересующему аспекту, в целом научиться ориентироваться в познавательном пространстве изучаемого вопроса, обеспечивает визуализацию изучаемого материала и в этом смысле является эффективным наглядным пособием.

Таким образом для того, чтобы работать в образовательной парадигме, направленной не только на развитие интеллектуальных, творческих, исследовательских способностей, но и на формирование личности студента, адекватной задачам современной эпохи, целесообразно критически отнестись к содержательной характеристике деятельности всех субъектов образовательно-воспитательного процесса в вузе. В вузовской практике распространены такие формы обучения, благодаря которым студент ощущает себя полноправным участником учебного процесса, осуществляется активизация познавательной деятельности, творческое отношение к процессу познания. Это семинарские занятия в виде проблемных обсуждений, олимпиадные мероприятия, мозговой штурм и другие. Выдвинув в качестве приоритетной задачи «учись учиться», становится все более ясным, что ее выполнение требует реального обновления роли педагога. При этом изменение его положения видится по двум направлениям, одно из которых связано с изменением его роли при передаче знаний, а другое – с отношением к личности студента [10, 11].

Первое направление предполагает:

- перенос акцента с объяснения нового материала как основного способа передачи знаний на подходы, отдающие приоритеты самостоятельному «добыванию» знаний студентами. Преподаватель организует процесс поиска и открытий нового. Такой подход имеет не только обучающее значение, но и играет огромную психологическую роль, так как придает студентам уверенность в своих силах, дает возможность почувствовать радость успеха, а это, в свою очередь, обуславливает положительную мотивацию к учению;

- поощрение самостоятельной исследовательской деятельности, формулирование самостоятельных выводов и оценочных суждений;
- активное использование предшествующего опыта и знаний студентов;
- поощрение высказывания собственной точки зрения, собственной позиции; поощрение обмена мнениями как между студентами, так и между преподавателем и студентами;
- создание условий для аргументации сделанных выводов, суждений, позиций;
- мотивирование студентов на понимание и принятие ответственности за свое собственное обучение;
- поддержка постепенного роста самостоятельности студентов;
- стимулирование попыток студентов к расширению, проверке и применению в учебной деятельности нового опыта, новых знаний.

Все названное невозможно реализовать, если преподаватель не будет содействовать изменению психолого-педагогического климата на занятии. Поэтому трансформация роли преподавателя сопряжена с пересмотром его отношения к студентам, которое выражается:

- в безусловном уважении личности студента;
- в создании доверительной атмосферы на занятии;
- в признании ценности личности каждого студента, его права на раскрытие собственного творческого потенциала, собственных учебных приоритетов;
- в организации учебной деятельности, позволяющей каждому студенту раскрыть свои способности;
- в использовании мониторинга с целью не только коррекции знаний студентов, но и коррекции собственных педагогических подходов, приемов и методов обучения;
- в постоянной открытости преподавателя для новых идей, в осуществлении им творческого поиска в своей педагогической практике;
- в понимании того, что студент находится в центре внимания, в центре педагогической деятельности и педагогических усилий.

Все названное относительно роли преподавателя призвано не только стимулировать стремление студента к инициативе, самостоятельности, творчеству, но и формировать ценностно-смысловые основы профессионального становления. Процесс формирования профессиональных ценностей студенческой молодежью осуществляется путем осознания и переживания ими личностных аспектов в профессиональной деятельности. Данный процесс происходит во взаимодействии внешних и внутренних механизмов, основанных на познании и освоении ценностей, эмоциональной оценке и принятии их как своих собственных, встраивания во внутренний мир личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Е.А. Психология профессионала / Е.А. Климов – Москва, 2003. – 456 с.
2. Нечаев Н.Н., Ермаков В.Г. Инновационное образование как объект педагогической теории // Психолого-педагогические аспекты развития образования. – М., 2009. – С. 96-113.
3. Бодалёв А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалёв – М.: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.
4. Вербицкий А.А. Контекстно-компетентный подход к модернизации образования // Педагогическая диагностика. – 2016. – № 6. – С. 44-50.
5. Федосова И.В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы. – 2009. – №2. – С.75-92.
6. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2004. – 752 с.
7. Кругликов В. Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика. – СПб.: ВИТУ, 1998. – 308 с.
8. Семышева В.М. Психолого-педагогическая подготовка студентов инженерных факультетов сельскохозяйственных вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08; утв. 30.06.04. – Брянск, 2004. – 284 с.
9. Семышев М.В., Семышева В.М., Андрияшенок Е.В., Куцебо Г.И. Психолого-педагогические аспекты формирования конкурентоспособности будущего профессионала // Международный научный журнал. – 2014. – № 6. – С. 85-90.
10. Семышева В.М., Семышев М.В., Андрияшенок Е.В., Куцебо Г.И., Еремин А.В. Персонификация образовательного процесса как основа студентоцентрического подхода в обучении // Международный научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 89-95.
11. Семышева В.М., Семышев М.В., Поцепай С.Н. Интеграция коммуникативной культуры студента аграрного вуза в конкурентоспособность профессионала // В сборнике: Проблемы энергообеспечения, автоматизации, информатизации и природопользования в АПК. Сборник материалов международной научно-технической конференции. – Брянск, 2021. – С. 181-186.

© Семышева Валентина Михайловна (vsemysheva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Брянский государственный аграрный университет

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

INFLUENCE OF POLITICAL CULTURE ON ELECTORAL ACTIVITY OF MODERN STUDENT YOUTH

**N. Sergeeva
O. Bolbat
M. Samardak**

Summary: The article analyzes the level of political culture of modern student youth, the change in electoral behavior and socio-political activity (on the example of students of the Siberian State Transport University, SGUPS). The article considers the factors influencing the formation of the social and political culture of modern students: the degree of their awareness of the current political situation in Russia and the world, the decrease in the influence of the state on the socialization of youth, as well as the role of the Internet in shaping the civic position of student youth.

Keywords: student youth, political culture, absenteeism, electoral behavior, socio-political activity, value orientations, socialization.

Сергеева Нинелла Лазаревна

к.п.н., доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия
sergeevanelli@ngs.ru

Болбат Ольга Борисовна

к.п.н., доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия
olgab2203@gmail.com

Самардак Марина Викторовна

к.п.н., доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия
samardak@stu.ru

Аннотация: В статье анализируется уровень политической культуры современной студенческой молодежи, изменение электорального поведения и социально-политической активности (на примере студентов Сибирского государственного университета путей сообщения, СГУПС). В статье рассмотрены факторы, влияющие на формирование социальной и политической культуры современного студенчества: степень их информированности о современной политической ситуации в России и мире, снижение влияния государства на социализацию молодежи, а также роль Интернета в формировании гражданской позиции студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенческая молодежь, политическая культура, абсентеизм, электоральное поведение, социально-политическая активность, ценностные ориентации, социализация.

«Молодёжь – это барометр нашего общества»
(Н.И. Пирогов)

Современная общественно-политическая обстановка в России и мире, переживающая сложный период политических и социально-экономических преобразований, требует особого внимания к очень важному демографическому ресурсу страны, прежде всего, студенческой молодежи.

Актуальность исследования политической культуры и активизации электоральной активности молодежи в современных условиях обусловлена первостепенной задачей, стоящей перед политическим руководством нашей страны – решением социально-экономических и политических целей российского общества.

Молодежная возрастная группа представляет собой наиболее активную часть гражданского общества в России, она составляет пятую часть населения страны, особенно в крупных городах. Студенты, как наиболее образованная часть молодежи, в период обучения в вузе овладевают не только профессиональными знаниями, умениями, навыками и компетенциями, но у них «про-

исходит становление социальной мировоззренческой зрелости, интенсивный процесс формирования политического сознания и политической культуры. От успешности этих процессов зависит, насколько эти деятельные и ответственные люди волеются в общественную жизнь в ближайшем будущем» [6, с. 97].

Современная политическая культура российского общества имеет свои особенности – она традиционно достаточно пассивна по своему характеру. На нее оказывает влияние советское прошлое (влияние коммунистической идеологии) и влияние плюралистических идей Запада. Активистский тип культуры у нас в стране не сложился. В условиях трансформации политической системы РФ это особенно повлияло на молодежь.

Президент РФ В.В. Путин, выступая 16.12.2022 г. на заседании Государственного Совета, где обсуждался вопрос реализации молодежной политики в современных условиях, отметил, что «современная молодежь – политическое будущее России, ... поэтому молодежная политика является стратегически важной темой» [1].

Политическую культуру молодежи мы рассматрива-

ем как часть общей культуры общества с ее сложившейся политической системой, освоением политических идей и ценностных ориентаций, и реализацией их на практике. Под социально-политической активностью молодежи мы понимаем их поведенческую деятельность, с установками, мотивацией на достижение социально-политических целей.

Проблему развития социальной и политической культуры студентов нельзя оставлять без внимания государства. Последние годы «утвердившаяся доктрина деидеологизации высшего образования и идеологический плюрализм породили идеологический нигилизм. Поэтому необходимо различать деидеологизацию образования (воспитания) и политическую безграмотность, которая в сложных политических условиях может привести к социальным конфликтам» [15, с. 184].

Эффективность повышения уровня политической культуры студенческой молодежи напрямую связана с политической социализацией¹, которая является трансформатором передачи традиций, политических установок, ценностных ориентаций от предыдущих поколений.

Политическую социализацию студенческой молодежи мы рассматриваем как взаимосвязь стихийной (которая продолжается на протяжении всей жизни человека), и относительно направляемыми действиями государства (где происходит взаимодействие будущего гражданина с органами государственной власти). Результат относительно направленной социализации молодежи проявляется в ее электоральной активности.

Электоральная активность молодежи, с нашей точки зрения, – это ее участие в голосовании на избирательном участке (или при разрешении Центральной избирательной комиссией – участие в электронном голосовании). Электоральное поведение один из важнейших показателей гражданской зрелости молодежи (активности или пассивности), а также ее отношение к происходящим в стране политическим процессам.

В последние годы произошли значительные изменения в политической системе России, которые повлияли на социально-политический климат в стране: политическая апатия затронула большую часть населения; пассивность и распространение абсентеизма отразилась и на молодежную среду, и, первую очередь, студенческую молодежь. В обществе изменилась система традиционных ценностей и трансформировалась система сложившихся

механизмов социализации поколений (исчез «социальный лифт»), нарушилась преемственность между ними.

90-е годы XX в. породили турбулентность в обществе, а идеологическое многообразие повлияло на мировоззрение людей. Воспитание молодого поколения происходило в сложных условиях: снизился уровень общей культуры, процветало духовное обеднение, «западные ценности» внедрялись в культуру России, происходило ослабление патриотизма, снижение нравственности. С одной стороны, государство декларировало свободу деятельности, выбор профессии, стиля жизни по своим интересам и жизненному опыту, но при этом ослабило политическое и идеологическое влияние на молодежь [10]. С другой стороны – происходило свертывание демократических преобразований в России в начале 2000-х годов. И как пишет в своем исследовании К.А. Леонов «степень доверия к политическим институтам и уровень участия молодежи в политической жизни страны непосредственно связан с демократическим развитием государства» [7, с. 113].

Опираясь на результаты проведенных многолетних исследований студентов СГУПС [12, 13, 14, 16, 17] и работы известных социологов Ю.Г. Волкова, В.И. Добренькова, Р.А. Захаркина, А.В. Мудрика, А.В. Орловой, В.И. Чупрова, Х.С. Шагбановой и других, можно выделить причины пассивности (аполитичности) студенчества:

- а) государство активно не занималось молодежной политикой, проекты принимались, но не реализовывались [11, 19];
- б) непростые социально-экономические условия, в которых молодежи приходилось «выживать»;
- в) интересы и потребности, а также ценностные ориентиры молодежи для самореализации не связаны с политикой.

Для решения задачи активизации молодежного ресурса, привлечения молодежи к участию в социально-политической жизни вуза (города) и страны в целом, всегда, а в настоящее время особенно, важная роль принадлежит образованию и воспитанию. Формировать активную гражданскую позицию, высокую нравственность, правовую и политическую культуру необходимо начинать через изучение и положительное отношение к истории своей Родины; месту рождения и проживания; через стремление узнавать о достижениях своей страны и приумножить их; и через передачу опыта поколений. Эти действия должны быть приоритетными для власти, что будет являться залогом привлечения молодежи к

1 Социализация – (от лат. socialis — общественный) – процесс усвоения человеком индивидуальными определенными системами знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Процесс социализации человека состоит из четырех составляющих: стихийная социализация, относительно направляемая социализация; относительно социально-контролируемая социализация; сознательное самоизменение человека.

участию в управлении в той сфере, где они смогут реализовать свои способности

Ряд социологов (Ю.А. Зубок, В.Т. Лисовский, В.И. Чупров и др.) считают, что студенческая молодежь нашей страны в целом аполитична по отношению к деятельности власти. Современная молодежь негативно воспринимает или индифферентна к сложившейся политической ситуации в стране. По мнению А.В. Орловой и Х.С. Шагбановой, молодежь имеет свои особенности, у них «отсутствует сформированная жизненная позиция, система ценностей, из чего вытекает приверженность радикальным взглядам, конфликтный характер и максимализм переходного возраста» [9, с. 419].

Важный показатель уровня политической культуры и гражданской позиции молодого человека – это электоральное поведение студенческой молодежи. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) по участию молодежи в выборах федерального уровня власти участие молодежи находилось на уровне 23% - 27%. Официальная статистика по участию студентов практически отсутствует. Авторы статьи, будучи председателями участковых избирательных комиссий в СГУПСе в 2011-2012 гг. и владея данными по голосованию студентов университета, а также, используя данные Областной избирательной комиссии по Новосибирской области в 2012 г., приводят следующие показатели: по Новосибирской области (далее – НСО) явка молодежи составила – 76%; по Заельцовском району г. Новосибирска – 68%; студентов СГУПС – 72% (не ходили голосовать – 28%). На студенческий электорат повлиял административный ресурс вуза (ректорат, деканат, студенческий профсоюз). При этом, не участвуя в голосовании, многие студенты выразили готовность работать наблюдателями от политических партий или агитаторами – 21% (за эту работу они получали материальное вознаграждение).

В избирательных кампаниях 2011-2012 гг. активное влияние на мобилизацию студентов оказала агрессивная политическая агитация со стороны политических партий и политических лидеров. Однако, это скорее не рост политической активности, а готовность получить дополнительный материальный доход во время избирательных кампаний, стремление к комфортным формам политического участия. Политические партии и их политические лидеры активно действовали, чтобы привлечь студенчество в ряды своих сторонников. Данные опроса этих лет показывают, что активность студенческого электората временно выросла с 13,2% до 21%, поверив в их обещания, но позднее пошло резкое снижение социально-политической активности молодежи.

Мы сравнили данные, полученные при анкетировании студентов в СГУПСе с социологическим исследованием О.В. Сорокина, сделанные в эти годы в Санкт-Петербурге: политикой интересуются менее 20% студентов, лишь третья часть из них имеет сложившиеся политические убеждения; 30,5% ими вообще не обладают; 39,4% – никогда не задумывались об этом [18, с. 50]. Проведенные исследования по данной проблеме среди студентов СГУПСа подтверждают выводы, сделанные и в других регионах страны [6, 7, 8, 9]. Результат сравнения показал, что уровень политической культуры студентов университета, интерес к политике, роль СМИ в формировании мировоззрения студенческой молодежи сложился на уровне 30% как в целом и у населения России (совпадение с данными ВЦИОМ).

Проведенное анкетирование студентов СГУПС в 2022 г. (участвовало 257 человек 1-4 курсов всех факультетов) показало уровень политической культуры студентов СГУПС, о чем свидетельствуют ответы, как студенты сами оценивали свою политическую включенность в политическую жизнь страны (рис.1). О слабой информированности, изменениях, которые произошли в полити-

ческой системе Российской Федерации, говорят следующие данные: 12% – регулярно следят за политическими событиями в России; 70% – от случая к случаю; а 18% – вообще не интересуются политикой (рис.2).

Анкетирование студентов СГУПС 2022 г. выявило значительное снижение уровня политической культуры студентов, изменения ценностных ориентаций, низкую явку студенческой молодежи в голосовании на выборах любых уровней политических институтов власти. Количество участвующих в голосовании студентов составило всего 1,3%, остальные 98,7% молодежи ответили, что вообще не интересуются электоральным процессом, что в целом соответствует общероссийским данным, проводимыми различными социологами.

На рис.3. показано, что 62% не знают, какие изменения произошли в политической системе России с 2020 г., и, вероятнее всего, они не знакомы с основным законом – Конституцией РФ. Основными источниками информации студенческой молодежи о политической жизни в стране в названные годы явились: СМИ – 48%; общение в семье, друзья – 19%. Влияние гуманитарных дисциплин не влияло на формирования гражданской позиции в процессе обучения и воспитания в вузе – 15%; не интересовались политикой – 18% [5, с. 113] (рис.4). Сами студенты оценивали свою политическую активность следующим образом: 50% – аполитичны; 22% – относительно аполитичны; 28% – затруднились ответить (этот ответ можно отнести ко второй группе) (рис.2).

Сравнивая полученные результаты студентов СГУПС за разные периоды, можно определить причину снижения политической культуры и активности студенчества. Мы согласны с социологом Р. А. Захаркиным, что абсентеизм молодежи в политической жизни страны отличается от традиционных стереотипов, свойственных старшему поколению [3]. Молодежь, в основной массе, пассивна,

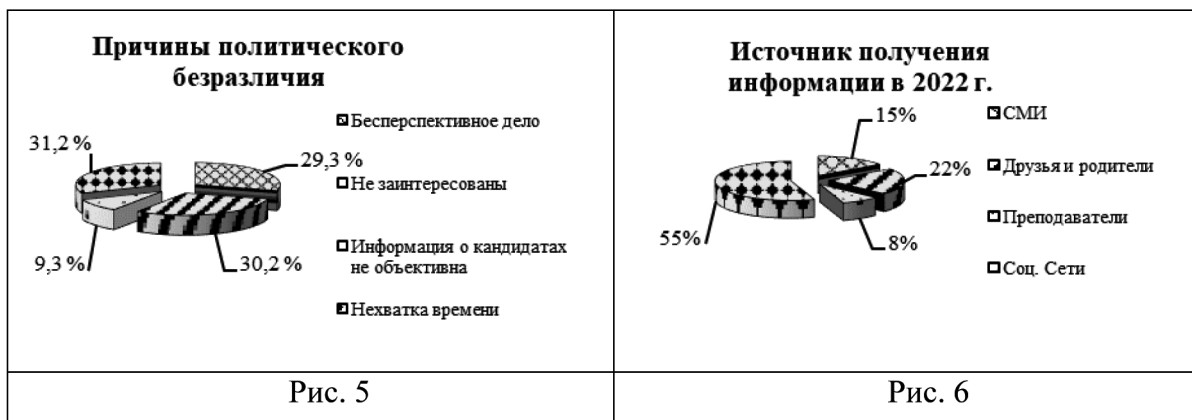
ее интересуют сиюминутные проблемы. «Высокий уровень абсентеизма у современной молодежи по сравнению с людьми старшего возраста – результат ее слабой интеграции в общественную жизнь. Политическая социализация практически отсутствует» [2, с. 111].

Опираясь на проведенные социологические исследования и выводы ученых можно утверждать, что средства массовой коммуникации (СМК) могут влиять на формирование политической культуры и социализацию молодежи. «Во-первых, СМК выполняют – рекреативную роль; во-вторых, – играют релаксационную роль; в-третьих, – фактически, они стали представлять особую систему неформального образования и просвещения; в-четвертых, – значительно влияют на усвоение людьми всех возрастов широкого спектра социальных норм и на формирование ценностных ориентаций личности» [4, с. 71].

Снижает формирование политического и нравственного сознания молодежи ее освобождение от государственного, общественного, политико-правового контроля, предоставление молодежи самой себе, отсутствие реальных политических институтов, действительно защищающих их интересы. «Несформированность (в течение десятилетий) приоритетных, общегосударственных, межнациональных идей, целей и стратегических системных научно-обоснованных методов, средств их реализации на практике, ... нерешенность важнейших для молодежи проблем, – все это, отрицательно сказывается на формировании политических и нравственных ценностей наиболее образованной части молодежи, т. е. студенчества» [20, с. 123].

Полагаем, что свое неучастие к политической жизни общества студенческая молодежь не рассматривают как «проблему». Они интересуются другими сферами жизни, т.к., по их мнению, политическая активность влечет за собой материальных благ и карьерного роста. На во-

прос назвать причину политического безразличия, по анкетированию в 2022 г. студенты считают, участие в голосовании бесперспективным делом – 29,3%; не заинтересованы – 30,2%; информация о кандидатах не объективна – 9,3%, нехватка времени 31,2 % (рис. 5). На рис. 6 приведены данные последнего опроса студентов СГУПС, проведенного в 2022 г., которые демонстрируют усиление роли социальных сетей и семьи на политическую социализацию молодежи.

На вопрос, участвовали ли Вы в каких-либо молодежных движениях или организациях по опросу 2022 г.? Ответы студентов участвовали в молодежных организациях - 21%; не участвовали – 79% (рис.7).

Организации, в которых работали студенты на постоянной основе это, в основном, студенческий профсоюз и волонтерство². Волонтерство в России в последние годы получило распространение. Приведенный рис.8 показывает, что большинство студентов ничего не знают об этом движении, и лишь 12% являются волонтерами.

Считаем, что принципиальных изменений отношения молодежи к политике можно ожидать в том случае, когда они почувствуют себя реальными участниками политического процесса и когда государство сделает приоритетной молодежную политику (доступность образования, приобретение жилья, помощь в открытии своего дела, медицинское обеспечение и пр.).

Анализируя данные, полученные в ходе опроса студентов СГУПС и изучение работ выше названных учёных, мы пришли к следующим выводам, что для повышения электоральной активности студентов, необходимо:

- разработать последовательную государственную молодежную политику, синхронизировать работу управленческой стратегии с практикой всех акторов, участвующих в выполнении этих молодежных программ;
- поднять правовую и политическую грамотность студентов, обратить большое внимание на формирование гражданских и патриотических качеств, социального и политического поведения, в том числе и электорального в рамках предметов

2 Волонтерство - (от лат. voluntarius — добровольный) или добровольчество, добровольческая деятельность — широкий круг деятельности, включая участие в военных действиях, традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, сбора средств, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчёта на денежное вознаграждение. В отдельных случаях возможно оплата услуг добровольцев.

гуманитарного цикла;
 — скорректировать законодательство РФ и привлечь молодых, образованных активных представителей в органы власти, чтобы они реально ощутили необходимость своего влияния на политику государства;
 — используя социализацию необходимо внедрять в

сознание студенческой молодежи установки ответственности за происходящее в нашей стране, что проявится и на электоральном поведении;
 — создать равные стартовые условия доступности на получение образования, приобретения жилья и получения других социально-значимых благ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление В.В. Путина 22.12.2022 на Госсовете. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169> (дата обращения 16.01.2023).
2. Захаркин Р.А. Молодёжный абсентеизм в России / Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 6. С. 111-115. URL: <https://readera.org/molodezhnyj-absenteizm-v-rossii-170175239?ysclid=lcr4ant9nl44519566> (дата обращения 16.01.2023).
3. Захаркин Р.А. Значение средств массовой коммуникации в социализации современной молодежи /// Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 157-162. URL: <https://dogmon.org/r-a-zaharkin-znachenie-sredstv-massovoj-kommunikacii-v-sociali.html> (дата обращения 12.01.2023).
4. Захаркин Р.А. Средства массовой коммуникации как фактор социализации современной молодежи // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнего Востока. Социология. 2011. № 3(15). С.71-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-kommunikatsii-kak-faktor-sotsializatsii-sovremennoy-molodezhi/viewer>(дата обращения 13.01.2023).
5. Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006. 555 с.
6. Кудрявцева Е.Э. Политическая культура студенческой молодежи в современном российском обществе / Вестник ПАГС, 2014. № 6(45). С. 97-102.
7. Леонов К.А. Политическая активность молодежи и уровень доверия к политическим институтам // Социология власти. 2008. № 1. С. 106-113.
8. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000. 508 с.
9. Орлова А.В., Шагбанова Х.С. Молодежная политика как важнейший ресурс формирования гражданского общества в современной России //Образование и право. 2022. № 6. С. 418-424.
10. Мудрик А.В. Социализация человека. — 3-е, перераб. и расшир. М., Воронеж: РАО-МПЦИ, 2011. 624 с.
11. Основы государственной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/>(дата обращения 11.01.2023).
12. Саломатова Т.И., Сергеева Н.Л. Проблемы формирования политического и нравственного сознания студенчества в условиях модернизации образования РФ // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: Материалы Междуна. науч.-метод. конференции. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2014. С. 121-124.
13. Сергеева Н.Л. Анализ ценностных ориентаций студентов инженерного вуза // Высшая школа и национальная безопасность. Материалы межрег. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2003. С. 111-114.
14. Сергеева Н.Л. Политическая активность студенчества (по результатам социологического опроса) // Гражданское общество: проблемы становления. Материалы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2006. С. 95-100.
15. Сергеева Н.Л. Инженерное образование и формирование личности // Политика и право: проблемы интеграции и пути их решения: Материалы 4 регион. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2007. С. 182-185 .
16. Сергеева Н.Л., Саломатова Т.И. Политическая активность студентов технического вуза // Опыт осуществления модернизации высшей школы: идеи и рекомендации: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2013. С. 214-217.
17. Сергеева Н.Л. Изменения ценностных ориентаций студенческой молодежи за период 2004-2014 гг. // Модернизация отечественного высшего образования: расчеты и просчеты: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2016. С.106-109.
18. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной Российской молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 48-52.
19. Федеральный закон 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» N 489–ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=lcu4nc8e9e347687055> (дата обращения 11.01.2023).
20. Шереги Ф.Э. Политические установки студентов российских вузов // Социологические исследования (Социс). 2013. № 1(345). С. 63-78.

© Сергеева Нинелла Лазаревна (sergeevanelli@ngs.ru), Болбат Ольга Борисовна (olgab2203@gmail.com), Самардак Марина Викторовна (samardak@stu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, СВЯЗАННЫХ С КАТЕГОРИЕЙ ЧИСЛА

DIFFICULTIES IN THE USE OF NOUNS BY FOREIGN STUDENTS RELATED TO THE CATEGORY OF NUMBERS

*M. Kharatokova
Z. Ashibokova*

Summary: The article discusses the difficulties that foreign students face when teaching Russian in groups with Russian students. The ways of teaching Russian to foreign students are discussed. The article considers such aspects of the problem as identifying the level of preparedness of students, the introduction of professional vocabulary and terminology at the initial stage of studying the discipline «Russian language».

Keywords: category numbers, professional vocabulary, foreign and Russian students.

Харатокова Марьят Губедовна

Доктор филологических наук, профессор,
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)
mariatharatokova@yandex.ru

Ашибокова Зарима Чапаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Карачаево-Черкесский государственный университет
им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск)
ash-zarema@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются сложности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при обучении русскому языку в группах с российскими студентами. Обсуждаются способы обучения русскому языку иностранных студентов. Рассматриваются такие аспекты проблемы как выявление уровня подготовленности обучающихся, введение профессиональной лексики и терминологии на начальном этапе изучения дисциплины «Русский язык».

Ключевые слова: категория числа, профессиональная лексика, иностранные и российские студенты.

В последнее время в ведущих вузах Карачаево-Черкесской республики обучается много студентов из зарубежных стран: Индии, Узбекистана, Сирии, Таджикистана, Туркмении. При обучении студентов дисциплине «Русский язык» на начальном этапе преподаватели сталкиваются с множеством различных проблем. Остановимся на одной из них: употребление имён существительных, связанное с категорией числа. Вначале преподаватель объясняет обучающимся значение слова «число». «Число – это словоизменяемая категория существительных, выражающаяся в противопоставлении соотносительных форм единственного и множественного» [3, с. 189]: лицо – лица, телефон – телефоны, картина – картины. Затем отмечает, что многие существительные изменяются по числам (имеют форму единственного и множественного числа: карта – карты, шкаф – шкафы, окно – окна), некоторые совсем не изменяются, у них существует только форма единственного числа (солнце, луна, золото, бензин, листва) или только форма множественного числа (брюки, джинсы, ножницы, каникулы, сани, шахматы, шашки, деньги, духи). Число выражено при помощи следующих средств: окончания существительного: день – дни; чередования фонем в основе: ухо – уши; усечения, наращения или чередования суффиксов в основе: односельчанин – односельчане, лист – листья, армянин – армяне, чулок – чулки, валенок – валенки, ботинок – ботинки; изменения ударения: сестра – сёстры, волна – волны, море – моря, вода – воды, окно – окна; супплетивизма (образования новой формы слова при помощи другого корня): человек – люди. Преподаватель начинает обучение с того, что рассказывает о том, что в

русском языке существует три рода (мужской, женский и средний) и два числа – единственное и множественное. К мужскому роду единственного числа относятся существительные без окончания (студент, стол, орех, отец) и существительные, оканчивающиеся на –ь, –й (словарь, музей, сарай). К мужскому роду множественного числа относятся существительные с окончанием –ы (студенты, столы), –и (словари, музеи, сараи), –я (стулья, братья). К женскому роду единственного числа относятся существительные с окончанием –а (лампа, ручка, сестра), существительные, оканчивающиеся на –я (семья, аудитория) и существительные, оканчивающиеся на –ь (тетрадь, дочь, печь). К женскому роду множественного числа относятся существительные с окончанием –ы (лампы, сёстры), –и (тетради, дочери, печи, аудитории, семьи). К среднему роду единственного числа относятся существительные с окончанием –о (окно, письмо) и существительные, оканчивающиеся на –е (море, здание, дерево). К среднему роду множественного числа относятся существительные с окончанием –а (окна, письма), –я (моря, здания, деревья). Преподаватель отмечает, что «во множественном числе после букв г, к, х, ж, ш, ч, щ пишется окончание –и» [2, с. 26] и приводит примеры: карандаш – карандаши, врач – врачи, плащ – плащи, товарищ – товарищи, этаж – этажи, ручка – ручки, нож – ножи, книга – книги, орех – орехи.

Отмечая слова, которые подлежат исключению, преподаватель просит записать их в тетради и выучить: друг – друзья, брат – братья, крыло – крылья, сын – сыновья, сестра – сёстры, стул – стулья, адрес – адреса, лист – листья,

мать - матери, город - города, дом - дома, глаз - глаза, поезд - поезда, остров - острова, профессор - профессора, доктор - доктора, паспорт - паспорта, человек - люди, ребёнок - дети, дерево - деревья, яблоко - яблоки, учитель - учителя, вечер - вечера, дочь - дочери, цветок - цветы. Для закрепления материала выполняются упражнения следующего типа: 1. Образуйте множественное число следующих существительных: окно, фотография, слово, студентка, газета, письмо, лампа, ручка, подруга, учебник, магнитофон, инженер, общежитие, яблоко, страница, комната, дом, класс, студент, преподаватель, тетрадь, доска, море, семья, врач, аудитория, задача, женщина, концерт, аптека; 2. Поставьте существительные в форму множественного числа: Это письмо и книга. Это ручка. Это лампа. Это студент и преподаватель. Это окно. Это музей. Это парк. Это газета. Это карандаш. Это инженер. Это врач. Это здание. Это фильм. Это упражнение; 3. Поставьте следующие существительные в форму множественного числа согласно окончаниям -ы, -и, -а, -ья, -я: город, музей, паспорт, друг, орех, дерево, врач, открытка, страна, завод, подруга, словарь, площадь, машина, глаз, стадион, поезд. Самостоятельная работа по данной теме включала следующие виды работ: поставить существительные и притяжательные местоимения в форму единственного числа (Это моя газета. – Это моя газета); написать существительные в форме множественного числа по образцу (Это сумка. – Это сумки); вставить притяжательные местоимения (Это ... подруга), было выявлено, что только 10% обучающихся смогли справиться с работой на оценку «удовлетворительно». Если обратим внимание на ошибки, которые чаще всего допускают обучающиеся на начальном этапе, то заметим, что они связаны большей частью с категорией числа имён существительных, например, допускают следующие ошибки: это мой други (это мои друзья), это ваши тетрадь (это ваши тетради), это вы столы (это ваши столы), это твой братья (это твои братья), это мой подруга (это моя подруга), это наш академия (это наша академия). Поэтому, надо работу проводить медленно, не спеша, правильно втолковывая, внятно объясняя все части материала. Мы думаем, что здесь должен сыграть свою роль и страноведческий материал: изучение языка в процессе экскурсий по достопримечательностям той местности, где обучается студент. Ведь если сравним процесс обучения иностранному языку российских студентов, то придём почти к тому же результату. Для большинства обучающихся процесс обучения иностранному языку – это сложный и длительный процесс, тем более, если учесть, что занятия проводятся 1-2 раза в неделю (а это 2-4 часа). Надо отметить, что студенты-индусы приезжают в Северо-Кавказскую государственную академию с «нулевыми» знаниями по русскому языку. В отличие от них студентов из среднеазиатских стран можно поделить на 3 уровня: со средним знанием русского языка, слабым и нулевым. Но, к сожалению, все они обучаются в одной группе с российскими студентами, поэтому перед пре-

подавателем встают большие проблемы. Ведь они изучают все дисциплины на русском языке. А как за один семестр, где выделяется изучению дисциплине «Русский язык и культура речи» только 2 часа в неделю, можно научить обучающихся?

В ходе обучения обучающимся надо пояснить, что в русском языке единственное число существительных может употребляться в значении множественного и тогда «единственное число служит средством обобщения, указанием на такое множество однородных предметов, которое не поддаётся счёту и мыслится целостным, нерасчленённым» [2, с. 84]. В случаях, когда множество чего-либо мыслится как внутренне расчленённое, поддающееся количественному измерению, состоящее из отдельных самостоятельных единиц, используется форма множественного числа: *Будет увеличен выпуск самолётов; Продажа платьев будет производится только после перерыва.* Относительно существительных, используемых в служебных документах, надо сказать, что данные правила не соблюдаются. Количество слов, обозначающих членимые множества и употребляющиеся в форме единственного числа, используются намного шире. Главным образом к ним относят названия бытовых предметов, различных изделий; и очень часто в текстах содержится количество данных предметов: *Продажа костюма мужского в количестве 90 штук...; В прошлом году недовезли до 300 единиц вагона.* Причиной употребления формы единственного числа в данном случае служит определённая форма бланков.

У некоторых отвлечённых существительных, таких как *радость, глупость, страх, сбор, ум, движение* использование формы множественного числа связано с конкретизацией их значения. Например, в следующих словосочетаниях ярко выражена разница в их значении: *радость бытия и радости жизни, ум человека и лучшие умы человечества, движение поезда и движения гимнастики.* Существование форм множественного числа у некоторых вещественных существительных связано с их качественной, а не количественной характеристикой – указанием на виды, типы, сорта вещества: *сухие вина, минеральные соли, легированные стали;* на изделия из данного продукта: *пшеничные хлебы, крупные сыры;* на занимаемое пространство: *овсы, пески, зелень.* Во время обсуждения с обучающимися данной части темы по категории числа существительных уместно было бы использовать упражнение для самостоятельной работы следующего характера: указать случаи неправильного или стилистически не оправданного употребления форм числа имён существительных; объяснить ошибки; исправить предложения. Приведём несколько примеров, которые надо исправить: 1. Засолка капусты, помидора, огурца или арбуза требует многих тонких знаний; 2. Индивидуальная доставка книги по заказам библиотек уже налажена; 3. Восьми лауреатам первенства присвое-

ны звания заслуженных мастеров спорта; 4. Речь шла и о расширении обменов культурными и научными делегациями. Надо добавить, что данное правило полезно для изучения не только иностранным обучающимся, но и российским, так как многие из них давно забыли правила и очень часто допускают ошибки в подобных случаях.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: в целях эффективного изучения русского языка на

начальном этапе обучения группы обучающихся надо делить на три подгруппы по уровню знаний, при этом выделяя дисциплине достаточное количество часов в неделю; русский язык играет главную роль при обучении иностранных студентов в российских вузах, так как обучение по всем дисциплинам ведётся на данном языке; особое место при изучении дисциплины «Русский язык» на начальном этапе отводится категории числа существительных, без которого невозможно дальнейшее обучение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изучаем русский язык. Практический курс для иностранных студентов-медиков, говорящих на английском языке: учебное пособие / сост.: Маяцкая Н.К., Болкунова Е.В., Знаменская С.В., Гусева Т.К. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ. – 2017. – 276.
2. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: Учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
3. Симакова Е.С. Русский язык: Новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ / Е.С. Симакова. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 542 с.

© Харатокова Марьят Губедовна (mariatharatokova@yandex.ru), Ашибокова Зарима Чапаевна (ash-zarema@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказская государственная академия

ИНОЯЗЫЧНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A SPECIALIST AS A PEDAGOGICAL CATEGORY

*N. Kharchenko
A. Kornetov
N. Yalaeva
E. Dmitrieva
N. Kuznetsova*

Summary: The globalization processes of human civilization, affecting all spheres of life of modern society, put forward fundamentally new tasks for education. In view of the recognized position that education should create the basis for the comprehensive development of the individual and contribute to its changes in relation to new, constantly changing conditions described in state documents regulating the educational industry, the competence-based approach is determined among the priorities.

Keywords: pedagogy, foreign language, professional competence.

Харченко Николай Леонидович

*Старший преподаватель, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
президенте РФ (г. Москва)
m-rh@mail.ru*

Корнетов Александр Николаевич

*Доктор медицинских наук, Сибирский государственный
медицинский университет (г. Томск)
alkornetov@gmail.com*

Ялаева Наталья Вячеславовна

*Кандидат педагогических наук, доцент, Российский
технологический университет МИРЭА (г. Москва)
yalaeva-nv@mail.ru*

Дмитриева Елена Владимировна

*Кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский
государственный университет
katkova_helen@mail.ru*

Кузнецова Наталья Владимировна

*Кандидат педагогических наук, доцент, Государственный
Университет Просвещения (г. Москва)
natalie2006@mail.ru*

Аннотация: Глобализационные процессы человеческой цивилизации, затрагивающие все сферы жизнедеятельности современного общества, выдвигают принципиально новые задачи к образованию. Ввиду признанного положения о том, что образование должно создавать основу для всестороннего развития личности и способствовать ее изменениям применительно к новым, постоянно изменяющимся условиям, описанным в государственных документах, регламентирующих образовательную отрасль, компетентностный подход определяется среди приоритетных.

Ключевые слова: педагогика, иностранный язык, профессиональная компетентность.

Беспорно, декларирование компетентностного подхода повлияло на всю образовательную отрасль, и в дальнейшем повлекло изменения в целостной системе ее организации [10, с. 272]. Однако наиболее ощутимыми эти изменения проявились в системе образования, направленной на подготовку будущего специалиста к профессиональной деятельности. Ведь именно такая подготовка обеспечивает способность каждой отдельно взятой личности реализовать себя как работника, выполняющего общественное назначение в создании определенных благ для общества [13, с. 6420]. При условии такого подхода к формулированию целей и обоснованию результатов профессиональной подготовки в учебных заведениях важнейшей характеристикой образования становится гибкость, мобильность [15, с. 89], вариативность [16, с. 32002], способность к трудоустройству (это касается как образовательной системы в

целом, и ее продукта – специалиста). Такой подход обеспечивает переход от усвоения необходимой для реализации общественных и профессиональных функций информации к формированию качеств, необходимых для осуществления творческой деятельности и связанных с потребностью постоянного получения, переработки и усвоения новой информации [12, с. 202]. Это становится особенно важным в данный период информационного времени, которое проживает человечество.

Основным положением и ведущим ориентиром образования становится формирование личности, способной творчески мыслить, развиваться в течение жизни и отвечающей потребностям времени относительно ее места в мире, обществе, в профессиональной отрасли и т.д. То есть акцент в современном образовании изменяется от гностического подхода (познавательной парадиг-

мы) к компетентностному подходу (компетентностной парадигме): основная цель образования направляется на формирование способностей к активному, производительному труду во всех его формах; на формирование творческой профессиональной деятельности в целях саморазвития и самореализации личности, на формирование адаптации, мобильности в формировании необходимых характеристик в случае необходимости и т.д.

Дипломированный специалист, по мнению работодателей, не имеет возможностей быстро адаптироваться к реальным требованиям современного производства, подстраиваться под новые условия, меняя при этом не только и не столько прикладные способности, сколько собственное видение и прогностическое мышление в условиях определенной профессиональной ситуации. В связи с этим ученые отмечают то, что одной из ведущих задач образования является помочь соискателю: научиться находить правильные решения в конкретных ситуациях (учебных, жизненных, затем – профессиональных); сформировать способности видеть и анализировать определенную ситуацию и пути ее решения с разных сторон путём расширения границ собственного мировоззрения. Кроме этого, особое внимание работодатели обращают на способность личности к продуцированию новых идей, которые носят прогностический характер и направлены на будущее преобразование. Важное значение приобретает не только и не столько способность специалиста ставить тактические цели и видеть разные возможности их достижения, сколько стратегически мыслить и планировать реальные изменения в будущем, стремясь и прилагая усилия для их реализации. Заинтересованность специалистов в развитии профессиональной отрасли, собственного развития в ней – выступает как приоритет и преимущество в отборе соискателей на определенные должности в сфере интеллектуальных видов труда.

Следовательно, современной интеллектуальной и производственной отраслям нужен не просто исполнитель профессиональных функций в застывшем виде, а способный к продуцированию новых идей и их реализации в изменяющихся условиях. Признаками такого специалиста являются: инициативность, самостоятельность, мобильность, гибкость, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию. Формирование таких характеристик у будущего специалиста современные ученые связывают с введением компетентностной парадигмы образования [17, с. 8].

В связи с компетентностной парадигмой образования возникают важные вопросы определения механизмов выявления реальных результатов профессиональной подготовки специалиста: более важных и реальных индикаторов этих результатов, чем существующие традиционные (количество лет подготовки, получение опре-

деленной) степени образования, измерение уровня усвоенных знаний и т.п.). Таким образом, провозглашение компетентностного подхода, в первую очередь, обеспечило пересмотр конечных результатов организации образовательной деятельности в процессе профессиональной подготовки специалиста в учебном заведении, т.е. компетенций (знаний, умений, навыков, качеств, способностей и т.п.), которыми овладели соискатели образования в течение специально организованного процесса в соответствующем образовательном учреждении. Если есть конкретный заказ на специалиста, в котором представлен четкий перечень способностей, необходимых для реализации профессиональных функций, индикаторы как характеристики уровня сформированности этих возможностей должны быть четко определенными. Соглашаемся с зарубежными исследователями (Дж. В. Констант, Ю. Мозер, Д. Рючер, Э. Тоффлер), которые считают, что приобретение молодежью знаний, умений и навыков, направленных на их трансформацию в компетенции, способствует интеллектуальному и культурному развитию личности, формированию у нее способности быстро реагировать на запросы времени, перестраивая собственную деятельность [14]. С такой позиции компетенции выступают личностными интегрированными конструкциями, значимыми для реализации потенциалов каждой отдельно взятой личности специалиста. Однако не менее важно создание условий для формирования у будущего специалиста компетентностей для реализации собственных потенциалов в профессиональной отрасли. И такие характеристики также должны быть реально и конкретно измеряемыми. Следовательно, при условии внедрения компетентностного подхода к образовательной отрасли значение имеет учет объективных требований профессиональной отрасли к личности специалиста, а также учет требований самой личности к собственной самореализации в отрасли. Перевод таких требований в конкретные измерительные способности специалиста и есть основная цель реализации компетентностного подхода к высшему образованию.

Если потенциалы личности являются компетентностями, которыми должен овладеть будущий специалист, то сформированная компетенция как личностная характеристика является таким же проявлением этих компетенций в реальных условиях практической деятельности, как и ее конкретные действия и поступки умственного и физического характера. Возникновение идей о введении компетентностного подхода в сфере образования связано с достижениями ученых, полученными в результате длительных дискуссий о сущности дефиниций «компетенция» и «компетентность», а также того содержания, который в конечном счете был вложен в них.

Компетентность специалиста является личностной характеристикой овладения им способностями к реализации действий в профессиональной сфере, сформиро-

ванность которой должна обеспечиваться во время его профессиональной подготовки. Именно этот процесс, организованный и обеспеченный должным образом, должен способствовать формированию, как утверждают исследователи [8], трех ведущих компонентов личности: профессиональной направленности, профессиональной компетентности, профессионально важных качеств. Профессиональная направленность и сформированные профессионально значимые качества выступают основой для сформированности профессиональной компетентности как способности выполнять определенные виды деятельности.

Понятие «профессиональная компетентность» включает в себя не только представление о квалификации (профессиональные навыки как опыт деятельности, умение и знание), но и усвоение социально-коммуникативных и индивидуальных способностей, обеспечивающих самостоятельность выполнения функций профессиональной деятельности специалиста в определенной профессиональной отрасли. Именно в этом ценность профессиональной компетентности как способности самостоятельно действовать, как в стандартных, так и в иных условиях профессиональной деятельности. В связи с этим, продолжаются дискуссии по определению содержательных составляющих такой характеристики.

Сложившаяся профессиональная компетентность свидетельствует о том, что профессиональная деятельность становится ведущей мотивирующей силой личностного саморазвития специалиста, в то время как усвоенными и превращенными в средства реализации определенных мотивов, стремлений являются формы поведения и деятельности (модели) в профессиональной области. При этом возникает сочетание этих мотивов с соответствующими формами поведения, что и знаменует становление устойчивого качества личности, что может быть определенной профессиональной компетентностью. Как мы видим, важной характеристикой профессиональной компетентности специалиста выступает ее постоянный характер (определенная завершенность и стабильность), что и обеспечивает ее действенность в нестандартных ситуациях профессиональной деятельности, не вызывая при этом непреодолимые противоречия.

Ключевые компетентности необходимы всем людям, без исключения реализации собственного потенциала и развития, расширения социальных и трудовых возможностей и активного проявления гражданской позиции. Такие компетентности развиваются на протяжении всей жизни в процессе обучения, начиная с раннего детства, благодаря формальному, неформальному и информационному образованию. Все ключевые компетентности одинаково важны, взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом, а все вместе – способствуют успешной,

продуктивной жизнедеятельности человека в обществе. Компетентности могут находить свою реализацию во многих контекстах и в разных комбинациях. Они переплетаются и сочетаются, обуславливая развитие друг друга: усилия, приложенные для развития одной компетентности, одновременно способствуют развитию другой. Именно в этом их особенность, роль и значение как ключевых.

Под влиянием глобализационных процессов растет количество моделей социального поведения. Так, одним из условий социальной мобильности и успешной адаптации в социальном пространстве становится владение иностранными языками. Развитие международных контактов, возможность овладения новыми зарубежными технологиями в тесном контакте с иностранными специалистами повлекли за собой интенсификацию профессиональной деятельности. В последнее время возникла большая общественная потребность в овладении иностранными языками взрослым контингентом, что привело к открытию разнообразных языковых курсов для специальных целей, разработку и использование современных методик и технических средств, поиск новых технологий обеспечения владения человеком иностранным языком на должном уровне.

Интернационализация общественной жизни, ее глобализация определяют необходимость овладения и использования иностранного языка каждой личностью. Знание иностранного языка становится действенным фактором социально-экономического, научно-технического и общекультурного прогресса общества, повышающего статус иностранного языка как области образования. Подобный общий интерес является естественным явлением, учитывая возможности общения с носителями других языков, расширения контактов, путешествия и порой трудоустройства граждан в других государствах (социальная мобильность). Однако ведущее значение знание и использования иностранного языка имеют для расширения возможностей специалистов различных отраслей в целях международного профессионального сотрудничества, расширения международного делового и профессионального взаимодействия в отрасли техники, экономики, охраны окружающей среды и т.п. (профессиональная мобильность).

Для достижения подобных целей положительным моментом является то, что организуются и проводятся специальные конференции, где обсуждаются проблемы лингводидактики языка для бизнеса, педагогики [4, с. 6], юриспруденции, медицины не только на государственном уровне, но и на международном. Признание необходимости решения многих проблем на глобальном уровне обусловили настоятельную потребность в обмене и совместном обсуждении информации представителями разных профессиональных групп, что может быть эф-

фективно реализовано только при условии использования общих коммуникативных средств, среди которых ведущим выступает иностранный язык как язык межкультурного общения.

На сегодняшний момент владение иностранными языками воспринимается не как роскошь, как это было прежде, а как жизненная необходимость. Изучение иностранного языка в современном мире является одной из важнейших составляющих жизнедеятельности современного успешного человека. Владение иностранным языком является столь необходимым для эффективного взаимодействия в науке и политике, культуре и искусстве, экономике и других сферах жизни, становится одним из условий формирования профессиональной компетентности.

Таким образом, овладение иностранным языком во время профессиональной подготовки рассматривается как средство профессионального роста и повышения творческой активности будущих специалистов, как повышение уровня общей культуры представителей определенной отрасли, как необходимый компонент профессионального образования. Принципиально новые подходы и требования к использованию иностранного языка в процессе профессиональной подготовки будущего специалиста объясняются коренными изменениями в системе образования в целом и в высшем профессиональном образовании в частности. Общество выдвигает новый социальный заказ: современности нужны специалисты, владеющие иностранным языком на достаточном уровне, способные его использовать для повышения качества собственной профессиональной деятельности. Современному специалисту для самообразования и повышения уровня коммуникативной компетентности необходимо ориентироваться в сетевых ресурсах, в связи с чем в высшем учебном заведении необходима организация электронной информационно-образовательной среды, одним из компонентов которой является коммуникационный. Функциональное назначение данного компонента заключается в организации взаимодействия студентов и преподавателей вуза в цифровой среде, оптимальным технологическим средством реализации данной задачи являются интернет-сервисы второго поколения Web.2.0 [3, с. 448].

Кроме того, изменились собственные интересы и требования соискателей образования неязыковых специальностей – они чувствуют необходимость в получении практических знаний по иностранному языку, стремятся использовать его в практической профессиональной деятельности [2, с. 290]. Не случайно при выборе дополнительного образования среди предлагаемых дисциплин по выбору большинство студентов предпочитают курсы по овладению или использованию иностранного языка наряду с получением профессиональных знаний.

А в государственной образовательной политике четко прослеживается постепенный рост требований к соискателям в плане владения ими иностранным языком. Данное требование является обязательным среди списка требований к поступающим в заведения высшего образования; внедрена практика сдачи экзамена по иностранному языку на большинство специальностей при поступлении в магистратуру и аспирантуру).

Таким образом можно констатировать, что на современном этапе значительно изменилась цель лингвистического образования. Сейчас она воспринимается не просто как достижение мастерства в одном, или даже нескольких языках, что предполагает владение определенными умениями и навыками. Необходимостью становится владение всеми лингвистическими способностями для достижения определенных целей. Сегодня иноязычное образование является элементом культурного взаимодействия, способствует формированию интересов к другой ментальности, повышению мотивации и расширению сфер сотрудничества.

Овладение иностранным языком в заведении высшего образования выполняет практически все функции общеобразовательной и социокультурной подготовки соискателей и имеет большое воспитательное значение [5, с. 8; 11, с. 149]. Этот процесс способствует также развитию познавательных и творческих функций психики. В течение этого процесса развиваются очень важные для будущего специалиста интеллектуальные функции анализа и синтеза, функции обобщения и абстрактного мышления [7, с. 147]. Не вызывает сомнения утверждение ученых о том, что иностранный язык является «общепризнанным средством межкультурной коммуникации, эффективным рычагом развития образовательного и культурного потенциала, интеллектуальных способностей современного человека» [6, с. 12].

Итак, на современном этапе компетентность как способность владения иностранным языком и его использования признана одной из ведущих функций для специалиста любой профессиональной отрасли и чаще всего определяется как иноязычная коммуникативная компетентность [1, с. 5]. Понятие «иноязычный» имеет значение, когда речь идет о «другом» или так сказать «неродном» языке для носителя языка. Под иностранным языком понимается язык, «который изучается вне условий его естественного существования, то есть в учебном процессе, и не употребляемая наряду с родным языком в повседневной коммуникации». Таким образом, иностранный язык, в отличие от родного языка, усваивается человеком вне социального окружения, в котором этот язык является естественным средством общения. Иностранный язык для личности — это такой язык, который не используется ею для мышления, для выявления эмоций и ощущений в неконтролируемом сознанием состо-

яниях, являющихся признаками использования родного для человека языка.

Учитывая тот факт, что язык как система языковых средств, необходимых для общения и передачи опыта от поколения поколению, обладает свойствами социального и культурного назначения, иностранный язык расширяет возможности человека, который им владеет в вопросах социального и культурного развития. Такая закономерность признается не только для отдельно взятого человека, но и для соответствующего социума. Подтверждением является тот факт, что страна, в которой граждане в большинстве своем могут использовать иностранный язык и активно это реализуют, имеет больше возможностей для экономического и социально-культурного развития, а также свидетельствует об уже имеющемся высшем уровне развития его общества.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что иноязычная профессиональная компетентность предполагает способность специалиста определенной отрасли использовать возможности другого (иностран-

ного) языка во время выполнения профессиональных функций: в получении и переработке профессиональной информации, ее содержания, обмене ею и мнениями с зарубежными коллегами в интересах собственного развития и повышения результатов профессиональной деятельности, а также во время создания и распространения собственных достижений в профессиональной отрасли для широкой общественности специалистов. Иноязычная профессиональная компетентность является иноязычной дееспособностью специалиста в определенной профессиональной отрасли. В обществе есть такие профессиональные отрасли, в которых специалист может не только сам обладать иноязычной компетентностью, но и способствовать ее формированию у других. Такой отраслью выступает профессиональная педагогическая деятельность, представителями которой являются учителя иностранного языка в учебных заведениях [9, с. 127]. Для таких представителей педагогической отрасли иноязычная компетентность должна иметь профессиональный уровень и может определяться как «профессиональная иноязычная компетентность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбилек, Е.А. Анализ уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза / Е.А. Акбилек, О.А. Горбачева // *Инновации в образовании*. – 2018. – № 10. – С. 5-10. – EDN YAMCZF.
2. Акбилек, Е.А. Совершенствование процесса обучения иностранному языку в системе непрерывного профессионального образования (в неязыковом вузе) / Е.А. Акбилек, Л.М. Казначеева // *Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*. – 2016. – № 3. – С. 290-296. – EDN YLJUVN.
3. Алферьева-Термисикос В.Б. Структура электронной информационно-образовательной среды педагогического вуза *Педагогический журнал*. – 2022. – Т. 12. № 6А Ч. I. – С. 445-453. – DOI: 10.34670/AR.2022.96.45.070
4. Арапова, П.И. Реализация идей гуманной педагогики в международном образовательном пространстве / П.И. Арапова, Н.Н. Илюшина // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. – 2019. – № 3(284). – С. 6-9. – EDN DEBKJE.
5. Ганюшина, М.А. Когнитивно-исследовательский метод обучению иноязычной лексики студентов нелингвистических факультетов в рамках лингвокультурологического подхода / М.А. Ганюшина, Н.С. Варфоломеева // *Коммуникация в современном поликультурном мире: культура, образование, политика: Ежегодный сборник научных трудов / Ответственные редакторы Т.А. Барановская, Е.Н. Соловова. Том Выпуск 6*. – Москва: Российское представительство издательства ПИРСОН ЭДЬЮКЕЙШН ЛИМИТЕД, 2018. – С. 8-15. – EDN YYURLV.
6. Ефорова, А.Р. Инновационная образовательная среда вуза, как педагогическое условие развития критического мышления студентов / А.Р. Ефорова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2019. – № 2(135). – С. 12-18. – EDN ZFEAXJ.
7. Ефорова, А.Р. Формирование критического мышления студентов технического вуза как актуальная проблема современной науки и образования / А.Р. Ефорова // *Актуальные проблемы современной науки и образования. Общественные науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сибай, 01–28 февраля 2010 года / Министерство образования и науки РФ, Башкирский государственный университет. Том 7*. – Сибай: Башкирский государственный университет, 2010. – С. 147-149. – EDN VUSRZD.
8. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учебн. Пособие М.: Московский психолого-педагогический институт, 2005. 216 с.
9. Илюшина, Н.Н. Постановка вопроса о психологической культуре учителя в трудах Г.И. Челпанова / Н.Н. Илюшина // *Системная психология и социология*. – 2012. – № 5. – С. 127-129. – EDN PAVYWR.
10. Институциональные предпосылки развития системы высшего образования в России в конвергенции с Болонской системой / М.А. Шумилина, К.А. Нефедова, А.Л. Золкин, М.С. Чистяков // *Образование в России и актуальные вопросы современной науки: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 25–26 мая 2021 года*. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 272-279. – EDN HSYXOW.
11. Усов, С.С. Использование современных технологий в изучении лексики английского языка / С.С. Усов // *Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции Московского государственного технического университета (МИРЭА) «Инновационные технологии в образовании и бизнесе», Москва, 05 декабря 2017 года / Под редакцией Сороко А.В., Шемончук Д.А.; Кафедра информационных технологий в государственном управлении Московского технологического университета*. – Москва: Московский технологический университет (МИРЭА), 2018. – С. 149-152. – EDN YQFNWV.

12. Харченко, Н.Л. Особенности цифровой трансформации образовательных процессов в условиях высшей школы / Н.Л. Харченко // Педагогическая информатика. – 2020. – № 4. – С. 202-207. – EDN IKFIVQ.
13. Applied model of E-learning in the framework of education for sustainable development / T. Zhang, Z.A. Shaikh, A.V. Yumashev, M. Chład //. – 2020. – Vol. 12, No. 16. – P. 6420. – DOI 10.3390/SU12166420. – EDN LWQQOP.
14. Rucher Dominique S. Key Competencies for a Successful Life and Well-Functioning Society. Germany: Hogrefe & Huber Publishers, 2003. 206 p.
15. SWOT Analysis of Mobile Applications in the High Education E-Learning of the Chinese Language / M.A. Safonov, S.S. Usov, S.V. Arkhipov, L.P. Sorokina // ACM International Conference Proceeding Series: 12, Virtual, Online, 10–13 января 2021 года. – Virtual, Online, 2021. – P. 89-94. – DOI 10.1145/3450148.3450208. – EDN GKCWXB.
16. Theoretical aspects of the theory of decision-making in terms of contracting in the field of metrological support / V.N. Malikov, V.D. Munister, A.L. Zolkin [et al.] // Journal of Physics: Conference Series: II International Scientific Conference on Metrological Support of Innovative Technologies (ICMSIT II-2021), St.Petersburg, 03–06 марта 2021 года. Vol. 1889. – Krasnoyarsk: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 32002. – DOI 10.1088/1742-6596/1889/3/032002. – EDN OSBOYO.
17. Varfolomeeva, N.S. English for professional communication / N.S. Varfolomeeva, A.R. Eferova, D.V. Semenov. – Москва: Российский государственный социальный университет, 2018. – 12 p. – EDN YLMHLN.

© Харченко Николай Леонидович (m-rh@mail.ru), Корнетов Александр Николаевич (alkornetov@gmail.com), Ялаева Наталья Вячеславовна (yalaeva-nv@mail.ru), Дмитриева Елена Владимировна (katkova_helen@mail.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (natalie2006@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ ВУЗОВ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Черненкова Инна Ивановна

Кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный аграрный университет
innachernenkova70@gmail.com

COMPETENCY APPROACH IN PREPARING STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES FOR MANAGERIAL ACTIVITIES

I. Chernenkova

Summary: The article considers the appeal to the competence approach in the preparation of students of agricultural universities for management activities. The main functions and personal qualities of the head of an agricultural enterprise are analyzed. The competence model of the agrarian manager is substantiated.

Keywords: competence approach, competence model, management activity, professional training.

Аннотация: В статье рассматривается обращение к компетентностному подходу в подготовке студентов аграрных вузов к управленческой деятельности. Анализируются основные функции и личностные качества руководителя аграрного предприятия. Обосновывается компетентностная модель руководителя–агрария.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентностная модель, управленческая деятельность, профессиональная подготовка.

Рассматривая подготовку студентов аграрного вуза к управленческой деятельности, как фактор повышения эффективности управленческого процесса в системе агробизнеса, основной акцент необходимо сделать на изучении ее субъекта – руководителя, организатора, которым выпускник аграрного вуза как будущий специалист и является.

Развитие современного аграрного производства осуществляется в условиях коренных изменений в социально-экономическом развитии России. Значительные преобразования в сельском хозяйстве связаны с применением постоянно меняющихся технологий. В таких условиях кроме способности реализовывать стандартные профессиональные компетенции, особенно ценными становятся такие качества руководителя, как способность адаптироваться к изменяющимся условиям жизни и профессиональной деятельности, творчески подходить к решению текущих задач, постоянно повышать свой профессиональный и культурный уровень. Это необходимо учитывать при разработке модели современного руководителя и модели его подготовки к управленческой деятельности.

Современной наукой разрабатываются идеальные модели эффективно работающих в нынешних условиях руководителей и специалистов. Для выделения свойств такого идеального сотрудника используются различные подходы. Для разработки модели современного руководителя аграрного сектора мы обратимся к компетентностному подходу. Теоретическому и практическому анализу компетентностного подхода посвящены работы

европейских и российских ученых (Д. Мертенс, Б. Оскарсон, Сайон Шо, А. Шелтен, В.И. Байденко, И.А. Зимняя, Н.Н. Матушкин, Н.А. Селезнева, И.Д. Столбова и др.), диссертационные исследования (Е.Н. Беловой, Е.П. Кузнецовой, О.А. Кузнецовой и др.)

Присоединяясь к мнению И.А. Зимней, под компетентностью будем понимать «актуальное, формируемое личностное качество как основывающуюся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную характеристику человека» [1, с. 23], выделяя три группы компетентностей, относящихся:

1. к самому себе как личности, субъекту жизнедеятельности;
2. к взаимодействию человека с другими людьми;
3. к деятельности человека во всех ее типах и формах [2, с. 40].

В «Основной профессиональной образовательной программе высшего образования» по аграрным направлениям подготовки бакалавров указывается ряд типов профессиональной деятельности. Среди них отмечены производственно-технологическая, экспериментально-исследовательская, проектно-технологическая и организационно-управленческая деятельности.

В ходе исследования делался акцент на выделении психолого-педагогической составляющей в деятельности руководителя.

Содержание организационно-управленческой де-

тельности определяются, прежде всего, выполнением целого ряда функций. Анализ проведенных исследований показал, что работа компетентного руководителя аграрного сектора заключается в реализации множества функций, среди которых можно выделить психолого-педагогические.

Административная функция является наиболее важной в деятельности руководителя агропромышленного комплекса, поскольку связана с интеграцией психолого-педагогического воздействия на работников, персонал организации в целом.

Целеполагающая функция связана с определением приоритета оперативных и тактических целей коллективной деятельности, а также методов и средств их достижения.

Функция личностного развития связана с ориентацией руководителя на совершенствование в процессе профессиональной деятельности индивидуально-психологических характеристик членов трудового коллектива: развитие интеллектуальных, творческих, коммуникативных, в целом профессиональных способностей, а также развитие психических функций (когнитивных процессов), аффективной и мотивационной сфер, профессионализма.

Мотивационная функция. Более высокая мотивация предусматривает для работников, наряду с высокой заработной платой, моральное поощрение, духовный комфорт, возможность самоутверждения, справедливое распределение работы и ее оплаты, удовлетворение процессом труда, убеждение каждого конкретного человека в его значимости и значимости его деятельности.

Дисциплинарная функция связана с необходимостью осуществления руководителем педагогических воздействий по поддержанию в коллективе должного исполнения каждым членом коллектива своих функционально-ролевых обязанностей, а также общепринятых норм поведения.

Руководитель предприятий аграрного сектора выполняет также андрагогические функции.

Функция обучения в деятельности руководителя проявляется, прежде всего, в той роли, которую он играет в организации и осуществлении профессиональной подготовки, переподготовки и повышении квалификации членов трудового коллектива. При этом основной акцент должен быть сделан на формирование у работников знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективность профессиональной деятельности.

Важнейшим условием при выполнении руководите-

лем воспитательной функции являются формирование профессионально значимых качеств личности работников, коллективности в совместной деятельности, максимальной включенности каждого члена коллектива в трудовой процесс, создание здорового морально-психологического климата, основанного на деловом сотрудничестве и взаимопомощи. А также воспитание у работника любви к земле, своему краю.

Кроме того, руководителю приходится выступать в роли андрагога-конфликтолога, выполнять функцию психолого-педагогической помощи, которая предполагает умение руководителя агропромышленного предприятия предотвращать и оперативно справляться с возникающими в коллективе конфликтными ситуациями, стресс-факторами.

Следует отметить, что эффективная реализация руководителем агропромышленного комплекса своих функций, а, следовательно, и функциональных целей, требует не только профессиональных знаний, умений и навыков, но и определенных качеств. Качества, присущие руководителям, можно разделить на три группы: профессиональные, личные и деловые [3].

К профессиональным качествам относят те, что характеризуют любого грамотного специалиста, и обладание которыми является лишь необходимой предпосылкой выполнения обязанностей руководителя. Ими являются: высокий уровень образования, производственного опыта, компетентности в соответствующей профессии; глубокое знание как своей, так и смежных сфер деятельности; широта взглядов, эрудиция, стремление к постоянному самосовершенствованию, критическому восприятию и переосмыслению окружающей действительности; поиск новых форм и методов работы; помощь окружающим, их обучение; умение планировать свою работу.

Личные качества руководителя также мало, чем должны отличаться от качеств других работников, желающих, чтобы их уважали и с ними считались. Здесь можно назвать: высокие моральные стандарты; физическое и психологическое здоровье; высокий уровень внутренней культуры; отзывчивость, заботливость, благожелательное отношение; оптимизм, уверенность в себе. Но обладание ими — тоже всего лишь предпосылка успешного руководства.

Наиболее важные для руководителя деловые качества [3]. К ним необходимо отнести:

- инициативность, оперативность в решении проблем, умение быстро выбрать главное и сконцентрироваться на нем, и при необходимости легко перестроиться;

- доминантность, честолюбие, стремление к власти, личной независимости, к лидерству в любых обстоятельствах, а порой и любой ценой, завышенный уровень притязаний, смелость, решительность, напористость, воля, бескомпромиссность в отстаивании своих прав;
- умение создать организацию, обеспечить ее деятельность всем необходимым, поставить и распределить среди исполнителей задачи, координировать и контролировать их выполнение;
- контактность, коммуникабельность, умение расположить к себе людей, убедить в правильности своей точки зрения, повести за собой;
- способность управлять собой, своим поведением, рабочим временем, взаимоотношениями с окружающими;
- стремление к преобразованиям, нововведениям, готовность идти на риск самому и увлекать за собой подчиненных.

Из всей совокупности качеств руководителя, прежде всего, необходимо выделить организаторские и коммуникативные способности и личностную направленность.

Организаторские способности обусловлены общей способностью руководителя к объединению в одно целое всей совокупности специфических качеств личности.

Наряду с организаторскими способностями эффективность работы руководителя в значительной мере зависит от уровня развития коммуникативных способностей. В профессии руководителя умение общаться является профессионально необходимым качеством. Важным условием развития коммуникативных способностей студентов является формирование основ коммуникативной компетенции. Это предполагает наличие у студентов не только практических умений, но и определенных качеств личности: общительности, раскованности, желания вступать в контакт, умения взаимодействовать в коллективе. А для этого важно, чтобы студент был главным действующим лицом на занятии, чувствовал себя комфортно, свободно, принимал активное участие в обсуждении темы занятия, выстраивал его сюжет. Только тогда студенты будут раскрепощены, будут вме-

сте с учителем «творить» урок, потому что не только и не столько знания и владение студентами теоретическим материалом определяют эффективность процесса обучения управленческой и воспитательной деятельности, сколько их готовность и желание участвовать в межкультурном общении на занятиях. Этого можно добиться, используя активные формы обучения [4].

Помимо всего указанного на эффективность работы руководителя значительное влияние оказывает направленность личности. Направленность является структурообразующим многогранным свойством личности руководителя, определяющим его индивидуальность и в значительной степени эффективность управленческой деятельности. Направленность личности руководителя определяется убеждениями, взглядами, ценностными ориентациями, интересами, склонностями и стремлениями личности и характеризуется системой ведущих мотивов, определяющих внутреннюю позицию личности руководителя.

Итак, компетентностный подход определил выбор основных компонентов при проектировании модели будущего руководителя-агрария, необходимой при подготовке студентов аграрных вузов к управленческой деятельности. Данная модель включает следующий состав компетентностей: специальную, обучающую, воспитательную психологическую, организаторскую, коммуникативную, экономико-правовую, общекультурную. Каждая компетентность представлена набором следующих компонентов: когнитивный, включающий знания и умения, обеспечивающие все виды компетентностей специалиста-агрария; деятельностный, представленный умениями и навыками по каждому виду компетентности; личностный как совокупность качеств личности специалиста-агрария.

Таким образом, специалист современного аграрного предприятия, в соответствии со своими функциями и полномочиями является субъектом управленческой деятельности. Поэтому, каждый выпускник аграрного вуза должен быть профессионально подготовлен к управленческой деятельности, обладать организаторскими и коммуникативными способностями, психолого-педагогическими знаниями и умениями, управленческой компетентностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимняя, И.А. Компетентностный подход: каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект). // Высшее образование в России. – 2006, № 8. - С. 23.
2. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции - новая парадигма результата образования. // Высшее образование в России. – 2003, № 5. - С. 40.
3. Менеджмент в АПК / Ю.Б. Королев, В.Д. Коротнев, Г.Н. Кочетова, Е.Н. Никифорова / Под ред. Ю.Б. Королева. — М.: Колос, 2000. — 304с.
4. Черненко, И.И. Психолого-педагогическая подготовка студентов аграрных вузов к управленческой деятельности в АПК: Дис ... канд. пед. наук. Брянск, 2009.- 241 с.

© Черненко Инна Ивановна (innachernenkova70@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

LINGUISTIC COMPETENCE FORMATION TECHNOLOGY BASED ON LEXICAL UNITS' SEMANTIC ANALYSIS

*K. Chugaeva
Ju. Kim*

Summary: The authors present the main definitions and approaches referring to the formation of students' linguistic competence during foreign language training at MIREA – Russian technological university. The theoretical-and-methodological analysis of the research subject allowed developing the step-by-step training technology based on lexical units' semantic analysis with the use of interactive tools. The proved efficiency of this technology application promote both students' self-development and the self-actualization of their professional language skills.

Keywords: linguistic training, linguistic competence, educational process, semantic analysis of lexical units, self-actualization of language skills, self-development, digital educational environment.

Чугаева Ксения Максимовна

*старший преподаватель, МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), г. Москва
chugaeva@mirea.ru*

Ким Юлия Хен-Суновна

*старший преподаватель, МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), г. Москва
kim_yu@mirea.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются основные дефиниции и подходы, связанные с формированием языковой компетенции в ходе лингвистической подготовки в технологическом университете РТУ МИРЭА. Проведенный теоретико-методологический анализ предмета исследования позволил авторам разработать поэтапную технологию обучения на основе семантического анализа лексических единиц с использованием интерактивных средств. Доказана эффективность применения образовательной технологии, способствующей саморазвитию студентов и самоактуализации их языковых профессиональных навыков.

Ключевые слова: лингвистическая подготовка, языковая компетенция, образовательный процесс, семантический анализ лексических единиц, самоактуализация языковых навыков, саморазвитие личности, цифровая образовательная среда.

Ключевой целью любого высшего учебного заведения является подготовка перспективных и высококвалифицированных специалистов, обладающих набором профессиональных компетенций, позволяющих находить своевременные и актуальные решения производственных задач с учетом изменений в современном экономически и социально развивающемся обществе. Одним из условий становления многомерной и социально-устойчивой личности является формирование языковой компетенции, влияющей на самоактуализацию и саморазвитие индивида в профессиональной среде. Умение компетентным специалистом выстраивать иноязычную коммуникацию в соответствии с внешними условиями и психолого-педагогическими факторами, используя профессиональные навыки, способствует достижению желаемых результатов. Коммуникативные способности личности помогают создать определенный образ специалиста у окружающих, считая этот профессиональный имидж неотъемлемой частью культуры социального общества.

Многими отечественными и зарубежными исследователями изучался вопрос коммуникативной и языковой компетенции, которая отображает сущность и природу языка в зависимости от профессиональных образовательных задач, подкрепленных мотивационными аспектами каждого отдельного обучающегося в процессе лингвистической подготовки.

В ходе теоретического анализа нами были изучены работы Кожевниковой И.Г. и Рыбаковой Л.В., где коммуникация рассматривается на основе процессуальной модели, при которой взаимосвязь личностных и ситуационных факторов в процессе обучения сочетает внутренние установки, личностные убеждения и духовные ценности с оценками общества и полноценной организацией образовательного процесса [4].

Другой научный подход, базирующийся на самоорганизации учебной деятельности обучающихся и активизирующий практико-ориентированный аспект лингвистической подготовки был изучен такими авторами, как Т.А. Дмитриенко, Г.А. Иващенко, Н.И. Воронова, А.Л. Гиоргадзе, Дж. Дьюи, Д. Колб и др. Стоит отметить, что иноязычная подготовка в высшем учебном заведении предполагает наличие, как аудиторной, так и внеаудиторной самостоятельной работы. Именно в рамках практико-ориентированного научного подхода Ф.Г. Ялалов делает акцент на самостоятельную профессиональную деятельность обучающегося, позволяющую определить уровень интеллектуального и когнитивного развития личности, эрудированности и самоопределения, которая способствует поиску качественно новых методов принятия решений, восприятию определенной информации и формированию социально значимых компетентностей будущего специалиста [5].

Для формирования языковой компетенции в рамках лингвистической подготовки проводимое экспериментальное исследование осуществляется на базе Российского технологического университета (РТУ МИРЭА). Авторами рассматривается языковая подготовка будущих бакалавров технических направлений Института искусственного интеллекта (ИИИ) второго курса. Дисциплина «Иностранный язык» 3 и 4 семестров опирается на изучение профессионального технического языка, способствующее всестороннему развитию личности, её самоактуализации и саморазвитию.

Процесс формирования языковой компетенции должен быть обеспечен устойчивой мотивацией, активной, систематической и целенаправленной самообразовательной деятельностью, связанный с углублением и развитием полученных знаний и умений, направленных на выработку на их основе профессиональных навыков и компетенций [6,7].

Аудиторная и внеаудиторная самостоятельная виды деятельности в ходе иноязычной подготовки направлены на применение полученных знаний в следующих видах деятельности:

- учебно-познавательной (изучение материала при помощи учебной и учебно-методической литературы, а также использование информационно-технических ресурсов и источников);
- практической (чтение и перевод аутентичных профессиональных текстов, выполнение лексико-грамматических упражнений на закрепление изучаемого материала);
- профессиональной деятельности (ведение профессиональной коммуникации: общение, деловая переписка, проведение переговоров).

В настоящий момент языковые умения и навыки отражены в более глубоком понимании и отражают не только универсальные и общепрофессиональные компетенции, но и профессиональные компетенции относительно выбранного направления подготовки в соответствии с требованиями ФГОС 3++. Поэтому стоит сказать, что формирование и развитие языковых компетенций не сводится лишь к чтению и переводу текстов, а также построению диалоговой речи.

Языковая компетенция способствует передачи актуальной и необходимой информации между участниками коммуникации для организации межличностных связей и межкультурных отношений в профессиональной области специалиста.

Для формирования языковой компетенции и обеспечения её эффективности в ходе лингвистической подготовки в технологическом вузе в образовательный процесс должны быть включены как студенты, так и пре-

подаватели, причём вторым в свою очередь необходимо найти индивидуальный и дифференцированный подход к каждому обучающемуся для развития речевой иноязычной компетенции [8]. В рамках нашего экспериментального исследования были выделены основные направления, способствующие формированию и развитию языковой компетенции студентов-бакалавров технических направлений ИИИ:

1. совершенствование содержания, форм, методов и методик обучения технологии речевого общения, которая представляет собой совокупность речевых методов и приёмов, которые обусловлены учебной задачей и обеспечивают её результативное решение;
2. обеспечение развития и формирование речевых способностей находить необходимые коммуникативные способы решения конкретных задач в образовательном процессе;
3. формирование высокого уровня рефлексии (способности анализировать своё собственное речевое поведение);
4. развитие и активизация внеаудиторной речевой коммуникации, которая даёт возможность студентам реализовать способности организатора своей деятельности, выработать профессиональные знания, умения и навыки [10];
5. выполнение оптимального количества внеучебных самостоятельных заданий, которые способствуют отработке речевых умений и навыков в результате самостоятельной подготовки;
6. стимулирование деятельности обучающихся по самообразованию, предусматривающей критическую оценку уровня своей речевой компетентности;
7. преобразование лингвистического (языкового) обучения в самообучение, внешней регуляции их речевых действий и поступков в саморегуляцию и самоактуализацию;
8. усиление практической направленности речевой деятельности, и её соответствие профессиональным целям каждого обучающегося;
9. развитие и формирование познавательной мотивации путём применения форм и методов активного обучения, использование цифровой образовательной среды (ЦОС): электронных учебников, групповых интерактивных дискуссий, ролевых и деловых игр и других методов, форм и средств формирования речевой компетентности;
10. чёткая целенаправленность всего образовательного процесса технологического вуза на мониторинг процесса формирования языковой компетенции у обучающихся;
11. внедрение компьютерных и информационно-коммуникативных технологий, позволяющих обеспечивать закрепление практических коммуникативных навыков и умений [9].

Построенная нами технология для формирования и развития языковой компетенции в ходе лингвистической подготовки бакалавров РТУ МИРЭА включает следующие этапы:

1. Семантический анализ лексико-грамматических единиц и создание базиса для дальнейшего совершенствования коммуникативных навыков и разговорной речи;
2. Автоматизации работы с различными, в том числе отдельными лексическими единицами на уровне восприятия;
3. Автоматизация осмысления предложений и текстов с большой долей полного понимания и возможностью описания содержания.

На протяжении всех этапов формирования языковой компетенции в ходе лингвистической подготовки в РТУ МИРЭА обучающиеся двигаются от простого восприятия звуков, слов и понимания их разрозненных значений до выстраивания логически связанных между собой сложных лексических структур, подкрепляя данные знания и умения в рамках проведения аудирования и совершенствования практических навыков говорения.

Несомненно, лингвистическая подготовка обучающихся разных специальностей и направлений должна иметь научное обоснование, подкрепленное дидактико-методическим обеспечением. Иноязычная подготовка студентов второго курса всех направлений Института искусственного интеллекта (ИИИ) РТУ МИРЭА основывается на использовании следующих печатных/электронных изданий:

1. Учебник [1]:
Estars S.R. Infothech. English for computer users. Fourth edition. – Student’s book/ Cambridge University Press. – Cambridge, 2008. – 168 с.

2. Учебно-методические пособия, разработанные преподавателями кафедры иностранных языков ИРИ, РТУ МИРЭА [2,3]:

- Information technology Activity Book [Электронный ресурс]: рабочая тетрадь / А.Р. Прокопчук, Е. А. Гаврилова, Н.В. Дидык. – М.: РТУ МИРЭА, 2021. – Электрон. опт. диск (ISO);
- AI- powered Technologies [Электронный ресурс]: К.М. Чугаева, Ю. Х.-С. Ким, И.Ш. Каппушева, Д.И. Эркенова. – М.: РТУ МИРЭА, 2022. – Электрон. опт. диск (ISO).

Преимуществом предложенной авторской технологии является обеспечение не только должного уровня владения языком техническим специалистом, но и возможность взаимодействия с интерактивными компьютерными технологиями как при выполнении упражнений обучающимися, так и при объяснении нового материала дисциплины «Иностранный язык».

Для обоснования эффективности предложенной технологии авторами был проведен эксперимент, в котором участвовали студенты-бакалавры общей численностью 43 человека (2 группы второго курса ИИИ). По результатам входного тестирования (рис.1) студенты каждой группы были распределены на традиционную (13 и 9 человек) и экспериментальную подгруппы (10 и 11 человек). Причём в состав экспериментальных подгрупп были отобраны студенты уровней А1-В1 для объективной оценки использования предложенной технологии.

Традиционные подгруппы занимались в соответствии с учебным планом программы, используя печатные издания и общепринятые методы и формы изучения материала и контроля полученных знаний. Экспериментальные подгруппы проходили новый материал, исполь-

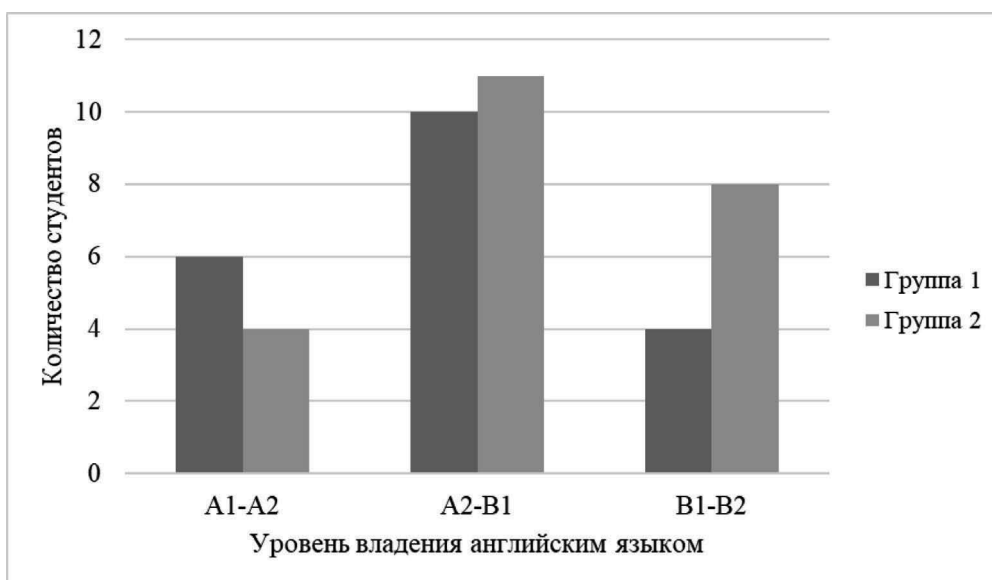

Рис. 1. Результаты входного тестирования на определения уровня владения английским языком

зуя авторскую технологию.

В рамках дисциплины «Иностранный язык» была выбрана тема для проводимого эксперимента «Types of malware and data security», в которой изучается профессиональная терминология. Как было изложено выше, структура интерактивной технологии предполагает поэтапное восприятие иноязычных материалов. Поэтому первоначальным шагом к упрощению запоминания новых слов было введено для экспериментальных подгрупп систематическое повторение отдельных лексических единиц при помощи цифровых программных средств (например, quizzlet.com, flashcards apps и др.), пересказ текста (делая упор на предлагаемый план) и составление самостоятельных структур по предложенным аутентичным текстам (questions, crossword, puzzles), что позволило закрепить на уровне подсознания технических специалистов их значения и контекст употребления.

Результаты успеваемости обучающихся обеих групп представлены на рисунке 2. Видно, что 79% студентов (34 человека) сдали лексику на положительную оценку, лишь 3 студента получили оценку «неудовлетворительно» (7%).

Следует подчеркнуть, что уже после первого этапа семантического анализа лексико-грамматических единиц авторами было выявлено, что соотношение (таблица 1) студентов традиционной (ТГ) и экспериментальной групп (ЭГ) говорит об эффективности предлагаемой технологии

обучения: в категории «средний балл» 5 чел. (ТГ) и 7 чел. (ЭГ), в категории «высокий балл» 11,6% и 16,3% студентов от общего количества, принимающих участие в эксперименте (ТГ и ЭГ соответственно), категория «низкий балл» демонстрирует одинаковое количество сдавших, с учётом более низкого уровня владения языком ЭГ, чем у ТГ.

На втором этапе предлагаемой технологии обучения по формированию языковой компетенции студенты учатся находить ассоциативные и логические связи в предложениях относительно лексического единства, что подразумевает дальнейшие возможности употреблять текстовые единицы в соответствии с предлагаемой ситуацией. Студентам экспериментальных подгрупп было проще ориентироваться в работе с аутентичными текстами, так как они обладают большим набором лексических единиц после проведенного подробного анализа при помощи информационно-технических ресурсов цифровой образовательной среды и успешной сдачи лексического зачёта.

Оба предыдущих этапа являются основой для последующего (заключительного этапа формирования языковой компетенции) – максимально продуктивного овладения лексическими единицами при установлении межличностных контактов и выстраивании межкультурных взаимоотношений в рамках профессиональной деятельности специалиста (участие в круглых столах с иностранными студентами, решение бизнес-кейсов с

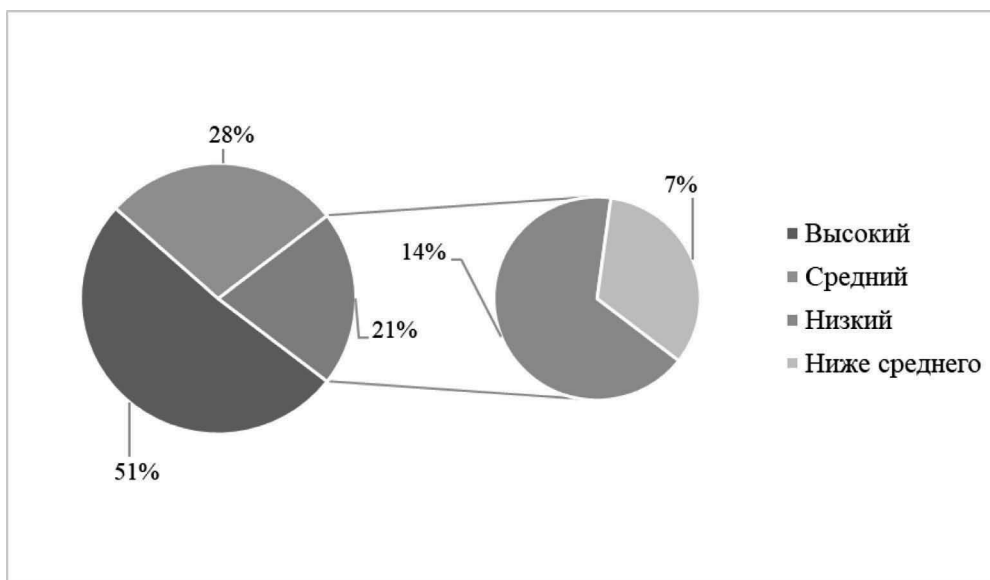

Рис. 2. Результаты успеваемости лексического зачёта традиционной и экспериментальной групп

Таблица 1.

Сравнительная характеристика результатов терминологического зачёта (в чел., %)

Общее кол-во	ВБ, чел.	ВБ, %	СБ, чел.	СБ, %	НБ, чел.	НБ, %	НСБ, чел.	НСБ, %
ТГ (22)	13	30,2%	5	11,6%	3	6,9%	1	2,3%
ЭГ (21)	9	20,9%	7	16,3%	3	6,9%	2	4,6%

партнерами-представителями ведущих технологических компаний, участие в международных конференциях на иностранных языках и т.д.). Проведя формирующий эксперимент, можно констатировать тот факт, что бакалавры экспериментальных подгрупп оказались более заинтересованными и замотивированными уже после первого этапа применения обучающей технологии, так как у них появилась возможность устанавливать межпредметные связи с использованием информационно-технических средств и инструментов последних достижений науки и техники. Студенты ЭГ смогли на практике наглядно изучать и закреплять известный материал, в том числе на иностранном языке, а также расширять свой кругозор новыми лексическими единицами и оборотами, что в дальнейшем поспособствует возможностям использования приобретенных знаний и умений для саморазвития, самоопределения и самоактуализации в качестве высококлассного специалиста своей профессиональной области.

Эффективность применения экспериментальной технологии заключается в том, что иноязычные лексические коммуникативные единицы входят в состав не только в монологической и диалогической речевой деятельности, но и закрепляются в мышлении обучающихся, формируя устойчивые логические взаимосвязи в подсознательных речевых конструкциях. Следовательно, это позволит участникам коммуникации определять ход повествования и прогнозирования дальнейшего развития сложившейся ситуации.

Можно утверждать, что разработанная методика применения поэтапной технологии с применением средств ЦОС в рамках проводимого экспериментального исследования способствует формированию языковой компетенции, что подтверждено положительной динамикой успеваемости студентов бакалавриата Института искусственного интеллекта (ИИИ) в РТУ МИРЭА, а также улучшением статистики посещаемости аудиторных практических занятий, сдачи устных топиков в срок. Необходимо отметить чёткую структурированность разработанной технологии, интерактивный характер и после-

довательность алгоритма коммуникативных действий в отношении взаимодействия с носителями языка или общения в языковой среде, а также обязательное внедрение самостоятельных внеаудиторных видов деятельности (чтение дополнительной технической литературы, ведение деловой переписки на иностранном языке, прослушивание аудио- и видеоподкастов и семинаров по заданной тематике носителями языка) посредством использования информационно-технических средств цифровой образовательной среды.

Таким образом, формирование языковой компетенции – это многокомпонентный поэтапный процесс, который основной своей целью ставит владение будущим техническим специалистом любым иностранным языком на должном уровне, чтобы соответствовать выдвигаемым требованиям современного общества и предлагать разумные и эффективные решения для достижения поставленных целей той или иной организации, в том числе образовательной. В дополнении к этому, технология способствует совершенствованию интерактивных образовательных методов обучения.

Безусловно, в педагогической науке вопросы формирования различных видов профессиональных компетенций будущего высококвалифицированного специалиста остаются актуальными в настоящее время. Поэтому предмет нашего исследования – формирование языковой компетенции – имеет широкий спектр для дальнейшего его изучения с разных точек зрения:

- более глубокий практический анализ с возможностью выявления определённых познавательных процессов, связанных с формированием языковых компетенций;
- определение эффективных способов мотиваций с учётом индивидуальных траекторий образовательного процесса, как у преподавателей, так и у студентов в работе над речевой культурой;
- повышение уровня заинтересованности в изучении иностранного языка с помощью эффективных информационных технологий коммуникативного общения в цифровом сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Estars S.R. Infothech. English for computer users. Fourth edition. – Student`s book/ Cambridge University Press. – Cambridge, 2008. – 168 с.
2. Information technology Activity Book [Электронный ресурс]: рабочая тетрадь / А.Р. Прокопчук, Е. А. Гаврилова, Н.В. Дидык. – М.: РТУ МИРЭА, 2021. – Электрон.опт.диск (ISO);
3. AI- powered Technologies [Электронный ресурс]: К.М. Чугаева, Ю. Х.-С. Ким, И.Ш. Каппушева, Д.И. Эркенова. – М.: РТУ МИРЭА, 2022. – Электрон.опт.диск (ISO).
4. Кожевникова И.Г., Рыбакова Л.В. О процессуальной модели формирования иноязычной лингвистической компетенции // Вестник ВятГУ. 2017. №12.
5. Кочкарова З.К., Байчорова А.А., Таушунаева Ф.М., Батчаева З.А., Филоненко В.А. Педагогический потенциал самоорганизации в формировании иноязычной компетенции студентов вуза // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. №1 (173).
6. Лебедева Н.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2016. №2-2.

7. Михайлов А.А. К вопросу о сущности формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Современное педагогическое образование. 2019. №11.
8. Преснухина И.А. К вопросу о формировании иноязычной профессионально ориентированной коммуникативной компетенции // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. №3.
9. Рыбакова Л.В. Об опыте использования интернет-ресурсов для повышения эффективности самостоятельной работы студентов // Высшее образование и иностранные языки: история, направления, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. 21 декабря 2015 г. Воронеж: НАУКА- ЮНИПРЕСС, 2016. С. 119–126.
10. анцюра Д.Э. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в высших образовательных учреждениях // Вестник Донецкого педагогического института. 2018. №3.

© Чугаева Ксения Максимовна (chugaeva@mirea.ru), Ким Юлия Хен-Суновна (kim_yu@mirea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИРЭА – Российский технологический университет

АЛЛЮЗИИ НА ПОПУЛЯРНУЮ КУЛЬТУРУ В ВИДЕОИГРАХ. ТИПОЛОГИЯ АЛЛЮЗИЙ И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Арищенко Станислав Игоревич

Аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

lilaysisstanislav@yahoo.com

POPULAR CULTURE ALLUSIONS IN VIDEO GAMES. THE TYPOLOGY OF ALLUSIONS AND THEIR LOCALIZATION

S. Arishchenko

Summary: This article analyzes the typology of existing popular culture allusions in video games and suggests possible ways of transferring allusions from one language localization to another. The main task of any kind of allusion is to trigger a certain set of emotions in gamer's mind at a particular moment of the gameplay. The range of evoked emotions is pretty wide, but it is possible to distinguish the most common types of emotions: surprise, joy and nostalgia. In turn, the task of localization is to evoke an identical range of emotions in the mind of a player, who are playing particular video game in the target language. Allusion localization seems to be a complicated and not always expedient process, but there are several well-established localization techniques, for instance: subtitling and translation annotations.

Keywords: mass culture, allusion, video game localization, translation methods, translation strategies, subtitling.

Аннотация: В данной статье проводится анализ типологии существующих аллюзий на популярную культуру в видеоиграх и предлагаются возможные пути переноса аллюзий из одной языковой локализации в другую. Основной задачей любого вида аллюзии является выработка у игрока определенного набора эмоций в конкретный момент игрового процесса. Спектр вызываемых эмоций велик, однако можно выделить несколько основных эмоций: удивление, радость и ностальгия. В свою очередь задачей локализации становится вызов идентичного спектра эмоций у игрока, играющего в некоторую видеоигру на целевом языке. Локализация аллюзий представляется сложным и не всегда целесообразным процессом, но существует несколько устоявшихся методик локализации, среди них: субтитрирование и переводческие примечания.

Ключевые слова: массовая культура, аллюзия, локализация видеоигр, переводческие методики, стратегии перевода, субтитрирование.

Аллюзии к культуре прошлого – это важная составляющая часть массовой культуры настоящего. Аллюзии обнаруживаются практически в любых видах культурного творчества: в кино, в музыке, в живописи, в литературе. Не являются исключением из этого списка и видеоигры. Аллюзии или отсылки, как их иногда называют игроки, это неотъемлемая часть игрового процесса или виртуального мира видеоигр. Однако нередко случаи, когда игрок не понимает, что перед ним, и является ли то, что он наблюдает перед собой в конкретный момент времени аллюзией к популярной культуре. В большей степени это характерно для аллюзий на культуру прошлого и даже позапрошлого века. Связано подобное явление в первую очередь с возрастным цензом целевой аудитории.

Известно, что любая видеоигра имеет свой возрастной рейтинг, согласно принятым во многих странах стандартам накладываемых возрастных ограничений таких как, PEGI, USK, RARS и др.[2] С одной стороны, это явление представляется совершенно естественным, т.к. игрок, чья дата рождения отстоит от даты релиза видеоигры всего на несколько лет, может не быть осведомленным о том многообразии культурных произведений музыки, кино и литературы, которые были популярными задолго до его рождения. С другой стороны, одной из

целей добавления в игру аллюзий на популярные произведения культуры прошлого представляется ознакомление игрока с этими произведениями и поддержание интереса к культуре ушедших лет.

Для ознакомления с видами аллюзий, встречаемых игроками при продвижении по игровому процессу, обратимся к следующей типологии [7]:

- Отсылки (или «культурные отсылки»);
- Пасхалки (от англ. easter egg – пасхальное яйцо);
- Пародии;
- Плагиат;
- Заимствования и прямые упоминания.

Рассмотрим каждый из видов аллюзий подробнее с целью выявления различий между ними и понимания специфики их применения. Отсылками являются представленные в играх аллюзии на популярную культуру, отсюда и второе название данной категории аллюзий – культурные отсылки. Отсылки в видеоиграх могут содержаться практически в любом виде: в речи персонажей, в визуальном окружении, в фоновой музыке [7]. К примеру, игроком может быть обнаружен элемент визуального окружения, который может изображать определенную культовую сцену из фильма, как это было в видеоигре Fallout 4, где в одной из локаций можно было найти отсылку к фильму Титаник

[3]. Сюда же можно отнести и музыкальное сопровождение видеоигры Atomic Heart, представленное, в том числе и ремиксами композиций из раннего творчества Аллы Пугачёвой и Игоря Скляра [9].

Пасхалки – это такие же отсылки, но скрытые от основного игрового процесса. Название этой категории аллюзий формируется от праздничной детской игры – поиска разукрашенных яиц, спрятанных родителями для развлечения детей на Пасху [10]. Характерной чертой пасхалок является трудность их обнаружения. Чтобы найти ту или иную пасхалку в мире некоторой видеоигры, необходимо затратить время на ее поиски. Некоторые пасхалки существуют настолько долго, что обнаруживают их спустя десятилетия после релиза видеоигры [7]. Как и культурные отсылки, пасхалки можно увидеть во многих выражениях. Для примера можно привести пасхалку, скрытую в игре от разработчика Bethesda Softworks – The Elder Scrolls V: Skyrim. Так, игрок, исследуя интерьеры зданий в одной из локаций, может обнаружить головку козьего сыра с характерным секторальным вырезом и лежащими перед ней строго в ряд головками чеснока. Вся эта композиция является ничем иным, как аллюзией к игре Pac-man, чей пик популярности пришёлся на эру аркадных автоматов середины-конца 80-х годов XX века. Кроме того, пасхалки могут содержаться и в аудиодорожках. Здесь можно упомянуть о знаменитом звуковом эффекте «Крике Вильгельма», ставшем авторской чертой звукового дизайнера Бена Бертта и использовавшемся во множестве кинокартин и видеоигр [5]. Как правило, текстовых вариаций пасхалок бывает не так много. Зачастую такими пасхалками становятся скрытые от глаз игроков благодарности родственникам за моральную поддержку при разработке видеоигры или слова памяти тем членам команды разработки, что работали над игрой, несмотря на тяжелую болезнь, но так и не дожили до ее релиза. Важной лингвистической особенностью при работе с пасхалками является то, что *пасхалки практически невозможно локализовать*. Объясняется эта особенность тем, что все попытки описать увиденное игроком средствами языка, например строкой субтитров при наведении курсора, сведет на нет весь эффект удивления от обнаружения пасхалки. Поэтому, увидев некоторую странность в визуальном или звуковом окружении видеоигры, игроку остаётся только рассчитывать на свои познания в массовой культуре. Крайне редко переводятся и упомянутые выше текстовые пасхалки, т.к. разработчик остерегается того, что написанные там слова могут быть интерпретированы некорректно. Однако перевод подобных пасхалок можно найти на тематических ресурсах, посвященных некоторой видеоигре.

К пародиям можно отнести не только элементы игрового мира, но и видеоигры целиком. Известно множество видеоигр, так или иначе пародирующих другие

более успешные аналоги. Особенно популярны видеоигры-пародии в странах бывшего СССР и в Азии. Азиатские пародии представляют интерес в том смысле, что создание видеоигр-пародий азиатскими разработчиками, как правило, подчинено единственной цели – избежать ответственности за нелегальное копирование элементов видеоигры: концепта, 3D-моделей, элементов геймплея и др. Тем не менее, многие пародийные видеоигры содержат и множество самостоятельных элементов, к примеру, самобытный игровой процесс, дизайн персонажей или музыкальное сопровождение [7].

Грань между пародией и открытым плагиатом весьма прозрачна. В современном игровом мире крайне часты случаи нелегального использования чужой интеллектуальной собственности. Особенно часто плагиат встречается в мобильном сегменте разработки видеоигр. Игроки могут увидеть знакомых персонажей из других видеоигр, книг, кино и других произведений культуры, в качестве участников некоторого игрового процесса, кардинально отличающегося от той вселенной, из которой был «изъят» знакомый всем персонаж. Подходящим примером плагиата может стать китайская игра 300 Heroes, выполненная в жанре онлайн-боевой арены, с множеством доступных игроку персонажей из известных серий японских комиксов и снятых по ним сериалов. Однако не только персонажами японской массовой культуры эта игра привлекает внимание, в ней можно найти и знакомого во всём мире мультипликационного персонажа Шрека и его верного ослика. Примечательна и маркетинговая составляющая распространения этого продукта. Из-за необходимости заключения лицензий и соблюдения авторских прав, игра не распространяется на европейский и американский регион, но сыграть в нее из этих регионов все равно можно, присутствует даже англоязычный клиент. При этом расположение серверов этой игры остаётся в Малайзии [1].

Последней, но не менее важной категорией отсылок являются заимствования и прямые упоминания. Этот тип отсылок является прямой противоположностью плагиату. Разработчики и крупные компании заключают контракты на добавление того или иного предмета, персонажа и даже целого фрагмента мира из произведений популярной культуры. Часто это делается с целью рекламы некоторого товара. Например, персонаж некоторой популярной игры может носить кеды Adidas Originals Stan Smith, рекламируя их и тем самым поднимая продажи. Реже заимствования и прямые упоминания представляют собой дань уважения определенному продукту массовой культуры. Так, в видеоигре Rocket League можно заметить известные автомобили из фильмов прошлого века – ECTO 1 из Охотников за привидениями и DeLorean DMC 12 из Назад в будущее [7]. Заимствования во многом преобразили видеоигры, добавив в них множество оригинальных объектов наполнения. Тем не ме-

нее, есть и негативные моменты, например, удорожание видеоигр, связанное с использованием дорогостоящих лицензий от правообладателей.

Итак, рассмотрев многообразие типов аллюзий в видеоиграх, необходимо проанализировать возможности их переноса из одной языковой локализации видеоигры в другую. Как показывает практика, при локализации суть многих аллюзий может быть искажена или вовсе потеряна, а значит эффект от добавления аллюзии в видеоигру может не быть достигнутым.

В статье за авторством Павленко Е.А., Вьюновой Е.К., Куралевой Т.В. производится анализ особенностей функционирования аллюзий на примере названий мультипликационных фильмов, рассматриваются примеры использования интертекстуальности и источники заимствований. Авторы отмечают интерес специфики мультфильмов тем, что их целевой аудиторией являются не только дети, которые не способны распознать аллюзии, но и взрослые [6, с. 324]. Как уже отмечалось в начале данного исследования, справедлива такая специфика и для видеоигр. На этом фоне резонным становится вопрос об избрании верного пути локализации аллюзий с целью достижения эффекта их распознавания наблюдателем, т.е. игроком. Кроме того, в упомянутой выше статье содержится утверждение о том, что современная массовая культура обладает «поверхностным» характером, что осложняет соотнесение источника заимствования и принимающего текста даже на языке оригинала, например на английском [6, с. 324]. Принимая во внимание этот факт, можно утверждать о том, что локализация иноязычных аллюзий в русской версии видеоигры представляется крайне сложным, а иногда и необоснованным процессом. Хотя это утверждение справедливо не во всех случаях. Благодаря приведенной выше типологии, можно сформулировать некоторые пути локализации для конкретных типов аллюзий в видеоиграх. Основной задачей локализации является описать то, что наблюдает игрок конкретный момент времени средствами языка. Безусловно, есть и другие способы локализации, например, перерисовка визуального окружения и замена аудиодорожек, однако в случае с некоторыми видами аллюзий данные способы искажают смысл самой аллюзии, поэтому их использование не всегда целесообразно.

Для культурных отсылок наиболее подходящим способом передачи содержания аллюзии является субтитрование. Так, подавляющее большинство культурных отсылок – это текстовые отсылки, содержащиеся в речи персонажей. Сюда можно отнести различного рода цитирование, например, цитаты из литературной классики или религиозных текстов. Чаще всего переводы этих произведений на русский язык уже существуют, и локализатор может использовать уже готовые прецедентные тексты. Сложнее обстоит ситуация с культурными отсыл-

ками в виде объектов визуального окружения и аудиодорожками. Вмешательство в визуальное окружение не всегда разрешается разработчиком, поэтому многие отсылки остаются в видеоигре «как есть», поэтому игроку необходимо обладать знаниями о мировой культуре и понимать самостоятельно, на что именно направлена та или иная аллюзия. Сходная ситуация и с аудиодорожками, при локализации, как правило, затрагивается только та часть аудиодорожек, которая поддается переводу, например, речь персонажей, т.к. без полного понимания диалогов финальная часть игрового процесса не будет достигнута. Многие другие аудиоэффекты остаются без внимания, поэтому заметить в них ту или иную отсылку можно только владея иностранным языком на достаточном для восприятия разговорной речи носителей этого языка уровне.

Гораздо сложнее представляется локализация пасхалок. Согласно проведенному выше анализу видов пасхалок, многие из них не поддаются локализации, в виду того, что описание этих объектов игрового мира средствами языка не представляется возможным. Основным эффектом от обнаружения пасхалки является удивление или лёгкий шок. Реже пасхалки вызывают улыбку у игрока, еще реже ностальгию. Однако основным аспектом остаётся то, что все пасхалки вызывают определенные эмоции, локализовать эти эмоции на другой язык крайне сложно. Кроме того, осложняется локализация пасхалок еще и тем, что не все игроки понимают, что же они увидели, т.к. пасхалка может иметь большое значение для разработчика, но быть совершенно непонятной игроку. Крайне часто пасхалки являются объектами визуального окружения, которое не всегда разрешается изменять в различных версиях видеоигр. Поэтому простой строчкой субтитров подобные объекты локализовать практически невозможно. Не стоит упускать из внимания и тот факт, что пасхалки часто скрыты в недоступных (на первый взгляд) для игрока местах, поэтому любая локализация может случайно указать игроку путь к пасхалке и свести к минимуму эффект удивления. В связи с этим многие пасхалки остаются нелокализованными и сохраняют в себе первоначальный смысл, заложенный в них разработчиком.

Согласно классификации типов аллюзий, плагиат и пародия часто выступают в качестве самостоятельных продуктов игровой индустрии, поэтому на них распространяются все методики локализации видеоигр, применяемые на этом рынке в данный момент. Тем не менее, как показал приведенный пример с видеоигрой 300 Heroes, локализация таким продуктам не всегда требуется, т.к. разработчиком изначально не планировалось распространение этого продукта за пределами «домашнего» региона, коим является Юго-Восточная Азия. Продукты такого типа сами по себе могут расцениваться игроками как пасхалки благодаря тому, что они скрыты

на азиатских сайтах и сервисах цифровой дистрибуции, а игроки из других регионов могут даже не догадываться об их существовании.

Локализация заимствований и прямых упоминаний производится практически так же, как и культурных отсылок. Если в случае с прямыми отсылками наиболее предпочтительным способом локализации является субтитрирование с указанием источника заимствования, то с заимствованиями и упоминаниями обычно используется краткая справка на целевом языке. Этот метод уже зарекомендовал себя для описания отсылок на различные произведения культуры прошлого при переводе на русский язык комиксов и другой литературно-художественной продукции, например, графических романов. Кроме того, краткие текстовые справки добавляются в интерфейс меню видеоигры без серьёзных вмешательств, а плейшолдеры для них, как правило, предусмотрены разработчиком на этапе интернационализации. Так, манга японского автора Тору Фудзисавы «GTO», переведенная на русский язык в издательстве «Комильфо», располагает множеством примечаний об источниках заимствования аллюзий. Как показывает практика, краткая справка об объекте заимствования, например, об автомобиле из приключенческого фильма про супергероев или костюме для персонажа некоторой видеоигры, не только знакомит игрока с происхождением аллюзии, но и вызывает интерес к ознакомлению с источником. Так, продажи книг Дмитрия Глуховского из вселенной «Метро» выросли после релиза первой

видеоигры из одноимённой серии [4]. Справедливо это и в обратную сторону, когда выход того или иного произведения массовой культуры, повышает продажи видеоигры, в которой есть отсылки к этому произведению. Так, сериал «Ведьмак» стимулировал продажи видеоигр этой вселенной спустя несколько месяцев после выхода в сервисе Netflix [8].

Таким образом, проведенное исследование показало, что наиболее подходящими способами локализации представленных в видеоиграх аллюзий на произведения массовой культуры являются:

- Субтитрирование (линия субтитров при наведении курсора, либо примечание в речи персонажей);
- Переводческие примечания (краткая справка о заимствовании, встроенная в графический интерфейс).

Однако нередко разработчиком в требованиях к локализации своего продукта указывается требование об отказе от перевода всех текстовых материалов, имеющих отношение к аллюзиям. Делается это с целью сохранения эмоционального эффекта, вызываемого у игрока при обнаружении отсылок, пасхалок или прямых заимствований. В связи с этим игроки из других регионов не всегда правильно воспринимают увиденную аллюзию. При локализации аллюзий возникает значительное количество непреодолимых трудностей различной природы. Разрешение подобных трудностей возможно лишь при тесном сотрудничестве разработчика и локализатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. 300 Heroes - бутлег-моба и global (но на самом деле нет) релиз — Игры на DTF [Электронный ресурс]. URL: <https://dtf.ru/games/1456349-300-heroes-butleg-moba-i-global-no-na-samom-dele-net-reliz>
2. Возрастной рейтинг и как его получить — Gamedev на DTF [Электронный ресурс]. URL: <https://dtf.ru/gamedev/265535-voznrastnoy-reyting-i-kak-ego-poluchit>
3. Игра внутри игры: поиск скрытых пасхалок в любимых играх — Игры на DTF [Электронный ресурс]. URL: <https://dtf.ru/games/1623744-igra-vnutri-igry-poisk-skrytyh-pashalok-v-lyubimyh-igrah>
4. Как повлиял успех игр Metro 2033 и The Witcher на продажи книг — Anton Logvinov [Электронный ресурс]. URL: <https://alogvinov.com/2017/04/gluhovskiy-ne-soglasen-s-sapkovskim-chto-igryi-po-knigam-eto-ploho/>
5. Кричи, Вильгельм, кричи: Как появился знаменитый звуковой эффект — Видео на Кинопоиске [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/video/2788829/>
6. Павленко Е.А., Вьюнова Е.К., Куралева Т.В. Функционирование аллюзий в англоязычной массовой культуре (на примере названий мультипликационных фильмов) // БГЖ. 2021. №3 (36). С. 323–326.
7. Памятка для геймера: «Отсылка, пасхалка и заимствование - в чем разница?» [Электронный ресурс]. URL: https://www.playground.ru/misc/opinion/pamyatka_dlya_gejmera_otсылka_pashalka_i_zaimstvovanie_v_chem_raznitsa-1129609
8. Продажи «Ведьмака 3» после выхода сериала на Netflix выросли на 554% в годовом выражении | App2top [Электронный ресурс]. URL: <https://app2top.ru/money/prodazhi-ved-maka-3-v-dekatre-vy-rosli-na-554-v-godovom-vy-razhenii-159917.html>
9. Ремиксы советских песен из саундтрека игры Atomic Heart вырвались на верхние строчки чартов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.soyuz.ru/news/24447>
10. Davis. Easter Traditions Explained. CBS News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/happy-easter-whats-with-the-bunny-and-the-eggs/>

© Арищенко Станислав Игоревич (ilaysisstanislav@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ ДОБРОГО ИМЕНИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЮРИДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

THE CONCEPT OF A GOOD NAME IN LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS

I. Bradetskaya
U. Fysina

Summary: The article deals with the concept of «good name» in linguistic and legal aspects. The authors place special emphasis on the semantic side of the concept and its synonymous field. In addition, the idea is put forward of the need to specify the concept in law-making literature, since it is an independent subject of protection in accordance with the Constitution of the Russian Federation.

The purpose of the article is to consider the semantic component and discourse of one of the most important concepts of law related to defamation.

The authors, using empirical research methods, consider issues of a moral, ethical and legal nature associated with the use of the phrase «good name», the relationship from the point of view of law with the synonyms «honor», «reputation».

The article concludes that it is necessary to describe the functional-semantic field of the concept for the correctness of law enforcement and to establish the fact of discrediting honor and dignity.

Keywords: good name, reputation, honor, insult, offense.

Брадецкая Ирина Геннадьевна

к.пед.н., доцент, Российский государственный университет правосудия
irabradetska@bk.ru

Фысина Ульяна Николаевна

к.фил.н., доцент, Российский государственный университет правосудия
unfsina@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается понятие «доброе имя» в лингвистическом и правовом аспектах. Особый акцент авторы делают на семантическую сторону понятия и его синонимическое поле. Кроме того, выдвигается идея о необходимости конкретизации понятия в правотворческой литературе, т.к. оно является самостоятельным субъектом защиты согласно Конституции Российской Федерации.

Цель статьи рассмотреть семантическую составляющую и дискурс одного из важнейших понятий права, связанного с диффамацией.

Авторы, используя эмпирические *методы исследования*, рассматривают вопросы нравственно-этического и правового характера, связанные с использованием словосочетания «доброе имя», соотношение с точки зрения права с синонимами «честь», «репутация».

В статье делается *вывод* о необходимости описания функционально-семантического поля понятия для корректности правоприменения и установления факта опорочивания чести и достоинства.

Ключевые слова: доброе имя, репутация, честь, оскорбление, правонарушение.

Введение

На сегодняшний день в России лингвистические исследования в области права сконцентрированы на создании понятных текстов законов, на проблемах соотношения естественного и юридического языков, а также проблемах оскорбительности. В последнем из названных вопросов исследуются понятия чести, достоинства, деловой репутации личности, а также доброго имени.

Объектом нашего исследования является понятие доброго имени как малоизученное в лингвистическом и юридическом аспектах. Данное понятие относится к нравственной, моральной категории. Моральное пространство значительно шире правового, и в действующем российском законодательстве отсутствует определение понятия «доброе имя».

Материалы и методы. Литературный обзор

При написании статьи были использованы теоретические (анализ научных статей, классификация) и эмпири-

ческие (сравнение, наблюдение) методы исследования.

Авторами были проанализированы толковые словарные дефиниции в толковых словарях С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, В.В. Лопатина, Е.А. Ефремовой, Конституция Российской Федерации и юридическая литература: статьи Черникова О.Ю., Колосова В.И. Языковой материал для исследования частотности употребления и особенности дискурса словосочетания взят из Национального корпуса русского языка, периодических изданий, публикаций в сети Интернет.

Обсуждение проблемы

Понятие «доброе имя» социально, так как представления о нем складывались и формировались в процессе нравственной практики того или иного общества, общения людей между собой. Вся деятельность любого человека проходит под контролем общества, и именно оно формирует оценку нравственных качеств каждого конкретного человека.

В основном подкорпусе национального корпуса

русского языка находим 388 отметок словосочетания «доброе имя» в 317 текстах. Это говорит о достаточной частотности его упоминаний. Данное понятие относится к морально-нравственной категории и трактуется как «авторитет, честь чего-либо, кого-либо». Здесь может подразумеваться как человек, так и организация или даже государство. Сопоставим примеры: «Его **доброе имя** и его научное наследие, известное во всём просвещённом мире, ещё полстолетия назад были под запретом в Стране Советов, которой он отдал свой талант и подарил крупнейшую в мире коллекцию растений» [19] и «По-прежнему, где бы мы ни находились, следует нам защищать **доброе имя** нашей родины, по-прежнему соучаствовать в творческой работе организации, искать единомышленников для проведения работы по оздоровлению общественности, по-прежнему распространять нашу литературу...» [8]. В онлайн словаре синонимов [12] отмечаем данные о частности использования близких по значению слов. Так, в 88,5 % словоупотребления сочетание «доброе имя» синонимично слову «честь». Здесь же найдем и другие слова, входящие в это семантическое поле: слава, репутация - и сочетающиеся с ними определения «добрая», «хорошая», «безупречная», «незапятнанная».

В словаре Ожегова С.И. можно найти следующее толкование: «*Безукоризненный, честный. Доброе имя*» [13]. Лопатин В.В. даёт характеристику: «*Безукоризненный, честный. Доброе имя. Оставить по себе добрую память*». Ушаков Д.Н. употребляет в одном синонимическом ряду: «*Незапятнанный, безукоризненный, достойный, честный. Доброе имя. Добрая память. Добрая слава*» [17]. В Толковом словаре Е.А. Ефремовой одно из значений - «*Ничем не опороченный, не запятнанный, достойный уважения*» [6]. Исходя из этого, семантические составляющие понятия «доброе имя» будут следующими: благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый; свойственный доброжелательному, отзывчивому человеку; незапятнанный, чистый, честный. Как мы видим, особое внимание уделяется таким словам, как «честный», «безукоризненный», «незапятнанный», которые включают семы порядочность, непорочность, честность. Иными словами, словосочетания «доброе имя» и «незапятнанное имя» будут семантически схожи.

Подчеркнем, что «доброе имя» - это совокупность положительных качеств личности, отраженных в общественном сознании, т. е. общественная оценка конкретного индивида, которая близка понятию *честь* и включает в себя положительную репутацию гражданина, с учетом ее деловой составляющей.

В юрислингвистической литературе высказывается предложение о выделении *добраго имени* в качестве самостоятельного объекта защиты, поскольку целью восстановления репутации является, прежде всего, его вос-

становление: «Честь, достоинство, деловая репутация гражданина в совокупности определяют «доброе имя», неприкосновенность которого гарантирует Конституция РФ» [11].

Так, по мнению Черникова О.Ю., доброе имя следует детерминировать как всегда положительную оценку репутации человека как полноправного члена общества, в основу которой положено представление о положительных личных качествах данной персоны, основанное как на идеальном представлении о человеке, так и на его фактическом поведении: профессиональном, семейном, бытовом и т.п.

Понятие «доброе имя», так же как честь и достоинство, сочетает в себе объективную и субъективную стороны. Объективная составляющая доброго имени основывается на идеализированном представлении о человеке как совокупности положительных качеств, присущих ему от рождения и сохраняющихся на протяжении всей жизни. Субъективная составляющая основывается на результатах фактического поведения лица, выраженных в профессиональных успехах или неудачах, отношениях с окружающими, количестве наград либо взысканий и иных аналогичных факторах, отражающих отношение общества к данной персоне. Выделение в данном случае субъективной стороны доброго имени имеет существенное значение для осуществления права на его защиту, поскольку при разрешении споров о диффамации, судам следует исходить не только из принадлежности доброго имени любому человеку, но и оценивать «доброе» имя истца, исходя из фактических обстоятельств его жизненного пути [18].

С понятием «доброе имя» связано понятие «деловая репутация», которое может быть распространено как на физических, так и на юридических лиц. Для деловой репутации юридических лиц существуют определения:

- «восприятие лица в деловой среде: доброе имя, культурные традиции, фирменное наименование, высокое качество продукции или услуг, технологическая культура, устойчивость связей с поставщиками и потребителями, перспективность бизнеса, эффективность менеджмента, уровень квалификации персонала, отсутствие конфликтов с законом;
- это имидж, образ лица в глазах широкой общественности (клиенты, покупатели, СМИ), сформировавшийся в результате ее деятельности» [9].

Таким образом, под «добрым именем» и «деловой репутацией» принято понимать нематериальное благо, которое представляет собой положительную общественную оценку деловых и профессиональных качеств, деятельности лица. Комментаторы ГК РФ указывают, что «честь, достоинство, деловая репутация гражданина в

совокупности определяют «доброе имя», неприкосновенность которого гарантирует Конституция (ст. 23)» [10].

Что же представляет собой нанесение морального вреда деловой репутации и доброму имени?

В демократическом обществе каждый должен быть уверен в защите своих прав, в том, что со стороны третьих лиц не будет подвержен необоснованным посягательствам. А если это произойдет, то гражданин вправе потребовать по суду опровержения порочащих его доброе имя, честь и достоинство. Условием эффективности такой защиты является законодательная база.

Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года, провозгласила право на честь и достоинство в числе важнейших прав человека, которые составляют условия существования человека как личности, определяющие его индивидуальность и, следовательно, они неприкосновенны от произвольных посягательств.

В ч.1 ст. 23 Конституции Российской Федерации сказано: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». В ч.1 ст.150 ГК: «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

В статье 150 ГК РФ и Конституции *честь* и *доброе имя* объединяются в одно общее нематериальное благо. Очевидно, в данном случае законодатель стремился максимально полно определить нематериальное благо, отражающее идеальное представление о морально-этических качествах личности. *Доброе имя* выступает средством индивидуализации репутации гражданина как внешнего проявления общественной оценки личности и ее внутренней самооценки. В узком смысле понятие «доброе имя» может трактоваться и как категория, характеризующая лицо в определенной области общественных отношений: доброе имя представителя профессии, доброе имя ветерана, доброе имя ученого и т.п. В этом случае доброе имя оказывается рядом с понятием репутация, т.е. говоря о добром имени лица, мы подразумеваем не только его личные качества, но и профессиональные и иные социальные положительные качества.

Важным представляется отметить еще одну черту, объединяющую эти два понятия: и *честь*, и *доброе имя* являются категориями общественной оценки поведения

индивида. И если *честь*, как правило, используется для оценки морально-этического облика личности в целом, то *доброе имя* – понятие, используемое для характеристики конкретного поведения человека, его личных, профессиональных и иных качеств, проявляющихся в общественной жизни, формируемое по результатам общественно доступной, открытой деятельности лица. Конституционным судом РФ по этому поводу было дано специальное разъяснение о том, что нормы ст. 152 ГК РФ, содержащие положения о защите чести, достоинства и деловой репутации, являются важной гарантией конституционного права на защиту доброго имени. Учитывая существующую в настоящее время неопределенность в отношении толкования понятия «деловая репутация», а также его отсутствие в Конституции РФ представляется целесообразным «восстановить» терминологическую справедливость и придать понятию «доброе имя» предназначенное ему место в качестве определения «чести и достоинства» юридического лица, унифицировав тем самым терминологию. Причем понятие «деловая репутация» не должно претерпеть какого-либо сокращения, принимая во внимание его широкое распространение в отраслевом законодательстве.

Принимая во внимание необходимость отдельного правового регулирования, предлагается ввести понятие «доброе имя» в качестве основного определения нематериального блага юридического лица, развить тем самым конституционную гарантию и устранив неопределенность. На основании вышеизложенного можно дать следующее определение: *доброе имя* – совокупность объективных данных и сведений о лице, идентифицирующих его в обществе как гражданина, обладающего *добрым именем*. Еще со времен римского права существовало такое понятие, как *доброжелательный гражданин*, то есть гражданин, следующий установленным правилам поведения. Следовательно, признаками действий, посягающими на *доброе имя*, будут действия, влекущие возникновение негативных последствий, а также ставящие под сомнение идентификацию этого гражданина, как добропорядочного.

Юридическая наука чёткого определения «доброе имя» до сих пор не выработала, однако разъяснение и подлинный смысл являются обязательными условиями соблюдения законности и правильного применения данных понятий.

Основанием для возникновения правоотношения по защите доброго имени являются факты, к которым относятся противоправные действия в виде распространения ложной, не соответствующей действительности информации, сведения, порочащие честь гражданина, с причинением ему физических и нравственных страданий.

Каким образом происходит искажение представления о добром имени?

Например, это может быть совершено через инвективы – специальные речевые средства, с помощью которых совершается оскорбление.

Мы обратились для поиска примеров, порочащих доброе имя, к сети Интернет.

1. Инвективная лексика, содержащая экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности без указания на конкретную деятельность (хам, негодяй, изверг) присутствует в новостных лентах по теме «криминал» или «ситуации на дорогах». Например: «Под Волгоградом 25-летний изверг убил дочь и покалечил жену» [2].
2. Слова и выражения, обозначающих антиобщественную, социально вредную деятельность (убийца, вор, мошенник, взяточник, налетчик, насильник) мы нашли огромное количество ссылок на интернет-ресурсы с употреблением инвектив. Например: «для убийцы найденной в чемодане модели Ведлер запросили 17 лет колонии» [15], «уголовное дело завели на таксиста-насильника, напавшего на школьницу» [16], «мошенников окружают с двух сторон» [7].
3. Слова, обозначающие «непрестижные» или «жестокие», «грубые» профессии (палач, бракодел, са-трап, живодер): «жители кузбасского города спасли собак от живодеров» [1].
4. Негативная характеристика деятельности путем использования глаголов с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (хапнуть, во-

рвать, обмануть) нашла отражение в статье про внутриобластные рейсы в Оренбуржье: «много горя хапнул с этим аэропортом».

5. Медицинская терминология (истеричка, дебил, психопат, заморыш, шизик) приведем из статей по медицинским исследованиям. Например, «Росси-янам рассказали, как распознать психопата» [14].

Вывод

Проанализировав вышеуказанные примеры, можно сделать вывод, что авторы статей/журналов/публика-ций, употребляя инвективы, ущемляют права людей, приносят моральный вред, поэтому «потерпевшие» вы-нуждены обращаться в судебные органы с целью защи-ты доброго имени и возмещения морального вреда.

Таким образом, понятие доброе имя отражает со-циальные отношения между гражданином (субъектом) и обществом, а поэтому имеет огромное значение и охраняется законом. Ущемление права гражданина на защиту доброго имени влечет за собой потерю есте-ственных общественных связей, а также утрату статуса в правоотношениях с другими. Поэтому защита добро-го имени является для государства одной из важней-ших ценностей. А перед юрислингвистикой стоит важная задача необходимости описания функциональ-но-семантического поля понятия для корректности правоприменения и установления факта опорочива-ния чести и достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнова Полина «Горожанина возмутил автохам с «красивым» номером, который припарковался на тротуаре на улице Рахова». 10.01.2023// Сетевое издание ИА «Версия – Саратов» [официальный сайт]. URL: <https://nversia.ru/news/saratovca-vozmutil-avtoham-s-krasivym-nomerom-kotoryu-priparkovalsya-na-trotuare-na-rahova/> (дата обращения: 11.01.2023).
2. Апанасенко Алиса «Под Волгоградом 25-летний изверг убил дочь и покалечил жену»//Информационное агентство Волгограда «Городские вести» [официальный сайт]. URL: <https://gorvesti.ru/crime/pod-volgogradom-25-letniy-izverg-ubil-doch-i-pokalechil-zhenu-131570.html> (дата обращения: 05.01.2023). 1. Шайкин В. Г. Николай Вавилов. Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 1015 (цит. по НКРЯ)
3. Брадецкая И.Г., Фысина У.Н. Функционально-семантическое поле оскорбительности в русском языке // Русский язык в славянской межкультурной ком-муникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти доктора филол. Н., профессора Войловой К.А. (г. Москва, 28 февраля 2022 г.)/ отв. ред О.В. Шаталова. – М.: 000 «Постатор», 2022. – 495 с. – С. 41-46.
4. Брадецкая И.Г., Фысина У.Н. Юридическая лингвистика: учебное пособие. – М.: РГУП, 2021. – 100 с.
5. Дубровских Дарья «Спекулянт рассказал, как и за сколько продавал билеты на матч «Трактора» с «Магниткой» 09.04.2022 // 72.ru Челябинск онлайн [официальный сайт]. URL: <https://74.ru/text/gorod/2022/04/09/71244188/> (дата обращения: 05.01.2023).
6. Ефремова Е.А. Толковый словарь: онлайн версия <https://www.efremova.info/word/dobryj.html#.ZDD28S96AU> (дата обращения 25.02.2023)
7. Иванова Елена «Мошенников окружают с двух сторон». 21.10.2022 Коммерсантъ [официальный сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5622367> (дата обращения: 05.01.2023).
8. Климович К. По ту сторону советской власти: к истории Народно-трудового союза // «Неприкосновенный запас», 2009 (цит. по НКРЯ)
9. Колосова В.И. Вавиловичева Т.Ю. Деловая репутация: понятие, проблемы правового регулирования и охраны: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, № 3 (1) - С. 258–266
10. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) М. 1998 - С. 334.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 30.12.2008) [Текст] // Собрание законодатель-ства Российской Федерации. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
12. Онлайн словарь синонимов <https://sinonim.org/s/доброе%20имя#f> (Дата обращения 2.02.2023)

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., М., 1997– 942 с.
14. Сарычева Екатерина «Внутриобластные авиарейсы в Оренбуржье возобновлять не будут» 08.01.2023 // Новости Оренбурга Orenday [официальный сайт]. URL: <https://orenday.ru/news/070123220346> (дата обращения: 11.01.2023).
15. «Для убийцы найденной в чемодане модели Ведлер запросили 17 лет колонии». // Российский бизнес-телеканал (Рен-тв) [официальный сайт]. URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1093800-dlia-ubiitsy-modeli-gretty-vedler-zaprosili-17-let-kolonii> (дата обращения: 14.04.2023).
16. «Уголовное дело завели на таксиста-насильника, напавшего на школьницу» // Российский бизнес-телеканал (Рен-тв) [официальный сайт]. URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1094526-taksista-iznasilovavshego-v-mashine-rebenka-zaderzhali-v-peterburg>. (дата обращения: 14.04.2023).
17. Ушаков Д.Н. Большой толковы словарь русского языка: онлайн версия -<https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12848> (Дата обращения 25.02.2023).
18. Черников О.Ю. Защита доброго имени. Проблема терминологии//Право: теория и практика <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6.html?ysclid=le3wqihh2f378577438> (дата обращения 07.04.2023)
19. Шайкин В.Г. Николай Вавилов. Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 1015 (цит. по НКРЯ).

© Брадецкая Ирина Геннадьевна (irabradetska@bk.ru), Фысина Ульяна Николаевна (unfsina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет правосудия

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА «ОППОЗИЦИОНИРОВАТЬ»

Буслах Мохаммед

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
rapz-van@hotmail.com

WORD-FORMATION STRUCTURE OF THE VERB "OPPOSE"

M. Bouslah

Summary: This article suggests including the verb «oppose» in Russian dictionaries based on the prevalence of the word «opposition» in political texts. This verb describes an action that expresses disagreement with an idea, decision, or political regime. The inclusion of such a verb in dictionaries is justified by the need to use precise and objective terms to express disagreement with the actions of government bodies and other individuals.

Keywords: verbs of counteract, word-formation, oppose, suffix, -irovat, opposition, verb.

Аннотация: Данная статья предлагает зафиксировать глагол «оппозиционировать» в словарях русского языка на основе распространенности слова «оппозиция» в политических текстах. Этот глагол описывает действие, которое выражает несогласие с идеей, решением или политическим режимом. Включение такого глагола в словари обосновано необходимостью использовать точные и объективные термины для выражения несогласия с действиями государственных органов и других лиц.

Ключевые слова: глаголы противодействия, оппозиционировать, словообразования, суффикс, -ировать, оппозиция, глагол.

Слово представляет собой основную единицу языка, используемую для обозначения предметов, явлений, отношений, действий и т.д. Его семантическая значимость определяется совокупностью смысловых значений, которые образуют его схемный состав. Формирование новых слов, на базе существующих является одним из главных источников пополнения словарного состава, однако лексика любого языка, включая русский, пополняется и за счет заимствований из других языков. В русском языке доля заимствованных слов «не более 10%», в то время как остальные слова имеют русское происхождение и были созданы на его почве. Образование слов является непрерывным и динамичным процессом, который продолжается на протяжении всего существования языка. [5, с. 5].

Согласно этимологическим словарям, Крылова Г.А. (Крылов, 2005), Успенского Л.В. (Успенский, 1967), Шанского Н.М. (Шанский, 2000) слово «оппозиция» происходит из латинского слова «*oppositio*», которое является суффиксальным производным от глагола «*opponere*», что означает «противопоставлять». В свою очередь, слово «*opponere*» образовано от префикса «*ob-*» (что значит «против» или «напротив») и глагола «*ponere*» (что означает «класть» или «ставить»). Изначально слово «оппозиция» использовалось в значении «противоположение» или «противостояние», а позже стало употребляться в политическом контексте для обозначения оппозиционных партий или групп, выступающих против правящего режима или политических властей. Слово «оппозиция» было заимствовано в русский язык из французского, где оно также происходит от латинского «*oppositio*». [6, 7, 8].

В гнезде исходного слова «оппозиция» в школьном словаре русского языка, составленном под редакцией А.Н. Тихонова (далее ШССРЯ), были созданы различные производные слова, такие как «оппозиционер», «оппозиционный», «оппозиционно» и «оппозиционность», в соответствии со ступенчатым характером русского словообразования, однако отсутствует глагол как часть речи среди этих слов «оппозиционировать», как указано в схеме 1. Также, глагол «оппозиционировать» отсутствует в лексическом составе толковых словарей: С.А. Кузнецова (Кузнецов, 2000), Д.Н. Ушакова (Ушаков, 2014), С.И. Ожегов (Ожегов, 2010). Кроме того, в процессе нашего исследования мы проводили поиск по данному глаголу и обнаружили, что в области политики и социологии есть исследователи, которые включают глагол «оппозиционировать» в свои работы. Среди таких исследователей можно назвать И.Г. Гоптареву (Гоптарева, 2003), Н.С. Мухаметшину (Мухаметшина, 2004), Д.Г. Когатько (Когатько, 2007) и других. (Схема 1.)

Слово «*opposer*» происходит от латинского глагола «*opponere*», который переводится как «противопоставлять» [4]. В современном французском языке это слово имеет широкое значение и включает 7 (семь) различных значения, представленных в словарной статье известного словаря «*LAROUSSE*». Глагол «*Opposer*» может означать «ставить в противоположность», «сопоставлять», «поместить что-то против чего-то», «поставить что-то в противовес чему-то». Кроме того, это слово может обозначать вовлечение двух человек или групп в конфликт, столкновение двух сторон друг с другом в соревнованиях или дебатах, размещение контрастных вещей рядом для подчеркивания различий, а также препятствование чему-либо в

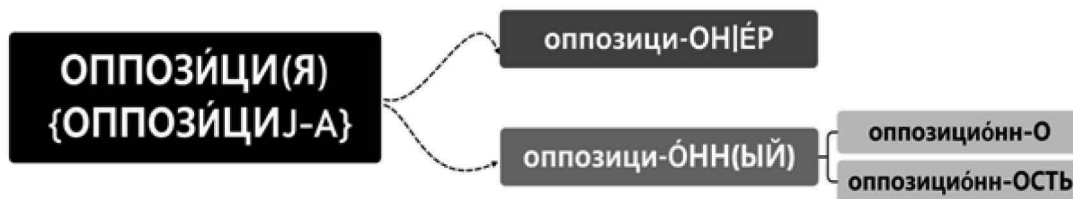

Схема 1. Производные слова от "оппозиция" согласно ШССРЯ

качестве преграды или помехи. Наконец, «opposer» может означать оказание силы сопротивления, противодействие, а также предъявление кому-либо возражений или противоречий. Глагол «opposer» имеет богатую семантику, которая может быть связана с идеей противостояния, конфликта и сопротивления. Он может использоваться для обозначения действий, связанных с противопоставлением одного объекта или идеи другому, таких как сравнение, контрастирование, ставление в противоположность и т.д. Также он может использоваться для обозначения конфликтов, столкновений и дебатов, где две стороны противопоставляются друг другу в борьбе за свою позицию. Кроме того, этот глагол может иметь оттенки сопротивления и противодействия, когда объект или идея сталкиваются с каким-то препятствием или противодействием. В целом, семантика глагола «opposer» отражает идею противостояния, в разных формах и контекстах, где один объект или идея противопоставляются другому, что может проявляться как в физическом, так и в абстрактном плане. Таким образом, слово «opposer» означает действие по противопоставлению или созданию контраста между различными сторонами, вещами, идеями и т.д.

В русском языке глаголы подразделяются на различные классы и группы в зависимости от словообразовательных особенностей, которые влияют на формирование спрягаемых и именных форм глагола. Каждый класс или группа глаголов имеет свою уникальную систему спрягаемых форм, аналогично тому, как у имен существительных в каждом склонении есть своя система падежных окончаний. Классификация глаголов на классы и группы основывается на отношении между основой неопределенной формы и основой настоящего времени. Продуктивные классы глаголов, у которых это отношение присутствует как у новых, так и у старых глаголов, постоянно расширяются за счет создания новых слов путем отглагольного и отыменного новообразования, а также путем включения непродуктивных глаголов в продуктивные классы. Эти классы глаголов подразделяются на четыре класса в зависимости от отношения между основой неопределенной формы и основой настоящего времени. Классы глаголов непродуктивны, если это отношение присутствует только у определенных глаголов и не присуще вновь создаваемым глаголам. Согласно

грамматике русского языка, глаголы могут быть разделены на «четыре класса» в зависимости от их формы. В первый класс входят глаголы с неопределенной формой на -ать или -ять (подкласс А) или -есть (подкласс Б), а также формой третьего лица множественного числа настоящего-будущего времени на -ают или -яют (подкласс А) или -еют (подкласс Б). Некоторые примеры включают глаголы «читать - читают», «гулять - гуляют», «белеть - белеют» и «краснеть - краснеют». Во второй класс входят глаголы с неопределенной формой на -нуть и формой третьего лица множественного числа начнут, которые сохраняют суффикс -ну- и в основе прошедшего времени, такие как «мигнуть - мигнут, мигнул» и «толкнуть - толкнут, толкнул». В третий класс входят глаголы с неопределенной формой на -овать при форме третьего лица множественного числа на -уют, например «зимовать – зимуют» и «публиковать - публикуют». Наконец, в четвертый класс входят глаголы с неопределенной формой на -ить и формой третьего лица множественного числа на -ат или -ят, такие как «говорить - говорят» и «сушить - сушат».

Имена существительные и в некоторой степени качественные имена прилагательные являются главным источником образования глаголов третьего продуктивного класса. Образование глаголов на -овать от других частей речи встречается редко, за исключением звукоподражательных слов, таких как «куковать». Суффикс -ова- (-ева-) используется для образования глаголов от существительных любого склонения, например: пировать, бичевать, кольцевать и др. В некоторых глаголах, таких как «властвовать», «участвовать» и «чествовать», в современном литературном языке используется безударный суффикс -ова-. Кроме того, глаголы третьего продуктивного класса формируются также путем заимствования иноязычных слов на -овать(-евать), -изовать, -ировать, -визировать, например: регистрировать, компрометировать, информировать, контратаковать и др. Некоторые глагольные новообразования на -визировать образованы от русских именных основ, такие как большевик-зировать, военизировать, советизировать, украинизировать, яровизировать и другие. Именным новообразованиям на -изация соответствуют глагольные новообразования на -визировать, например: большевизация, военизация, советизация, яровизация.

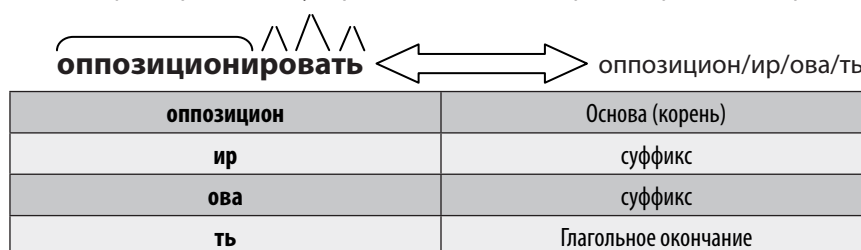
В.В. Виноградов справедливо отмечает, что в глаголах непрерывно происходит усложнение и изменение приемов словообразования и формообразования с использованием префиксов. Однако новые глагольные суффиксы не появляются – единственными вариантами считаются следующие суффиксы «...**-овать, -ировать, -изовать и -изировать**», которые являются продуктом западноевропейского влияния на русский язык. Укрепление и распространение использования суффикса «**-овать**» в заимствованных словах, частично связано «с влиянием польского языка, и относится к концу XVII - началу XVIII веков» [2, с. 52]. Более того, большинство бесприставочных глаголов третьего класса «являются глаголами несовершенного вида» [3, с. 543]. Однако многие иноязычные глаголы третьего класса имеют одну форму для обоих видов, что позволяет использовать параллельные формы будущего времени сложного и простого. Например: «**атакуют**», «**будут атаковать**», «**контратакуют**», «**будут контратаковать**». Итак, опираясь на вышесказанное можно убедиться в том, что от слова «оппозиция» суффиксальным способом «**-ировать**» можно образовать глагол «**о п п о з и ц и о н и р о в а т ь**» и зафиксировать его в словарях современного русского языка. Как глагол иностранного происхождения, заимствован из французского языка и будет выглядеть следующим образом:

«о п п о з и ц и о н и р о в а т ь»: глагол НСВ, СВ от французского языка «**opposition**» оказать сопротивление, противодействие, а также предъявление кому-либо возражений или противоречий, обычно в политике. Например: на митинге выступил лидер оппозиционной партии, где он начал оппозиционировать текущему правительству и его политике. Он критиковал руководство страны за его экономические реформы, нарушение прав человека и свободы слова, а также за отсутствие действий по борьбе с коррупцией. Его выступление получило широкую поддержку среди многих граждан, которые разделяют его взгляды на политику правительства. Спряжение глагола «**о п п о з и ц и о н и р о в а т ь**» будет так: оппозиционирую, оппозиционируешь, оппозиционирует, оппозиционируем, оппозиционируют. Также, можно допустить форму сложного будущего: буду оппозиционировать, будет оппозиционировать...будут оппозиционировать. Разбор глагола «оппозиционировать» по составу будет выглядеть так:

Ударение в глаголе «оппозиционировать», как и в глаголах третьего класса, которые отличаются от других глаголов тем, что имеют фиксированное ударение.

Обычно ударение приходится на гласный суффикс, который находится в неопределенной форме и в формах, производных от основы глагола на слог -ва. В настоящее время и в производных формах от его основы, ударение падает на «у». Однако, в глаголах, оканчивающихся на «-ировать», ударение на слоге «-ва-» встречается редко среди широко употребляемых глаголов, таких как: «группировать», «бомбардировать», «формировать», и другие. Большинство глаголов на «-ировать» имеют ударение на гласном «и», например: «копировать», «бальзамировать», «гарантировать», и др. Следовательно, **ОППОЗИЦИОНИРОВАТЬ**.

Итак, глагол «**оппозиционировать**» можно образовать от слова «оппозиция» суффиксальным способом и можно использовать его в современном обществе и политике. Он обозначает процесс выражения несогласия с определенной идеей, решением или политическим режимом. В связи с этим, возникает необходимость зафиксировать его в словарях. Во-первых, мы считаем, что глагол «оппозиционировать» ключевым элементом в описании действий политических деятелей, оппозиционных движений и гражданского общества. Этот глагол можно его использовать для обозначения различных форм выражения протеста, от участия в демонстрациях до формирования альтернативных политических движений. При отсутствии этого термина в словарных базах, словарях, лексиконах, люди могут неправильно понимать и описывать действия оппозиционных групп и политических лидеров. Во-вторых, использование глагола «оппозиционировать» стало все более распространенным в современном обществе на разных языках. Люди все чаще выражают свои политические взгляды и протестуют против несправедливых действий правительства и коррупции. В этом контексте глагол «оппозиционировать» имеет большое значение, так как он позволяет выразить несогласие с действиями правительства и показать свою поддержку другим оппозиционным группам и деятелям. Использование более точных и объективных терминов, таких как глагол «оппозиционировать», может помочь людям выражать свое несогласие более эффективно и мирно и позволить им точнее выражать свои мысли и взгляды. И таким, образом глагол «оппозиционировать» следует закрепить в списке глаголов социальной деятельности противодействия, а конкретно в подгруппу глаголов «контрапозиционного действия: *сопротивляться, противиться, противодействовать, противоборствовать, противостоять (объединенные общим корнем «против») и др*» [1, с. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслах М. Когнитивный сценарий глаголов противодействия в публицистических текстах. // Известия ВГПУ, № 3 (136): Волгоград, «Перемена». 2019. – с 139-143.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1947, 1972. – 640 с.
3. Грамматика русского языка. Том 1. Фонетика и морфология. М.: Академии наук СССР, 1960. 720 с.
4. Словарь французского языка «Larousse». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>
5. ШСОСРЯ 1996. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. — М.: культура и традиции, 1996. 578 с.
6. ЭСРЯ 2005 – Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/>
7. ЭСРЯ 2000. – Шанского Н.М. Этимологический словарь русского языка. [Текст] / [Электронный ресурс]. — М.: Дрофа, 2004. 399 с. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>
8. ЭСШ – Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/>

© Буслах Мохаммед (rapz-van@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

FIGURATIVE CHARACTERISTICS OF HUMAN PHYSICAL PROPERTIES IN THE GERMAN LANGUAGE

L. Bykova
D. Poberezhnik

Summary: The article is devoted to the study of the specifics of the secondary nomination, which characterizes the physical properties of a person in the German language. The work defines and describes the specifics of using metaphors in the German language that figuratively describe the physical properties of a person, which are one of the main characteristics of a person. The analysis of lexemes recorded in dictionaries reveals the predominance of metaphorical nominations with a negative assessment of a person. Metaphorical transfer in the selected nominations is carried out according to the following thematic groups: animals, mythological characters, literary characters and mechanisms.

Keywords: metaphor, secondary nomination, physical properties, metaphorical transfer, German.

Быкова Людмила Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, БУ ВО
«Сургутский государственный университет»
bykova_lv@surgu.ru

Побережник Дарья Александровна

старший преподаватель, БУ ВО «Сургутский
государственный университет»
poberezhnik_da@surgu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию специфики вторичной номинации, характеризующей физические свойства человека, в немецком языке. В работе определена и описана специфика употребления в немецком языке метафор, образно описывающих физические свойства человека, которые в свою очередь являются одной из ведущих характеристик человека, его внешности. В работе отобраны зафиксированные в крупных словарях лексемы, на основании анализа которых сделаны выводы о преобладании метафорических номинаций с отрицательной оценкой. Метафорический перенос в отобранных номинациях осуществляется по следующим тематическим группам: животные, мифологические герои, литературные персонажи, механизмы.

Ключевые слова: метафора, вторичная номинация, физические свойства, метафорический перенос, немецкий язык.

Отличительной чертой современной лингвистики является ярко выраженный интерес к сопоставительному подходу к изучению языковых фактов. Это вызвано таким явлением, как контактность, возникающая в следствие культурного, социального, мировоззренческого сближения народов разных стран. При этом лингвисты все чаще обращаются к субъективной составляющей языка, в том числе к тому, какую оценку явлениям окружающей действительности дает человек.

Представители разных наук, среди которых и психолингвистика, и социолингвистика проводят исследования оценочного аспекта речи человека, рассматривая его как объективный и субъективный фактор отношения человека к окружающей его действительности.

Отношение говорящего к своему сообщению (в том числе и оценочное) как один из факторов, лежащих вне языка, является одним из предметов изучения лингвистической прагматики.

Такой популярный способ создания образности, как метафоризация, подразумевает использование огромного арсенала как общепотребительных, нейтральных, так и стилистически маркированных слов, чаще всего многозначных. Многозначность слов естественного языка, а также возможность обновления семантики слов,

их оригинального, неожиданного переосмысления обуславливает возможность употребления лексических образных средств, которые зачастую выполняют оценочную функцию.

С точки зрения такого современного подхода к изучению метафоры, как когнитивная лингвистика, метафора является способом познания, структурирования и объяснения окружающего мира. Метафора – не просто средство выражения мысли, но способ мышления, при помощи метафор человек структурирует тот мир, в котором живет. Проведенные исследования показывают, что в процессах человеческого мышления значимую роль играет метафоризация: «Понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют в понятийной системе человека» [5, с. 139].

В рамках междисциплинарных лингвокультурологических и когнитивных исследований одной из самых актуальных выступает проблематика языкового маркирования культурно-значимых смыслов средствами языка. К числу основных средств выражения культурно значимых смыслов, образов, стереотипов относится лексико-фразеологический фонд языка, в составе которого особое место занимает метафора [8, 2].

В качестве объекта исследования в современной лингвистике всё чаще выступают именно характерологические единицы, т.е. такие единицы, которые содержат в своей семантике характеристику человека. При этом характеристику человека понимают как описание характерных, отличительных качеств и черт человека [6].

Ученые, занимающиеся в своих работах исследованием проблемы характеристики человека, ввели термины «внешний человек» и «внутренний человек», которые призваны отражать дихотомию понятия «человек», в соответствии с которой все характеристики человека разделяются на две большие группы. Первую из них составляют характеристики, отражающие внутренний мир человека. К их числу относятся характеристики отличительных черт характера, интеллектуальных способностей, психологического состояния человека [1, с. 12], а также лексемы, характеризующие поведение, поступки, социальное и материальное положение человека [3]. Ко второй группе относятся характеристики, которые касаются «внешнего человека», в первую очередь, характеристики внешности человека, его статуса в обществе и физиологического (физического) состояния [1, с. 12].

Отметим, что для характеристики человека могут быть использованы любые признак любого объекта. При этом характеристики, как правило, содержат оценку, отражающую или эмоциональное отношение к объекту высказывания, или квалификативно-оценочное отношение, в основе которого лежит универсальное свойство человеческой психики – как оценка меры [9, с. 101-102]. По мнению В.Н. Телии, отклонение от количественного или качественного стандарта может вызвать либо положительную, либо отрицательную оценку [10, с. 197]. Как правило, отклонения от стандарта как в сторону превышения, так и уменьшения степени выраженности признака всегда вызывает отрицательную оценку.

Характеризующая антропоцентрическая метафора используется для оценки всех сторон человеческой личности, в том числе внешнего облика, психических свойств человека, особенностей его поведения, положения в социуме и социальных отношений.

Для данной статьи интерес представляют метафоры, характеризующие физические свойства человека. Для того чтобы сравнить и проанализировать антропоцентрические метафоры в немецком языке, мы использовали немецкие словари „Duden Universalwörterbuch“, Gerhard Wahrig „Deutsches Wörterbuch“ и немецко-русский словарь „Das Große Deutsch-Russische Wörterbuch“ под ред. О.И. Москальской.

Внешний облик человека подвергается эстетической оценке, в ее основе, как правило, лежит характеристика с позиции «красивый – некрасивый» [4, с. 222]. При ха-

рактеристике и оценке внешнего вида человека используется только информация, полученная посредством зрительного восприятия, которое считается наиболее значимым в процессе установления контактов между собеседниками, так как человеку свойственно сознательно или подсознательно оценивать другого человека по его внешности [11, с. 9].

Когда речь идет о внешности человека, как правило, имеется в виду совокупность черт человеческого лица и тела, которые формируют зрительное впечатление о другом человеке. К таким параметрам оценки ряд лингвистов причисляет только такие анатомические особенности, как телосложение («толстый / худой»), физическое состояние («сильный / слабый»), рост («высокий / низкий»), то есть физиологические характеристики человека [1, с. 16-18]. Другие исследователи к этим анатомическим, или антропологическими признаками, относят также функциональные (голос, особенности речи, мимика, жесты, манеры, походка, осанка) и социальные признаки (одежда, украшения, косметика) [7, с. 15-16].

Отобранные в немецких толковых словарях 66 метафор, характеризующих физические качества человека, были рассортированы на следующие группы: человек высокого и низкого роста (ein langer Lulatsch – верзила, дылда, каланча, der Floh – блоха, человек низкого роста); худой и толстый человек, пухлый, грузный (das Knochengerüst – скелет, очень худой человек, die Dampfwalze – очень полная женщина); неуклюжий, неповоротливый человек (die Schießbudenfigur – толстая, неповоротливая женщина); немощный, дряхлый человек (das Marterholz – худой, высохший человек); красивая внешность, привлекательный, крепкого телосложения человек (die Torte – куколка, eine schöne Rose – красавица); некрасивая внешность, нелепо некрасиво одетый, нескладный, дряхлый человек (das Schreckgespenst, die Vogelscheuche – пугало, чучело). Число метафор, имеющих отрицательную оценку, значительно превышает количество метафор с положительной оценкой. Позитивно оценивается только внешняя привлекательность, а также некоторые физические качества человека, такие как, например, крепкое телосложение, сила, мужественность. Употребление метафор по отношению к людям с физическими недостатками придает речи выразительность, эмоциональность и экспрессивность. Таким образом, преобладание отрицательной оценки имеет не только языковую, но и психологическую, и социальную природу.

Что же касается лексики, которая подвергается метафоризации, чаще всего получают переносное значение названия животных, например, der Bär (медведь), обычно этим словом называют неуклюжего, неповоротливого человека. «einen Schlag wie ein Bär haben» – «иметь удар как у медведя», употребляется в разговорной речи; зна-

менитые медвежьих способности лесного жителя были подтверждены не только истинно, но и косвенно. Большой ударный молот, используемый в кузнечном деле, приводимый в движение гидроэлектростанцией, также называется «медведь». Поэтому, когда кузнец мог нанести особенно сильный удар, его сравнивали именно с этим механическим молотом.

«Der Hund» (собака) как одно из первых одомашненных животных собака, естественно, приобретает большое значение в поговорках и пословицах. Однако диапазон значений при этом очень широк. С одной стороны, собака является символом верности, бдительности и преданности – «ein feiner Hund» (человек, на которого можно положиться), с другой стороны, она также является символом недостойной жизни и покорности – «ein schlauer Hund!» (хитрая бестия), «vor die Hunde gehen» (разориться, опуститься), «ein schlapper Hund» («мокрая собака», в русском языке «мокрая курица»). Очень распространены нецензурные выражения, такие как «тряпичная собака», «тупая собака», «нахальная собака» и т.д. Помимо этого, компонент hunde- / hunds- усиливает отрицательное значение прилагательных – «hundemager / hundsmager» (тощий; очень худой человек).

Метафора «die Eintagsfliege» (муха-однодневка) описывает слабого болезненного человека, который долго не проживет, или на ладан дышит. Выражение «er ist ein Bulle von Kerl» наоборот означает «он здоров как бык», но иногда это выражение применяют по отношению к неотёсанному, грубому человеку. «Der Rammel» (баран, овен, овцебык) выражает в верхненемецких диалектах особенно пренебрежительное отношение к грубому, неуклюжему, упрямому или грязному мужчине, однако в швабском и алеманнском диалектах это наименование относится к мужиковатой женщине, похожей на мужчину.

Зачастую к названию животного добавляют прилагательное, которое делает выражение более экспрессивным, например, «ein dürrer Hering» (сухой как палка, тощий как селедка) – очень худой человек, «eine bunte Kuh» (пестрая корова) – так называют разряженную, ярко одетую женщину. С помощью выражения «alter Affe» (старая обезьяна) характеризуют глупого или несимпатичного человека, который необязательно должен быть старым. Вообще прилагательное «alt» (старый) очень часто употребляется для переноса отрицательного значения слов, характеризующих пожилых людей, например, «alte Eule» (старая сова) передает пренебрежительное отношение к некрасивой, злобной женщине, «alte Hexe» (старая ведьма) относится также к неприятной, сварливой особе женского пола. А выражение «alte Schachtel» (старая коробка), которое в лексиконе охотников используется для обозначения очень старой лани, в разговорной речи употребляется в качестве уничижительного по отношению к пожилой капризной жен-

щине. «Alte Schraube» (старый болт) или «alte Scharteke» (бульварный роман, макулатура, хлам) также передает пренебрежительное отношение к „извращенной“, изворотливой несимпатичной пожилой женщине. Например, стихотворение П. Шербарта «Прощальная песня» начинается так: «Fahr wohl, du alte Schraube! Mir warst du sehr egal» (Веди себя хорошо, старая карга! Мне было глубоко плевать на тебя).

Помимо этого, было выявлено, что в немецком языке в метафорическом значении могут использоваться библейские, мифологические персонажи, их образы часто связаны с красотой, силой, грацией. «Apoll» (Аполлон, бог Солнца, покровитель искусств), «schön wie Apoll» – прекрасный, как Аполлон, «er ist der reinste Apoll» – он настоящий Аполлон, он прекрасен, как Аполлон. «Ein langer Laban» (дылда), Лаван – библейский персонаж, в разговорной речи этим выражением называют человека, который поразительно высок ростом, происхождение этого оборота речи не выяснено. Библейский Лаван в первой книге Моисея нигде не описывается как особенно высокий. Возможно, однако, что мысль о том, как долго Иакову пришлось работать у Лавана, привела к такому названию. В немецком языке метафора «Goliath» употребляется для характеристики очень высокого человека. Голиаф также библейский персонаж, отличавшийся высоким ростом. Выражение «die Madonna» (Мадонна или богородица) употребляется для характеристики добродетельной и очень красивой женщины. Именем древнегреческого бога «Adonis» (Адонис), называют красавцев мужчин и юношей, Адонис всегда славился своей красотой, его возлюбленной была сама богиня любви Афродита.

Также одним из распространенных метафорических переносов является перенос внешности сказочных и литературных героев, это мы можем увидеть на примере таких номинаций как «wie ein Struwwelpeter aussehen» (грязнуля, неопрятный человек) или «der Däumling, Daumesdick» (Мальчик-с-пальчик, мужичок с ноготок). В первом примере Штруввельпетер – это персонаж детской книги с одноимённым названием, автора Генриха Гофмана-Доннера. В книге мальчик-грязнуля изображается обычно в ярко-красном сюртуке и ядовито-зелёных брючках, с длинными лохматыми волосами и необрезанными ногтями, впоследствии имя этого героя стало нарицательным, на русский язык переведено как «Стёпка-растрёпка». Второй пример – это всем известный персонаж волшебных сказок, который ростом не выше большого пальца на руке, соответственно его именем называют людей маленького роста.

Существует еще одна идиома, характеризующая людей небольшого роста – «drei Käse hoch» (от горшка два вершка), она уже не связана с литературным героем, но это шутовское определение можно было обнаружить еще

в XVIII веке для маленьких детей. Употребляется это выражение в разговорной речи и дословно означает высоту трёх сложенных головок сыра, обычно используется, когда маленький ребенок ведет себя, как «большой». Согласно другому толкованию, идиома происходит от французского слова «caisse» (ящик), которое произносится примерно, как «кесс» или «кез», и поэтому было переведено на немецкий как «сыр». Таким образом, изначально подразумевалось «три ящика в высоту». Нами было замечено, что сравнение внешности человека с продуктами питания – не редкость в немецком языке, так, например, «die Torte» (торт) называют красивую девушку или женщину, «die Blunze» (кровяная колбаса) наоборот толстую неповоротливую, «der Fladen» (лепёшка) – толстого, расплывшегося человека, «die Eier» (яйца) похожих как две капли воды людей. Еще одним ярким примером являются выражения «Dampfnudel» (лапша на пару) и «Hefekloß» или «Hefeklößchen» (клецки, пельмени), названия этих мучных блюд из дрожжевого теста используются по отношению к толстым людям, особенно к пышногрудым, толстым девушкам, существует поговорка «aufgehen wie eine Dampfnudel» - «подниматься как паровая лапша», т.е. очень быстро становиться полным, толстым.

Иногда ассоциации переносятся не на человека целиком, а только на какую-то часть его тела, так, причёску сравнивают с ежом («den Igelkopf haben – «ёжик»), цвет волос – с лисой («der Fuchs» (рыжий), растительность под нижней губой, которая спускается до подбородка или ниже – с козлиной бородкой («mit Bockbart»), морщинки у уголков глаз – с вороньими лапками («mit Krähenfüßen»), худые ноги – со спичками («mit Storchbeinen»), нос – с картошкой («die Kartoffelnase») и т.д.

В отдельную группу можно выделить выражения, в которых в основе переноса значения лежит сравнение человека с каким-либо механизмом или предметом.

Например, для описания полного, толстого человека в немецком языке используется сравнение с бомбой («die Bombe») или с дорожным паровым катком («die Dampfwalze»), с машиной («Das ist aber eine Maschine! – «Ну и толста же она!»), с бочкой («die Tonne»).

Встречаются и такие обороты, этимологию которых достаточно сложно объяснить, например, «ein langer Lulatsch» – верзила, дылда, каланча, долговязый малый. Существительное «der Lulatsch» в немецкоязычных странах обозначает довольно высокого сутулого (с плохой осанкой) человека. Хотя первая часть этого слова этимологически необъяснима, «der Latsch» (изношенный / стоптанный ботинок) в XIX веке использовался для обозначения неуклюжего, неуклюжего парня с небрежной походкой.

В результате анализа материала было выявлено, что в немецком языке для проявления словесной агрессии человек использует выражения, оскорбляющие достоинство другого человека, и именно поэтому он прибегает к сравнениям из животного мира или к словам из запретных областей, таких как религия. Также метафорическому преобразованию подвергаются герои литературных произведений. мифологические персонажи, механизмы.

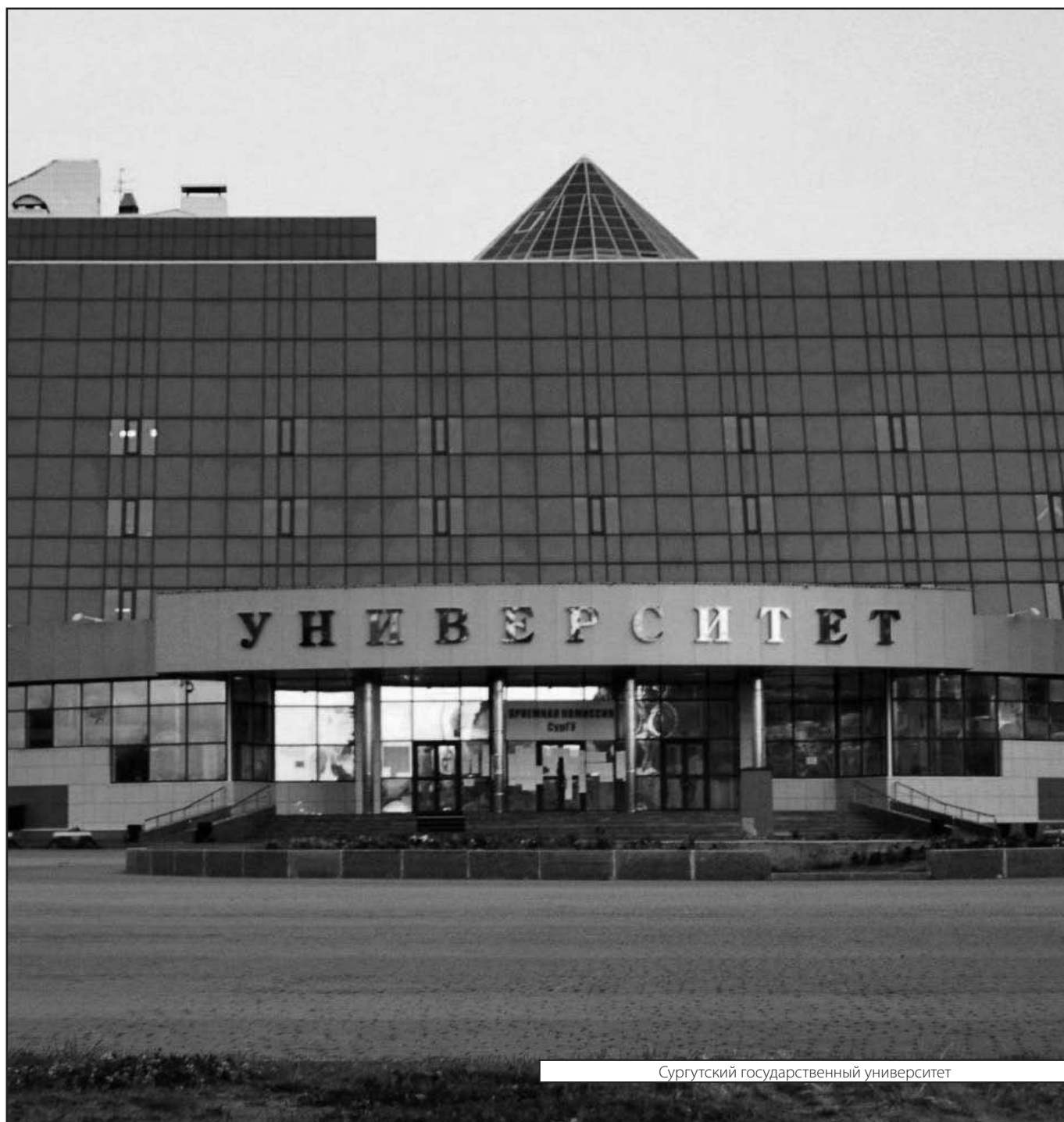
Проведённое исследование антропоцентрической метафоры на материале немецкого языка доказало важность и необходимость метафоры для языка в целом. Метафорическому переосмыслению подвергается значительная часть лексики, анализ образных характеристик физических свойств человека немецкого языка показал, что преобладают метафоры с отрицательной оценкой, по-видимому, это связано с тем, что человеку свойственно больше отмечать и порицать недостатки другого, нежели восхвалять достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гергокова Ж.Х. Фразеологическая концептуализация понятия «человек» (на материале карачаево-балкарского, английского и русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук / Ж.Х. Гергокова. – Нальчик, 2004. – 18 с.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. – № 4. – С. 17–33.
3. Идрисова Н.П. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Идрисова. – Махачкала, 2007. – 147 с.
4. Коняхина О.В. Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Коняхина. – Тамбов, 2005. – 250 с.
5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 3-е изд., стер. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
7. Робертус М. М. Характеристика лица в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / М.М. Робертус. – М., 2005. – 210 с.
8. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
9. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993. – 245 с.
10. Телия В.Н. Вторичные наименования и её виды // Языковая номинация. Виды наименований / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, В.Н.Телия и др. – М., 1977. – с. 129–222.

11. Хуа Л. Положительная эстетическая оценка в русском языке (красота с позиции носителя китайского языка и культуры): автореф. дис. . . . канд. филол. наук / Л. Хуа. – М., 2006. – 20 с.
12. Das Große Deutsch-Russische Wörterbuch (in drei Bänden) / Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др. Под общ. рук. О.И. Москальской. – ООО Русский язык – Медиа, 2003. – 688 с.
13. Das große Schimpfwörterbuch - Vito von Eichborn GmbH & Co. Verlag KG, Frankfurt am Main, 1996. – 564 S.
14. Deutsches Universalwörterbuch – 5., überarbeitete Auflage. – Mannheim: Dudenverlag, 2003. – 1892 S.
15. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, Gütersloh / München, 1991. – 1493 S.

© Быкова Людмила Владимировна (bykova_lv@surgu.ru), Побережник Дарья Александровна (poberezhnik_da@surgu.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный университет

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА 'НАЗВАНИЕ БОЛЕЗНЕЙ' В ТЕКСТАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНЫХ ПИСЕМ)

Ван Тяньсюе

Аспирант, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова
oksana.09231213@gmail.com

THEMATIC GROUP 'NAME OF DISEASES' IN THE TEXTS OF F.M. DOSTOEVSKY (ON THE MATERIAL OF PERSONAL LETTERS)

Wang Tianxue

Summary: The article examines different interpretations of the concept "thematic group", with the emphasis on the fact that any grouping of lexical units on the basis of the invariant meaning is a manifestation of the lexical system and, accordingly, has the properties of the system – substance, integrity and structure. The linguistic picture of the world, including the individual author's one, is understood as a set of interconnected semantic fields, which, in their turn, consist of thematic and lexical-semantic groups. The concept 'disease' takes one of the central places in the thesaurus of F.M. Dostoevsky, thus the words included in the thematic group 'disease name' have a high relative frequency of use and functional significance in the writer's texts, including epistolary ones. Explanatory, encyclopedic and special, medical dictionaries, as well as the resources of Dostoevsky's Idioglossary are used as the material for the study.

Keywords: linguistic picture of the world, semantic field, thematic group, the name of the disease, Dostoevsky, epistolary genre.

Аннотация: В статье рассматриваются различные трактовки понятия «тематическая группа», при этом опора делается на то, что любая группировка лексических единиц на основе инварианта значения представляет собой проявление системности лексики и, соответственно, обладает свойствами системы – субстанцией, целостностью и структурой. Языковая картина мира, в том числе и индивидуально-авторская, понимается как совокупность связанных между собой семантических полей, которые, в свою очередь, состоят из тематических и лексико-семантических групп. Концепт 'болезнь' занимает одно из центральных мест в тезаурусе Ф.М. Достоевского, таким образом и слова, входящие в тематическую группу 'название болезни' обладают высокой относительной частотой употребления и функциональной значимостью в текстах писателя, в том числе и эпистолярных. В качестве материала для исследования используются толковые, энциклопедические и специальные, медицинские, словари, а также ресурсы «Идиоглоссария Достоевского».

Ключевые слова: языковая картина мира, семантическое поле, тематическая группа, название болезни, Достоевский, эпистолярный жанр.

Прежде всего дадим общую характеристику основного используемого в настоящем исследовании лингвистического понятия – «тематическая группа» (далее – ТГ). В исследованиях ТГ существуют разные подходы к ее определению, обобщаемые нами в следующих перспективах. С одной стороны, такие ученые, как, например, И.В. Кременецкая [1, с. 96], Л.М. Васильев [2, с. 110], Д.Б. Тотрова [3] и другие полагают, что ТГ включает в себя слова, объединенные общей темой, принадлежность этих слов к одной части речи в таком случае не обязательна. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой отмечается, что ТГ – это группа слов, «включающая: 1) слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности; 2) слова других частей речи, необходимые для раскрытия той или иной темы» [4, с. 435]. Со своей стороны, Е.Б. Штукарева [5, с. 92] и Э.В. Кузнецова указывают на то, что в ТГ входят слова одной части речи: «класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий, интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [6, с. 7]. Называя от-

ношения элементов ТГ «системными связями слов» [7, с. 13], Т.И. Вендина и Д.Н. Шмелев считают, соответственно, их наличие возможным [8, с. 202].

Ключевым вопросом является тип отношений, связывающих между собой единицы ТГ. И.В. Арнольд, Ф.П. Филин и некоторые другие полагают, что между членами ТГ вообще отсутствует семантическая связь.

Иной подход состоит в том, что отношения между элементами ТГ непременно являются семантическими, смысловыми. В словаре О.С. Ахмановой ТГ трактуется как «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному семантическому содержанию, то есть по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [4, с. 118]. И.В. Кременецкая дает определение ТГ, которому мы будем следовать в статье: «Слова могут объединяться в одной тематической группе при наличии: 1) связи между предметами, обозначенными словами; 2) отношений между этими словами, типа род-вид, часть-целое; 3) соотносимых контекстов» [1, с. 92]. Нами, таким образом, выделяются следующие свойства ТГ: 1) лексические единицы, включающиеся в ТГ, должны быть словами одной части речи; 2) эти единицы облада-

ют конкретным предметным значением; 3) они связаны между собой гипонимо-гиперонимическими, или родовыми, отношениями.

Исследование тематической группы 'болезнь' мы проводим на материале личных писем Ф.М. Достоевского, в творчестве которого данная тема занимает едва ли не ключевое место. Косвенным доказательством этого служит большое число лексических единиц, связанных с названиями болезней, их различными симптомами, состоянием персонажей во время протекания болезни, состоянием самого автора и т.д. Надо сказать, что Достоевский с особым вниманием относился к своему основному недугу – эпилепсии, фиксируя в записных книжках ощущения до и после припадка, длительность припадка и др. Согласно данным «Статистического словаря языка Достоевского» [11], слово *болезнь* в общей сложности в текстах Достоевского встречается 657 раз: наибольшая частота употребления – 398 раз – приходится на художественную прозу, в письмах слово упоминается 191 раз, в публицистике – 68 раз; слово *болен* встречается 405 раз во всех текстах писателя, *болеть* – *заболеть* – 213 раз. Если же учитывать относительную частоту лексем, связанных с болезнью (т. е. частоту по отношению к общему объему текстов того или иного жанра), то она существенно выше в личных письмах Достоевского. Из названий болезней чаще всего употребляются: *лихорадка* – 153 раза, *горячка* – 116 раз, *падучая* – 85 раз, *падучая болезнь* – 43 раза (причем слово *падучая* наиболее часто встречается в письмах Достоевского – 41 раз), *чахотка* – 47 раз.

Высокая частота употребления лексических единиц, связанных по значению с болезнью, в текстах Достоевского вполне объяснима, если учитывать факты биографии писателя [12]: мать и первая жена Достоевского умерли от чахотки, старший брат скончался от разлива желчи, первая дочь умерла от воспаления легких, любимый сын скончался от эпилепсии, сам писатель страдал эпилепсией с 22-х лет и др.

Для определения состава ТГ 'название болезней' использовался метод сплошной выборки соответствующих медицинских терминов в личных письмах Достоевского в разные периоды жизни писателя. Выявлены основные названия болезней (к которым для полноты картины мы условно относим *насморк* и *мигрень*), в общей сложности – двадцать один термин.

Ниже в таблице 1 приведена частотность употребления названий болезней в соответствии с их распределением по периодам жизни Достоевского.

Следует отметить, что не все названия заболеваний XIX века встречаются в текстах Достоевского, например, *дифтерия*, *малярия*, *сифилис*, *туберкулез* и некоторые другие отсутствуют. *Подагра* и *проказа* встречаются

только в текстах художественной прозы и публицистики, но отсутствуют в письмах.

Чтобы показать взаимосвязь ТГ 'название болезней' с другими семантическими полями, был проведен анализ употребления составляющих ТГ слов, их гипотаксис и паратаксис. Кроме того, выявлялись текстовые ассоциативные связи названий болезней, что в дальнейшем позволит реконструировать соответствующее текстовое семантическое поле.

Апоплексия

В толковании этого термина в медицинских словарях XIX века и современных медицинских словарях нет расхождений, апоплексия трактуется как 'паралитическое состояние, простирающееся от мозга на другие части тела, с нарушением отправления чувств и движения, но с непостоянным повреждением растительных отправления' [13, т. 1. с. 373]. Название болезни *апоплексия* в письмах Достоевского встречается только один раз – в письме к И.Л. Янышеву: «...я следующую неделю уже не могу взяться за перо, иначе, через два-три припадка – апоплексия» [14, т. 28, кн. 2, с. 156]. В этом контексте существует *апоплексия* ассоциативно связана со словом *припадок* (симптом, проявлением данной болезни).

Слово *удар*, используемое писателем в качестве названия заболеваний, является синонимом термина *апоплексия*, оно встречается в письмах 4 раза, чаще всего с прилагательным *апоплексический* [14, т. 28, кн. 2, с. 318, т. 29, кн. 1, с. 233]. Кроме того, два раза в предикативных сочетаниях: *удар будет* и *удар может быть* [14, т. 29, кн. 1, с. 233, 290, кн. 2, с. 107].

Белая горячка

Название этой болезни в личных письмах Достоевского встречается два раза. В энциклопедиях XIX века оно интерпретируется по-разному. С одной стороны, симптомы белой горячки объясняются как 'бред с галлюцинациями, бессонницей и дрожанием, при отсутствии лихорадки' [15, т. 3, с. 1]. С другой стороны, в «Справочном энциклопедическом словаре» данный термин рассматривается как синоним слова *горячка* – 'обнаруживается обыкновенно сильным жаром во всем теле, сопряженным с изнеможением, потерей аппетита, сильной жаждой, сухостью во рту, ускоренным биением пульса и запором на низ' [12, т. 3. с. 464]. В современных словарях русского языка значение *белой горячки* обычно связывается с алкоголем – 'острый алкогольный психоз' [16] или 'изменения в организме, развивающиеся под влиянием употребления алкоголя' [17].

Для выявления значения данного медицинского термина в текстах личных писем Ф.М. Достоевского следует

Таблица 1.

Частота употребления названий болезней в личных письмах Ф.М. Достоевского в разные периоды его жизни

	1832–1859	1860–1868	1869–1874	1875–1877	1878–1881	всего
апоплексия	-	1	-	-	-	1
белая горячка	-	-	-	-	2	2
геморрой	4	2	1	2	3	12
горячка	3	-	-	1	2	6
дизентерия	-	-	1	-	-	1
жаба	-	-	-	2	-	2
золотуха	1	-	5	-	1	7
ипохондрия	3	-	1	2	-	6
каменная болезнь	1	-	-	-	-	1
лихорадка	6	7	19	5	2	39
мигрень	1	-	-	-	1	2
насморк	2	-	2	6	1	11
падучая	13	18	12	12	11	66
простуда	1	-	4	5	1	11
ревматизм	1	2	1	-	2	6
скарлатина	-	-	1	6	-	7
тиф	-	-	1	4	1	6
удар (инсульт)	-	2	2	2	-	6
холера	2	7	-	-	-	9
чахотка	3	4	1	-	-	8
чума	-	-	1	1	-	2
эпилепсия	3	-	-	-	-	3

обратиться не только к языковому контексту его употребления, но и к внеязыковой ситуации. Писатель отправляет в редакцию «Русского вестника» письмо Н.А. Любимову: «Они [врачи] утверждают, что не только подобные кошмары, но и галлюцинации перед **‘белой горячкой’** возможны. Мой герой, конечно, видит и галлюцинации, но смешивает их с своими кошмарами»; **«Белая горячка** поражает моего героя исступленным припадком именно в минуту, когда он дает показание в суде (это уже в двенадцатой будущей книге)» [14, т. 30, кн. 1, с. 205]. Приведенные контексты – изложение мыслей писателя относительно образа И. Карамазова в заключительной части романа «Братья Карамазовы». В связи с наличием такого симптома, как галлюцинация, первое толкование термина *белая горячка* представляется более убедительным. Подчинительная связь – **перед белой горячкой** возможны галлюцинации [14, т. 30, кн. 1, с. 205] – позволяет сделать вывод о временной взаимосвязи болезни (*белая горячка*) и симптома (*галлюцинации, ночные кошмары, припадки*).

Горячка

В качестве ‘устаревшего и просторечного именован-

ия болезни’ [18, с. 137] слово *горячка* как название заболевания является низкочастотным в современном русском языке, например, его дефиниция отсутствует в «Большой медицинской энциклопедии» [17]. В письмах Достоевского *горячка* встречается 6 раз в значении ‘болезнь, сопровождаемая высокой температурой, жаром; лихорадка’ [19]. Словосочетания, встречающиеся в письмах, показывают, что слово *горячка* в текстах Ф.М. Достоевского является названием болезни: *заболевание горячкой* [14, т. 29, кн. 2, с. 54]; *быть в горячке* [14, т. 28, кн. 1, с. 230]. Интересен контекст употребления данного слова в письме, отправленном из Петербурга в начале мая 1845 старшему брату писателя, М.М. Достоевскому: «У нас погода страшная. Разверзлись хляби небесные, и провидение послало на Северную Пальмиру по несколько 1000-ч насморков, кашлей, чахоток, лихорадок, горячек и т. п. даров. Иже согрешихом!» [14, т. 28, кн. 1, с. 110]. Здесь можно отметить развернутую метафору: *небо за прегрешения наказывает людей болезнями*; гиперболу (преувеличенное количество болезней); фразеологизм библейского происхождения; инверсию; употребление архаизмов (союз причины и аорист); ненормативное употребление форм множественного числа в названии

болезней. Сочинительные связи выражены в следующих микро-контекстах: *Быть в горячке, в лихорадке* [14, т. 28, кн. 1, с. 230]; *заболевание горячкой или какой бы то ни было болезнью* [14, т. 29, кн. 2, с. 54] и позволяют определить текстовую лексическую парадигму как оппозицию ТГ 'название болезни' и наименование симптома. К ТГ 'название болезней' относятся слова *насморк, чахотка, лихорадка, горячка*, в то время как *кашель* представляет собой симптом, а не название болезни, лихорадка же может восприниматься, как и то и другое.

Лихорадка

Как синоним *горячки* это слово является одним из самых частотных названий болезней в личных письмах Ф.М. Достоевского, оно встречается 39 раз. В энциклопедиях XIX века нет различия в трактовке данного термина: 'болезнь, в которой обнаруживаются преимущественно усиленная деятельность кровеносной системы и ускорение жизненного процесса с умноженной теплотой тела' [13, т. 7, с. 255]. Тем не менее, в Словаре В.И. Даля мы находим расхождение между трактовками *лихорадки* и *горячки*: *лихорадка* имеет более короткий период излечения и менее тяжелые симптомы, а *горячка* протекает длительнее и тяжелее [20, т. 1, с. 440]. На наш взгляд, последнее толкование находит полное подтверждение в текстах Ф.М. Достоевского, поскольку в словосочетаниях со словом *лихорадка* писатель употребляет слова, указывающие как на легкое, краткосрочное протекание болезни (*маленькая, мимолетная* [14, т. 28, кн. 1, с. 141; т. 29, кн. 1, с. 345]), так и на продолжительное, тяжелое (*двухмесячная изнурительная, ужасная*, [14, т. 28, кн. 2, с. 55; т. 29, кн. 1, с. 288]).

Кроме того, существительное *лихорадка* сочетается также с прилагательными, определяющими характер заболевания: *нервическая, перемежающаяся, внутренняя, простудная* [14, т. 28, кн. 1, с. 118, 125, 140; т. 29, кн. 1, с. 58, 347].

В сочетании с глаголами существительное *лихорадка* используется в двух значениях. В прямом значении: *встать в лихорадке; начать с лихорадки, спросить о лихорадке* [14, т. 29, кн. 1, с. 288; 345]; *не найти лихорадки; захворать лихорадкой; лежать в лихорадке* [14, т. 29, кн. 2, с. 39; 76; 176]; *быть в лихорадке* [14, т. 29, кн. 1, с. 58, 302; т. 30, с. 209]; одно употребление является метафорическим: *привязалась лихорадка* [14, т. 29, кн. 2, с. 125].

Переносное значение слова *лихорадка* ('возбужденное состояние, суетливо-беспокойная деятельность, излишняя поспешность' [21]) зафиксировано в глагольных сочетаниях *провести в лихорадке; раздражаться до лихорадки* [14, т. 28, кн. 2, с. 140; 208]; *это занимает меня до лихорадки* [14, т. 29, кн. 1, с. 81]. При этом образуются устойчивые сочетания: *(жить / быть) как в лихорадке* [14, т. 29, кн. 1, с. 203].

В письмах Ф.М. Достоевский уверяет: *лихорадка* «в одном отношении даже облегчает меня; никакой у меня нет лихорадки» [14, т. 29, кн. 1, с. 285; 345 – А.Г. Достоевской]; признается в том, что *лихорадка* «изнурила ее» [первую жену писателя]; «сжигает меня» [14, т. 28, кн. 2, с. 34; 140 – письмо А.Е. Врангелю]; сообщает: «засел дома больной в лихорадке... и принимаю хинин [лекарство]»; «у Ани [вторая жена писателя] лихорадка (третий день сегодня)» [14, т. 28, кн. 2, с. 174; 268 – письмо сестре Вере].

Кроме названия болезни, *лихорадка* указывать и на симптом других заболеваний. Например, в письме к И.С. Тургеневу из Висбадена Достоевский сообщает: «Да к тому же я простудился, вероятно еще в вагоне, и с самого Берлина чувствую себя каждый день в лихорадке» [14, т. 28, кн. 2, с. 129]. Здесь лихорадка – симптом простуды. Из контекста письма Ф.М. Достоевского другу, барону А.Е. Врангелю, сложно определить, какое слово является названием болезни, а какое – симптомом: «здоровье стало хуже; падучей нет, а сжигает меня какая-то внутренняя лихорадка, озноб, жар каждую ночь, и я хуюеу ужасно. Должно быть, простудился» [14, т. 28, кн. 2, с. 140]. Лексемы *озноб, жар* могут выражать симптомы лихорадки, но они же, включая и лихорадку, могут быть симптомами другой болезни – *простуды*. В других примерах эпистолярного жанра такая симптоматика характерна для *горячки*. Простуда, лихорадка и горячка в качестве болезней сопровождаются также другими симптомами: *кашель, расстройство желудка, тяжесть в ногах, голова болит* и др.

В письмах встречается и такое сочетание, как *иссох от лихорадок и дизентерии* [14, т. 29, кн. 1, с. 352]. Слово *дизентерия* тоже входит в ТГ 'названия болезней', оно употреблено в письмах только один раз и имеет значение, связанное с 'острым общим заразным с преимущественным поражением кишечника' заболеванием [19].

В письмах можно найти и другие сочинительные сочетания со словом *лихорадка*, которые указывают на болезнь или на симптом заболевания: *я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической* [14, т. 28, кн. 1, с. 118]; *простудиться с лихорадкой и с кашлем* [14, т. 28, кн. 2, с. 125]; *простудился ли, или лихорадка от расстройства нервов; голова тяжела и почти лихорадка; ощущать лихорадку или тяжесть в ногах, боль в голове* [14, т. 29, кн. 1, с. 58; 317; 345]; *простудилась, кашель и лихорадка* [14, т. 30, с. 139]. Такие слова и сочетания, как *нервы, кашель, тяжесть в ногах, боль в голове, голова тяжела, расстройство желудка, озноб, жар* не включаются в ТГ 'названия болезней' (большинство из них являются симптомами), в то же время лексемы *горячка, дизентерия, насморк, чахотка* входят в ТГ.

Выявление текстовых ассоциаций позволяет дать объективное лингвистическое описание названия бо-

лезни и открывает дополнительные возможности для понимания текстов Ф.М. Достоевского. Приведем текстовые ассоциации к слову *лихорадка*, при этом будем руководствоваться следующими правилами: 1) к текстовым ассоциациям относятся только слова, встречающиеся в конкретном контексте (т.е. в личных письмах); 2) к текстовым ассоциациям относятся слова, связанные синтаксическими отношениями, а также те, которые такими отношениями не связаны, но тем не менее встречаются в том же относительно узком контексте.

«Здоровье мое ужасно расстроено; я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я беспутен» [14, т. 28, кн. 1, с. 118]. Здесь основной ассоциат – *нервы (болен нервами)*. Слово *жар* представляет собой ассоциат *лихорадки* в следующих контекстах: «Решил, что **лихорадка** мимолетная, как это и есть в моей натуре. Но ровно в 7 часов пополудни меня опять ударило в **жар**, ночью хоть не бредил, но потел точно так же, как и в первую ночь» [14, т. 29, кн. 1, с. 345]; «**Лихорадка** моя прошла на другой же день <...> и я уже больше не потею совсем, хотя **жара** ужасная; Из того, что прошло лихорадочное состояние без малейшего приема лекарств, и заключаю, что **лихорадка** была не простудная, а просто действие вод» [14, т. 29, кн. 1, с. 347]. В данном случае сочетание *действие вод* представляет собой контекстуальный антоним слова *лихорадка*. В итоге мы можем определить состав его ассоциативного окружения: *беспутный, болеть, быть, внутренний, горячка, двухмесячный, действие вод, у кого есть, жар, захворать, изнурительный, какая-то, кашель, маленький, мимолетный, мой, насморк, нервический, нет, облегчение, озноб, ощущать, перемежающийся, провести, простудный, простудиться, привязаться, раздражаться, тяжесть, чахотка, чувствовать себя*.

Геморрой

Геморрой – ‘болезнь, обнаруживающаяся истечением крови или гноя из заднего прохода’ [13, т. 3, с. 387]. Значение названия этой болезни в русском языке осталось неизменным. Слово употребляется в письмах Ф.М. Достоевского в общей сложности 12 раз в следующих сочетаниях: с существительными: *расстройство геморрой, степень геморроя*; с глаголами в качестве объекта: *лечиться от геморроя, от геморроя произошло малокровие мозговое, хворать геморроем*; с глаголами в качестве субъекта: *геморрой бросился на мочевого пузырь, влияет на нервы, закрылся; замучил меня; идет; ожесточился; прекратился; разыгрывается; расстраивает*. Паратакисис этого слова следующие: *геморрой да расстройство нервов; расстройство желудка и геморрой* [14, т. 28, кн. 1, с. 160]. Несмотря на то, что сочетание *расстройство желудка* не является членом ТГ ‘название болезней’, оно входит в семантическое поле ‘болезнь’.

Жаба

В современном русском языке слово *жаба* как название болезни обычно употребляется в сочетании с прилагательным *грудная* – это ‘форма ишемической болезни сердца, характеризующаяся приступом’ [16]. Слово *жаба* у Ф.М. Достоевского встречается только два раз: *злочастивенная жаба* [14, т. 29, кн. 2, с. 68], *нездоровый жабой* [14, т. 29, кн. 2, с. 68].

Золотуха

Слово *золотуха* описывается в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона как ‘чрезвычайно распространенное страдание’ [21, т. 12, с. 660], главными симптомами этого заболевания являются ‘общее истощение, сыпь на теле и т. п.’ [19]. Слово употребляется в следующих сочетаниях: *действовать против золотухи, лечить от золотухи, страдать золотухой* [14, т. 29, кн. 1, с. 235, 239; т. 30, с. 34]; *у меня золотуха; золотуха проходит* [14, т. 28, кн. 1, с. 163; т. 29, кн. 1, с. 238]. Глаголы *страдать, лечить, проходить* указывают на то, что золотуха относится к болезням. В письмах данный термин употребляется также в следующих случаях: «я отправляюсь [на каторгу] нездоровый, у меня **золотуха**» [14, т. 28, кн. 1, с. 163]; «воды действуют против **золотухи**; у Феди никакой нет **золотухи**; Машенька с признаками **золотухи**» [14, т. 29, кн. 1, с. 235; 239; 255]. Сочетание *страдать золотухой* встречается в контексте «Один ученик, Александров, страдает **золотухой**, болью в ноге и проч.» [14, т. 30, с. 34]. В данном случае *боль в ноге* входит в ассоциативное окружение слова *золотуха*. Сочетание *золотуха проходит* встречается у писателя в письмах А.Г. Достоевской. У детей сыпь проявляется как симптом и указывает на *золотуху*: «Здесь, когда начинают купать детей в соленых ваннах, то через две недели начинает появляться сыпь, а месяца через три проходит (то есть проходит золотуха)» [14, т. 29, кн. 1, с. 238]. В последнем примере слово *сыпь* также ассоциативно связано с *золотухой*.

Ипохондрия

Ипохондрия представляет собой ‘хроническую болезнь’ [13, т. 6, ч. 1, с. 153], которая в современных словарях русского языка рассматривается как психическое заболевание [19], а в энциклопедиях XIX века главными признаками этой болезни являлись ‘тупая головная боль, желудочные спазмы, колика, одышка, трудное дыхание, кружение головы’ [13, т. 6, ч. 1, с. 153]. Основные контексты употребления слова *ипохондрия* следующие: «...я свое за собой оставляю и уж от капризов и **ипохондри** моей избавиться не могу...»; «...сейчас начинаю тосковать мучительно, с **ипохондрией**, иногда почти беспредметно» [14, т. 29, кн. 2, с. 99; 101]. Очевидно, что Ф.М. Достоевский употребляет это слово для выражения каких-то сильных чувств, поэтому данную лексему можно рассматривать как

название психического заболевания. *Ипохондрия* в письмах употребляется в следующих сочетаниях: **ипохондриа моя** [14, т. 28, кн. 1, с. 160; т. 29, кн. 2, с. 99], **сильнейшая** [14, т. 29, кн. 1, с. 132], **власть в ипохондрию, болеть ипохондрией** [14, т. 28, кн. 1, с. 224, 296], **быть в ипохондрии** [14, т. 29, кн. 1, с. 132], **тосковать с ипохондрией** [14, т. 29, кн. 2, с. 101]. Сочинительные связи слово ипохондрия выражены сочетанием **избавиться от капризов и ипохондрии** [14, т. 29, кн. 2, с. 99]. В последнем примере *каприз* не представляет собой член ТГ 'название болезней', скорее всего ипохондрия вызвана «капризами» петербургской погоды.

Каменная болезнь

Сочетание *каменная болезнь* зафиксировано в словарях XIX века, обычно эта болезнь вызывалась камнями в области мочевого пузыря [15, т. 8, с. 194; 11, т. 6, ч. 1, с. 452]. Такое название болезни употребляется в письмах Ф.М. Достоевского только один раз: **умереть от каменной болезни** [14, т. 28, кн. 1, с. 202].

Мигрень

'Половинная головная боль' [21, т. 19, с. 234] – главный симптом *мигрени*. Встречаясь в текстах личных писем два раза, слово употреблено в таких предположно-падежных сочетаниях, как **кроме мигрени;** (*быть*) **в мигрени** [14, т. 28, кн. 1, с. 153; 48]. Сочинительные связи этого слова: **ничего не надумал, кроме мигрени и расстройства нервов** [14, т. 28, кн. 1, с. 153]. *Расстройство нервов* к названиям болезней не относится, но является их близким ассоциатом.

Насморк

Насморк определяется как болезнь, симптомы которой характеризуются 'усиленным выделением слизи и нарушением проходимости носа' [17]. Подчинительные связи этого слова в письмах Ф.М. Достоевского следующие: **насморк** – *вещь самая обыкновенная, сильный насморк* [14, т. 29, кн. 1, с. 70, 319]; **был страшнейший насморк, насморк продолжается; беспокоиться моим насморком, умирать от насморка** [14, т. 29, кн. 2, с. 35; 36; 37]; **неимоверный, сильнейший** [14, т. 30, с. 35, 73]. Сочинительные связи: **простудился совсем, кашель, насморк и все это у меня в самой сильной степени** [14, т. 28, кн. 1, с. 124]; **умирать от простуды, от насморка; простуда – насморк и кашель** [14, т. 29, кн. 2, с. 37; 46]; **почувствовать себя не совсем здоровым, насморк, туманность и боль головы.** [14, т. 30, с. 73]. Слова, принадлежащие к ТГ: *простуда, чахотка, лихорадка, горячка*; слова, не относящиеся к ТГ, но входящие в семантическое поле 'болезнь': *туманность, боль головы, кашель.*

Падучая

Писатель сам страдал от этой болезни, поэтому не

случайно, что ее название в письмах используется в общей сложности очень часто – 66 раз. Падучая болезнь в первый раз была употребляется в письме Ф.М. Достоевского старшему брату из Семипалатинска в феврале 1854 года: «От расстройства нервов у меня случилась **падучая**, но, впрочем, бывает редко» [14, т. 28, кн. 1, с. 174]. В мае 1858 года писатель объясняет, где появилось его заболевание, а также сообщает о своих дальнейших планах редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову: «Так как у меня в Омском остроге родилась **падучая болезнь**, продолжающаяся до сих пор усиленно и которую я выношу очень плохо, то я и просил позволения жить в Москве, для пользования советами московских докторов» [14, т. 28, кн. 1, с. 308].

В настоящее время лексема *падучая* относится к числу устаревших, ее вытеснило слово *эпилепсия*. Проанализируем их как синонимы: оба заболевания являются неврологическими расстройствами с судорожными симптомами, и разница между ними объясняется в энциклопедии XIX века: *падучая* – это 'видоизменение эпилепсии' [13, т. 9, с. 137], но более часто повторяющаяся, чем эпилепсия. В современных словарях значения этих двух слов полностью совпадают: 'Падучая болезнь, эпилепсия' [20].

Рассмотрим сочетания со словом *падучая* в текстах личных писем Ф.М. Достоевского. *Падучая* может субстантивироваться и, переходя в разряд существительных, сочетается с такими прилагательными, причастиями и местоимениями, как *настоящая; моя* [14, т. 28, кн. 1, с. 275; кн. 2, с. 96, 156, 183, 321]; *расстроенная, приобретенная (в Сибири)* [14, т. 30, с. 9, 37]; может выступать в функции определения к существительному в терминологическом сочетании: **падучая болезнь** [14, т. 28, кн. 1, с. 308, 342, 343]. В сочетании с другими существительными **падучая** выступает как субстантив: **припадок падучей, отставка по падучей** [14, т. 28, кн. 1, с. 303, 317]; **специалист по падучей, совет о падучей, облегчение падучей** [14, т. 28, кн. 2, с. 34, 37, 183]. В сочетании с глаголами *падучая* употребляется в качестве объекта: **болеть падучею; страдать падучей** [14, т. 28, кн. 1, с. 282, 343; 318]; **делать с падучей** [14, т. 29, кн. 1, с. 195]; **вынести с падучей, довести падучую** [14, т. 28, кн. 2, с. 321, 156]; **страдать падучею** [14, т. 30, с. 19]. Лексема *падучая*, перешедшая в разряд существительных, может выступать в качестве субъекта в глагольных сочетаниях: **падучая случилась; родилась; отняла времени, отняла расположение духа, усилилась** [14, т. 28, кн. 1, с. 171; 308; 318; кн. 2, с. 183], **уменьшилась; поутихла; отбила память и воображенья; оставит меня в покое; будет** [14, т. 29, кн. 1, с. 58; 228; 331; 358; кн. 2, с. 34]. *Падучая* может сочетаться с другими частями речи: с наречиями – **впереди падучая** [14, т. 28, кн. 2, с. 96], в том числе с наречиями в сравнительной степени – **падучая чаще** (во Флоренции, чем в Милане) [14, т. 29, кн. 1, с. 10]; с предлогами, в том числе производными – **для падучей** [14, т. 28, кн.

2, с. 278], вследствие **падучей** [14, т. 29, кн. 2, с. 80, 177]. Сочинительные связи этого слова следующие: *и падучая и другие нервные припадки, зубная боль сверх того* [14, т. 28, кн. 2, с. 318]; *нездоровый с падучей и катаром* [14, т. 30, кн. 1, с. 220]. *Нервный припадок и катар* не являются членами ТГ 'названия болезней', это симптомы падучей. Ярким контекстным ассоциатом *падучей* является *припадок*: «Я, например, уже писал тебе о моей **болезни**. Странные **припадки**, похожие на **падучую** и, однако ж, не падучая. Когда-нибудь напишу о ней подробнее» [14, т. 28, кн. 1, с. 180 – письмо М.М. Достоевскому].

Другие примеры употребления слова *падучая*, указывающие на то, что оно относится к названиям болезней: «Я теперь болен довольно опасною **болезнью – падучею**; Просился я в отставку **по болезни (падучей)**; Не говорю уже о том, сколько **болезнь (падучая)** отняла у меня времени, а главное, расположение духа» [14, т. 28, кн. 1, с. 282; 317; 318]; «В году я выпросил себе вспоможение за границу **по болезни**. (Иначе что бы я стал делать с тогдашнею моею **падучею**, да еще в петербургском климате)» [14, т. 29, кн. 1, с. 195]; «Сначала, по приезде, страшно беспокоила **падучая**; казалось, она хотела навестать мои три месяца за границей, когда ее не было» [14, т. 28, кн. 2, с. 150].

Падучая у Ф.М. Достоевского часто связывается с *нервными припадками*: «Еще, может быть, и неверно, что у меня настоящая **падучая**. Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто **нервные припадки**, которые могут пройти с переменою образа жизни» [14, т. 28, кн. 1, с. 275] и другими ее проявлениями (*несвежесть головы, разбитость всех членов, не в своем уме*): «...если в письме моем большая безурядица, третьего дня со мной был припадок падучей, и теперь я буквально не в своем уме. Не свежа голова и все члены разбиты» [14, т. 28, кн. 1, с. 303]. Тесные ассоциативные связи *падучей* с *нервами* наблюдаются также в следующем контексте: «Оказалось, что горячий, знойный и сухой воздух флорентийский был решительно целебен моему здоровью, главное нервам. Даже **падучая** уменьшилась и именно в самый жар» [14, т. 29, кн. 1, с. 58].

Таким образом, можно определить состав ассоциативного окружения слова *падучая*: *болеть, болезнь, быть, вследствие, вынести, горловая спазма, делать, довести, здоровье, катар, оставить меня в покое, отбить память и воображение, поутихнуть, похожий, припадок, приобретенная, мой, настоящий, нерв, нервный, нервный припадок, несчастье, отставка, расстроенный, случиться, смерть, совет, специалист, страдать, уменьшиться, усилиться*.

Эпилепсия

В письме своему другу, барону А.Е. Врангелю,

Ф.М. Достоевский впервые в ноябре 1856 года называет медицинским термином болезнь, от которой он страдает, *эпилепсией*. Писатель готов узнать у докторов, что у него «за припадки, которые все еще повторяются и от которых каждый раз тупеет моя память и все мои способности и от которых боюсь впоследствии сойти с ума» [14, т. 28, кн. 1, с. 255]. В марте 1857 года Ф.М. Достоевский в письме к А.Е. Врангелю сообщает: «Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня **настоящая эпилепсия**, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка» [14, т. 28, кн. 1, с. 270]. Одновременно с письмом А.Е. Врангелю писатель отправляет сообщение М.М. Достоевскому, в котором сообщает старшему брату более личные подробности: «Тут меня посетило несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок **эпилепсии**, перепугавший до смерти жену [М.Д. Исаеву], а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая падучая и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» [14, т. 28, кн. 1, с. 275].

Подчинительные связи слова эпилепсия следующие: *эпилепсия настоящая* [14, т. 28, кн. 1, с. 270]; *припадок эпилепсии* [14, т. 28, кн. 1, с. 275]; *что за болезнь (эпилепсия)* [14, т. 28, кн. 1, с. 243]. В данном контексте у таких слов, как *несчастье, припадок, эпилепсия, смерть, горловая спазма* есть несомненная смысловая связь с лексемой *падучая*.

Термин *эпилепсия* встречается в письмах Ф.М. Достоевского в общей сложности три раза, все употребления – до 1858 года, после чего писатель использует слово *падучая* или сочетание *настоящая падучая*. По всей видимости, Ф.М. Достоевский всё-таки различал эти заболевания, по крайней мере по отношению к своему состоянию.

Простуда

Слово употребляется в письмах 11 раз в значении 'общее название острых респираторных заболеваний, возникающих, как правило, после охлаждения' [16]. ЕГО Подчинительные связи выражены следующими сочетаниями: *простуда беглая* [14, т. 29, кн. 2, с. 55]; *бесперывная* [14, т. 29, кн. 2, с. 46]; *легкая* [14, т. 29, кн. 2, с. 46]; *малейшая* [14, т. 29, кн. 2, с. 37]. Сочетания, которые четко показывают, что простуда – это название болезни, такие: *припадок от простуды* [14, т. 29, кн. 1, с. 345]; *болеть простудой* [14, т. 29, кн. 1, с. 259; 14, т. 30, кн. 1, с. 142]; *заболеть простудой* [14, т. 29, кн. 2, с. 77]; *заболеть от простуды* [14, т. 28, кн. 1,

с. 50]; *умирать от простуды* [14, т. 29, кн. 2, с. 37]. Данный факт отражен и в паратаксисе: *Она была больна простудой и острым (то есть временным) катаром легких* [14, т. 30, кн. 1, с. 142]. В словаре XIX века *катар* описывается как болезнь, которая проявляется такими признаками: 'жар и боль в зеве, трудное глотание, более приметны по прижатию языка' [13, т. 6, ч. 2, с. 603] и др. В современных словарях слово *катар* является синонимом *насморка* [20]. *Катар легких*, по нашему мнению, корректнее объяснить как 'жар или боль в легких', поэтому данное сочетание является не только членом ТГ, но и входит в ассоциативное окружение слова *простуда*.

Ревматизм

Толкования этого слова словарями XIX века и современными совпадают – 'рвущая боль' [15, т. 17, с. 157] мышечных групп, причиной которой служит погода.

Подчинительные связи слова *ревматизм* следующие: *ревматизм в ногах; болеть ревматизмами, согреть от ревматизма* [14, т. 28, кн. 1, с. 171; кн. 2, с. 10, 19]. В паратаксическом сочетании *у меня ревматизм, ноет рука* [14, т. 30, кн. 1, с. 25] *ноет рука* воспринимается как симптом болезни. Сочетание *ехать от ревматизма* встречается в эллиптическом контексте: «доктор едет в Висбаден от ревматизма» [14, т. 30 с. 82].

Скарлатина

Между толкованиями данного термина в энциклопедиях XIX века и в современных словарях различий нет. В качестве острой заразной болезни скарлатина поражает преимущественно детей и молодых людей, ее симптомы характеризуются 'повышением температуры тела, ангиной и кожной сыпью' [19]. Все заболевающие скарлатиной в письмах Ф.М. Достоевского являются детьми, ср.: *дети в скарлатине* [14, т. 29, кн. 1, с. 223]; *заболели дети скарлатиной, шутить со скарлатиной, Федя выдерживает трудную скарлатину; за ребенка я не беспокоюсь: скарлатина была из очень легких; дети лежат в скарлатине* [14, т. 29, кн. 2, с. 68; 70; 72]. Последние два контекста встречаются в письмах 1875 года и 1876 года, когда сыну Достоевского, Федору, было 4 года.

Тиф

Тиф рассматривается как 'нервная горячка с характером заразительности' [13, т. 10, с. 291]. В письмах Ф.М. Достоевского *тиф* употребляется в таких сочетаниях: *скарлатина с тифом, болеть тифом, Болен Федя скарлатиной с тифом, лежать в тифе, писать про тиф, тиф действует*.

Холера

Данное слово встречается в 9 случаях. Расхождений

между его толкованием в энциклопедиях XIX века и в современных словарях не наблюдается: 'острое заразное заболевание человека, сопровождающееся рвотой, поносом, судорогами, падением температуры тела' [19].

Подчинительные связи слова *холера* выражены глагольными сочетаниями: *с кем будет холера; начиналась холера; пожалует холера; пахоть из холеры* [14, т. 28, кн. 1, с. 154; кн. 2, с. 223; 152; 165], а также обстоятельствами, указывающими на место возникновения холеры: *в Петербурге холера; в Берлине холера* [14, т. 28, кн. 2, с. 163, 199]. Сочетание *вынести холеру* встречается в письме И.Л. Янышеву, когда Ф.М. Достоевский пытался получить деньги от «Русского вестника»: «это меня так мучает, что я решился бы лучше холеру вынести» [14, т. 28, кн. 2, с. 143]. В сочетании *выписать Пашу из холеры* [14, т. 28, кн. 2, с. 165] слово *выписать* означает 'исключить что-нибудь из какого-то списка' [19], т. е. лечить от холеры в Паше.

Сочинительные связи слова *холера* зафиксированы только в одном контексте, который связан с состоянием скуки, одолевающей жену старшего брата Ф.М. Достоевского: «Как здоровье Эмилии Федоровны? <...> второе лето ей приходится так нестерпимо скучать! Прошлый год холера и другие причины, а нынешний уж бог знает что!» [14, т. 28, кн. 1, с. 159]. Очевидно, что сочетание *другие причины* не входит в ТГ 'названия болезней'.

Чахотка

Чахотка представляет собой устарелое название болезни, характеризующейся истощением, вызванным изъязвлением органов в легких, 'соединенное с лихорадкой и частым кашлем' [13, т. 12, с. 106]. В XIX веке люди часто умирали от чахотки, и этот факт также отражен в текстах Ф.М. Достоевского в сочетаниях *умирать от чахотки, чахотка оставила, умирать в чахотке, быть больной в чахотке, смерть от чахотки* [14, т. 28, кн. 2, с. 32, 33, 96, 97, 116]. Сочетание *исчезнуть от чахотки* встречается в письме Ф.М. Достоевского матери: «Жалко Алену Фроловну, она так страдает, бедная, скоро вся исчезнет от чахотки, которая к ней пристала» [14, т. 28, кн. 1, с. 32]. Здесь слово *вся* указывает на скоротечный характер болезни, от которой в большинстве случаев умирают. Уточним, что и сама М.Ф. Достоевская скончалась от чахотки (туберкулеза) в 1837 году, а в 1864 году от той же болезни умирает первая жена писателя М.Д. Достоевская (Исаева). Симптомы чахотки – сильный кашель, на последней стадии болезни часто с кровавыми выделениями, и лихорадка.

Чума

Являясь 'острой заразной болезнью крови' [15, т. 20, с. 236], эта болезнь 'обнаруживается внезапно сильным расслаблением, продолжительным ознобом и жгучим

жаром, жилобиением, то твердым, то малым и неровным, ужасной тоской неутолимой жаждой, искривлением лица и обмороками» [13, т. 12, с. 198]. Сочетание *говорить об чуме* было отмечено в письме Ф.М. Достоевского к С.А. Ивановой. Вспоминая, что люди говорили о нем как о чуме, автор использует метафору и сравнивает себя с чумой. см. «в *Москве (у тетки) обо мне говорили как об чуме*» [14, т. 29, кн. 1, с. 131]. В сравнительном обороте *тиф действует как зараза, вроде чумы* [14, т. 29, кн. 2, с. 11] *тиф* входит в ассоциативное окружение слова *чума*.

Перспективы исследования мы видим в возможности реконструкции других ТГ, связанных с ТГ 'название болезней'. При этом есть возможность выделения таких подгрупп, как «Признаки физического недомогания», «Признаки психического недомогания», «Средства для

лечения и лекарственные препараты». Например, признаки психического недомогания – *страдание, раздражительность, мнительность, подозрение всех болезней у себя, тоска, отчаяние, искажение обыкновенных фактов, подозрительность*; признаки физического недомогания обозначены словами или словосочетаниями *сыпь* (вариант: *нечистота лица*), *иссохнуть, глаза сухие, щеки впали, голова болит, дурнота, тошнота, рвота, приливы крови, воспаление в сердце, сердцебиение, аппетит небольшой, сон малый, горло захватывает*.

ТГ 'названия болезней' пересекается с другими ТГ, входящими в тезаурус Ф.М. Достоевского, – 'боль', 'смерть', 'страдание' и др., связи между которыми очевидным образом обнаруживаются не только в личных письмах, но и в произведениях художественной прозы и в публицистических текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кременецкая И.В. Тематическая группа как парадигматическое объединение слов *Lingua Mobilis*. 2009. № 3. С. 94–98.
2. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
3. Тотрова Д.Б. О понятиях «лексико-тематическая группа» и «лексико-семантическая группа», 2007 [Электронный ресурс] URL: <http://pandia.ru/text/78/050/80147.php> (дата обращения: 18.08.2016)
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство советской энциклопедии, 1969. – 608 с.
5. Штукарева Е.Б. О соотношении терминов лексико-семантическое поле – лексико-семантическая группа – тематическая группа в лингвистической литературе // Вопросы филологических наук. 2009. № 4. С. 90–93.
6. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка М., 1989. – 216 с.
7. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
8. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2015. – 333 с.
9. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959. – 295 с.
10. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковецки исследования в честь на акад. Стефан Младенов. София, 1957. С. 523–538.
11. Шайкевич А.Я., Андрищенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 880 с.
12. Агеева З.М. Федор Достоевский. Болезнь и творчество М.: Алгоритм, 2016. – 120 с.
13. Старчевский А. Справочный энциклопедический словарь: в 12 т. Санкт-Петербург: издание КН. Крайя, 1847–1855.
14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1973; Т. 28–30.
15. Эйленбург А. Реальная энциклопедия медицинских наук: Мед.-хирург. слов: в 23 т. Санкт-Петербург: В.С. Эттингер, 1891–1901.
16. Большой медицинский словарь 2000-г // <https://slovariki.org/bolsoj-medicinskij-slovar>
17. Большая медицинская энциклопедия гл. ред. Н.А. Семашко: в 35 т. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1928–1970.
18. Мирзоева В.М., Толкачева Н.Н. Концептосфера 'болезнь' в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Тверского гос. ун-та. 2016. № 1. С. 135–140.
19. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
20. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва, 1994.
21. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907.

© Ван Тяньсюе (oksana.09231213@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ШӘҤРИ КАЗАН»)

DEVELOPMENT PROCESS OF THE NATIONAL PRESS IN THE 90S OF THE XX CENTURY (BY THE MATERIAL OF THE NEWSPAPER "SHAḤRI KAZAN")

R. Galieva
R. Zayni

Summary: In the article, the authors presented the results of studying the process of formation and development of the Tatar national newspaper "Shahri Kazan" ("City of Kazan"). The founder of this publication is Tatmedia JSC in the Republic of Tatarstan. The article reveals the features of the positioning of the newspaper, its ideological and political orientation at the initial stage of development.

The newspaper "Shahri Kazan" became one of the first Tatar publications that appeared during the period of perestroika. The democratic edition quickly won the trust of readers. At the very beginning, the newspaper was only a city publication. Now it has become a popular republican socio-political newspaper.

Keywords: tatar journalism, newspaper, readers, city edition, newspaper "Shahri Kazan", history of newspapers, XX century.

Галиева Расима Муллаяновна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
федеральный университет
grasima@yandex.ru

Зайни Резеда Локмановна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
федеральный университет
zaini@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен процесс становления и развития татарской национальной газеты «Шәһри Казан» («Город Казань»), учредителем которой в настоящее время является АО «Татмедиа» в Республике Татарстан. Выявлены особенности позиционирования газеты, ее идейно-политическая направленность на начальном этапе развития.

Газета «Шәһри Казан» стала одним из первых татарских изданий, появившихся в период перестройки. Демократично настроенное издание, сумевшее без страха говорить с народом, быстро завоевало доверие читателей. В настоящее время газета является не только городским изданием, как это было задумано в самом начале, но и республиканской общественно-политической газетой, читателей которой становится все больше.

Ключевые слова: татарская журналистика, газета, читатели, городское издание, газета «Шәһри Казан», история газет, XX век.

Введение

СМИ в современном мире являются инструментом информирования общества. В то же время они принимают участие в формировании общественного сознания и являются полноценным участником в системе социального управления. СМИ в России, а если конкретнее, СМИ на татарском языке в отдельно взятом субъекте – Республике Татарстан, являются инструментом выражения интересов представителей национального общества. Деятельность татароязычных СМИ играет определенную роль в общественно-политической жизни республики, потому что те публикации, которые адресованы аудитории, определяют ее отношение к происходящим в обществе событиям. В системе национальных СМИ сформировались различные печатные и электронные медиа: некоторые газеты и журналы имеют столетнюю историю (от начала XX века и до наших дней); другие стали актуальными после 1990-х годов. Так или иначе, все они внесли свою лепту в развитие татарского общества, формирование у жителей республики национальной самоидентичности и самосознания.

Актуальность исследуемой проблемы

Важность изучения процесса становления и развития

татарской журналистики на примерах отдельно взятых СМИ и возможность эффективного использования результатов в деятельности современных СМИ составляет актуальность данного исследования.

Материал и методы исследования

Процесс становления и развития национальной журналистики Республики Татарстан в разное время был рассмотрен и изучен в работах нескольких десятков ученых. Современное состояние татарской периодической печати становилось в центре внимания в работах Р.М. Галиевой [1, 7, 14], В.З.Гарифуллина [2, 3, 4, 5, 14], А.Н. Гильмановой [6], А.А.Гусейновой [7, 8], Р.Л. Зайни [3, 7, [10, 14], А.З. Мубаракзяновой [11, 14], Л.Р. Сабировой [5, 12] и др.

Новизна данной работы заключается в систематизации знаний о сфере взаимодействия СМИ с национальной аудиторией, в частности, определены особенности работы газеты «Шәһри Казан» с о своими читателями. Предметом исследования выступают публикации на национальные темы и взаимодействие издания с аудиторией. Исходя из этого, определена цель работы – определение формы взаимодействия СМИ с аудиторией.

В качестве эмпирической базы мы выбрали публикации в газете «Шәһри Казан» за 1990-1995 гг. Наш выбор обусловлен несколькими критериями: газета имеет богатую историю; как национальное издание, имеет опыт в реализации контента в период сложных общественных и исторических ситуаций, и самое важное - на сегодняшний день является одним из конкурентно-способных изданий на медиарынке татароязычных изданий в Республике Татарстан.

Использовались такие общенаучные методы исследования, как комплексный анализ, синтез, наблюдение.

Результаты исследования и их обсуждение

Газета «Шәһри Казан» (в переводе на русский - «Город Казань») - одно из демократично настроенных изданий, появившееся в период перемен в 1990 году. По-настоящему народное, нашедшее нужный вариант бесстрашного дискурса, который быстро завоевал доверие читателей, издание отличалось от других партийных изданий стремлением говорить о независимости республики, свободой мысли, что еще больше укрепляло влияние издания.

17 августа 1990 года вышел в свет первый сигнальный номер газеты. Как город, достигший количества одного миллиона жителей, он с 1979 года имел русскоязычное городское издание «Вечерняя Казань». Долгое время татароязычные жители столицы автономной республики ждали появления городской газеты на татарском языке. К сожалению, этой мечте удалось сбыться только в 1990 году, на фоне общественных изменений и после принятия Закона СССР «О печати и других средств массовой информации» (1990 г.).

Периодическое издание «Шәһри Казан» стало официальным рупором администрации города Казани. С 10 октября 1990 года становится ежедневным изданием, оно начинает публиковаться фактически в одно и то же время с принятием Декларации о независимости Республики Татарстан (30 августа 1990 г.). Несмотря на то, что издание являлось органом власти и городской газетой, с первых дней газета «говорила устами нации» и в основном освещала национальные вопросы. После первой подписной кампании тираж издания составил 50 000 экземпляров, что является свидетельством популярности национального вопроса.

Как пишет Н.В. Жилиякова о развитии городских газет в 90-ые годы XX века, «новые СМИ, стремившиеся к независимости и коммерческой выгоде, нередко использовали накопленные при советской власти ресурсы, в том числе административные. Власти же, дезориентированные в эпоху перемен, поддерживали СМИ, преследуя собственные цели» [9, с.61].

К такому же мнению мы пришли после изучения казанской газеты «Шәһри Казан». Городскую газету напутствовали многие государственные деятели: сигнальный экземпляр газеты «Шәһри Казан» вышел с поздравлениями тогдашнего председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина, председателя Верховного Совета ТАССР, первого секретаря обкома КПСС Минтимера Шаймиева, председателя исполкома казанского городского совета Камиля Исхакова.

В этом же номере (Шәһри Казан. 1990. 17 авг.) опубликована программная статья первого главного редактора газеты Халима Гайнуллина «Пишем для летописи». В этой работе уточняется миссия газеты: «Невозможно двигаться вперед, не думая и не приучаясь к демократии. В этом смысле смелые, последовательно проводящие народное мнение страницы самостоятельной прессы – отличная дискуссионная площадка. Если мы говорим, что люди должны быть осведомлены обо всем, чтобы в нашем обществе не осталось ничего тайного, то к этому надо стремиться».

Темы и повестку дня газет определяет время и общественно-политические формации: так было и на страницах городской газеты «Шәһри Казан» в 90-х годах XX века, где помимо вопросов политики, экономики, большое место было отведено публикациям, связанным с историей народа, вопросами самоопределения нации, а также татарской литературой и искусством. Действительно, с первого номера газеты появляются такие рубрики, как: «Мы имеем след в истории», «Одна гордость горит во мне», «Будь верен истине».

Редактор Х.Гайнуллин в программной статье пишет: «Для кого же выходит наша газета? Для всех, кто жаждет улучшить свою жизнь, кто верит в наше общество! Не только в Татарстане, но и во всех регионах нашей огромной страны! Среди них могут быть как пожилые ветераны, пролившие кровь за достижения человечества, прошедшие сталинские концлагеря, прошедшие ужасы войны за независимость Родины, так и девушки, и юноши, с уверенностью смотрящие в будущее» (Шәһри Казан. 1990. 17 авг.).

Несмотря на смену главных редакторов, журналистов-корреспондентов, газета оставалась верной избранной позиции, отождествляя ее с народной мыслью. В этом секрет успеха и долгой жизни: за эти тридцать три года в «Шәһри Казан» работали более 700 сотрудников, среди которых знаменитые, известные в республике и за ее пределами татарские писатели и поэты – Мударрис Агямов, Мушараф Галиев, Ахат Гаффар, Равиль Валеев, Вакиф Нуриев, Гусман Саде, Агзам Файзрахманов, Тагир Нурмухаметов, Чулпан Ахметова, Марат Закиров, Рамис Аймет, Магсум Гараев, Назиба Сафина, Наиль Ганиев, Амир Камалов, Шамиль Ракипов, Ильсияр Иксанова, Венера Ихсанова и др..

В связи с 30-летним юбилеем газеты «Шәһри Казан» Агзам Файзрахманов, долгие годы проработавший заместителем главного редактора газеты начиная с первых дней ее существования, опубликовал ряд публицистических статей: «Шәриле хатирә – Воспоминания о газете» (*Шәһри Казан. 2020. 28 гыйнв.*) «Ул көннәр хәтердән уелмый – Эти дни никогда не забудутся» (*Шәһри Казан. 2020. 11 февр.*), «Сагынам сезне, хезмәттәшләр – Грущу по вам, коллеги» (*Шәһри Казан. 2020. 3 март*). В публикациях подробно анализируется каждая историческая деталь, собраны газетные заметки журналистов и писателей, работавших в разные годы в разных отделах. Таким образом, через три десятилетия в газете «Шәһри Казан» велись рубрики, связанные с историей газеты, в которые включались воспоминания журналистов, повествующих о событиях из жизни газеты, рассказы.

Вопрос о том, является ли «Шәһри Казан» до сих пор лишь городским изданием или уже превратилась в газету, распространяющуюся по всей республике, остается открытым. Об этом задумывается и учредитель газеты – крупнейший медиахолдинг Республики Татарстан АО «Татмедиа». В последнее время от генерального директора Ш.М. Садыкова поступило много деловых предложений по развитию газеты, ее распространению и сближению с читателями. Если считать, что это газета для города Казани, где проживает большое количество татар, то она должна доходить до татарских семей, проживающих в столице. Для этого необходимо было пересмотреть концепцию таких производственных процессов, как подписка и распространение. Также редакцией газеты изучаются проблемы розничной торговли газетами, работы с киосками, установки современных автоматов в газетных киосках, вопросы продажи газет в больницах, магазинах.

Одновременно важно удовлетворить потребности наших читателей, проживающих в сельских районах. Конечно, важно действовать, зная, что думает и чего хочет аудитория, живущая в разных уголках республики. Выбранные темы статей, работа с вопросами и обращениями читателей повышают конкретность, адресность и актуальность публикаций в ежедневной прессе.

Газета «Шәһри Казан» сформировала свою аудиторию в интернет-пространстве, нашла своих читателей через социальные сети. Сегодня на страницах социальных сетей «ВКонтакте», «Инстаграм» (запрещенная социальная сеть в России), «Одноклассники», «Фейсбук» (запрещенная социальная сеть в России) и на собственном сайте газеты

насчитывается более 100 тысяч подписчиков. Эти цифры говорят о том, что каждую площадку ведут ответственные, неравнодушные люди, которые долгое время вели каналы издания в видеохостинге YouTube, мессенджере Телеграмм и мобильном приложении Тик-ток. В связи с предъявляемыми требованиями к современной газете, «Шәһри Казан» было важно сохранить свой облик, чтобы удержать аудиторию в интернет-пространстве, лидировать по читаемости и посещаемости интернет-площадок.

Кроме того, редакция создает газету под названием «Мы вместе», которая распространяется по разным регионам России, где проживают татары. Эта газета выпускается один раз в месяц с дополнительными страницами внутри региональных татарских газет. В этой газете широко освещаются те же темы, которые были важными в 90-ые годы XX века и были актуализированы в третьем десятилетии XXI веек. Это темы национальности, национального самосознания, проблем, связанных с реализацией родного языка.

Выводы

В этой научной статье мы также хотели уточнить, сохраняются ли в газете «Шәһри Казан» демократические взгляды. С 1990 по 1995 год развернулась широкая работа по развитию демократического мышления. Эта деятельность велась одинаково на всех полосах газеты, чем выгодно отличала издание от других газет. Для изданий, которые только поддерживали партийное слово и проводили партийную политику на протяжении долгих лет, был неожиданным выпуск газеты нового формата; читатели ощутили это как новое дыхание.

Важно, что газета на протяжении многих лет пыталась сохранить это уважение, не публиковала официальные материалы, не бралась за навязанные темы, ставила на первое место удовлетворение потребностей читателей.

Говоря об истории курской городской газеты Д.В. Силакова пишет, что «именно курс на сбалансированность местной хроники, объективность оценок, развитие диалога с аудиторией» позволит городскому изданию удерживать внимание читательской аудитории и оставаться качественным изданием» [13, с.34], что является истиной для любой региональной газеты.

В татарской национальной журналистике такие издания, как «Шәһри Казан», ценны в социальном, общечеловеческом, научном отношении за вклад в развитие национальной прессы, где они сыграли важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиева Р.М. Специфика использования новых форматов в работе газеты «Шәһри Казан» / «Шәһри Казан» газетасында яңа форматларны куллану үзгәртелгә // Агзамовские чтения – 2022. Сборник материалов и научных статей Международной научно-практической конференции (Казань, 18

- февраля 2022 г.) / науч. ред. В.З. Гарифуллин, Р.Л. Зайни; отв. ред. Р.М.Галиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2022. – 322 с.
2. Гарифуллин В.З. Национальные СМИ Татарстана в условиях глобализации информационного пространства // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 17-18 мая 2018 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 227-229.
 3. Гарифуллин В.З., Зайни Р.Л. Концептуальные основы исследования истории татарской журналистики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – Том 155, Книга 6. – С.125-135.
 4. Garifullin Vasil Zagitovich, Sadrutdinov Rail Ravilovich. Digital development of the region: issues and solutions // Turismo: Estudos & Práticas (UERN), Mossoró/RN, Caderno Suplementar 02, 2019 - p.1-7.
 5. Garifullin V.Z, Sabirova L.R, Khamadeeva K.S. Functioning of tatar journalism in a digital environment [Funcionamiento del periodismo tartaro en un entorno digital] // Opcion. - 2018. - Vol.34, Is.86. - P.48-59.
 6. Гильманова А.Н. Отражение темы культуры на страницах мусульманских СМИ // Медиатолерантность - 2021. материалы III Региональной (Поволжской) научно-практической конференции. – Казань: ЧУВО «Российский исламский институт», 2021. – С. 167-173.
 7. Guseinova Aigul A., Zayni Rezeda L., Galieva Rasima M. Typological features of the children's magazine in the tatar language // Turismo-estudos e praticas. – 2019. – Vol.2 // <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/269>
 8. Гусейнова А.А. Особенности языковых средств в журналистских материалах журнала «Сюембикэ» («Сююмбике») // Казанская наука. – 2018. – №12. – С. 24-26.
 9. Жилиякова Н.В. Новейшая история томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // Век информации. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 58-67.
 10. Зайни Р.Л. Некоторые тенденции развития газетно-журнальной периодики (на примере татароязычных изданий Республики Татарстан) // Мультимедийная журналистика Евразии - 2016: национальные медиареальности Востока и Запада: материалы X Международной практической конференции (Казань, 8-9 декабря 2016 г.) / науч. ред. проф. Е.С. Дорошук. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С.88-95.
 11. Мубаракзянова А.З. Актуальность татароязычных медиа на современных медиаплатформах // Медиа в меняющемся мире: проблемы изучения и преподавания. Сборник материалов международной научно-практической конференции кафедры журналистики. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 141-147.
 12. Сабирова Л.Р. Тенденции развития современного медиaprостранства // Проблемы развития татароязычного информационного пространства: исторический опыт и вызовы современности. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию газеты «Ватаным Татарстан» (21 мая 2018. Казань) / Гарифуллин В.З., Зайни Р.Л., Василова А.Ш.; сост. Галиева Р.М. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2019. – С. 88-97.
 13. Силакова Д.В. «В постоянном взаимном сближении и взаимном отталкивании»: история курской газеты «Городские известия» // Провинциальные научные записки. – 2022. – № 2 (16). – С. 27-34.
 14. Vasil Zagitovich Garifullin, Rezeda Lokmanovna Zayni, Aliya Zagirovna Mubarakzyanova, Rasima Mullayanovna Galieva. Using Traditional Media Opportunities Network Media Resources (On The Example Of Activity The State Television And Radio Company «Tatarstan») // Res militaris. Vol.12, n 2, pp. 2180-2187.

© Галиева Расима Муллаяновна (grasima@yandex.ru), Зайни Резеда Локмановна (zaini@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПРОЗЕ Ф. КРЮКОВА

Гао Хань

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
578382104@qq.com

THE CONCEPT OF LIFE AND DEATH IN F. KRYUKOV'S PROSE

Gao Han

Summary: This article examines the literary heritage of F. Kryukov and the concept of life and death in his prose. The significance of his stories and stories is difficult to assess only within the framework of the theme of the family and village way of life of the Don Cossacks. The Cossack mentality with its constants, corrections, paradoxes is a constant subject of depiction in Kryukov's prose, but the universals of human existence are focused in it. The content of his works goes far beyond ethnic prose. Plots, characters, landscapes, Cossack customs, dialogues, lyrical inserts are artistic tools through which the writer expressed his understanding of the meanings of life and death. At the same time, unlike the philosophers popular among the Russian creative intelligentsia of the 1900–1910s, he was not attracted by ideological abstractions, he turned to the recognizable and everyday specifics of an ordinary person.

Keywords: F. Kryukov, Don Cossacks, the concept of life and death, mentality.

Аннотация: В данной статье рассматривается литературное наследие Ф. Крюкова и концепция жизни и смерти в его прозе. Значимость его рассказов и повестей сложно оценить лишь в рамках темы семейного и станичного уклада донских казаков. Казачий менталитет с его константами, коррективами, парадоксами – постоянный предмет изображения в прозе Крюкова, но в нем сфокусированы универсалии человеческого бытия. Содержание его произведений выходит далеко за рамки этнической прозы. Сюжеты, персонажи, пейзажи, казачьи обычаи, диалоги, лирические вставки – художественный инструментарий, через который писатель выражал свое понимание смыслов жизни и смерти. При этом, в отличие от философов, популярных среди русской творческой интеллигенции 1900–1910-х годов, его не привлекали мировоззренческие абстракции, он обращался к узнаваемой и повседневной конкретике рядового человека.

Ключевые слова: Ф. Крюков, донские казаки, концепция жизни и смерти, менталитет.

Судя по публичным выступлениям и статьям Крюкова, он был социально активным, исповедовавшим идеалы справедливости, страстно-патетичным в отстаивании прав человека. В 1906 г. он был избран депутатом Первой Государственной думы от области Войска Донского и с трибуны подверг критике отношение государства к казачьему сословию, в том числе наделение казачества антинародными карательными функциями и намеренное сохранение невежества казаков, ограничение их доступа к образованию. В 1906 г. и 1907 г. Крюков стал заметным деятелем Партии народных социалистов. Как видно из его письма к А.И. Тинякову от 8 августа 1909 г., он относил себя к народникам.

Общественную инициативность Крюкова мы объясняем и заботой о жизнестойкости государства, и любовью к ближнему – особенно в условиях внешнего давления на личность, ограничения ее свободы. Постоянная тема статей, рассказов, повестей Крюкова – контраст между витальными силами природного человека, каковым был станичник, и внешними условиями его существования. Причем в реалистическом изображении казаков писатель не ограничился темой предначертанной им службы, но и показал губительные конфликты между их страстями и разумом, экзистенциальной волей и семейными ограничениями, душевной широтой и меркантильностью, желанием и роковым случаем, ответственностью за близких и эгоцентризмом и т.п. В описании различных форм существования персонажей Крюков,

во-первых, обстоятелен, внимателен к вещным, психологическим деталям и, во-вторых, не идеализировал станичников, акцентировал внимание на неоднозначности и даже противоречивости человеческой природы. Казаки и казачки в интерпретации Крюкова, как правило, максималисты, что свидетельствует об их стремлении к полноте жизни, но и приводит к неукротимости темных страстей, из-за чего ломаются судьбы, разрушаются семьи, гибнут люди. Особая тема его прозы – личный выбор между жизнью и смертью, смерть по принуждению.

Для персонажей Крюкова характерна их наполненность неумемной жизненной силой. Это убедительно иллюстрируется отношением автора к персонажу рассказа «Гулебщики» (1892). В центре внимания – выдающиеся физические качества героя, его статья: «Багор заливался соловьем: богачейший – сильный, гибкий и высокий» [1, с. 60] и т.п. В рамках рассказа «Зыбь» (1909) выведен аналогичный психологический тип: «Нишкишка Терпуг, песенник, удалой боец и забубенная голова. Улица и песни – его радость. Его стихия – кулачный бой. Тут он – артист, щеголь, герой, подкупающий даже противников смелостью мгновенного натиска, ловкостью удара, красотой и благородством приемов» [5, с. 215].

Жизнелюбие и широта натуры героев, во многом сформированные донским раздольем, степными просторами, являются неотъемлемыми чертами живущих здесь людей. Жажда жизни, неодолимое стремление

к счастью проступает в отношениях Ульяны и Терпуга (рассказ «Зыбь»). Хотя чувственные порывы казаков и казачек из рассказов Крюкова порой выходят за нравственные нормы, мы не видим авторского осуждения персонажей. Физиологические детали не смущают читателя, а лишь подчеркивают предельную искренность героев, глубину и подлинность их чувств и достоверность изложения; например: «Когда чуть слышный стон или вздох томительного счастья, радостной беззащитности, покорности коснулся его слуха, он прижался долгим поцелуем к ее трепещущим, влажно-горячим губам» [5, с. 224]. Пульсирующая жизнь живой природы создает значимый акцент на неудержимой чувственности человеческой природы: «Упрямо-неустанно букали водяные бычки: бу-у... бу-у... бу-у... Заливисто хохотали лягушки. Звонко сверлили воздух короткими коленцами какие-то таинственные, маленькие водяные жители» [5, с. 221]. Таким образом автор показывает целостную и подлинную картину жизни.

В рассказе «Из дневника учителя Васюхина (Картинки станичной жизни)» (1903) Алексей и Катя Медведева – персонажи с такой же жизненной силой. Для главного героя, вернувшегося из Петербурга, все в казачьей станице ново и привлекательно (в том числе казачка): «Она теребила меня, смеялась, пела, целовала и кусала мои руки» [2, с. 48]. Накануне свадьбы Катя сбегает от богатого и нелюбимого жениха, восстав против воли отца, чье слово – непререкаемый закон в казачьих кругах. Любовь выявляет красоту бытия: «Кресты церкви ярко горели. Снег хрустел под ногами. Светло и прозрачно было кругом. Какая кроткая, невыразимая красота на всем... Мы подошли к училищу. Катя оглянулась кругом, – никого нет, – схватила меня руками за голову и поцеловала крепко и горячо» [2, с. 46]. Счастливые времена недолговечны, герой смертельно болен, но в его прощании с жизнью звучала легкость бытия: «Лучше и интереснее жизни ничего нет на свете, какая бы она ни была – скорбная ли или веселая, трудная ли или привольная... И как хочется мне теперь жить, быть здоровым, работать, учить и самому учиться» [2, с. 49].

Но наряду с такими произведениями в рассказах Крюкова говорится и о трагизме бытия, жизнелюбию противопоставлены чрезвычайные события, состояния, унижающие достоинство человека: страх расплаты за грехи плоти, самоубийство, арест, тревога, страдания. Таким образом, онтологическая суть крюковских персонажей проявляется и в неразрешимых ситуациях, которые предстоит пережить и переосмыслить.

Согласно экзистенциалистскому взгляду на жизнь человека сопровождает смерть (или ощущение смерти), подобная тени. Хайдеггер предположил, что смерть – «экзистенциальный феномен», она диктует «экзистенциальную ориентировку на всегда свое присутствие» [8, с. 240]. Но она же – источник понимания смысла жизни. Согласно

экзистенциалистскому осмыслению бытия человеку необходимо встретиться со смертью.

Смерть, как и ее ожидание, – частые темы художественных текстов. Особую остроту повествованию придает изображение материнской тревоги за жизнь сына. Примером служит рассказ «Душа одна» (1915), в котором авторское внимание сфокусировано на переживаниях матери-казачки за призванного на военную службу сына. Ее скорбный плач раздается по степи, по станице расползаются зловещие слухи, она не пропускала вернувшихся служивых, «чтобы не расспросить, какого полка» [3, с. 406], она «становилась в темный уголок перед темным образом Богородицы Аксайской и в безмолвных слезах изливала Царице Небесной безмолвную, горькую жалобу свою материнскую» [3, с. 405]. Рассказ заканчивается мотивом вечного ожидания вестей о сыне. Растянутые во времени страхи, пространственная дистанция, переплетение противоположных эмоций (от надежды до отчаяния) формируют в сознании матери вторую, индивидуальную, реальность, в которой время и расстояние сжимаются и она тактильно ощущает близость сына: «каждую ночь снится он ей, хворенький, ушибленный, ищущий скорбными глазами ее, мать родимую, и крепко прижимает она его к трепещущему сердцу, и всю силу порыва материнского хочет перелить в него» [3, с. 409]. Экзистенциальное содержание времени и пространства преодолевают истинный, наполненный трагизмом, ход событий.

Еще одним итогом размышлений Крюкова о смерти стал рассказ «Казачка» (1896), сюжет которого завершается самоубийством. Героиня – жалмерка, ее муж несет службу в городе, она ему изменяет. Подобная ситуация встречается и в других рассказах Крюкова, обращается к ней и А. Серафимович – автор рассказов о донских казаках. Сложная история замужней казачки транслируется через восприятие студента Ермакова, глубоко ей сопереживающего. Дружеские отношения юноши и молодой казачки доверительны, но, как показывает Крюков, в человеке в силу разных причин есть пределы открытости: восхищенный красотой героини юноша идеализирует ее и не допускает измены мужу, она не решается рассказать ему правду. В итоге женщина добровольно уходит из жизни, а юноше открывается вся необратимость совершенного ею, непоправимый и неестественный разрыв между живой жизнью и небытием.

Иную интерпретацию смерти Крюков развивает в упомянутых выше «Гулебщиках». В отличие от рассказа «Душа одна», смерть в нем представлена как совершившийся факт и, по сути, как закономерный переход молодого казака из времени в вечность, что отличает содержание рассказа от высказанного Крюковым в «Казачке». Натуралистически изображая гибель казака от калмыцкой пики, подробно описывая распространившуюся к

темени и плечу боль, струившуюся изо рта теплую кровь, зеленые и желтые круги в глазах, мародерство калмыков, Крюков противопоставил случившееся во времени поражение героя, его унижительное и беспомощное состояние тому, что открыла ему вечность: «И боль, так невыносимо давившая темя, вдруг отлегла. Ее сменил покой приятный, легкий покой. Ничего не слышал Филипп, ничего не чувствовал, кроме этого глубокого сладостного покоя и тишины» [1, с. 73]. Описывая ночное небо над голым (как и при рождении) телом отошедшего в иной мир человека, автор представляет читателю смерть как великую тайну перехода в вечное вселенское бытие.

Крюков, по всей видимости, определил для себя, в чем заключается глубокий онтологический смысл смерти. Результат его размышлений может показаться парадоксальным: «Есть неожиданная и своеобразная прелесть в этом сочетании неистребимой жизненной энергии и близкого веяния смерти» [4, с. 265] («Цветок-татарник», 1919). В его понимании смерть в любом своем проявлении дает людям возможность понять ценность и неизбежную конечность жизни. Однако массовые смерти в период Первой мировой и Гражданской войн с их «безмолвными обугленными руинами хуторов и станиц, горестными братскими могилами и одинокими холмиками под новыми крестами, в траве белеющими костями...» [4, с. 233] («После красных гостей», 1919) не вполне укладывались в процитированную выше мысль о «своеобразной прелесть» сочетания витальных и моральных смыслов бытия. Взрывы от снарядов на родине Крюкова диссонируют с теплым осенним вечером, звуками гармонии и кажутся «нелепейшим недоразумением и бессмыслицей» [4, с. 249]. В его публицистике повторяется вопрос: «Ну, когда она кончится, эта погибель?» [4, с. 251] («Усть-Медведицкий боевой участок», 1919). Смерти на войне фатальны для жертв и осмысленны для победителей, но и те, и другие утрачивают свою экзистенциальную ценность: в борьбе старой и новой идеологии люди оказываются неизбежно вовлеченными в один из лагерей, втянутыми в «огромный маховик истории» [4, с. 249].

Массовые смерти, кровопролития, которыми отмечена российская реальность 1900-х–1910-х годов, объяснялись либо с точки зрения отвлеченного разума, либо библейской жертвой, либо политическими и социальными обстоятельствами. Как пишет Н.М. Солнцева: «Авторитетен круг мыслителей, морально мотивировавших войны, осмыслявших их как естественное цивилизационное явление. К XX в. идея уместности войны лежала на поверхности» [7, с. 154]. Высказывались мысли «об очистительной и искупительной силе Первой мировой войны» [7, с. 154], например о войне – гигиене цивилизаций (Т. Маринетти. «Программа футуристической политики», 1913»; В. Маяковский. «Война и мир», 1915–1916) и благе (Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра», 1885), соединении религиозной и исторической мистерий, когда смерть в

боях Первой мировой войне понималась как подражание Иисусу Христу (В. Розанов. «Христово Воскресенье», 1915), Крюков искал ответы на вопрос о смысле массовых жертв не в религии и не в философии.

В произведениях военного периода видно, как Крюков искал разумное обоснование многочисленным жертвам. В очерке «Около войны» (1914) он поставил вопрос о том, что позволяет воюющим людям пережить лишения, «какими упованиями зажигается их сердце» [3, с. 280] и ради чего они идут на смерть. Причем Крюков отмечал приоритет казаков: большинство из них не умирали за идею – общественную ли, политическую ли; в понимании казаков смерть не трактовалась и как экзистенциальное поражение. Кроме того, Крюков испытывал несомненное сострадание к бойцам. В этой связи показательными являются эпизоды очерка «Усть-Медведицкий боевой участок»: обстрел пленных казаков располагавшимися на противоположном берегу Дона красными частями, или упоминание о гибели молодых бойцов Донской армии, или угасание раненых на больничных койках заштатной больницы. Об этом же свидетельствуют строки: «Мрет беженская детвора от болезней. В знойном бреду лежат в землянках и кибитках взрослые – некуда приклонить голову» [3, с. 272] («Здесь и там», 1919). Автор представлял войну как личную и национальную катастрофу. Одновременно он писал о лихости, отчаянной храбрости молодых казаков, их пренебрежительном отношении к опасности, подчеркивал гордость старшего поколения за отважных сынов Дона. Приведем цитату: «Люди простые и мужественные, люди, в которых сохранилась здоровая казачья кровь, знают ныне только одно слово вперед!» [3, с. 290] («Единое на потребу», 1919). Судя по прозе Крюкова, можно утверждать, что самобытность донского казака исключает страх смерти, казачья ментальность предельно минимизирует трагический пафос ситуации.

Соотношение таких противоположностей, как трагизм смерти и естественный, родовой витализм казаков, в определенной степени можно соотнести с мыслями А. Шопенгауэра: во-первых, «вся природа, включая человека, есть выражение ненасытной жажды жизни, но в самой жизни человеку суждено претерпевать страдания» [6, с. 200]; во-вторых, если земная жизнь и воля к жизни конечны, то ценность смерти – в переходе к бесконечности существования, бессмертной воле; в третьих, смерть – явление индивидуальное, тогда как род не знает смерти. Однако идея жизни и смерти, составившая аксиологию Шопенгауэра, лишь отчасти, как было отмечено выше, проясняет смысл противоречий основных бытийных феноменов в существовании индивидуума. Смерть для большинства персонажей Крюкова не является желаемым освобождением от жизни и настоящей целью существования, а жизнь не ничтожна, что опять же характеризует мен-

тальность казаков. В «Здесь и там» (1919) их бегство от красных, исход из родных станиц – с продвигающимися по широкой степи бесконечными обозами, скотом, домочадцами – сравнивается с библейским переселением, таким же трагическим, predetermined и исторически знаковым, но при этом авторская мысль сфокусирована на коренных свойствах казаков: скорбь превозмогалась «здоровым инстинктом самосохранения», верой в одоление беды, надеждой на пропитание и кров, «жизненной упругостью» [4, с. 256].

Суммируя сказанное, можно утверждать, что в рассказах и очерках Крюкова гибель отдельной личности – экзистенциальная трагедия, не умаляющая, тем не менее, полноты и богатства человеческой жизни. При описании массовых смертей на первый план повествования выходит единство фатальности и исторической обусловленности смерти, что не отменяет ее трагическую бессмысленность. Итак, авторскую позицию формирует осознание несомненной жизненной силы казаков вкупе с традиционным, ментально обусловленным отношением к смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков Ф.Д. Гулебщики // Исторический вестник. – 1892. – С. 53–73.
2. Крюков Ф.Д. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. / Предисл. и сост. А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI. – 2009. – 432 с.
3. Крюков Ф.Д. На Германской войне. На фронте и в тылу / Предисл. и сост. А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI. – 2013. – 548 с.
4. Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя / Предисл. и сост. А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI. – 2009. – 368 с.
5. Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисл. и сост. А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, – 2012. – 368 с.
6. Самусёв И.С. «Воля к жизни» Артура Шопенгауэра, или пролегомены «Воли к власти» Фридриха Ницше // сборник тезисов докладов 56-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов. – Минск: БГУИР, – 2020. – С. 200-201.
7. Солнцева Н.М. О вкусе поэтов к крови // Stephanos. – 2017. – №6 (29). – С. 153–162.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / Перевод: В. В. Бибихина. – М.: Изд. фирма «Ad Marginem», – 1997. – 451 с.

© Гао Хань (578382104@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Дун Синь

Аспирант, Московский педагогический государственный
университет
dongxinchn@outlook.com

REASONS FOR THE APPEARANCE OF NEOLOGISMS IN MODERN RUSSIAN ADVERTISEMENTS

Dong Xin

Summary: Modern social development, international trade, human exchanges, technological progress, Internet proliferation, and the globalization process continue to increase the impact on languages. This evolution and influence have resulted in a constant updating of the language, as well as the creation of neologisms. This article investigates the reasons for the creation of neologisms in modern Russian advertising by categorizing the neologisms being produced in many parts of the world today. This research will allow us to expand our knowledge of neologisms, understanding how neologisms are used in modern Russian advertising, as well as to study their role both in advertising itself and the main areas in which they are used. In addition, it will contribute to a better understanding of modern linguistic trends based on advertising neologisms, as well as the identification of new ideas and phenomena in the developing modern society.

Keywords: language, advertising, neologism, borrowings, reasons for the appearance of neologisms.

Аннотация: Современное общественное развитие, международная торговля, гуманитарные обмены, технический прогресс, распространение интернета и процесс глобализации продолжают усиливать воздействие на языки. Указанные процессы и результаты их влияния приводят к постоянному обновлению языка и созданию неологизмов. В данной статье рассматриваются причины возникновения неологизмов и даётся их классификация, приводятся примеры неологизмов, появившихся в разных странах мира и используемых в современной российской рекламе. Данное исследование позволит расширить наши знания о неологизмах, понимание того, как неологизмы используются в современной российской рекламе, а также изучить их роль как в самой рекламе, так и в смежных с ней областях. Кроме того, оно будет способствовать лучшему пониманию современных лингвистических тенденций, основанных на рекламных неологизмах, а также выявлению новых идей и явлений в развивающемся современном обществе.

Ключевые слова: язык, реклама, неологизм, заимствования, причины появления неологизмов.

В последние десятилетия произошли значительные, глубокие изменения в политической, экономической и культурной жизни. Стремительное развитие современного мира постоянно оказывает огромное влияние на язык. «Язык — это «живой организм», тесно взаимодействующий со всеми сферами жизни» [1]. Современное общество постоянно меняется и поэтому нуждается в новых наименованиях. Слова, которые называют барометром времени, также адаптировались к новым изменениям, в результате чего постоянно появляется большое количество неологизмов.

В настоящее время русский язык является пятым по распространенности языком в ООН. В соответствии с общей тенденцией глобализации и интернационализации развитие языка является неизбежным следствием, в результате чего в русском языке появляются неологизмы. Рождение неологизмов сигнализирует об изменении времени и отражает культурные особенности нации. Поэтому способность усваивать и более точно использовать неологизмы обеспечивает максимальную легкость доступа к культурному, социальному и экономическому развитию России.

Неологизмы появляются тогда, когда возникает необходимость наименования новых вещей и явлений. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А.Н. Николюкина, неологизмы — это «новые слова, фразеологические обороты или заимствования, а также новые значения старых слов, которые постоянно появляются в языке» [2]. В соответствии с изменениями в мире, в обществе, в жизни, в технологии и в человеческом общении, языковые изменения постоянно возникают во всех сферах жизни. В нашу жизнь входит все больше новых реалий, и в то же время язык непрерывно меняется. Е.В. Тимашова отмечает: «Язык представляет собой развитую, сложную систему, непрерывно подвергающуюся изменениям и трансформациям» [3]. То же самое можно сказать и о возникновении и трансформации неологизмов.

Бум использования неологизмов в последние десятилетия четко проявляется в сферах публицистики, языка СМИ, рекламы и литературной критики, которые особенно активно реагируют на изменения в общественной жизни и языке. В современном обществе явление рекламы широко распространено, и популярность и важность рекламы не вызывают сомнений.

Реклама, как важная часть социальной и экономической деятельности человека, имеет множество средств выражения, включая шаблоны, музыку, картинки и так далее. Г.Р. Гарипова полагает, что «Реклама признается одним из средств массового воздействия на целевую аудиторию с целью продвижения идей, товаров и услуг» [4]. И.В. Соклакова приходит к следующему выводу в своём исследовании: «...реклама играет важную роль в становлении любого бренда, его успешном функционировании на рынке, лояльности покупателя и, как результат, итоговой прибыли» [5].

В современном мире рекламы использование неологизмов является одним из наиболее распространенных приемов, применяемых рекламодателями для характеристики рекламируемых товаров, выделения их особо привлекательных черт и привлечения внимания потенциальных покупателей. Стратегия фокусирования на введении неологизмов в рекламу может быть особенно успешно использована для продвижения товаров и услуг, предназначенных для молодой аудитории. Она является средством достижения хороших маркетинговых результатов простым и удобным способом. Как результат, в рекламных текстах постоянно создаются неологизмы, а также появляется их разнообразие.

Выделяются следующие причины появления неологизмов в современной российской рекламе:

1. Развитие международной торговли и коммуникации

Международная торговля постоянно развивается, в связи с этим возникает необходимость в частых торговых поездках представителей разных стран, происходит регулярный обмен новыми товарами, которые они произвели, а также новыми концепциями и идеями, которые уже существуют в их культуре.

Международные торговые компании, транснациональные корпорации и рекламодатели постоянно представляют продукты, блюда и концепции, которые ранее не были доступны в их странах. Чтобы продать как можно больше своей продукции, показать уникальность зарубежных товаров и достичь эффективности рекламы, в ее тексте часто используются неологизмы, с целью побудить потребителей принять новые продукты, блюда и концепции, а также вызвать острое желание их купить. Например: *Когда тараканы совсем достали. Блокбастер мощное средство против тараканов* (реклама «Блокбастер ХХI»: трэш-финал для тараканов); *Шоу-рум женской одежды. Бесплатная консультация!* (реклама Бутик ZARINA AZUL).

Создание неологизмов вызвано, таким образом, необходимостью определять и продвигать новые товары и

понятия в рекламе, чтобы стимулировать или направлять потребителей. Мы выделяем следующие неологизмы:

- Неологизмы в сфере экономики, торговли и производства:

Рейтинг (rating) – показатель оценки достижений или популярности.

Демпинг (dumping) – продажа товаров на внешних рынках по более низким ценам с целью вытеснения конкурентов.

Ребрендинг (rebranding) – стратегия системных изменений в идеологии бренда и его восприятия. Прайс-лист – список, в котором указаны нормальные цены товара для всех поставщиков.

Хенд-мейд (Hand-Made) – вещь, изготовленная собственными руками.

Тюнинг (Tuning) – доработка с целью улучшения потребительских качеств автомобилей.

Секонд-хенд (secondhand) – вторая рука; вещи, бывшие в употреблении.

Брендинг – процесс формирования имиджа бренда в течение длительного периода.

- Неологизмы в сфере культурных и гуманитарных обменов:

Сингл (Single) – это песня, записанная отдельно.

Шоу-рум (Showroom) – демонстрационный зал, где представлены образцы из коллекции одного или нескольких брендов.

Шлягер – очень популярное произведение.

Блокбастер (blockbuster) – художественный фильм, имеющий высокие кассовые сборы в прокате.

Постер – плакат, афиша; плакат музыкального коллектива.

Гламур – показная роскошь, демонстративное великолепие; нарочитый шик.

2. Развитие современных научных и технологических институтов

В современном мире происходит стремительное развитие промышленности и технологий, то есть, промышленная и технологическая революции продолжают свое движение вперед. Быстрое развитие науки и техники привело к созданию и увеличению количества научных терминов и т. д., которые продолжают появляться в нашей повседневной жизни. Развитие науки и техники привело к созданию новых продуктов и технологических изделий, которые способствовали постоянному производству неологизмов. По мере того, как люди принимают и используют эти продукты, рождаются неологизмы.

Как часть средств массовой информации, реклама несет в себе множество новых явлений и лексических единиц. В связи с этим постоянно создаются различные неологизмы. Например: *Тряси смартфон и получи подарки в приложении «МегаФон»* (реклама «МегаФон» ТВ);

Поехали! **4G-модем** + безлимитный интернет 390 рублей в месяц (реклама «Билайн»).

Выделим следующие рекламные неологизмы, возникшие по причине развития современных научных изобретений и технологических новшеств:

- Неологизмы в сфере компьютерных технологий:
Спам (spam) – массовая рассылка корреспонденции рекламного характера лицам, не выражавшим желания её получить.
Троянцы – вредоносная программа, проникающая на компьютер под видом безвредной.
Фрейм (frame) – универсальный носитель информации в ЭВМ, при заполнении структуры способный описывать факт, событие, процесс.
Лэптоп – более широкий термин, он применяется как к ноутбукам, так и к планшетным ПК.
Инсталлятор – это компьютерная программа, которая устанавливает файлы.
- Неологизмы в сфере электрического и электронного оборудования:
Тостер (toaster) – электроприбор для приготовления тостов.
Смартфон (smartphone) – мобильный телефон, дополненный функциональностью умного устройства.
Модем – это устройство, которое адаптирует интернет-сигнал под необходимый стандарт связи.
Плеер (player) – звуковое или видеовоспроизводящее устройство.
Жесткий диск – представляет собой электромеханическое устройство хранения данных.
Мультиплекс (Multiplex) – набор телевизионных и радиовещательных каналов, передаваемых по одному цифровому каналу.

Заметим, что кроме неологизмов-существительных появляются и неологизмы-глаголы, например:

Юзать (поюзать) – употреблять, применять, использовать.

3. Развитие интернета и мобильной связи

С возникновением интернета перед людьми открылся совершенно новый и широкий мир. В эпоху информационного взрыва интернета огромное количество информации требует, чтобы межличностное общение было более быстрым и оперативным, поэтому родился сетевой язык, который распространяется в обществе с удивительной скоростью. В условиях снижения тарифов на услуги интернет-провайдеров интернет прочно занял свое место в современном обществе и открыл новые сферы для торговли и рекламы.

Развитие мобильных коммуникационных устройств, создание смартфонов усилило и разнообразило широкое использование интернета, компьютеров и раз-

личных гаджетов в современном мире, а также привело к появлению неологизмов и выражений, связанных с ними. Для того чтобы потребители могли совершать больше покупок и использовать некоторые виртуальные продукты, в жизнь людей входит ряд онлайн-сервисов. Многие компьютерные программы, приложения для мобильных телефонов, сайты услуг, средства коммуникации, электронные СМИ и даже фразы постоянно рекламируются в интернете. Например: *Теперь оплатить счета даже проще, чем открыть почтовый ящик. Сканируйте QR или штрих-код в приложении Сбербанк онлайн (реклама Сбербанк); Это твоё облако! Не ограничивай себя. Храни данные надёжно. Используй приватные сети. Управляй через API (реклама Облачные серверы REG. RU).*

Далее приведем рекламные неологизмы, связанные с развитием интернета и мобильной связи:

Блог (blog) – дневник, ведущийся в интернете.

Чат (chat) – средство обмена текстовыми сообщениями между пользователями на сайтах, в соцсетях и интернет-сервисах, в мессенджерах и прочем ПО.

QR-код (QR code) – тип матричных штриховых кодов, изначально разработанных для автомобильной промышленности Японии.

Гуглить – глагол, происходящий от названия поисковой системы Google, обозначает поиск информации в интернете при помощи Google, иногда – при помощи любого поисковика.

Фишинг (phishing) – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям.

Роуминг (roaming) – услуга связи с дальним и ближним зарубежьем.

Облако – хранилище данных на удалённых от пользователя серверах.

4. Активизация заимствования иноязычных слов

Заимствованные слова встречаются в подавляющем большинстве языков мира, причем их процентное соотношение варьируется. Существование заимствований в языке обусловлено множеством факторов, таких, как географическое положение страны проживания той или иной нации, структура самого языка, принятие их социальными группами, социально-экономическое развитие, а также человеческие и культурные обмены. Введение заимствований является неизбежным процессом в историческом развитии лексических систем различных языков по мере развития глобализации и расширения обмена с зарубежными странами. Заимствование иностранных слов является отражением тенденции к международной интеграции на лексическом уровне, поэтому в российской повседневной рекламе появляются многие

иноязычные слова, особенно английские и китайские. «В 90-е годы XX столетия одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования иноязычных слов» [6]. Продукты мультикультурных обменов, товары и вещи, некоторые международные бренды с гарантией качества и репутации, огласка рекламы в СМИ способствовали созданию привлекательного корпоративного имиджа и шаг за шагом заняли и глобальный рынок. Эти товары и явления появляются как иностранные слова в рекламных текстах в газетах и СМИ и пользуются большим спросом у людей. Частое использование заимствованных слов отражает их быстрое и всестороннее вовлечение в тот или иной язык, а также говорит о влиянии на нее культур других государств. Одновременно с процессом заимствования слов появляются неологизмы. Например: *Кэшбэк до 30% при оплате картой Банка «Аверс»* (реклама банка «Аверс»); *Летние хиты по 39 рублей с 3 июня* (реклама KFC); *Попробуй новинку Pepsi Манго* (Реклама Pepsi. Новый канал 2020).

Заимствование слов из английского и китайского языков привело к буму англицизмов и китаизмов. Большинство английских и китайских заимствований в русском языке существуют как фонетические переводы. Например:

Заимствования из английского языка:

Пентиум (Pentium) – торговая марка нескольких поколений микропроцессоров архитектуры x86, выпускаемых корпорацией Intel с 1993 года.

Фаст-фуд (fast-food) – блюда быстрого приготовления и употребления.

Хайп (to hype) – вводить в курс дела, информировать.

Хит (hit) – популярное музыкальное произведение. Так же называют и другие произведения, пользующиеся большой популярностью, в том числе и товары.

Финиш (finish) – конечный пункт дистанции в спортивных состязаниях, в которых данная дистанция проходится на скорость, а также заключительная, решающая часть таких состязаний.

Кэшбэк (cashback) – возврат наличных денег.

Ноу-хау (knowhow) – секрет производства.

Заимствования из китайского языка:

Кумкват (金桔) – желто-оранжевый тропический фрукт семейства цитрусовых вечнозеленого растения.

Лагман (拉面) – блюдо среднеазиатской кухни, предположительно китайского происхождения.

Личи (荔枝) – плодовое дерево семейства сапировых, известное также как «китайская слива».

Маджонг (麻将) – китайская азартная игра для четырёх игроков с использованием игральные костей, где каждый играет за себя.

Маотай (茅台) – китайский крепкий алкогольный напиток, названный в честь городка Маотай в провинции Гуйчжоу, где он производится.

Манго (芒果) – род растений семейства Сумаховые.

Улун (乌龙) – полуферментированный чай, по китайской классификации занимает промежуточное положение между жёлтым и «красным».

Итак, большинство неологизмов в современной российской рекламе связано с развитием научных, технологических, человеческих, социальных, экономических и производственных отношений. Поэтому можно сделать вывод о том, что основной причиной появления неологизмов в современной рекламе является возникновение новых реалий или явлений.

Таким образом, основными причинами появления неологизмов в современной российской рекламе, безусловно, можно считать следующие: необходимость наименования новых понятий и объектов, научных и технологических институтов; международная торговля и межкультурная коммуникация; экономия языковых средств; новаторство народа в той или иной сфере деятельности. По мере появления неологизмов язык обновляется, приходя в соответствие с изменениями и реалиями современного мира, и его словарный состав увеличивается. На наш взгляд, неологизмы помогают пользователю языка более точно выражать свои желания, потребности, эмоции и чувства. Процесс обогащения языка неологизмами непрерывен и бесконечен, так как вместе с ними развивается и язык, ведь всё развивается с течением времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пасева А.Д. Неологизмы, их типы и пути формирования в современном русском языке // Таврический научный обозреватель. 2016. № 1–3 (6). С. 213–215.
2. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1596 с.
3. Тимашова Е.В., Воронина Т.Н. Неологизмы XX–XXI века и их роль в современном языке // МНКО. 2014. № 3 (46). С. 259–261.
4. Гарипова Г.Р. Роль рекламы в социализации личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 12–2 (90). С. 32–34.
5. Сохлакова И.В., Сурат И.Л. Особенности рекламы в сфере электронной коммерции // Вестник ГУУ. 2018. № 5. С. 120–125.
6. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.

© Дун Синь (dongxinchn@outlook.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В АСПЕКТЕ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ЮН СОК ЁЛЯ)

FEATURES OF KOREAN POLITICAL
RHETORIC IN ITS TRANSLATION INTO
RUSSIAN (BASED ON SPEECHES
OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC
OF KOREA YOON SUK YEOL)

*N. Lee
A. Kosheleva
D. Shalamova*

Summary: The article provides fragments of public speeches of the President of the Republic of Korea Yoon Suk Yeol in order to identify the features of Korean political rhetoric when it is translated into Russian. The authors conclude that such rhetoric has its own specifics that is to be considered when translating.

Keywords: political rhetoric, Korean language, category of politeness, functions of public speaking, expressiveness.

Ли Надежда Бенминовна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
leekimso@mail.ru

Кошелева Анастасия Андреевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет»
2019103109@pnu.edu.ru

Шаламова Дарья Алексеевна

Эксперт, ГБУ «Городское агентство управления
инвестициями» (Управление взаимодействия
с субъектами промышленной деятельности, г. Москва)
dariko.shalamova@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ фрагментов публичных выступлений президента Республики Корея Юн Сок Ёля с целью выявить особенности корейской политической риторики при ее передаче на русский язык. Авторы статьи делают вывод о том, что такая риторика имеет определенную специфику, которую необходимо учитывать при переводе.

Ключевые слова: политическая риторика, корейский язык, категория вежливости, функции публичного выступления, экспрессивность.

Политическая речь исследуется специалистами из разных областей знаний, в том числе лингвистами. В частности, научный интерес к публичным выступлениям государственных деятелей привел к появлению политической риторики. Политическая риторика – это теория политической речи, которая изучает речь как средство получения и осуществления государственной власти [2]. Кроме того, политическая риторика рассматривается как одна из частных риторик, содержанием которой является эффективная речевая коммуникация в сфере политики [4].

Тесные дипломатические контакты и активное культурно-экономическое сотрудничество России с Республикой Корея (РК) создают потребность в переводе корейского политического дискурса, в связи с чем возникает необходимость изучения корейской политической риторики. Это определяет актуальность темы исследования.

В данной статье мы ставим цель: рассмотреть, в чем заключается специфика корейской политической риторики в переводческом аспекте. В качестве материала для анализа были использованы цитаты, взятые из тек-

стов публичных выступлений президента РК Юн Сок Ёля.

В первую очередь следует отметить, что корейская политическая риторика испытывает влияние лексико-стилистических особенностей корейского языка. В данном исследовании мы наиболее подробно остановимся на разговорном стиле речи – 구어체 [кючхе]. Данный стиль применим как для диалогов, так и для монологичной речи. Очевидно, для достижения контакта со слушателем, корейские публичные выступления состояются с применением окончаний разговорного стиля. Как отмечает В.Н. Лим, возможность использования разговорного стиля в письменной форме не исключена [3]. Это подтверждается примерами ниже.

При ознакомлении с разговорным стилем речи необходимо рассмотреть такое явление, как категория вежливости. Категория вежливости в корейском языке передает уважительное отношение к собеседнику или лицам, которые упоминаются в речи. В зависимости от того, кто представляется объектом вежливости и какими лексико-грамматическими способами она выражается, выделяют категорию адресива, категорию субъектива и категорию объектива [5].

Категория *адрессива* выражает вежливость по отношению к собеседнику. На сегодняшний день принято выделять шесть степеней категории адрессива: вежливо-официальную; вежливо-неофициальную; авторитарную; фамильярную; интимную; простую речь. В исследовании проанализирована вежливо-официальная степень, так как она является общепринятой для текстов политического характера. В свою очередь, публичные выступления состоят чаще всего из повествовательных предложений, поэтому при переводе мы сталкиваемся с употреблением повествовательных окончаний данной степени вежливости – *ㅂ니다* [мнида] / *-습니다* [сымнида].

Категория *субъектива* выражает вежливость, направленную на субъект действия. Для нее характерно присоединение аффикса *님* [ним]. Например, в своем выступлении на 77-й ассамблее ООН президент неоднократно обращается к председателю и генеральному секретарю ООН. Название должности председателя по-корейски звучит как *의장님* [ыйджанним], а должности генерального секретаря – *사무총장님* [самучхонджанним] [7].

Также категория субъектива проявляется в использовании гонорифического суффикса *시* [си] / *으시* [ыси]. В своей инаугурационной речи, выражая признательность медицинским работникам за их борьбу с пандемией, президент использует данный суффикс при формировании определения: *헌신해주신 의료진 여러분께도 감사드립니다* [*Хонсинхэчусин ыйрёджин ёробунккедо камсадыримнида*]. – Благодарю *самоотверженных* медицинских работников [6].

Категория *объектива* выявляет почтительность по отношению к объекту речи в 3-ем лице. В основном она включает глаголы и существительные, имеющие гонорифическую форму. Ознакомиться с ними можно в таблице ниже.

Таблица 1.

Сравнение нейтральной формы глаголов и существительных и ее гонорифического эквивалента.

Слово (нейтральная форма)	Гонорифический эквивалент	Значение
있다 [итта]	계시다 [кесида]	быть, находиться, существовать, иметь
만나다 [маннада]	뵙다 [пвепта]	видеться, встречать
말하다 [марада]	말씀하시다 [мальссымхасида]	говорить
먹다 [мокта]	드시다 [тысида] 잡수시다 [чапсусида]	есть, кушать
묻다 [мутта]	여쭙다 [ёччуда]	спрашивать
배고프다 [пэгопхыда]	시장하시다 [сиджанхасида]	быть голодным
데리다 [терида]	모시다 [мосида]	сопровождать, заботиться

Слово (нейтральная форма)	Гонорифический эквивалент	Значение
주다 [чуда]	드리다 [тырида]	давать
마시다 [масида]	드시다 [тысида]	пить
죽다 [чукта]	돌아가시다 [торагасида]	умирать
자다 [чада]	주무시다 [чумусида]	спать
아프다 [апхыда]	편찮으시다 [пхёнчханхысида]	болеть
집 [чип]	댁 [тэк]	дом
이름 [ирым]	성함 [сонхам]	имя
사람 [сарам]	분 [пун]	человек
생일 [сэниль]	생신 [сэнсин]	день рождения
밥 [пап]	식사 [сикса]	пища
나이 [наи]	연세 [ёнсе]	возраст
병 [пён]	병환 [пёнхван]	болезнь
술 [суль]	약주 [якчу]	алкоголь
아이 [ай]	자제분 [чаджепун]	ребенок

Данные слова используются при упоминании лиц, которые находятся выше говорящего в социальной иерархии. Они также общеупотребительны по отношению к взрослым и пожилым людям.

Президент РК применяет слово *분* [пун] в своем обращении к народу, связанном с трагедией на Итэвоне, случившейся 29 октября 2022 года: *어젯밤 불의의 사고로 돌아가신 분들의 명복을 빌고, 부상 입은 분들이 빨리 회복되기를 기원합니다* [Оджеппам пурие сагоро торагасин *пундыре* мёнбогыль пильго, пусан ибын *пундыри* ппалли хвебоктвегирыль кивонхамнида]. – Я молюсь об упокоении душ погибших в этом несправедливом происшествии и прошу о скорейшем восстановлении тех, кто получил ранения [8].

Стоит отметить, что слово *분* [пун] входит в состав вежливого обращения *여러분* [ёробун], направленного на нескольких слушателей. Например, в своей речи на церемонии вступления в должность, президент торжественно обращается к аудитории следующим образом: *존경하고 사랑하는 국민 여러분* [чонгёнхаго саранханын кунмин ёробун] – уважаемый и любимый народ; *자유를 사랑하는 세계 시민 여러분* [чаюрыль саранханын сеге симин ёробун] – любящие свободу граждане мира [6].

Говоря о грамматическом проявлении данной категории, следует упомянуть, что к имени существительному, выполняющему в предложении функцию дополнения, добавляется форматив – *께* [кке] – вежливая форма дательного падежа *에게* [еге] и дательно-местного падежа *에게서* [егесо] для одушевленных существительных. Президент РК в своей инаугурационной речи использует

данный форматив: 역사적인 자리에 함께해 주신 국민 여러분께 감사드립니다 [ёксачогин чарие хамккхэ чусин кунмин ёробункке камсадыримнида]. – Я благодарен всем гражданам, которые находятся здесь со мной в этот исторически значимый момент [6].

Помимо рассмотрения того, как разговорный стиль речи проявляется в корейском политическом дискурсе, для комплексного понимания корейской политической риторики необходимо описать функции публичного выступления.

Для корейских публичных выступлений характерно выполнение следующих функций: *перформативной, интегративной, инспиративной, экспрессивной* [1]. Продемонстрируем реализацию данных функций посредством цитат, взятых из инаугурационной речи президента Юн Сок Ёля.

Перформативная функция, то есть стремление преподнести себя как достойного лидера, осуществляется в следующем предложении: 저는 이 순간 이러한 위기를 극복하는 책임을 부여받게 된 것을 감사한 마음으로 받아들이고, 우리 위대한 국민과 함께 당당하게 헤쳐 나갈 수 있다고 확신합니다. [Чонын и сунган ирохан вигирьль кыкпокханын чхэгимыль пуёпатке твен госьль камсахан маымыро пададыриго, ури видэхан кунмингва хамкке танданхаге хечхё нагаль су иттаго хваксинхамнида] – Я с благодарным сердцем принимаю ответственность в борьбе с кризисом, предоставленную мне в этот момент, и убежден, что смогу уверенно разрешить его вместе с нашим великим народом [6].

Приведем примеры осуществления *интегративной, объединяющей* функции:

- 과학과 기술, 그리고 혁신은 우리의 자유민주주의를 지키고 우리의 자유를 확대하며 우리의 존엄한 삶을 지속 가능하게 할 것입니다. [Квахакква кисуль, кыриго хёксинын урие чаюминджджуирьль чикхиго урие чаюрьль хвактэхамё урие чономхан сальмыль чисок канынхаге халь косимнида] – Наука, техника и реформы хранят нашу либеральную демократию, расширяют нашу свободу и делают возможным продолжение нашей достойной жизни [6].
- 역사를 돌이켜 보면 우리 국민은 많은 위기에 처했지만 그럴 때마다 국민 모두 힘을 합쳐 지혜롭게, 또 용기있게 극복해 왔습니다. [Ёксарьль ториккхё помён ури кунминын манын вигие чхохэтчиман кыроль ттэмада кунмин моду химыль хапчхё чихеропке, тто ёнгииткккэ кыкппокхэ вассымнида] – Если обратиться к истории, можно увидеть, что наш народ часто оказывался в кризисе, но каждый раз объединял свои силы и мудро, мужественно преодолевал его [6].

Инспиративную функцию, иными словами, стремление вдохновить слушателей, можно проиллюстрировать

следующими примерами:

- 또 세계 시민과 힘을 합쳐 국내외적인 위기와 난제들을 해결해 나갈 수 있다고 믿습니다. [Тто сего симингвахамкке химыль хапчхё куннэведжогин вигива нанджедырьль хэгёрэ нагаль су иттаго митссымнида] – И я верю, что, объединив силы с гражданами мира, мы сможем разрешить внутренние и внешние проблемы государств [6].
- 국제사회가 우리에게 기대하는 역할을 주도적으로 수행할 때 국내 문제도 올바른 해결 방향을 찾을 수 있는 것입니다. [Кукчесахвега уриеге кидэханьин ёкхарыль чудоджогыро сухэнхаль ттэ куннэ мунджедо ольбарын хэгёль панхяныль чхаджыль су иннын косимнида] – Выполняя руководящую роль, которую от нас ожидает международное сообщество, мы можем найти путь к верным решениям внутригосударственных проблем [6].

Торжественная обстановка, в которой произносится речь, предполагает наличие выразительно-образных средств, которые придают высказыванию образность и эмоциональную окрашенность. По этой причине стоит подчеркнуть, что *экспрессивная* функция определяет специфику корейских публичных выступлений. Далее будут показаны способы передачи экспрессивности с корейского языка на русский.

인류 역사를 돌이켜보면 자유로운 정치적 권리, 자유로운 시장이 숨 쉬고 있던 곳은 언제나 번영과 풍요가 꽃 피었습니다. [Иллю ёксарыль ториккхёбомён чаюроун чончхиджок кволли, чаюроун сиджани сум свиго иттон косын онджена понёнхва пхунёга ккот пхиоссымнида] – Если проследить за ходом истории, можно увидеть, что там, где поддерживались свободные политические права и свободный рынок, всегда существовали изобилие и процветание [6].

В указанном предложении, во избежание совпадения корней в словах *расцветали* и *процветание*, слово *расцветали*, выраженное оборотом *꽃 피었습니다* [ккот пхиоссымнида], было заменено нейтральным эквивалентом *существовали*. Кроме того, слово *поддерживались* по-корейски было выражено причастием *숨 쉬고 있던* [сум свиго иттон] *дышавшие, имевшие жизнь*; но, поскольку одушевление таких понятий, как «политические права» и «свободный рынок» при переводе на русский язык могло бы звучать неуместно, наличие данных явлений было передано не посредством глагола «дышать», а при помощи подходящей по контексту лексической единицы «поддерживаться».

Далее обратим внимание на перевод *фразеологизма*, использованного в следующем примере: 우리나라는 지난 친 양극화와 사회 갈등이 자유와 민주주의를 위협할 뿐 아니라 사회 발전의 발목을 잡고 있습니다. [Уринаранын чиначхин янгыкхвава сахве кальттыни чаюва минджуджуирьль вихёпхаль ппун анира сахве пальджоне

пальмогыль чапко иссымнида] – В нашей стране избыточная поляризация и социальные конфликты не только угрожают свободе и демократии, но и тормозят развитие общества [6].

В данном случае, словом *тормозят* был передан корейский фразеологизм *발목을 잡고 있습니다* [пальмогыль чапко иссымнида], который можно перевести как *хватают за лодыжку*. Данный фразеологизм несет в себе значение таких действий как *мешать, препятствовать, удерживать*, и является реалией корейской культуры. Для его перевода был использован прием генерализации: словосочетание *хватают за лодыжку*, обладающее узким значением, было заменено словом *тормозят*, имеющим широкое семантическое поле.

В некоторых случаях, передача экспрессивности осуществляется при помощи описательного перевода. Примером этого может служить предложение ниже. *저는 한반도뿐 아니라 아시아와 세계의 평화를 위협하는 북한의 핵 개발에 대해서도 그 평화적 해결을 위해 대화의 문을 열어놓겠습니다.* [Чонын Ханбандоппун анира Асиава сегее пёнхварыль вихёпханын Пукхане хэк кэбаре тэхэсодо кы пёнхваджок хэгёрыль вихэ тэхваэ муныль ёронокхессымнида] – Я обеспечу возможность диалога с целью мирного разрешения вопроса о ядерных разработках Северной Кореи, которые угрожают миру не только на Корейском полуострове, но в Азии и других странах [6].

Словосочетание *обеспечу возможность диалога на корейском языке* прозвучало как *대화의 문을 열어놓겠습니다* [тэхваэ муныль ёронокхессымнида] – открою двери диалога. Так как данный оборот речи понятен, но не типичен для русской речи, его экспрессивность была снижена.

В свою очередь, сохранение экспрессивности показано в следующем предложении: *다양한 위기가 복합적으로 인류 사회에 어두운 그림자를 드리우고 있는 것입니다.* [Таянхан вигига покхапчочгыро иллю сахвее одуун кырымджарыль тыриуго иннын косимнида] – Различные формы кризиса в своей совокупности отбрасывают на человеческое общество мрачную тень [6]. Фраза *어두운 그림자를 드리우고 있는 것입니다* [одуун кырымджарыль тыриуго иннын косимнида] – отбрасывают мрачную тень – была переведена дословно.

Таким образом, в процессе переводческого анализа выступлений президента Республики Корея было установлено, что корейская политическая риторика строится на основе разговорного стиля с соблюдением норм вежливости, и ее определяющей чертой является экспрессивность.

В связи с тем, что корейская политическая риторика отличается высокой частотой употребления речевых фигур, фразеологизмов и других выразительных средств, ее в значительной степени сложно передать на русский язык. Эмоциональность, присущая данной риторике, иногда может восприниматься носителями русского языка как избыточная. Поэтому с целью понижения эмоциональности речи в некоторых случаях необходимо использованы переводческие трансформации, способствующие этому.

Корейская политическая риторика по-прежнему остается широкой неисследованной областью, изучение которой необходимо продолжать.

Корейская политическая риторика по-прежнему остается широкой неисследованной областью, изучение которой необходимо продолжать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альхеева Т.И. Особенности корейского политического дискурса (на примере публичного выступления) // Материалы Национальной научно-практической конференции «Современные наука и образование: достижения и перспективы развития», 15 мая 2021 г., г. Керчь. С. 8-12.
2. Данилина В.В. Политическая риторика как научное направление // Вестник Московского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 88-106.
3. Лим В.Н. Стилистика и культура речи корейского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» (восточные языки) – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. – 207 с.
4. Сковородников А.П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – 882 с.
5. Юдичева Е.Ю. Специфика вежливости в корейском языке и ее категории // Журнал «Корееведение в России: направление и развитие». – 2022. – № 2 (3). – С. 30-34.
6. 윤석열 제20대 대통령 취임사 [Юн Сок Ёль че испи тэ тхэтхоннён чхвиимса]. [Электронный ресурс] / URL: <https://m.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148901469#policyNews>
7. 윤석열 대통령, 제77차 유엔 총회 기조연설 [Юн Сок Ёль тхэтхоннён, че чхильсипчхиль чха юен чхонхве киджёнсьоль]. [Электронный ресурс] / URL: <https://m.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148906095#policyNews>
8. 윤석열 대통령 이태원 사고 관련 대국민 담화 [Юн Сок Ёль тхэтхоннён Итхэвон саго кваллён тэжунмин тамхва]. [Электронный ресурс] / URL: <https://m.korea.kr/news/visualNewsView.do?newsId=148907596#visualNews>

© Ли Надежда Бенминовна (leekimso@mail.ru), Кошелева Анастасия Андреевна (2019103109@pnu.edu.ru), Шаламова Дарья Алексеевна (dariko.shalamova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ ИНДЕКСАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

ON THE QUESTION OF THE INDEXALITY OF LINGUISTIC IDEOLOGY

**A. Makarenko
V. Muravleva**

Summary: In the article, the author examines the relationship between language and thinking on the example of speech influence realized through ideology. The purpose of this article is to determine the nature of the interdependent relations between language as a symbolic system and ideology, a set of ideas, views and beliefs aimed at the consciousness of individuals. The interrelation of socio-cultural attitudes and speech is substantiated. The author emphasizes the indexality of speech signs and the social environment in which they are generated, since in the process of perceiving the social meaning of a speech unit, the recipient necessarily encounters the contrastivity of linguistic forms (the discrepancy between explicit and implicit meanings) and correlates the variability of these forms with the extralinguistic context. Particular attention is paid to the dynamism of the index links of language and ideology. According to the author, it is she who ensures the effectiveness of the influencing function of ideology. The study is based on the postulates of the Moscow Psycholinguistic School, according to which the primary task of speech communication is not so much the transmission of information as the management of non-speech activity of recipients of texts through speech activity. The relevance of the study is determined by the complex socio-political situation prevailing in the world today.

Keywords: cognition and speech, ideology, indexality, speech activity approach, communicative situation.

Макаренко Александр Сергеевич

кандидат филологических наук, Военный университет
имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации (г. Москва)
alex-makarenko@yandex.ru

Муравлева Валерия Романовна

кандидат филологических наук, доцент, Московский
технический университет связей и информатики
VR.Muravleva@mail.ru

Аннотация: В статье автор рассматривает взаимосвязь языка и мышления на примере речевого воздействия, реализуемого посредством идеологии. Цель данной статьи заключается в определении характера взаимоотношений между языком, как символической системой, и идеологией, совокупностью идей, взглядов и верований, направленных на сознание индивидуумов. Обосновывается взаимосвязь социокультурных установок и речи. Автором акцентируется индексальность речевых знаков и социальной среды, в которой они порождаются, так как в процессе восприятия социального значения речевой единицы реципиент непременно сталкивается с контрастивностью лингвистических форм (несоответствием эксплицитного и имплицитного значения) и соотносит вариативность этих форм с экстралингвистическим контекстом. Особое внимание уделяется динамичности индексальных связей языка и идеологии. По мнению автора именно она обеспечивает результативность воздействующей функции идеологии. Исследование основано на постулатах Московской психолингвистической школы, согласно которой первостепенной задачей речевого общения является не столько передача информации, сколько управление неречевой деятельностью реципиентов текстов посредством речевой деятельности. Актуальность исследования определяется сложной общественно-политической обстановкой, сложившейся в мире на сегодняшний день.

Ключевые слова: мышление и речь, идеология, индексальность, речедеятельностный подход, коммуникативная ситуация.

О взаимосвязи языка и мышления говорят уже давно и очень много. В условиях сегодняшних геополитических реалий данный аспект имеет особое значение: конфликты все активнее переходят из «физического» мира в информационный, вербальный. Причем немаловажным видится, что чаще всего в дискурсах осуществляется «работа по предупреждению» противоречий, реализуемая посредством воздействующих текстов, направленных на поддержание либо подавление смыслов, идей, установок противоборствующих групп.

На фоне таких тенденций мы следуем за концепцией речедеятельностной теории, разработанной Московской психолингвистической школой, согласно которой первостепенной задачей речевого общения является не столько передача информации, сколько управление неречевой деятельностью реципиентов текстов посредством речевой деятельности. «Лингвистическое принуждение является наиболее эффективным из всех форм принуж-

дения, поскольку оно подавляет не только действия, но и самый помысел о каком-либо действии» [4, с. 145].

В рамках данной работы мы полагаем, что тексты, содержащие в себе совокупность связанных между собой идей, установок, мировосприятий, определяющих деятельность индивида, служат некой идеологической средой, которая «крайне неоднородна по своей структуре: в нее входят научные утверждения, политические лозунги, религиозные символы и верования, художественные образы, философские концепции. Совокупности данных знаков, ориентированных на практические интересы и имеющих цель манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание, социология называет идеологией» [2, с. 112].

Язык, выступая в качестве символической системы являет собой код, транслирующий субъективные интерпретации объективной реальности, приобретающие

мощный манипулятивный эффект, способный повлиять на бесчисленное множество реципиентов информации. Однако согласно работам М. М. Бахтина, «слово... нейтрально к специфической, идеологической функции. Оно может нести любую идеологическую функцию» [1, с. 19]. Отсюда возникает вопрос: если язык нейтрален по отношению к идеологии, нейтральна ли идеология по отношению к языку?

Цель данной статьи заключается в определении характера взаимообуславливающих отношений между языком, как символической системой, и идеологией, совокупностью идей, взглядов и верований, направленных на сознание индивидуумов.

Так, общество производит систему устойчивых значений, смыслов и ценностей, приобретаемых индивидуумом в процессе его социализации в определенной культурной среде и используемых им в качестве исходных установок в ходе его жизнедеятельности, что обеспечивает устойчивые индексальные связи между языком и контекстом, в рамках нашего исследования - идеологическим. «Индексальность проявляет себя в том, что связывает знаки с контекстами, в которых они уместны и ожидаемы» [5, с. 87]. Так, например, мы не можем определять принадлежность текста к тому или иному дискурсу опираясь исключительно на его эксплицитную форму: «некий текст будет считаться репрезентативным для «научного, фашистского, патриотического дискурса» не потому, что в нем используются слова наука, фашизм или патриотизм, но с опорой на то, какие смыслы выявляются за использованием слов» [5, с. 44].

Будучи транслируемыми доминирующими в тех или иных (со)обществах дискурсами, социальные установки приобретают семиотическое выражение. «Вследствие индексального соединения знака и его контекста порождается особая языковая идеология» [5, с. 18], обеспечивающая устойчивые фреймы восприятия и интерпретации речи через призму социокультурных установок. Иными словами, она не только организует и систематизирует экстралингвистические феномены, такие как нормы, ценности и идеи, но и определяет социальное познание - «систему ментальных репрезентаций и процессов, свойственных членам отдельных социальных групп» [5, с. 8], воплощая специфические характеристики социальных групп (такие как, например, идентичность, цели, верования и т.п.), на которых в последствии и опирается.

Характеризуя динамичность индексальных связей идеологии и языка, отметим, что в процессе восприятия социального значения речевой единицы реципиент непременно сталкивается с контрастивностью лингвистических форм (несоответствием эксплицитного и имплицитного значения) и соотносит вариативность этих форм с экстралингвистическим контекстом.

Именно динамичность индексальности языка и идеологии обеспечивает результативность воздействующей функции последней. Так, М.М. Бахтин утверждал, что посредством идеологии «социальное» значение слова способно проникнуть в сознание индивида и закрепиться там только при условии, что оно соответствует его внутренней картине мира, т.е. несет в себе субъективные смыслы, которые не ограничиваются констатацией определенных фактов, но и гармонируют с его личностным отношением к окружающей действительности.

При этом стоит отметить, что, несмотря на принципиальное значение фактора субъективности для эффективности реализации любой идеологии, ее знаковая форма всегда стремится к объективации, которая чаще всего осуществляется посредством «например, синтаксических связей, сочинительной или подчинительной, пассивными конструкциями как средствами дистанцирования субъекта высказывания и т.п., средствами когезии и когерентности, риторическими фигурами, средствами аргументации, в том числе опорой на авторитет, модальными средствами смягчения, усиления категоричности, окончательности суждения и др.» [5, с. 52].

Интересным нюансом кажется тот факт, что эти и другие средства объективизации не препятствуют, а напротив, обеспечивают возможность «интерсубъективности, процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления» [4, с. 1286] идеологизированных текстов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что язык и идеология теснейшим образом связаны: идеология всегда существует в знаковой, вербальной форме, посредством которой она стремится донести до индивида особые социальные смыслы. В свою очередь, язык идеологии строго ограничен экстралингвистическим контекстом, в котором он реализуется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. (а) Марксизм и философия языка [Текст] : основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Володинов. - М.: Лабиринт, 1993. 189 с.
2. Дядык Н.Г. Язык и идеология: афоризм как идеологема // Социум и власть. 2011. № 1. С. 112-116.

3. Ерофеев В.В. «Воспитание» посредством идеологической речи: обзор // Образ человека XX века: реф. сб. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 131-166. 450 с.
4. Можейко М.А. Язык // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М. - Мн.: АСТ; Харвест, 2001. С. 1286-1290.
5. Черняевская В.Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. - М.: ЛЕНАНД, 2021. - 208 с.
6. Dijk T.A. van. Discourseanalysisideologyanalysis // Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. Aldershot: Dartmouth Publishin, 1995. P. 17-33.

© Макаренко Александр Сергеевич (alex-makarenko@yandex.ru), Муравлева Валерия Романовна (VR.Muravleva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СМИ

MEANS OF MODALITY EXPRESSION IN MASS-MEDIA TEXTS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

*T. Matveicheva
O. Kniazeva
I. Pereverzeva*

Summary: In recent years, many studies have appeared in linguistics concerning to the category of modality. Modality expresses different types of the statement's relation to reality, as well as different types of subjective assessment of the reported facts. The problem of serving modality while translating texts from a foreign language into Russian is quite actual. What means of the TL-source should be used in the process of translating English newspaper article into Russian? Should modality always be served in translation texts or, paying attention to the different mentality, should the translation be adapted to the TL culture? The author of this article is trying to answer these questions.

Keywords: modality, subjective modality, author, evaluation, means of expression, mass media.

Матвейчева Татьяна Витальевна

кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет
(г. Ставрополь)
tanyamatveichev@mail.ru

Князева Оксана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет
(г. Ставрополь)
ksushenka124@mail.ru.

Переверзева Инна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет
(г. Ставрополь)
innapereverzeva@yandex.ru

Аннотация: В последние годы в лингвистике появилось много исследований, изучающих категорию модальности на примере различных языков. Модальность выражает разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной оценки сообщаемого

Проблема сохранения модальности при переводе текстов с иностранного языка на русский стоит наиболее остро. Какие средства принимающего языка использовать в процессе перевода английской публицистики на русский язык? Следует ли всегда сохранять модальность при переводе или, учитывая иную ментальность, следует адаптировать перевод к принимающей культуре? На эти вопросы и пытается ответить автор данной статьи.

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, автор, оценка, средства выражения, СМИ.

Одной из ключевых функционально-семантических категорий, посредством которой устанавливается смысловая связь высказывания с внеязыковой действительностью и реализуется его коммуникативный потенциал, является модальность. Однако до сих пор не существует единого мнения по вопросу о статусе категории модальности и научное описание ее природы и средств выражения все еще имеет «белые пятна», притягивающие исследовательский интерес.

Взгляды на природу и сущность категории модальности отличаются противоречивостью и порой носят диаметрально противоположный, взаимоисключающий характер. Одни ученые опираются на идущее от В.В. Виноградова и Ш. Балли широкое понимание модальности, рассматривая в числе модальных значений эмоциональное отношение к сообщаемому. Другие исследователи к числу модальных причисляют значения отрицания и утверждения, а также авторизацию, целеустановку, оцен-

ку, выводя модальность из рамок предложения в прагматическое рассмотрение контекста.

Действительно, термин «модальность» в современной лингвистике трактуется необычайно широко. Если рассматривать модальность как категорию лингвистики, то ее можно определить как семантическую категорию, характеризующую любое вербальное сообщение с точки зрения реальности-нереальности факта или явления действительности [5, с. 19]. Исследователи отмечают, что лингвистическая модальность в некотором роде соотносится с логической модальностью, в рамках которой происходит «соотнесение содержания суждения с объективной действительностью либо в плане модуса существования (возможность, действительность, необходимость), либо в плане истинности-ложности суждения» [5, с. 19], только в случае лингвистической модальности подобные аспекты принимают вербальное оформление, ведь при конструировании высказывания говорящий

использует целый арсенал языковых средств – лексических, грамматических, синтаксических.

Поскольку модальность тесным образом связана с прагматикой, изучающей вопросы взаимодействия коммуникантов в различных ситуациях общения, то модальность следует рассматривать в качестве неотъемлемого элемента языковой картины мира человека, отражающего оценочную реакцию говорящих. С этих позиций различается *объективная модальность*, выражающая отношение суждения к действительности, и *субъективная модальность*, выражающая отношение автора высказывания к смыслу сообщения [2, с. 13]. Объективная модальность, в свою очередь, бывает *реальной*, подчеркивающей соответствие содержания высказывания действительности, и *ирреальной*, к которой относятся высказывания, интерпретируемые говорящим как не-факт.

Существует мнение о том, что основное содержание модальности закреплено за объективной модальностью, которая «устанавливает характер соотношения содержания предложений с внеязыковой действительностью: реально событие в данных условиях (было, есть, будет) или нереально (гипотетично, целесообразно и т. п.)» [4, с. 5]. Но не менее важна и субъективная модальность, посредством которой оценивается степень достоверности знаний субъекта о сообщаемом. Таким образом, субъективная модальность связана с категорией оценки.

Исходя из дифференциации модальности на объективную и субъективную, исследователи (Г.А. Золотова, А.Б. Шапиро, Н.Ю. Шведова и др.), выделяют два типа значений: объективно-модальные и субъективно-модальные.

Объективно-модальные значения проявляются в грамматической парадигме предложения и «встроены» в форму сказуемого. Это связано с тем, что объективная модальность формирует отношение сообщаемого к действительности в плане реальности/ирреальности, то есть осуществленности/неосуществленности фактов, событий, действий, что выражается в языке посредством категории времени.

Субъективно-оценочные значения связаны с оценочным фактором высказывания и, соответственно, со средствами эмоциональной оценки. Именно субъективная модальность связана с вопросом о различных способах выражения оценочного (эмоционально-экспрессивного) в предложении. С точки зрения И.И. Просвириной, именно способы выражения субъективно-модальных отношений «позволяют понять роль в предложении говорящего, оценку автором содержания высказывания и помогают понять, каким образом высказанная в предложении мысль воздействует на слушателя» [1, с. 80].

Субъективная модальность – «важный признак лю-

бого текста, в силу чего данная категория является текстообразующей» [3, с. 61]. Но особую роль данный вид модальности приобретает в публицистическом тексте, характеризующемся «эмоциональностью, открытостью авторских оценок, стремлением воздействовать на адресата» [3, с. 61]. Обращаясь прямо и непосредственно обращается к читателю со своими мыслями, чувствами, оценками, журналист делает его соучастником описываемых им событий, фактов, явлений.

В связи с этим важно затронуть проблему способов выражения авторской модальности, выработанной в газетно-публицистических текстах, и подбор им соответствий в других языках, связанный с переводческим аспектом.

В число способов выражения авторской модальности входят не только лексические (оценочная лексика и фразеология), но и морфологические (особое использование форм глагольного времени, усилительные частицы, эмоциональные междометия, вводно-модальные компоненты), синтаксические (инверсия, предложения с обращением, парцеллированные конструкции), стилистические (метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы и т.п.). Именно за счет этих средств читатель ясно осознает общую тональность текста и субъективно-оценочную позицию автора.

В настоящее время проблема перевода языковых средств выражения авторско-субъективной модальности в текстах СМИ встает наиболее остро. Это связано с возросшим интересом русских читателей к проблемам экономики, культуры, социальной сферы других стран. при этом читатель хочет услышать точку зрения на то или иное событие не с позиций репортеров своей страны, но и с точки зрения зарубежных публицистов, которые передают это явление в других красках, чем это делают русские репортеры. Статьи, опубликованные в иностранных СМИ, интересны для русских читателей не только своей содержательной стороной. Как правило, эти публикации образны и эмоциональны. И очень важно подать иноязычный материал так, чтобы он при переводе не потерял своей модальной оценки, чтобы сохранилось авторское отношение к излагаемому явлению. Переводчик должен на какое-то время стать соавтором западного репортера. Однако, читая переводы статей западноевропейской прессы, можно заметить несоответствие средств выражения модальности, что, по мнению О.Г. Шевченко, является причиной ошибочного и неточного раскрытия модальности в переводе [6, с. 203].

Исследователи отмечают, что наиболее сложными для перевода являются модальные глаголы. Модальные глаголы способны передать самые тончайшие оттенки авторской субъективной модальности. Однако, значения модальных глаголов в ИЯ и ИЯ не всегда совпадают. Кро-

ме того, в ИЯ и ПЯ модальные глаголы отличаются еще и своим количественным составом. Так, процент употребления модальных глаголов в английском языке во многом превосходит употребление их в русском языке.

Как показывает практика, при переводе с английского языка на русский самым распространённым способом перевода модальных глаголов является их опущение. Но, как правило, стилистическая доминанта обозначена другими средствами, которые компенсируют такое опущение, например, модуляцией, смысловым развитием [6, с. 203].

Оригинал: *"The character Don Draper once said on the TV show Mad Men that "Happiness is the smell of a new car." Well, a study just published in "Cell Reports Physical Science" found something besides happiness in a new car that **may** make you go, "What the smell? That's what you're smelling **may** actually consist of formaldehyde, benzene, and other chemicals floating in the air that could irritate your skin, eyes, nose, and throat and even cause cancer"* (Forbes. 15.04. 2023).

Перевод: «Один из героев телешоу «Безумцы» Дон Дрейпер однажды сказал: «Счастье – это запах новой машины». Однако, журнал "Cell Reports Physical Science", соглашаясь с тем, что новая машина – это счастье, заставляет нас задуматься. «О каком запахе идет речь? Садясь за руль автомобиля, вы вдыхаете пары формальдегида, бензола и других химических веществ, витающих в воздухе, которые **могут** не только раздражать вашу кожу, глаза, нос, горло, но и вызывать рак».

При переводе фразы *that **may** make you go* мы «опустили» английский модальный глагол *may*, и это «опущение» привело к тому, что полностью изменился смысл высказывания, тем самым нарушив модальность. Однако, при переводе цитаты журнала, в которой также встречается глагол *may*, мы данный глагол сохранили, а значит сохранили и модальность.

В процессе перевода английского публицистического текста на русский язык часто происходят замены на морфологическом уровне, например, одна часть речи меняется на другую, множественное число на единственное и наоборот. Но модальность исходного текста при таких заменах может как сохраниться, так и не сохраниться.

Одна из статей американского электронного журнала "American Thinker" называется *"America Cannot Survive If Its Citizens Lack Pride"*. Автор данной публикации размышляет на тему патриотизма и переживает, что такое понятие как «гордость за свою страну», гревшее прошлые поколения, ушло из умов и сердец современных американцев. Но он находит этому причину – его родина стала не такой, как была раньше, изменились ценностные

ориентиры, по-другому стало восприниматься понятие свободы.

Контекст статьи подсказал нам перевод заглавия данной публикации: *«Америка не сможет выжить, если ее граждане не будут гордиться своей страной».*

Мысль автора, сосредоточенная в названии, поясняется в последнем абзаце:

"Who would want to defend a country that makes them ashamed? How many would fastidiously feather a nest that is not their own? Not many people would spend a great deal of their time on something that has no value to them and in which they take no pride" (American Thinker. 26.02.2023).

Мы перевели данный фрагмент статьи так:

«Кто захочет защищать страну, за которую ему стыдно? Многие ли не побрезгуют убрать перья в чужом гнезде? Кто будет тратить свое время на то, что не имеет для него никакой ценности и чем он не гордится?».

Как видим, в переводе данного контекста модальность сохранена, хотя имя существительное *pride*, встречающееся в заголовке и в конце статьи, в переводе стало глаголом. Но модальность сохранена здесь еще и потому, что мы нашли удачный эквивалент английскому выражению *to feather fastidiously a nest that is not their own* – «не побрезговать убрать перья в чужом гнезде», хотя наречие *fastidiously* мы заменили глаголом.

Но рассмотрим еще один контекст и его перевод. Публикация называется *«Space aliens could change our lives whether they're real or not"* («Космические пришельцы могут изменить нашу жизнь, независимо от того реальны они или нет»).

Оригинал: *"Even without hard evidence, the probabilities alone make life on other planets a reasonable assumption, even by hard-faced scientists who scoff at speculation. Now there is a growing body of evidence that there may be alien spacecraft in our **skies**"* (American Thinker. 26.02.2023).

Перевод: *«Серьезные ученые, которые раньше смеялись над гипотезой существования жизни на других планетах, теперь, даже без веских доказательств, принимают это предположение за истину. Ведь сейчас все больше и больше появляется свидетельств того, что в нашем **небе** летают инопланетные космические корабли».*

При переводе мы заменили существительное во множественном числе (*skies*) на таковое в единственном числе (*небо*). Конечно, можно привести примеры, когда категория числа в ИЯ и ПЯ не совпадает. Но здесь особый случай. Автор статьи не просто так использует выражение *in our **skies*** вместо *in our **sky***. Использование имени существительного *sky* во множественном числе, с одной

стороны, придает высказыванию оттенок торжественности (сравним с русским: *небо – небеса*). С другой стороны, чувствуется религиозный подтекст, намекающий на то, что появившиеся «в небесах» инопланетные корабли присланы американцам Богом. Однако, данная субъективная модальность не может быть передана в русском переводе в силу иного отношения русских читателей к «пришельцам из других галактик». Поэтому мы обошлись тривиальным – «в нашем небе».

Теперь остановимся на средствах передачи английского условного наклонения, которое в публицистических текстах используется с большой долей частотности, на русский язык.

Оригинал: *"All of these extra costs incurred by utilities would be passed on to customers in the form of higher electricity prices"* (American Thinker. 12.10.2020).

Перевод: «Возможно, все эти дополнительные расходы, понесенные коммунальными службами, **лягут на плечи** потребителей в виде повышения цен на электроэнергию».

В переводе возможность совершения действия по отношению к реальности передается с помощью модального слова «возможно», но сам глагол поставлен в будущем времени изъявительного наклонения. Однако, несмотря на произведенные замены, модальность сохранена.

К синтаксическим средствам выражения модальности в англоязычных публицистических текстах относятся: инверсия, эллипсис, синтаксический повтор, синтаксический параллелизм, риторический вопрос, градация. Но если таким лингвистическим феноменам, как риторический вопрос, эллиптические конструкции или синтаксический повтор, можно на ПЯ найти адекватную замену, то инверсия – чисто английское лингвистическое явление, поскольку в английском языке традиционно используется прямой порядок слов, в то время как в русском языке порядок слов носит свободный характер, в связи с чем такого явления, как инверсия, не наблюдается. Поэтому при переводе предложений с инверсией на русский язык невозможно сохранить авторскую модальность. Так, нам встретилась публикация под названием *"Never before have I so enjoyed hearing the 'F word"* (American Thinker. 13.09.2021).

В данном контексте, благодаря инвертированному порядку слов в предложении, обстоятельство времени

"Never before" получает дополнительную значимость. Значение инверсии в данном случае усиливается и тем, что инвертированная конструкция обладает высокой экспрессивностью благодаря глаголу *to enjoy*. И в то время само наречие *never*, несущее значение интенсификации, придает высказыванию эмоциональную окраску. Однако, в переводе все эти нюансы исчезли, в связи с чем модальность исходного текста не сохранилась: *"Никогда прежде мне так не нравилось слышать слово на букву "ф"»*.

А вот модальность, которая конструируется посредством риторического вопроса, может быть сохранена в переводе, если найти необходимые средства.

Оригинал: *"So why shouldn't we be free to choose, in any marketplace, what's right for us?"* (American Thinker. 21.10.2022).

Перевод: «Так почему же мы не можем свободно выбрать на рынке то, что подходит именно нам?».

Модальность в публицистическом тексте передается и за счет лексических средств, отражающих оценку автора. В англоязычных статьях СМИ мы находим огромное количество эпитетов, подчеркивающих позитивное или негативное отношение автора к тому или иному явлению действительности.

Эпитеты, если они выполняют в тексте эстетическую функцию, переводить не трудно, нужно только подобрать на ИЯ эквивалент с соответствующей эмоциональностью или экспрессивностью, что поможет сохранить модальность при переводе.

Оригинал: *"To the side was a swish cocktail bar for parties and a piano with sheet music"* (Financial Times. 2.03.2019).

Перевод: «Рядом с ним находились **шикарный** коктейль-бар для вечеринок и фортепьяно с нотами».

Итак, рассмотрев способы и средства выражения модальности в публицистических текстах на примере англоязычных СМИ, мы пришли к выводу, что большинству модальных средств можно найти подходящие эквиваленты при переводе на русский язык. Исключение лишь составляют безэквивалентные модальные лексические единицы или грамматические конструкции исходного текста. В таких случаях замена единиц модальности исходного текста – неизбежное явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Просвирина И.И. Субъективная модальность как средство выражения оценочности // Вестник Омского государственного университета. – 2002. - № 6. – С. 79 – 81.

2. Селиванова Е.Е. Модальность настоящего и будущего времени в английском дискурсе // Вестник МГЛУ. Когнитивно-функциональные аспекты грамматических исследований англоязычного дискурса. – М.: Рема, 2008. – С. 13 – 21.
3. Топтыгина Е.Н. О субъективной модальности газетно-публицистического текста // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 2. – С. 61-65.
4. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке. – Калининград, 2000. – 85 с.
5. Хомутова Т.Н. Модальность и наклонение в современном английском языке. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 19 – 23.
6. Шевченко О.Г. Интерпретация английской модальности в русских переводах // Филологические науки. вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. – С. 201-205.

© Матвейчева Татьяна Витальевна (tanyamatveichev@mail.ru), Князева Оксана Викторовна (ksushenka124@mail.ru),

Переверзева Инна Владимировна (innapereverzeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский федеральный университет

ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)

Петренко Олеся Александровна

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО Брянский ГАУ
brodyga_2008@mail.ru

THE CORE AND PERIPHERY OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP "NOBLE ESTATE" (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF I.A. BUNIN)

O. Petrenko

Summary: Lexico-semantic group estate – estate – manor – village – patrimony – the village as synonyms of the name of the property that belonged to one of the social groups of Russia, appears in Russian memoirs and literary sources since the end of the XVIII century, goes through various transformations throughout the XIX century and in the transition from the XIX to the XX centuries, from the end of the XX and the beginning of the XXI centuries there is an explosion of interest in the manor culture, the desire for to fill in the gaps in the history of the study of national culture, the need to take a closer look at one of the landmarks of the cultural heritage of the country increases., describe and present various facets of the socio-economic and family way of life of Russian reality.

Keywords: concept, core, periphery, lexico-semantic group, linguistic analysis, logic.

Аннотация: Лексико-семантическая группа поместье – имение – усадьба – деревня – вотчина – село как синонимы названия собственности, которая принадлежала одной из социальных групп России, фигурирует в русских мемуарных и литературных источниках с конца XVIII, переживает разные трансформации на протяжении всего XIX века и в переходе от XIX к XX вв., с конца XX и в начале XXI веков наблюдается взрыв интереса к усадебной культуре, возрождается стремление на конкретном материале восполнить пробелы в истории исследования национальной культуры, усиливается потребность внимательнее взглянуть в один из ориентиров культурного наследия страны, описать и представить различные грани социально-хозяйственного и семейного уклада русской действительности.

Ключевые слова: концепт, ядро, периферия, лексико-семантическая группа, лингвистический анализ, логика.

Язык как естественную систему, отражающую изменчивость и разнообразие мира, в последние десятилетия как за рубежом, так и в отечественной науке активно изучает когнитивная лингвистика, благодатным материалом для которой является производная лексика и способы ее системной организации. При этом следует отметить, что данные словообразования в когнитологии привлекаются редко. Однако, как справедливо отмечает Т.И. Вендина, именно «словообразование... открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности.

Современная когнитивная лингвистика представлена, в основном, двумя основными подходами: лингвокогнитивным (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.) и лингвокультурным (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко и др.).

С целью выявления концептуального содержания языковых единиц рассматриваются и комплексные единицы словообразования, в частности, словообразовательный тип и словообразовательное гнездо (М.Г. Шкуропацкая,

М.Д. Тагаев, Л.А. Араева, М.Н. Образцова, М.А. Осадчий, К.А. Демиденко, М.С. Косырева, А.М. Кыртепэ и др.)

В своем исследовании мы исходим из того, что одной из основных проблем лингвистического описания является обнаружение принципиальной модели языка, которая представляет языковые факты как системные. Важнейшими компонентами строения лексической системы языка признается наличие ядра и периферии. Наличие ядра в лексиконе языка признано сейчас универсальным признаком лексики [13, с. 120], определение функций ядра и периферии, критериев их разграничения, принципов взаимодействия очень важно для решения многих лингвистических проблем. Термины «ядро» и «периферия» используются при анализе не только всего лексикона, но и его частей, обозначая те части исследуемых объектов, которые соотносятся как регулярное, главное, и факультативное.

Базовым ядром концепта «Дворянская усадьба», как и всякого другого концепта, является определенный чувственный образ, единица универсального предметного кода, которая кодирует концепт для мыслительных

операций. Это тот образ, который возникает в мозгу каждого говорящего по-русски при восприятии с помощью органа (органов) чувств данного словосочетания. Кодовый компонент приобретает идею «зародыша» перво-смысла, «из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности» [Колесов 2002: 81].

Как известно, «доступ» к концепту, являющемуся мыслительной категорией, можно получить только через его репрезентацию, единственным инструментом художественного текста выступает при этом Слово в широком его понимании, т.е., чтобы обменяться концептами и их сочетаниями как результатами мыслительной деятельности, необходимо эти концепты вербализовать, т.е. назвать, выразить языковыми знаками. Именно «языковой знак представляет концепт в языке, в общении» [Попова, Стернин 2001: 38].

Кодовый компонент, ядро окружено слоями концептуальных признаков, тоже получающих закрепление в языковых средствах. Это и лексика, представляющая какие-то составляющие концепта (например, *дом, сад, прихожая, (липовая) аллея, фонтан*), и средства фразеологии (*дворянское гнездо*), морфологии (например, различия в роли категорий грамматики: *вида, модальности, времени*), синтаксиса (функции синтаксических структур), каждое из этих средств увеличивает объем концепта и насыщает его содержание.

К ядру будут относиться наиболее конкретные, яркие образы, в случае нашего концепта – обобщенный образ землевладения (*усадьба*), имеющего совокупность признаков классовой принадлежности (*дворянская*), а частные признаки составляют периферию концепта (*сад, дворня, овин, няня, ключница, дворецкий*). «Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [Попова, Стернин 2001: 60].

Важнейшее средство представления периферии – лексика. Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Например, семантический компонент «чистый и прозрачный воздух», свойственный усадьбе и закрепляющийся в памяти выросшего там ребенка, может проявляться через скрытые компоненты значения слов и целых фраз: «Отцвел и оделся сад, целый день пел соловей в саду, *целый день были подняты нижние рамы окон в моей комнате...*» («Жизнь Арсеньева»: 6/119).

Непосредственно в семантике глагола *поднять* присутствие воздушной среды никак не выражается, но поднятая рама – увеличившееся пространство, отсюда наполненность его воздухом.

Таким образом, *периферия* – это интерпретационная часть концепта, совокупность слабо структурируемых предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в зависимости от содержания концепта, а также той культуры, к которой он восходит [Попова 1989: 32]. Например, все элементы контекста, отражающие *степень востребованности дворянской усадьбы, описания садово-паркового ансамбля, какие-то рекреационно-гостевые или воспитательные мероприятия* в усадьбе выступают такими интерпретационными компонентами. Начало одного из рассказов Бунина: «*Лето, июнь в лесном западном краю. Весь день проливной свежий дождь, его сплошной шум по тесовой крыше. В притихшем доме сумрак, скучно, на потолке спят мухи. В саду покорно никнут под водяной бегущей сетью мокрые деревья, красные цветники у балкона необыкновенно ярки...*» («Первая любовь»:5/422). Как видим, концепт здесь представлен одним из своих близких к ядру номинантов (*имение*), характеристика его складывается из набора периферийных компонентов, распознавание которых требует особых фоновых знаний. Имение не из богатых (*тесовая крыша, мухи под потолком*), интересных рекреационных мероприятий не предвидится (*сумрак, скучно*), тем не менее описание полно нежности к этому уголку земли (дождь не просто проливной, он *свежий*; цветники мало что красные – они еще *необыкновенно ярки*; яркость красного здесь не тавтология, эту яркость придает *свежий, благодатный дождь*). Таким образом, через описание одного лишь из имений Бунин позволяет нам получить представление о родовых признаках объекта и своем отношении к нему.

Приведенный пример и подобные ему позволяют, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, считать, что слово, как и любая номинация, – это «ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой же знак (*свежий, покорный*), подобно выключателю, «включает» какое-то свойство концепта в нашем сознании, «активируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления» [Попова, Стернин 2001: 39].

Рассматривая содержание и структуру указанного концепта, есть основания предполагать, что для русского этноса и для носителя русского языка его ядерным компонентом является сочетание «*Дворянская усадьба*», т.е. данное сочетание в совокупности всех фонетических, грамматических, семантических вариантов.

Здесь важно опереться на билатеральную теорию Ф. де Соссюра о природе языкового знака, который, являясь «двусторонней психической сущностью», соединяет *означаемое* (понятие) и *означающее* (акустический образ) [Соссюр 1999:69]. В рассматриваемом нами случае одному означаемому может соответствовать несколько означающих: имеются в виду, во-первых выражение *одного понятия* сочетанием *двух слов* (*дворянская усадьба*), во-вторых, возможность контекстуальной синонимической замены сочетания одним словом (*дворянская усадьба=усадьба*), наличие семантических и грамматических вариантов (*усадьба, усадьбами, усадебка, владение, дворянское гнездо*), а также вариантов синонимических (*поместье, вотчина, имение, дом, дворец*), более или менее различающихся по своему содержанию. В первом случае несколько важнейших сем сохраняется в одном или двух элементах словосочетания, и оно сохраняет, в терминах Ф. де Соссюра, свою «значимость», во втором случае мы видим, что внутри одного языка слова, выражающие близкие понятия, частично ограничивая друг друга, способны участвовать в представлении одного объекта действительности [См. Соссюр 1999: 116].

В когнитивной лингвистике такое понимание получает особую интерпретацию: концепт как план содержания языкового знака «включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадиг-

матические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф. Соссюр называет «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта» [Воркачев 2001: 27].

Исходя из предположения, что концепт «Дворянская усадьба», как и другие компоненты концептосферы, имеет полевую структуру, можно считать ядром такого поля словосочетание *дворянская усадьба*, вокруг него концентрируется совокупность объектов, определяющих семантику и структуру поля, каждый из которых выступает как некая важная хозяйственно-административная составляющая.

Важную роль в формировании представления о концепте играет лексическая сущность ключевого словосочетания, прежде всего, символический смысл, заключенный в лексеме *усадьба*: смысл, в основе семантики которого представление об активности, созидательности (от *садить*).

При описании концепта в терминах ядра и периферии нами обнаружено, что для каждого значения ядерной лексемы имеются свои репрезентанты на ближней и дальней периферии.

Содержательные и структурные характеристики каждого из микрополей позволяют выявить роль полевого ядра, которая тесно связана с периферийной репрезентативностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
2. Дневники Бунина / Публ., вступ. ст. и коммент. А. Бабореко // Подъем. 1979. №1. С. 113-121.
3. Зайцева Н.В. Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1890-х начала 1910-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 1999. 19 с.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб., 2002. – 448 с.
5. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 512 с.
6. Осадчая О.А. Лексика юго-западного пограничья в поле концепта «Дворянская усадьба» (на материале произведений И.А. Бунина) – Материалы 14 Международной научно-практической конференции «Традиционная культура на российско-белорусском пограничье: историко-этнографический и лингвокультурологический аспект». – Брянск, 2012.
7. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин – Воронеж: Истоки, 2001. 189 с.
8. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Воронежский государственный университет. 1989. С. – 196.
9. Сливницкая О.В. О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. - № 1. - С. 72 - 80.
10. Сливницкая О.В. Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Русская литература. - 1999. № 1.-С. 97.
11. Соловьев К.А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства II половины XVIII I половины XIX веков. По воспоминаниям, письмам и дневникам. Очерки. - СПб.: Нестор, 1998. 96 с.

© Петренко Олеся Александровна (brodyga_2008@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АВТОРИЗУЮЩИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА

AUTHORIZING CONSTRUCTIONS AS DISCOURSE WORDS

Sun Xin

Summary: This article examines the function of authorizing discourse words. Authorizing constructions express information and organize the structure of the text, they are used as discourse words to express the presence of the author, giving the discourse a subjective character. The method of contextual analysis is used in this work. The source of material is such a resource as the National Corpus of the Russian language. The main conclusions are that authorizing discourse words indicate the author's position, involve the reader in an interactive dialogue with the author, contribute to the creation of the atmosphere of sincere communication.

Keywords: authorizing constructions, discourse, discourse words, interactivity, communication.

Сунь Синь

аспирант, Московский педагогический государственный университет
cbetasunxin@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматривается функция авторизирующих дискурсивных слов. Авторизирующие конструкции выражают фактическую информацию и организуют структуру текста, они используются как дискурсивные слова для выражения присутствия автора, придавая дискурсу субъективный характер. В работе использованы метод контекстного анализа. Источником материала служит такой ресурс, как Национальный корпус русского языка. Основные выводы заключаются в том, что авторизирующие дискурсивные слова указывают на позицию автора, вовлекают читателя в интерактивный диалог с автором, способствуют созданию атмосферы искреннего общения.

Ключевые слова: авторизирующие конструкции, дискурс, дискурсивные слова, интерактивность, коммуникация.

Дискурсивные слова представляют собой единицы, которые передают дискурсивную информацию, их цель состоит в том, чтобы организовать дискурс, помочь адресату добиться оптимального восприятия передаваемой фактуальной и коммуникативной информации [2, с. 84]. Они используются для выражения отношения автора к содержанию, а также для достижения интерактивного диалога между автором и читателем. На первый взгляд эти единицы кажутся неважными элементами, но на самом деле они играют значительную роль в построении дискурса и обеспечении связности текста [7, с. 10], образуя коммуникативную основу высказывания и текста в целом [9, с. 374].

Дискурсивные слова относятся к разным частям речи, большинство из них являются модальными словами (*конечно; кажется; безусловно...*), и не существует четких границ для отнесения единиц к группе дискурсивных слов, классификация их главным образом основывается на функционально-семантических критериях [6, с. 9]. Дискурсивные слова функционируют не только в рамках предложений, в которых они используются, но в то же время они затрагивают более широкий контекст [там же, с. 25].

По мнению Е.Ю. Викторовой, в группу дискурсивных слов входят единицы, выражающие как фактическую, так и организационную информацию, в том числе авторизирующие конструкции [4, с. 50–51]. Они содержат самоупоминание автора и используются для выражения его личного мнения (*я считаю; на наш взгляд; по нашему мнению; мы полагаем*) [там же, с. 134]. Эти средства

используются для выражения присутствия автора, придавая дискурсу субъективный характер, Г.Г. Лилова считает, что глагольное сказуемое также может отражать присутствие автора [8, с. 19], в связи с этим вслед за Е.Ю. Викторовой мы рассматриваем глаголы в первом лице, выражающие позицию автора, также как авторизирующие дискурсивные слова (*полагаю; отмечу; отметим; рассмотрим; заметим; уточним...*). Эти единицы выполняют разные функции в дискурсе.

1. Во-первых, авторизирующие дискурсивные слова представляют собой на языковом уровне маркеры, которые указывают на точку зрения или позицию автора. Они помогают читателям быстро найти в большом объеме информации сведения, относящиеся к точке зрения автора и выделяющие значимые для него моменты.

Мы обнаружим, что в корпусе слово «проблеск» до Тютчева фигурирует только в одном произведении <...>.

<...> отметим лишь еще одно поразительное следствие гипотезы о сильной гравитации.

Приобретение «новых знаний» основано на просмотре, оценке и осмыслении «старых знаний». Иными словами, тексты являются продуктом интеграции «старых знаний» и «новых знаний», «чужих слов» и слов автора. С помощью выражений *«Мы обнаружим», «отметим»* проясняются выводы исследования или мнения автора, значительно уменьшается работа по обработке информации, необходимая для восприятия текста.

2. Во-вторых, авторизирующие дискурсивные слова по-

казывают авторское присутствие и конструируют образ автора.

Мы считаем, что роль и значение ООН, <...>, должна быть укреплена.

<...>, на сюжетном уровне это, **на наш взгляд**, недо-тянуто, <...>.

В приведенном выше примере «Мы считаем» и «на наш взгляд» повышают объективность представленной информации, ослабляя роль личности, с другой стороны – снижают риск, который автор должен взять на себя в отношении утверждения.

Авторизирующие конструкция в формах «я» отражают акцент автора на оригинальности и новизне своего утверждения. Использование формы единственного числа может быть тесно связано с двумя намерениями. Одно из них заключается в том, что автор отождествляет себя со своими аргументами, а другое – в том, что автор хочет добиться одобрения своих взглядов. Например:

Этому великому, **на мой взгляд**, фильму совесть не позволяет поставить оценки ниже чем 10 из 10.

Я полагаю, что нужно увеличивать заработную плату, давать возможность гражданам получить работу.

В отличие от выражений во множественном числе, «я-конструкция» в какой-то степени подчеркивает ответственность автора за информацию. С помощью таких единиц говорящий показывает, что выражаемые им взгляды являются его собственными и что он не навязывает их другой стороне. Это «успешная стратегия смягчения категоричности» [1, с. 27], говорящий выражает свою точку зрения и дает адресату право на собственное суждение [5, с. 173].

3. В-третьих, авторизирующие дискурсивные слова помогают выстроить отношения между автором и читателем и вступить в интерактивный диалог с читателем. Они конструируют идентичность автора и одновременно позиционируют других участников коммуникации, выражая авторскую установку на искреннее общение.

«– <...>, друг мой, **обратимся** мыслями к предметам более приятным.

<...> **рассмотрим** состояние и перспективы развития банковских систем денежных переводов.

Такого рода выражения отражают приглашение читателей к участию в диалоге, способствуют сужению психологической дистанции между читателем и автором, создают атмосферу прямого, непосредственного общения между двумя сторонами. При столкновении с большим объемом информации уровень внимания читателя очень ограничен. Адресат проявит больший энтузиазм и интерес только когда что-то связано с собой.

Авторизирующие дискурсивные слова также помогают активизировать сознание читателя, вовлекают его в повторение процесса исследования вместе с автором. Субъектом ментальной операции являются не только автор, но и читатель, которому приходится повторять шаги авторской мысли, адресат не узнает результаты исследования от автора, а «как бы получает их сам» [10, с. 24–26]. В этом случае используются конструкции с авторским *мы*. Например:

Мы исследовали подводный хребет, который остался таким же, как и в далёком прошлом.

<...> **мы рассмотрели** вопросы, связанные с толкованием истории обращения царя Саула к Аэндорской волшебнице.

По мнению Е.А. Баженовой, такие единицы являются операторами активации мысли, которые не только передают процесс познавательной деятельности, но и вовлекают в него читателя, который может совместно с автором пройти «путь от незнания к знанию» [3, с. 223].

Изучение авторизирующих дискурсивных слов отражает новое направление в развитии современной лингвистики – антропоцентризм, парадигма которого определяется фундаментальными характеристиками самого языка, такими как субъектность. Авторизирующие дискурсивные слова подчеркивают точку зрения автора, акцентируя внимание читателя на ключевых моментах содержания дискурса, облегчая нагрузку читателя по пониманию информации. В то же время, четко обозначая присутствие автора, конструируя авторство, авторизирующие дискурсивные слова способствуют созданию атмосферы непосредственного общения, что в свою очередь стимулирует желание читателя к взаимодействию, открывает путь к диалогу и сотрудничеству между автором и читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, О.А. Тактики смягчения категоричности высказывания (на материале собственных ручных записей разговорной речи). Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 2013, Т.13, №2. С. 24–30.
2. Андреева, С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи: монография / С.В. Андреева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.
3. Баженова, Е.А. Прагматические единицы научного текста. Филологические заметки, 2007. №2. С. 221–225.
4. Викторова, Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования. дис. ...д-ра филол. наук. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов. 2016. 617 с.
5. Гусев, В.А. Способы смягчения категоричности высказываний в процессе диалога (на примере диалогов героев романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господин Голован»). Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов. 2016. 120 с.

- да Головлевы"). Вестник Башкирского университета, 2020, Т. 25. №1. С. 171–176.
6. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. 446 с.
 7. Лебедева, Ю.Н. Дискурсивные слова в тибетском языке: дис. СПб., 2016. 36 с.
 8. Лилова, Г.Г. Авторизация и её выражение посредством глагольных предикатов в предложениях русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук/МГУ, М., 1989.
 9. Понятина, Т.П. Коммуникативные функции дискурсивных слов в художественных текстах. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, Т.4. №2. С.373–376.
 10. Рябцева, Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе. Вопросы языкознания, 1992. №4. С. 12–28.

© Сунь Синь (cbetasunxin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ОСОБЕННОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ С ГЛАГОЛАМИ РЕЧИ

Тин Ван

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
wtaspirant@gmail.com

FEATURES AND COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF DISCURSIVE FORMULAS WITH VERBS OF SPEECH

Tin Wang

Summary: The article is devoted to the problem of theoretical description of discursive formulas as a special class of constructions and analysis of their functions in dialogical speech. The objective of the article is, firstly, to consider the characteristic features of discursive formulas at different levels of language, and secondly, to analyze the main communicative functions of discursive formulas when they are used in dialogue as replicas-reactions. The result of the study is the identification of the features of discursive formulas (at the lexical level – the integrity of the meaning, at the syntactic level – the integrity of the syntactic position, isolation). The communicative functions of discursive formulas in dialogue are described – agreement, disagreement, evasion, causation of demands and requests.

Keywords: discursive formula, replicas-reactions, replicas-consents, replicas-disagreements, replicas-evasions.

Аннотация: Статья посвящена проблеме теоретического описания дискурсивных формул как особого класса конструкций и анализу их функций в диалогической речи. Задачей статьи является, во-первых, рассмотрение характерных особенностей дискурсивных формул на разных уровнях языка, во-вторых, анализ основных коммуникативных функций дискурсивных формул при их использовании в диалоге в качестве реплик-реакций. Результатом исследования становится выявление особенностей дискурсивных формул (на лексическом уровне – целостность значения, синтаксическом уровне – целостность синтаксической позиции, изолированность). Описаны коммуникативные функции дискурсивных формул в диалоге – согласие, несогласие, уклонение, каузация требования и просьбы.

Ключевые слова: дискурсивная формула, реплики-реакции, реплики-согласия, реплики-несогласия, реплики-уклонения.

Введение

В последние десятилетия наиболее важными становятся практикоориентированные подходы в исследованиях диалогической речи. Одним из актуальных аспектов практической интерпретации диалога в современном лингвистическом дискурсе является правильное понимание задействованных в его репликах идиоматических конструкций. Наибольшую сложность в интерпретации диалогической речи представляют так называемые дискурсивные формулы, особый класс конструкций, обладающий специфическими свойствами и служащий маркерами реакций на определенные вербальные стимулы. Настоящая статья посвящена описанию функционирования в диалогической речи реплик-реакций, представленных дискурсивными формулами с глаголами речи. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности такого класса конструкций, как дискурсивные формулы, в частности функционально-семантического поля реплик реакций с глаголами речи.

Цель исследования – комплексное рассмотрение особенностей и функционирования в речевой коммуникации дискурсивных формул с глаголами речи. Создание максимально подробного описания коммуникативных функций

дискурсивных формул с глаголами речи в диалоге.

Объект исследования – дискурсивные формулы с глаголами речи.

Задачи исследования:

1. описание характерных специфических черт дискурсивных формул на разных уровнях языка;
2. анализ коммуникативных функций дискурсивных формул с глаголами речи, используемых в диалоге в качестве реплик-реакций с использованием обширной базы текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса дискурсивных формул Прагматикон.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении коммуникативных функций функционально-семантического поля дискурсивных формул с глаголами речи. В ходе проведенного автором исследования было найдено 49 дискурсивных формул с глаголами речи, выражающих различные смысловые значения, проанализированы примеры практического их употребления в корпусах (в Прагматиконе или в Основном подкорпусе Национального корпуса русского языка). Выборка носила сплошной характер. На основании анализа употребления указанных дискурсивных формул в речи были

описаны их коммуникативные функции.

Теоретическая значимость работы состоит в описании функционала дискурсивных формул с глаголами речи. Указанные теоретические положения могут быть применены при сопоставительном анализе функций различных групп дискурсивных формул.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при практическом преподавании русского языка как иностранного, составлении языкового курса и методических пособий к нему.

Обзор литературы

Исследованиями дискурсивных формул русского языка занимались такие ученые-русисты, как А.А. Яскевич [1], П.А. Бычкова [1], Е.А. Слепак [1], Е.В. Рахилина [1], С.Ю. Жукова [2], С. Ван [3] и другие. Можно отметить определенный прогресс в изучении и систематизации: во-первых, создана база дискурсивных формул русского языка – «Прагматикон» [5], во-вторых, П.А. Бычковой [1], С.Ю. Жуковой [2], С. Ван [3] предприняты попытки изучения отдельных дискурсивных формул, некоторых – даже в диахроническом аспекте. Однако на сегодняшний день остаются значительные лакуны в такой области знания, как дискурсивные формулы с глаголами речи. До настоящего момента не существовало базы дискурсивных формул с глаголами речи, не был изучен их функционал.

Материалы и методы

Для изучения коммуникативных функций дискурсивных формул с глаголами речи в диалоге была использована корпусная методика. Задействованы материалы корпуса дискурсивных формул Прагматикон и Национального корпуса русского языка. Научно-методологическую базу статьи составили описательный, системный и функциональный методы лингвистического исследования. Также использовались общенаучные методы, такие как анализ, индукция, дедукция, классификация.

Результаты исследования

Дискурсивные формулы представляют собой особый класс идиоматических конструкций, употребляемых в диалоге в качестве реакции на реплику собеседника. Например, к ним относятся такие конструкции, как вот *это да!*, *не говоря уже, кто бы говорил, как скажешь* и т.п. В отечественной лингвистике принято понимание дискурсивных формул как разновидности коммуникативов [4]. В зарубежной же традиции дискурсивные формулы вос-

ходят к термину *speech formulas*, предложенному Ч. Филлмором [6], и соотносятся с тем, что в работах зарубежных прагмалингвистов называется *routine formulae* [7], *conversational routines* [8], *multi-word items* [9], *pragmemes* [10], *formulaic sequences* [11]. *Speech formulas* – лингвоспецифические фразеологизированные прагматикализованные фиксированные конструкции [6]. Например: *You should talk* = Кто бы говорил. Согласно теории Ч. Филлмора, наиболее важными в языке являются не элементарные единицы (слова), а созданные из них конструкции (так называемые «*speech formulas*»), семантика которых не выводится стандартным способом из семантики их частей и синтаксических отношений между ними.

Характерные черты дискурсивных формул

Дискурсивные формулы – разновидность фразеологизмов, это обуславливает с одной стороны, их цельность как коммуникативной единицы и отсутствие внутренних переменных, с другой же стороны, – особое соотношение внутри дискурсивной формулы формы и содержания. Так, согласно Грамматике конструкций Ч.Филлмора [12; 6; 14], дискурсивные формулы отличает аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы их составных частей. Следствием этого становится сложность дискурсивных формул для лингвистического описания. Как отмечают лингвисты [1], одним из основных свойств дискурсивных формул является их изолированность. **Изолированность**, а именно «отсутствие синтаксического контекста внутри предложения, позволяющего сравнить их употребления»¹ [13]. Второй важной особенностью дискурсивных формул является то, что они **не имеют синтаксических слотов**, что затрудняет их семантическое описание и смысловое разграничение.

Проблема коммуникативно-функциональной характеристики диалога очень актуальна, поскольку диалог – это первичная и наиболее распространенная во всех сферах жизни общества форма коммуникации. Диалогические реплики подразделяются на реплику-стимул и реплику-реакцию. По мнению лингвиста Н.И. Голубевой – Монаткиной, реплика-стимул и реплика-реакция обладают разной степенью «коммуникативного суверенитета». То есть реплика-стимул может влиять на реплику-реакцию, и последняя «находится от нее в зависимости» [14]. Как отмечают многие ученые, «для дискурсивных формул ограничения в употреблении связаны в первую очередь с иллокутивным типом предыдущей реплики, на которую они реагируют» [1]. Однако не стоит думать, что реплики-реакции также влиять на последующую реплику и направлять течение диалога, особенно если в них задействованы дискурсивные формулы.

1 Бычкова П.А. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций «ты что» и «что ты»// Русский язык в научном освещении. № 2. 2020. С.89

Существуют разные классификации коммуникативных функций реплик-реакций в диалоге. Например, авторитетной является классификация Безяевой. По этой классификации [16] выделяются следующие **коммуникативные функции реплик-реакций с глаголами речи в диалоге**: требование (распоряжение, приказ); повторная каузация требования (нетерпение, подбадривание); просьба (просьба о действии, просьба о разрешении); повторная каузация просьбы (упрашивание); совет и предложение, предостережение; успокаивание [16].

Е.В. Рахилина [17] видит основную коммуникативную функцию дискурсивных формул в маркировании речевых актов: оценки, вопроса, просьбы, а также иллокутивной силы этих речевых актов.

По классификации, основывающейся на коммуникативной стратегии ответного реагирования Дж.Серля [20] все реплики-реакции функционально делятся на три группы: **выражающие согласие, выражающие несогласие, выражающие уклонение. В данной статье берется за основу классификация коммуникативных функций.**

Реплики-реакции с глаголами речи, выражающие согласие

Согласие может быть маркировано иллокутивным актом утверждения. Например:

— Это сотрудники Интерпола. Если они говорят, что для нашей безопасности лучше перебраться в их машину, значит, так оно и есть. Они в этом деле профессионалы.

— *Верно говоришь, мужик!* – мужчина в черной шапочке фамильярно похлопал Александра Владимировича по плечу. – Слушай отца ... Миша! – иронически грубовато закончил он [18]. Фраза «верно говоришь» с глаголом речи «говорить» выражает согласие с собеседником. Также согласие может выражаться при помощи экспрессива – дискурсивной формулы. Например:

— Тут наматывается...

— *Да, что и говорить,* — вздохнул попутчик. — Техника у нас, точно, старовата [19]. В данном примере согласие выражается при помощи дискурсивной формулы «да что и говорить» с глаголом речи говорить.

Реплики-реакции со значением уклонения

Стратегия уклонения от ответа по существу на поставленный вопрос может быть достигнута разнообразными способами: при помощи повторов, прерываний, поддакивания, иронии, намека и т.п. В повторах в таких репликах могут использоваться глаголы речи, например, глагол «говорить» в форме второго лица единственного числа:

— И вашу машину я тоже не хочу. Она у вас старая, и в багажнике, наверняка, кровь.

— Эй, какая такая кровь? *Ты о чем говоришь?* Мы видеокассетами торгуем [19].

Собеседник уклоняется от ответов, по существу, и грубит (о чем свидетельствует фраза «ты о чем говоришь», фамильярное «эй»). Он не отвечает по существу, вместо ответа переспрашивает.

Е.К. Столетова выделяет, помимо перечисленных выше такие коммуникативные функции реплик-реакций, как удивление, осуждение, отказ (выполнить просьбу) [20].

Реплики-реакции с глаголами речи, выражающие удивление. Удивление – когнитивная оценка, заключающаяся в констатации неожиданности события. Для выражения удивления используются конструкции: *Да что ты говоришь!*, *да ладно врать/да ладно гнать, Шутишь?*, *Да ты шутишь?*

— На самом деле ты злишься на машину, но так как она не может тебе ответить, ты переносишь свою злость на меня.

— *Да что ты говоришь?*

— Но ведь это так [19]?

Собеседник не согласен с репликой-стимулом, в которой ему указывают на то, что на самом деле он злится на машину, но срывает зло на человеке. Несогласие и удивление он выражает при помощи реплики реакции «Да что ты говоришь?» с глаголом речи «говорить».

Реплики-реакции с глаголами речи, выражающие осуждение, отказ

Осуждение выражается при помощи дискурсивной формулы с глаголом речи «скажи(те) какой», например:

Как только я появлялась в гостях, Степан Иванович моментально вынимал из бара бутылку коньяку и призывал: — А ну, полутезка, садись, Ивановна, прими двадцать граммов и расскажи, как жизнь идет! Как-то я пожаловалась, что на дворе зима, а у Кеши нет шубки. В те времена раздобыть для ребенка шубу из натуральной цигейки было редкостной удачей, искусственные, под «барашка» и «леопарда», висели повсеместно, но, *скажи-те, какой* в них толк? От двадцатиградусного московского мороза они совершенно не спасали! Степан Иванович молча выслушал мои стенания, а на следующий день хитро улыбающаяся Лика приволокла пакет. — На, папа велел передать [19].

Автор реплики при помощи дискурсивной формулы *скажите, какой* выражает осуждение моды на нефункциональные шубы из искусственного меха.

Осуждение с некоторой долей пренебрежения и брезгливости выражается при помощи дискурсивной формулы *скажешь тоже*. Например:

— И куда ты сейчас? Ночь на дворе. Ложись спать, а

утром я тебя отвезу к твоему Сэму!

— Скажешь тоже! Как я могу спать в квартире у чужого мужчины?! Я тебе не шалава какая-то в Одесском порту. Я – порядочная женщина с серьезными намерениями [19]...

Героиня повести возмущена тем, что ей предлагают ночевать в квартире незнакомого мужчины. Свое возмущение и осуждение в отношении такого неприличного предложения она выражает при помощи дискурсивной формулы «скажешь тоже».

Каузация требования

Требование в русском диалоге, как правило, тяготеет к имплицитному выражению значения, будучи выражено конструкциями с императивными формами глагола («убери постель», «замолчи») [16], здесь реплики реакции с глаголами речи мы не встречаем или встречаем в исключительных случаях, обусловленных контекстуально. Также требование может быть выражено эксплицитно, и здесь уже встречаются конструкции с глаголами речи, выражающими значение коммуникативного задания: «я *требую*, чтобы ...» (жесткое требование), «я *прошу*, чтобы...» (менее жесткое требование, семантически граничащее с просьбой), «я *прошу*...» (просьба). Например:

— И тогда ты споешь им серенаду...

— Я *требую*, чтобы меня передали официальным властям, — Леон с трудом ворочал деревянным языком, — и сообщили в посольство Франции о...

В ответ Юргис заходился рассыпчатым хохотком.

— А это и есть официальные власти, — уверял он, отсмеявшись и отирая слезы удовольствия.

— Самые что ни на есть официальные в той местности, с вот таковыми обрезками [19].

Леон, попавший в заключение, выражает жесткое требование передать его официальным властям, точно и однозначно формулирует условие, которое должно быть соблюдено.

Просьба (просьба о действии, просьба о разрешении)

Просьба – выражение желания говорящего о совершении собеседником того или иного действия по доброй воле. Как правило, при экспликации просьбы используется глагол речи просить. Он используется в просительных конструкциях типа: *прошу* + инфинитив глагола каузируемого действия, глагол *просить* в форме сослагательного наклонения + инфинитив совершенно-го вида каузируемого действия, *я вас попрошу* + инфинитив глагола каузируемого действия + ИК 4. Например: *Прошу выслушать мои замечания. Прошу поставить мой доклад вторым* и т.п.

Некоторые просьбы выражаются специфически – при помощи дискурсивных формул. Например, когда человек собирается сдавать экзамен или собирается на еще какое-то ответственное дело и просит поддержки и пожелания у друзей, он говорит им «ругайте меня». Например: Алина Кабаева оборачивается и кричит: «Вы, пожалуйста, *ругайте* меня, пока будем играть [19]. На самом деле человек не имеет в виду буквально его ругать, а просит поддержки таким образом.

Обсуждения и заключения

Дискурсивные формулы с глаголами речи используются в диалоге в качестве реплик-реакций. Особенностью таких конструкций является их изолированность, заключающаяся в отсутствии характерного синтаксического контекста, в котором они употребляются, а также отсутствие у них синтаксических слотов. Употребление дискурсивных формул коррелирует с иллюкутивным типом реплики, реакцию на которую они выражают.

На основании анализа употребления дискурсивных формул с глаголами речи в репликах-реакциях мы можем сделать вывод, что ими часто выполняются функции выражения согласия, подтверждения, отказа, удивления. Также они могут в некоторых случаях быть использованы для каузации требования и просьбы.

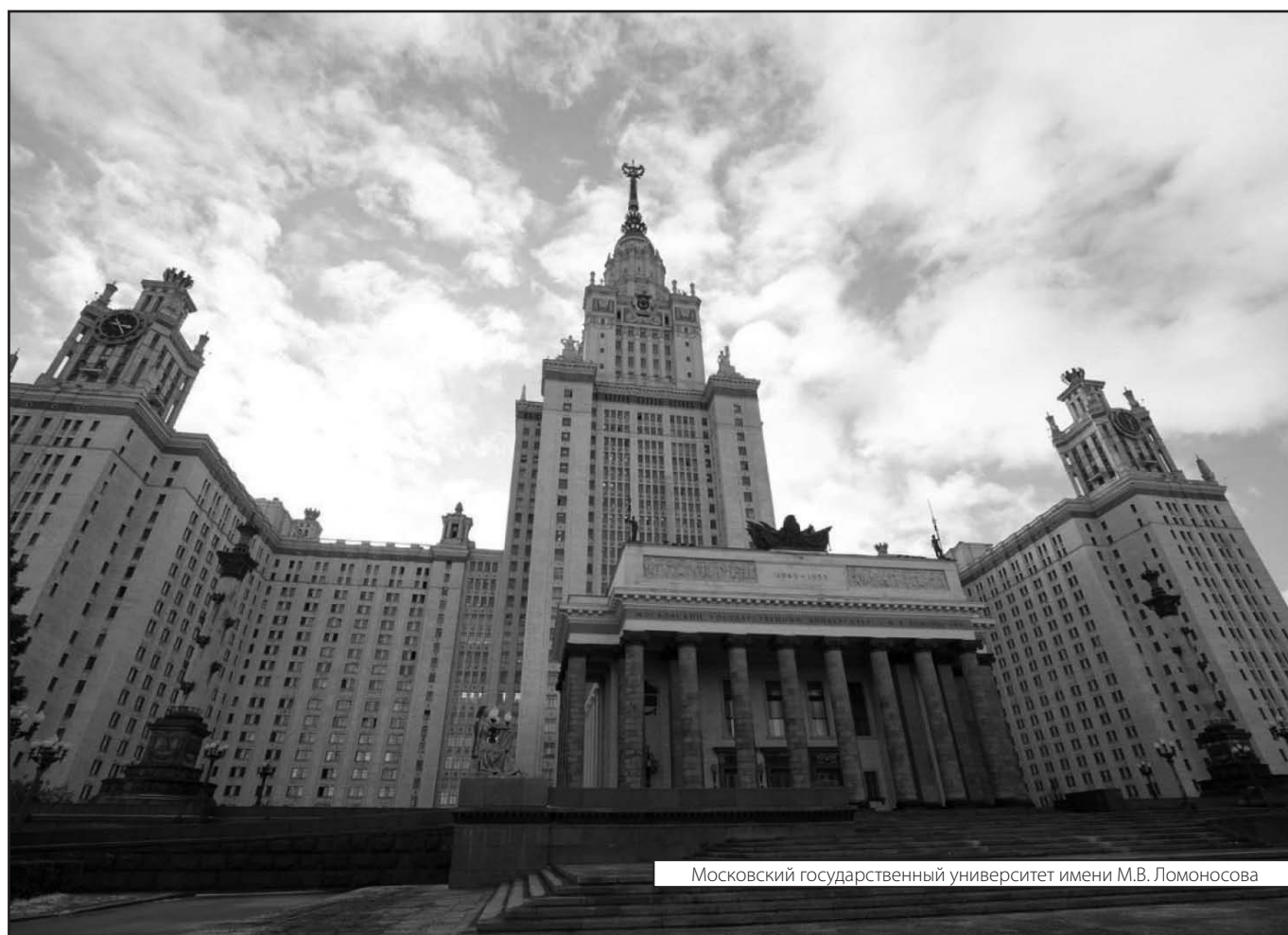
ЛИТЕРАТУРА

1. Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон»// Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова / Отв. ред. номера В.А. Плунгян. М.: ИРЯ РАН, 2022. № 2, С. 45–62
2. Жукова С.Ю. Дискурсивные формулы русского языка «как хочешь», «как знаешь» в диахроническом аспекте// ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН/ Глав. ред. Е.В. Головки Т. XV. Ч. 3. СПб., 2019, С.295–319
3. Ван С. Теоретические аспекты рассмотрения междометных единиц на уровне высказывания (на примере конструкции «вот это да»)// Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: 2023. Т. 98. № 1. С. 351–354.
4. Шаронов И.А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Томск: 2018. №51. С. 58–68
5. Прагматикон: электронная база прагматических конструкций русского языка // URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.04.2023)
6. Fillmore Ch J. Remarks on contrastive pragmatics. J. Fisiak (ed.). Contrastive linguistics: Prospects and problems. Amsterdam: Mouton, 1984. P. 119–14

7. Coulmas F. On the sociolinguistic relevance of routine formulae // *Journal of Pragmatics* 3. 1979. 66–239
8. Aijmer K., *Conversational routines in English: convention and creativity*. Studies in Language and Linguistics. London: Longman, 1996. 251 p
9. Moon R. *Vocabulary connections: Multi-word items in English* // *Vocabulary: Description, acquisition and pedagogy* / Ed. by N. Schmitt, M. McCarthy. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 40–63
10. Mey J.L. Reference and the Pragmeme // *Journal of Pragmatics*. Vol. 42, iss. 11. P. 2882–2888.
11. Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002
12. Fillmore Ch.J. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. R. Dietrich, C. F. Graumann (eds.). *North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations*. Vol. 54. *Language Processing in Social Context*. Amsterdam; New York; Oxford; Tokyo: Elsevier, 1989. P. 17–38
13. Бычкова П.А. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций «ты что» и «что ты» // *Русский язык в научном освещении*. № 2. 2020. С. 88–111.
14. Голубева-Монаткина, Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи / Н.И. Голубева-Монаткина // *Вопр. языкознания*. – 1991. – № 1. – С. 125–134.
15. Дубских А.И. Реплики-реакции в диалогических текстах массово-информационного дискурса // *Вестник ЧелГУ*. 2008. №16. С.65-70
16. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2002. - 751 с
17. Рахилина Е.В. и др. Национальный корпус русского языка: специализированные корпуса и новые подходы // *Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова* / Отв. ред. номера: В.А. Плунгян. М.: ИРЯ РАН, 2022. № 2. С. 13-26
18. Зиновьев Ю. Смертельное бессмертие // «Наука и жизнь». № 6-9, 2007
19. Национальный корпус русского языка. Основной подкорпус URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggBMAE%3D> (дата обращения: 16.04.2023)
20. Столетова Е.К. О некоторых идиоматических конструкциях с глаголами речи и мысли (семантический и прагматический аспекты) и способах их презентации на уроке ПКИ URL: <https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/6-yazik-kultura-prof/1/stoletova.pdf?ysclid=lgjfhpp7f624720615> (Дата обращения: 16.04.2023)

© Тин Ван (wtaspirant@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

О ДОСЛОВНОМ ПЕРЕВОДЕ НА ОСНОВЕ СХОДСТВА СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРАВИЛ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Цзя Минсю

Кандидат наук, Гуандунский университет иностранных
языков и международной торговли,
г. Гуанчжоу, Китайская Народная Республика
jjamingxiu@sina.com

ON LITERAL TRANSLATION BASED ON SIMILARITIES IN THE SYNTACTIC RULES OF CHINESE AND RUSSIAN

Jia Mingxiu

Summary: The literal translation is most often evaluated negatively in the domestic and foreign literature as a "bad translation method" with its little value in terms of actual application and theoretical research. With the help of parallel translation corpus, we can see that this particular translation method is quite common in the Russian-Chinese translation practice, forming correspondence between the original text and its translation, it is common not only on the lexical level, but also on the level of sentences and texts. With this in mind, this article defines the main purpose of the research: to determine the rationality and scientificity of literal translation as a translation method. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of literal translation in the Russian-Chinese translation practice. As a result of the analysis of the problem, sufficient grounds for applying this type of translation due to some common characteristics of the syntactic system in the Chinese and Russian languages have been identified, and the principles of its application in the Russian-Chinese translation practice have been proposed.

Keywords: literal translation, Russian-Chinese translation, comparative study of Russian and Chinese syntax.

Аннотация: Дословный перевод чаще всего получает отрицательную оценку в отечественной и зарубежной литературе, как «плохой переводческий метод» с его небольшой ценностью с точки зрения фактического применения и теоретических исследований. С помощью параллельного переводческого корпуса мы видим, что именно этот метод перевода довольно часто встречается в русско-китайской переводческой практике, образуя соответствие между оригинальным текстом и его переводом, он распространен не только на лексическом уровне, но и на уровне предложений и текстов. Исходя из этого, данная статья определяет основную цель исследования: определить рациональность и научность дословного перевода, как переводческого метода. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе дословного перевода в русско-китайской переводческой практике. В результате анализа проблемы были выявлены достаточные основания для применения данного типа перевода в связи с некоторыми общими характеристиками синтаксической системы у китайского и русского языков, и были предложены принципы его применения в русско-китайской переводческой практике.

Ключевые слова: дословный перевод, русско-китайский перевод, сопоставительное исследование русского и китайского синтаксиса.

Введение

Дословный перевод – термин в теории перевода, как правило, не рекомендован к применению в переводческой практике по той причине, что слишком большую важность имеет синтаксическая форма, которая мешает передаче смысловой целостности оригинала. Тем более, для каждого переводчика ясно то, что осуществить стопроцентно верный перевод с оригинала представляется задачей практически не достижимой. Но в последних зарубежных исследованиях возникло мнение, что надо подразделять дословный перевод на несколько типов, чтобы не все из них обладали отрицательной оценкой. **Актуальность** темы исследования обусловлена частым применением дословного перевода в практике русско-китайского перевода, повышенным вниманием исследователей и методологическим рекомендациям, доказавшим научную рациональность в исследовании теории перевода. Характерной особенностью дословного перевода является частичное или полное соответствие на уровнях слов, словосочетаний, предложений и текстов, сутью которого является

сходность в синтаксисе, семантике и коммуникации. Разумеется, данное обстоятельство не осталось незамеченным исследователями; некоторые мнения о дословном переводе были интерпретированы в ключе исследований перевода. Следует сказать, что специалисты начали по-новому взглянуть на актуальность и ценность дословного перевода. Таким образом, вопрос о дословном переводе остается дискуссионным и представляет существенный интерес для теоретиков перевода и педагогов-практиков.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. прояснить и показать соответствие перевода на разных переводческих единицах в процессе перевода с русского языка на китайский и наоборот;
2. выявить механизмы действия данного метода в взаимосвязи между русским и китайским языками;
3. с научной точки зрения обосновать правомерность существования дословного перевода как переводческого метода, освобождая его от сложившихся предрассудков.

При работе над статьей были использованы следующие методы: методы герменевтический, структурный и сопоставительный. Метод иерархической структуры анализирует соответствие на различных уровнях единиц перевода. Метод конструктивного анализа находит общие закономерности в русском и китайском синтаксисе. Метод систематического анализа доказывает актуальность дословного перевода как метода научного перевода.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной трудами, посвященными изучению дословного перевода в рамках полного перевода (Хуань Чжунлянь, 2009).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемое в статье научное обоснование может быть использовано для применения дословного перевода в межкультурной коммуникации КНР и РФ. Выявленная ценность существования дословного перевода помогает улучшить понимание методологии русско-китайской переводческой практики. В то же время, диалектический взгляд на метод дословного перевода улучшает теоретические исследования в области русско-китайского перевода.

Основная часть

Термин «дословный перевод» в переводческой теории и практике

В переводческой практике и исследованиях теории перевода часто встречаются такие термины, как «формализм в переводе», «буквальный перевод», «медный перевод» «механический перевод», которые чаще получают отрицательную оценку. По Толковому переводческому словарю (Нелюбин, 2003, с.50-51), «дословный перевод» имеет всего 8 значений, которые мы не намерены перечислить в данной статье. И в этих значениях можно видны такие очевидные отрицательные выражения использованные для описания и определения дословного перевода, как «механическая подстановка», «нарушает дух и грамматику родного языка» и т.д. Дело в, что Во-первых, это обусловлено тем, что буквальное соответствие между китайским и русским языками не может быть реализовано в полной мере, потому что эти два языка принадлежат к разным языковым семьям. Русский является морфологически развитым языком, а китайский - неразвитым. Многообразные различия можно легко увидеть в языковой структуре. Более того, с позиции самого акта перевода, ни один из двух языков не может быть переведен со стопроцентной последовательностью. Такое мнение распространено встречается в отечественной и зарубежной литературе. Фёдоров А.В. (1983, с.303) рассматривает формализм и дословный перевод как одно и то же понятие. Формализм в переводе означает дословную передачу иноязычного текста,

который либо разрушает смысл оригинала, либо лингвистическую правильность перевода, либо и то, и другое. В этом случае переводчик передает отдельные формальные компоненты, а не их функцию, воспроизводя форму, которая хочет быть отмежеванной от содержания в какой-то степени. Виноградов В.С. (2001, с.224) утверждает, что лексические межъязыковые соответствия не случайны, а являются объективным существованием языковой действительности. Анализ межъязыковой лексической эквивалентности в переводоведении заключается не в установлении определенных правил, а в изучении того, что передают лексические единицы в переводе, как они формируют идеи, соответствующие смыслу оригинального высказывания, когда отличаются от слов оригинала, или в сравнении и анализе семантических, риторических и функциональных особенностей соответствующих друг другу слов и идиом.

Одновременно с этим, китайские специалисты начали обращать внимание на дословный перевод, принятый в англо-китайской переводческой практике. Лю Мицин (2005) указывает, что китайский язык похож на английский язык частично по синтаксису, согласно которым он предлагает метод перевода «顺译», что по структуре оригинала создается переводный текст. Он упоминает 7 частей речи и синтаксических конструкций, подходящие для такого «соответствия». Хуан Чжунлянь (2009) выдвигает концепцию «эквивалентный прямой перевод», при котором семантические компоненты и синтаксические структуры оригинала имеют соответствие в переводном языке, образуя взаимную связь по структуре, семантике и коммуникации. Данный метод также можно называть дословным переводом, суть которого-типичный прямой перевод. Хуан Чжунлянь и Цзя Минсю (2013, с.14) систематически объясняют понятие «дословный перевод», приведя его концептуальное определение, характеристики и признаки, и обнаружили, что дословный перевод в наибольшей степени сохраняет всю языковую, коммуникативную и культурную информацию оригинала и представляет собой наиболее идеализированный переводческий метод.

Соответствие в русско-китайском переводе

«Перевод призван удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, а максимальной мере приближенной к естественной, одноязычной коммуникации» (Латышев, 1988, с.9). Вопрос в том, как определить «максимальное приближение». По-нашему, дословный перевод может реализовать максимальное приближение. Особенно с помощью параллельного корпуса переводческого наблюдается соответствие в словах и словосочетаниях, либо в простых предложениях.

1. Соответствие на уровне слов

Слово, как самое концептуальное средство для выра-

жения понимания и чувств у человека, считается материальным проводником мысли, языка и познания. В особенности с точки зрения исследования перевода, слово является самой маленькой единицей с практическим значением, а также самой простой и понятной коммуникативной единицей в межкультурном общении, и играет важную роль в создании и понимании смысла оригинала и перевода.

[1] **Налево** чернело **глубокое ущелье**, за ним и **впереди нас темно-синие вершины**, гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались **на бледном небосклоне**, ещё сохранявшем **последний отблеск зари**.

Левая сторона глубокого ущелья тёмная; ущелье напротив и перед нами, тысячи каньонов перекрещиваются, долгие годы снежные слои покрывают **тёмно-синие вершины**, представляющие **бледные холмы**, на которых ещё сохранился **последний отблеск заката**.

[2] Шумели волны, солнце сияло, море смеялось.
Волны шумели, **солнце** сияло, **море** смеялось.

Из первого примера заметно соответствие таких слов у оригинала и перевода, как «налево-лево», «глубокий-глубокий», «ущелье-каньон», «впереди-вперед», «мы(нас)-мы», «темно-синий-тёмно-синий», «вершина-вершина», «морщина-каньон», «покрытый-покрытый», «слой-слой», «снег-снег», «горы-горы», «на-на», «бледный-бледный», «небосклон-холмы», «ещё-ещё», «последний-последний», «отблеск-отблеск», «заря-закат». Этот пример состоит из 25 слов, из которых всего 19 слов имеют соответствие у перевода. И более 70% слов у оригинала восстановлены в переводе. Среди этих выделенных слов у оригинала есть следующие части речи: существительное, прилагательное, наречие, глагол и предлоги. Они переведены на китайский язык слово в слово, без применения таких переводческих методов, как преобразование, замена, добавление, отмена и других, которые в процессе создания перевода изменяют часть слов у оригинала, например, существительное в оригинале преобразуется в прилагательное в переводе, что является очень частотным явлением. Кроме того, также заметно соответствие по очереди слов у оригинала и перевода, то, что перевод создан по очереди слов оригинала без изменения их порядка, т. е. строение перевода совпадает с оригиналом. Слова «волна-волна», «солнце-солнце», «море-море» и «смеяться-смеяться» переведены в соответствии один к одному с оригиналом. Двухязычный словарь показывает, что основное семантическое значение этих русских и китайских слов также совпадает.

2. Соответствие на уровне предложения

На основе соответствия слов можно образовать соответствие предложения, которое длиннее по форме и сложнее по значению, чем лексическое соответствие.

[3] Мне сегодня нездоровится.
我今天不舒服。

Данный пример состоит из трехэлементной формы с несложной грамматической связью, который указывает на психологическое состояние субъекта. Мы видим простую структуру у оригинала, в соответствии с которой переводчик получает информацию и по порядку «кодов» оригинала переводит ее на «коды» перевода так: Мне→我, сегодня→今天, нездоровится→不舒服. Но этот пример может иметь несколько коммуникативных вариантов, как: ① Мне сегодня нездоровится\我今天不舒服;②Сегодня мне нездоровится\今天我不舒服;③Сегодня нездоровится мне\今天不舒服我;④Нездоровится мне сегодня\不舒服我今天;⑤Нездоровится сегодня мне\不舒服今天我;⑥Мне нездоровится сегодня\我今天不舒服. Все 6 русских предложений имеют коммуникативную ценность для носителя русского языка, и в создании оригинала порядок слов выбирается самим коммуникантом. Но только три из них можно прямо использовать в китайской речи, а остальные не соответствуют с нормами китайского языка, и при этом дословный перевод мешает коммуникации, стал «мертвым переводом» или «жестким переводом» без коммуникативной ценности для переводчика.

3. Соответствие на уровне текста

Самая идеальная переводческая модель может так, соответствие слов образует соответствие предложения, которое составляет соответствие текста. Высокая переводческая единица восставлена в зависимости от низкой переводческой единицы. Ну такой ситуации встречается крайне редко. Перевод группы предложений основан на переводе отдельных предложений, а перевод отдельных предложений основан на переводе слов или фраз, слоги продвигаются и накапливаются, но ввиду совершенно разных привычек выражения и языковых структур в русском и китайском языках, происходит структурная доработка, добавление слов и корректировка позиций. Это неизбежно. Данный фактор не является серьезной корректировкой в рамках группы предложений. Серьезно говоря, нет абсолютного соответствия на уровне текста.

Для единиц перевода, расположенных на более высоком уровне, чем лексика, таких как фразы, небольшие предложения, отдельные предложения и т.д., детализированное соответствие внутренних составляющих элементов будет уменьшаться по мере увеличения иерархических единиц.

Сходные языковые правила как основания дословного перевода

Заметив фактическое существование соответствия в русско-китайской переводческой практике и его приме-

нение, как разумный переводческий метод, дословный перевод имеет достаточное научное основание, в том числе, самое важное – совпадающие грамматические правила были обнаружены в русском и китайском языках.

1. Сходное словообразование суффикса

Основных словообразовательных способов в китайском языке всего четыре: синтез-合成法, деривация-派生法, аббревиатура-缩略法, построение соединений-复合构词法. По сравнению с русским словообразованием, китайских способов крайне мало. Заметим, что суффиксальное словообразование является наиболее распространенным способом. Взяв слово «стандартизация» в качестве примера, в русском языке можно разделить его на две части: корень + продуктивный суффикс, и тоже можно так делать в китайском языке: «标准+化», где «化» является суффиксом продуктивным, участвующим в образовании таких китайских слов, как «现代化- модернизация» «军事化- милитаризация» «工业化- индустриализация» «自动化- автоматизация» и других. Цзя Минсю (2012) подсчитал количество переводимых префиксов и суффиксов в русском и китайском языках. Около 15 русских приставок и 13 суффиксов можно было найти и в китайском языке. Такая словообразовательная структура обладает сильной продуктивной способностью и является наиболее типичным способом словообразования в двустороннем соответствии между русским и китайским языками.

2. Сходное деление классов слов

Слово можно определить, как переводческую единицу с реальным значением, оно играет базовую роль в сознании при работе у переводчика. Хотя имеются очевидные различия в языковых системах, об общем делении классов слов в русском и китайском языках не приходится говорить. Нельзя игнорировать то, что всего 7 общих классов слов-существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, глаголы и союзы. Это значит, функция этих единиц у оригинала и перевода тоже одинаковы.

[4] По обеим сторонам **дороги** торчали голые, черные **камни**; кой-где из-под **снега** выглядывали **кустарники**, но ни один сухой **листок** не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фыркание усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского **колокольчика**.

路的两边, 矗立着光秃秃、黑黝黝的**石块**; 有一处雪下, 露出几棵**小灌木**, 上面一片飘动的**枯叶**也没有, 所以在大自然沉静的梦境中, 听着疲惫不堪的三匹驿马打着响鼻, 俄罗斯**铃铛**忽紧忽慢的叮当作响, 让人觉得心情十分愉悦。

В приведенном примере выделенные жирным шриф-

том существительные являются дословным переводом слова. В оригинальном тексте «дорога» «камни», «кустарник», «листок», «снегом» и «колокольчиком» имеют соответствие перевода, при котором их конструктивная функция тоже не изменилась.

3. Сходные правила конструктивной модели словосочетаний 1+1

Цянь Гуаньянь (1995) в Конструктивной грамматике (Construction Grammar) представил конструктивную модель словосочетаний 1+1 в китайском языке, которая составлена из центрального и нецентрального слов. «Центральное слово остается неизменным, а изменение модификаторов вызовет изменения в общей семантике фразы» (Цянь Гуаньянь, 1995, с.49). В русском и китайском языках можно выделено 4 основных типа соответствия словосочетаний: 1) прилагательное + существительное; 2) наречие + прилагательное; 3) глагол + существительное; 4) глагол + наречие. Для первого типа, например слово «камень» с разными описательными прилагательными могут образовываться такие словосочетания, как «черный/ белый/ большой/ маленький... +камень». И как в вышеуказанных примерах, при описании окружающей ситуации в романе, очень часто встречается описание, изобилующее деталями, и поэтому должно быть качественно переведено на другой язык. Второй тип - «наречие + прилагательное», который также часто используется в переводе, доказательством чего служат такие примеры, как «очень + красивый/быстрый/ высокий/эффективный...». Третий и четвертый типы включают глаголы и соответствуют моделям «глагол + существительное» и «глагол + наречие». Фраза «глагол + существительное» также становится структурой VP, и в китайском языке такие фразы называются глагольно-объектными фразами, и, как следует из названия, существительное обычно является объектом глагола.

4. Сходные правила моделей предложений

Под сопоставительный анализ русских и китайских правил образования предложений заметим, что модель SV, включая SVP и SVO, имеет возможность реализовывать больше соответствия, чем другие модели предложений.

[5] Он молча опять поклонился.
他沉默地又鞠了一躬。

В примере ядро подлежащего-сказуемого добавляет способ действия – наречие. Исходный порядок слов ядра подлежащего-сказуемого такой же, как в китайском порядке подлежащего-сказуемого. Следует отметить, что русский язык богат формами, и сочетательные отношения между элементами структуры предложения определяются его изменяющейся формой. Изменение порядка подлежащего и сказуемого в исходном тексте не влияет

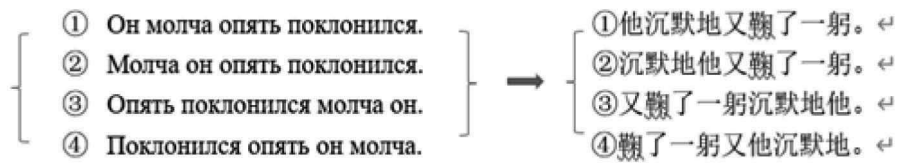

Рис 1.

на коммуникативное использование текста. Положение структурных элементов китайских предложений относительно фиксировано, а порядок подлежащего и сказуемого обычно упорядочен в соответствии с правилами первого подлежащего и последнего предложения. Если порядок позиций субъекта «Он» + «поклонился» поменять местами, то это не повлияет на генерацию семантических структур, но повлияет на понимание коммуникативных значений. Однако, если порядок подлежащего и сказуемого в китайском языке поменять местами, общая структурная природа высказывания изменится, а также изменится семантическая структура и коммуникативная структура. (Рис 1.)

Нетрудно заметить, что, хотя русский оригинал варьируется по формам, и соответственно переведен на китайский, в результате чего не все китайские предложения имеют коммуникативную ценность, потому что не соответствуют китайским правилам структуры предложений. Таким образом, возможен только один корректный перевод из «множества» оригиналов.

Заключение

Мы приходим к следующим выводам: во-первых, соответствие между двумя языками не случайно, и немало

используется в переводческой практике. Чаще такие использованные методы, как добавление, сокращение, трансляция, объяснение и т.д., основаны на соответствии, т.е. дословный перевода. Только не находится соответствия, переводчику приходится найти несоответствие. Во-вторых, дословный перевод – это систематическое воплощение соответствия в переводческой методологии. Это не простой формализм. Необходимо разумно и реально относиться к этому научному переводческому методу. В последнем, дословный перевод применяется «свободно» не зависимо от личной мысли у переводчика, а от объективных общих особенностей между китайским и русским языками. Точнее говоря, это зависит от общих языковых структурных правил. Поэтому дословный перевод имеет научную базу. Также следует отметить, что интерес к проблеме дословного перевода повышается и это явление требует изучения в междисциплинарном ключе.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении на различных примерах, исходящих из переводческой практики. Анализ научной литературы тоже показал, что можно проследить закономерность в рамках определенной ситуации. Это, в свою очередь, позволит выявить общие тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
2. Латышев Л.К. Перевод: Проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта:Наука. 2003.
4. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983.
5. 黄忠廉, 贾明秀. 释对译 // 上海翻译. 2013. № 2(Хуан Чжунлянь, Цзя Минсю. О дословном переводе // Перевод в Шаньхэй. 2013. № 2)
6. 黄忠廉. 翻译方法论. М.: 北京: 中国社会科学出版社, 2009. (Хуан Чжунлянь. Методология перевода. Пекин: Издательство социологических наук Китая, 2009)
7. 贾明秀, 俄汉全译之对译探析. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2012. (Цзя Минсю. О Дословном переводе в русско-китайской переводческой практике в рамках Полного перевода: Магистерская диссертация. Харбин, 2012)
8. 刘宓庆. 当代翻译理论. М.: 北京: 中国对外翻译出版公司, 2005. (Лю Мицин. Современное переводоведение. Пекин: Китайская корпорация перевода и издательства, 2005)
9. 钱冠连. 美学语言学的三个问题 // 青岛海洋大学学报. 1995. №4 (Цянь Гуаньянь. Три вопроса о эстетической лингвистике // Вестник Циндаоского океанического университета. 1995 №4)

© Цзя Минсю (jjamingxiu@sina.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛАССИЧЕСКАЯ КИТАЙСКАЯ ДРАМА В РОССИИ

CLASSICAL CHINESE DRAMA IN RUSSIA

Jiang Mingyu

Summary: The dramatic text is a genre, but it differs from other types in that it is theatrical in nature. Although plays can be read as literary works, most playwrights create their works with the ultimate goal of bringing them to the stage, so the performing or theatrical nature of a play's text must be considered. Only when a play goes on stage does it fulfill its mission. Likewise, when translating a play, its theatricality cannot be ignored, or else the translation will also fail to fulfill its mission. It is the primary means of presenting the plot, portraying the characters, and realizing the theme, and it has outstanding qualities of character and action. Drama differs from other works in that the primary purpose of a playwright's work is not only to be read by the audience, but also to be performed on stage for the enjoyment of the audience. The main part of the text is dialogue, which usually consists of dialogues, monologues, and narration. The lyric is the primary means of presenting the plot, portraying the characters, and implementing the theme of the play.

Keywords: China, Russia, drama, art.

Цзянь Миньюй

*Аспирант, Пекинский университет иностранных языков
jmingyu@126.com*

Аннотация: Драматический текст – это жанр, отличающийся от других видов тем, что является театральным по своей природе. Хотя пьесы можно читать как литературные произведения, большинство драматургов создают свои произведения с конечной целью перенести их на сцену, поэтому необходимо учитывать исполнительский или сценический характер текста пьесы. Только когда пьеса идет на сцене, она выполняет свою миссию. Точно так же при переводе пьесы нельзя игнорировать ее театральность, иначе перевод также не выполнит своей миссии. Это главное средство представления сюжета, изображения персонажей и реализации темы, и оно обладает выдающимися качествами характера и действия. Драма отличается от других произведений тем, что основная цель произведения драматурга – не только быть прочитанным публикой, но и быть исполненным на сцене для удовольствия зрителей. Основную часть текста составляет диалог, который обычно состоит из диалогов, монологов и повествования. Лирика является основным средством представления сюжета, изображения персонажей и реализации темы пьесы.

Ключевые слова: Китай, Россия, драма, искусство.

Язык, используемый драматическими персонажами, варьируется в зависимости от их статуса, положения, подготовки, окружения, случая, возраста, эпохи и опыта. Важной характеристикой театрального языка является действие реплик. Драма – это искусство действия, и слово «драма» происходит от греческого глагола *dran*, что означает «делать», «действовать» [1]. Действие является важным средством характеристики в театре, поэтому драматическая лирика должна отражать тенденции действий персонажей и двигать сюжет вперед, то есть раскрывать мысли и чувства персонажей, их психологическую деятельность, конфликты, их отношение и реакцию на них [2], чтобы двигать отношения персонажей и сюжет пьесы вперед. В результате, помимо соблюдения общих правил литературного перевода, перевод драматических сценариев также должен обращать внимание на эти особенности драматических текстов, что также определяет сложность драматического перевода: отражая идеи и стиль оригинального произведения в целом, он должен учитывать театральность драматической литературы и воспроизводить стиль языка, изображение персонажей и эффекты исполнения оригинальной пьесы. Хороший перевод пьесы должен приложить все усилия, чтобы текст был простым, лаконичным, с характером и направленностью на действие, чтобы подчеркнуть выразительную и заразительную силу текста, продемонстрировать художественное очарование оригинальной пьесы, заразить зрителей и вызвать их отклик. Необходимость учета театральности в

переводе до сих пор обсуждается в научных кругах, и даже один и тот же теоретик может иметь разные взгляды на перевод пьесы в зависимости от времени и опыта.

Поскольку текст неотделим от спектакля, в процессе перевода драмы переводчик должен обращать внимание на факторы вне текста, такие как ритм, тон и интенсивность диалога. Эти факторы часто не сразу заметны при изолированном чтении текста. Первая задача переводчика – представить себе сценичность текста, построить воображаемое сценическое представление на основе исходного текста. К переводу текста можно приступать только после того, как сценичность исходного сценария будет максимально осознана [3].

Поскольку цель переводного текста – не удовлетворение потребности в чтении, а удовлетворение потребности в сценическом представлении. Поэтому в процессе перевода текста переводчик должен учитывать не только «букву, изящество и элегантность» перевода, но и живой и непосредственный характер сценического представления: в процессе чтения у читателя есть время остановиться и подумать, и благодаря размышлениям и паузам он может адаптироваться к непривычности вхождения в новую культуру; в то время как сценическое представление должно донести сообщение до аудитории в момент, чтобы донести послание до аудитории. Поэтому для каждого культурного момента в исходном тексте переводчик должен «перевести» его в перевод

с учетом восприятия аудитории. Этот «перевод»[4] – не простое преобразование слов, а повторное представление смысла между двумя культурами, опирающееся на собственные знания и владение переводчиком культурным фоном обоих языков. Поэтому хороший театральный переводчик должен обладать как солидной лингвистической подготовкой, так и хорошим пониманием двух трансформируемых культур. Кроме того, он должен обладать значительным «чувством сцены».

Руководствуясь этой политикой, после основания страны, в течение семнадцати лет до десятилетних потрясений и в новый период после них, национальные переводческие силы значительно укрепились, появились новые таланты, а явление транскрипции резко сократилось после середины 1950-х годов. В частности, в переводе русских и советских пьес появилось много великих переводчиков. Например, переводчики Фан Синь и Цзян Чуньфан; Ли Цзяньву не только перевел 27 комедий знаменитого французского комедиографа Мольера, но и его переводы русских и советских пьес были весьма выдающимися; драматург Цзяо Цзюйинь также добился больших успехов в переводе пьес Чехова и Горького[5]. Помимо русской и советской литературы, расцвели переводы на другие языки. Господин Луо Няньшэн почти всю свою жизнь посвятил тому, чтобы познакомить Китай с древнегреческой драмой. За свою жизнь он перевел более 50 книг общим объемом более 10 миллионов слов. Переводы Лю Тунлю Пиранделло и Дарио Фо, а также переводы других произведений итальянской литературы принесли ему итальянский орден «За заслуги». Переводы Е Тингфана швейцарского драматурга Дюрренматта также восполнили пробел.

В то время как в конце 1980-х годов по Китаю прокатилась волна коммерциализации, в развитии театрального искусства в стране наступил спад. Начиная с 1990-х годов, как в переводе пьес, так и во внедрении иностранной театральной теории наметился медленный застой. Даже сейчас наше знание и знакомство с развитием европейского и американского театра остается в основном с абсурдистским театром 1950-х годов и позже. Переводные статьи о западных драматургах, режиссерах и теории театра после этого периода можно найти только в разрозненных публикациях, посвященных театру. 2000 год и далее, а также разрозненные

работы о драматургах и теории театра, такие как театральный сборник.

Стоппарда «Пародия» и пьесы Сары Кейн, а также теория театра американского театрального режиссера и теоретика Ричарда Шехнера, немецких теоретиков театра Ханса Леманна и др. переведены и опубликованы теоретики театра Ганса Лемана и Фишера-Лихтера. Но большинство этапов развития европейского театра после 1950-х годов и его пьес до сих пор остаются для страны переводческим пробелом. Как мы все знаем, 1960-е годы стали для европейского театра переходным периодом, за которым последовал чрезвычайно разнообразный период «постдраматического театра», когда появилось большое разнообразие сценических постановок и множество новых теорий. Не без интереса к китайской культуре, в 1985 году канадский режиссер Робер Лепаж и его молодая команда создали свою первую коллективную работу для сцены – «Трилогию дракона». Пьеса мгновенно стала сенсацией в Квебеке и на всей канадской театральной сцене. В 2006 году пьеса была возрождена и объехала весь мир. Эта шестичасовая трилогия, объехавшая весь мир, кроме Китая, рассказывает многовековую историю трех поколений одной китайской семьи. Сто лет назад мы стремились понять мир с другой стороны, потому что страна была слабой и отсталой, потому что мы искали путь к свету во времена национального кризиса; 100 лет спустя Китай стал глобальной силой, с которой приходится считаться в экономическом и политическом плане, но наш современный театр все еще остается. Нам не хватает собственного голоса на мировой театральной сцене, и наши истории все еще рассказываются «другими». К счастью, после 2000 года все больше и больше молодых театральных художников уезжают учиться и работать за границу. Эти люди после 80-х и даже после 90-х годов более осведомлены о культуре и способны перемещаться туда-сюда между двумя языками и культурами. В Пекине, Шанхае и Тяньцзине все чаще проводятся мероприятия по театральному обмену на уровне правительства, театральных компаний и отдельных людей; благодаря участию в мероприятиях по международному обмену и выступлениям на различных уровнях все больше молодых режиссеров и театральных компаний, таких как молодые режиссеры Хуан Ин и театр «Тао», становятся известными за пределами Китая. Их «китайские голоса» сегодня рисуют образ современного Китая на мировой сцене.

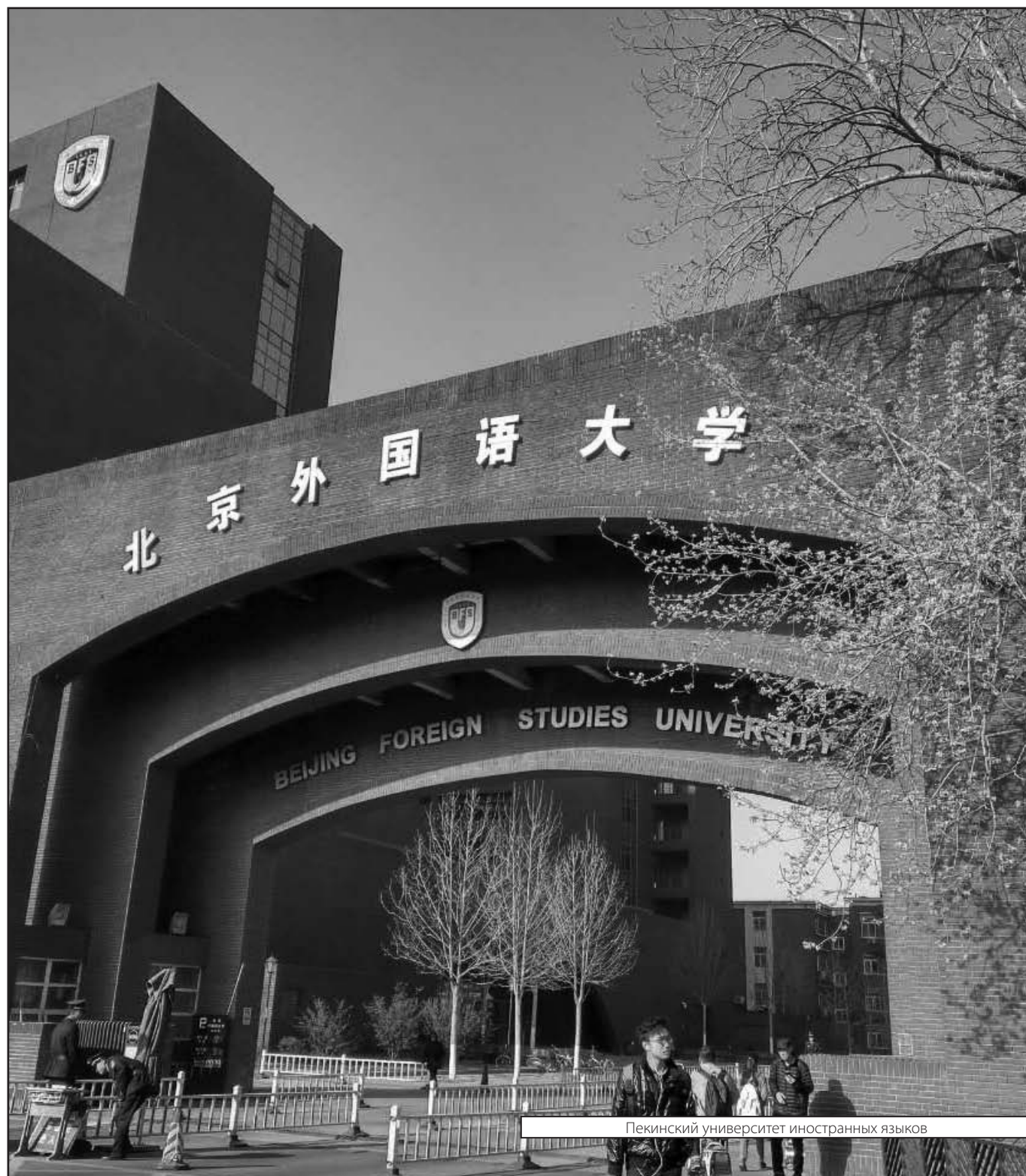
ЛИТЕРАТУРА

1. Мэн Ц. Драматический конфликт в контексте современного переводного кинодискурса России и Китая: лингвопрагматический аспект //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – №. 11. – С. 3536-3540.
2. Ли Д. Проблемы изучения особенностей современного драматического театра Китая //Артэфакт. – 2021. – №. 15. – С. 139-144.
3. Шулунова Е.К. Подъем театрального искусства хуацзюй в современном Китае //Человек и культура Востока. Исследования и переводы. – 2014. – Т. 1. – №. 4. – С. 176-177.

4. Кривошапова Н.В. Художественный текст как культурный феномен: способы филологического анализа в национальной среде //Русский язык в современном Китае. – 2020. – С. 21-24.
5. Шулунова Е.К. Поиски новых форм выразительности в китайском драматическом театре //Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46. – №. 1.

© Цзянь Миньюй (jmingyu@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пекинский университет иностранных языков

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Чжан Вэй

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
895927264@qq.com

RESEARCH ON THE APPLICATION OF SOCIAL NETWORKS IN JOURNALISM

Zhang Wei

Summary: Today, social media is a separate means of communication and journalism. This article will examine the methods for analyzing social media in today's environment. The article is devoted to the study of the options for using social media resources by the editorial boards of traditional media outlets. Correspondents of print and electronic publications view social media not only as a platform for communication with target audiences, a resource for finding information sources, a tool for monitoring editorial activities, but also as an object of journalistic research.

Keywords: media, media, China, content, analysis.

Аннотация: Сегодня социальные сети являются отдельным средством коммуникации и журналистики. В рамках данной статьи будут рассмотрены методы анализа социальных медиа в условиях современности. Статья посвящена изучению вариантов использования ресурсов социальных медиа редакциями традиционных СМИ. Корреспонденты печатных и электронных изданий рассматривают социальные сети не только как площадку для коммуникации с целевой аудиторией, ресурс для поиска источников информации, инструмент мониторинга деятельности редакции, но и как объект журналистского исследования.

Ключевые слова: медиа, сми, Китай, контент, анализ.

На фоне все более ожесточенной «цифровой войны» большие данные оказали значительное влияние на то, как мы думаем о проблемах и анализируем их. Журналистика данных – это быстро развивающаяся отрасль в эпоху больших данных, которая отличается высокой интерактивностью, глубиной и наглядностью, обеспечивая аудитории более качественное чтение новостей. Анализ социальных сетей – это глубокое изучение отношений между вещами, и его можно использовать для представления отношений между вещами или людьми с помощью визуализации данных. В данной статье представлена концепция анализа социальных сетей и журналистики данных, а также обсуждается применение анализа социальных сетей в журналистике данных с целью предоставления некоторого руководства для сотрудников журналистики данных [1].

Информационный взрыв постепенно приоткрыл занавес эры масштабного генерирования, применения и обмена данными, и цифровой поток с неисчислимой скоростью проник во все аспекты нашей жизни. В эпоху больших данных все наши действия подвергаются цифровому влиянию и фиксируются информационным материалом, а рост больших данных также привел к важным изменениям в наших привычках и образе мышления. Индустрия новостных коммуникаций также подверглась влиянию больших данных, что позволило появиться и стать популярной журналистике данных. Первый репортаж о журналистике данных появился в британской газете The Guardian в 1981 г. Хотя объем данных и технические средства далеки от современного этапа журналистики данных из-за ограничений, концепция репортажа

в обоих случаях одинакова. В настоящее время многие зарубежные СМИ начали заниматься журналистикой данных, а журналистика данных в Китае также получила значительное развитие в последние годы [2].

Анализ социальных сетей – это метод исследования социальных наук, который фокусируется на анализе связей между вещами, что соответствует идее добычи данных в области журналистики данных для отражения отношений между людьми и людьми, событиями и событиями, а инструменты анализа социальных сетей также могут обеспечить большое удобство для работы по анализу данных в журналистике данных. В этой статье будет обсуждаться применение анализа социальных сетей в журналистике данных с некоторым опытом работы автора.

Хотя анализ социальных сетей относится к области социальных наук, он имеет широкий спектр применения, например, в маркетинге, международной политике, международных отношениях, коммуникации и общественном мнении. Анализ социальных сетей также затрагивает многие дисциплины, включая журналистику и коммуникации, экономику, математику, антропологию, социологию, политологию и статистику. Поскольку он охватывает широкий спектр дисциплин и областей, этот метод исследования сформировал свою собственную организацию – Международную сеть анализа социальных сетей (INSA) – в связи с потребностями академических исследований [3].

Журналистика данных, также известная как журналистика данных, является новым подходом к освещению новостей. Это способ представления новостных собы-

тий в более интересной и интуитивно понятной форме (например, образы данных) на основе реальных и достоверных массовых данных (т.е. больших данных), путем тщательного анализа данных и с помощью средств массовой информации, таких как интернет и мобильные телефоны. Журналистика данных возникла в контексте растущего спроса на чтение новостей с большой глубиной, интерактивностью и визуализацией, что позволяет более глубоко, всесторонне и интуитивно интерпретировать новости для аудитории. Журналистика данных в основном выражается в форме карт данных, новостных иллюстраций и визуализации данных, причем наиболее популярной является визуализация данных.

Например, при освещении новостей о зарплате учителей в Китае распространенной моделью репортажа является следующая: 10 сентября 2014 года статистика показала, что годовая зарплата учителей в Китае составила 6 971 доллар США, что является самой низкой в мире. Эта традиционная модель репортажа отражает только основное положение дел. Журналистика данных может отразить картину развития событий через данные, раскрывая скрытые проблемы вещей. С другой стороны, новостной репортаж NetEase о данных показывает состояние зарплат учителей в мире и ситуацию с зарплатами учителей в Китае через сравнение данных, и может отразить статус учителей в сердцах китайского народа, что содержит огромное количество информации и может явно повысить привлекательность для аудитории [4].

Новости о данных прошли многолетний путь развития. В настоящее время основная визуализация данных выражается с помощью линейных графиков, круговых диаграмм, набора гистограмм и т.д., и аудитория ощутила определенную степень эстетической усталости. Это требует от сотрудников, занимающихся журналистикой данных, инноваций и предоставления аудитории более креативной журналистики, более соответствующей ее опыту, и это невозможно сделать без использования анализа социальных сетей.

Анализ социальных сетей - это способ изучения связей между различными вещами и представления их аудитории в визуальной форме, которая отражает отношения и состояния различных вещей через связи и расстояния между узлами и размеры узлов, так что один граф может содержать огромное количество информации. Отношения могут быть между событиями и событиями, между странами и странами, между людьми и людьми, в широком диапазоне. Информация об отношениях между вещами может быть получена непосредственно из объективных источников, например, отношения между ссылками на статьи, отношения между ретвитами и комментариями, отношения между подписчиками в микроблогах [5].

При применении анализа социальных сетей в журна-

листике данных, анализ социальных сетей может использоваться для наблюдения за самими вещами и отношениями между ними с трех уровней: индивидуальные роли на микроуровне, сети подгрупп на мезоуровне и общая структура на макроуровне, а некоторые показатели анализа социальных сетей могут использоваться для расчета объекта исследования. Макроскопическая общая структура относится к целостному восприятию социальной сети, которая может охватить масштаб всей сети и разреженность связей между узлами. Она может быть использована для анализа сравнения различных сетей одного типа с горизонтальной точки зрения и динамической эволюции сети с вертикальной точки зрения путем измерения таких показателей, как линии основания, диаметр и плотность. Подгрупповые сети относятся к сплоченным подгруппам, группе людей, взаимодействующих из-за таких факторов, как несовместимость или антагонизм, или одинаковость, которые имеют большую ценность внимания, чем другие группы. При представлении сплоченных подгрупп их можно отличить от других узлов с помощью таких показателей, как режим и другие сплоченные подгруппы, К-ядро и фракция, либо узел может быть выделен отдельно, что опять же требует научной компоновки. Индивидуальные роли наблюдают за определенными индивидами, которые играют важную роль в общей сети, возможно, этот индивид занимает наиболее важную позицию в обмене информацией, или, возможно, этот индивид имеет наибольшее количество взаимодействий, или, возможно, этот индивид имеет более высокое качество взаимодействующих соседей, этот узел может быть получен с помощью таких метрик, как опосредованная центральность и точечная центральность.

За последние годы журналистика данных развивалась очень быстро, и по сравнению с традиционными текстовыми выражениями, анализ социальных сетей может обеспечить более объективную сортировку связей между различными вещами, а полученные результаты более убедительны. По сравнению с другими формами визуализации, анализ социальных сетей является более информативным, более простым и прямым в представлении взаимосвязей, и в большей степени соответствует читательским привычкам и поведению аудитории. Кроме того, этот подход позволяет проводить более глубокий анализ данных в разных измерениях и на разных уровнях для получения потенциальной информации. Мы считаем, что по мере развития журналистики данных анализ социальных сетей также будет играть все большую роль. Чтобы справиться с этими изменениями, мы, журналисты, должны не только сохранять высокий уровень журналистской чуткости, но и продолжать совершенствовать наши основы программирования, овладевать инструментами визуализации и методами социологических исследований, чтобы реагировать на изменения времени и потребности журналистики и способствовать плавному, упорядоченному и устойчивому развитию журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свитич Л. Социология журналистики. Учебник для академического бакалавриата. – Litres, 2022.
2. Филаткина Г.С., Вьюгина Д.М., Бабына Д.А. Вопросы теории и практики журналистики // Учредители: Байкальский государственный университет. – 2022. – Т. 11. – №. 3. – С. 473-488.
3. Белуш А.О. Бренд-журналистика как инструмент продвижения образовательных услуг // Студенческие научные исследования. – 2023. – С. 157-159.
4. Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Методы медиаисследований. – 2022.
5. Хань Ц., Таказов В.Д. Вопросы теории и практики журналистики // Учредители: Байкальский государственный университет. – 2022. – Т. 11. – №. 2. – С. 278-292.

© Чжан Вэй (895927264@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abdulragimova N. – Senior Lecturer, Azerbaijan University of Languages

Akmeev A. – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Volsk Military Institute of Material Support

Anokhina A. – Ph.D. of Biological Sciences, associate Professor, Kemerovo State University, Novokuznetsk

Arishchenko S. – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Ashibokova Z. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev (Karachaevsk)

Beliaeva I. – Senior Lecturer, St. Petersburg State Agrarian University

Berko E. – Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

Bolbat O. – Ph.D., Associate Professor, Siberian State University of Communications, Novosibirsk, Russia

Boronikhina I. – Senior lecturer, Russian Biotechnological University (Moscow)

Bouslah Mohammed – Postgraduate student, Saint Petersburg State University

Bradetskaya I. – Ph. D. of pedagogical Sciences, associate Professor, Russian State University of Justice

Bykova L. – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Surgut State University

Chernenkova I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Bryansk State Agrarian University

Chugaeva K. – senior lecture, MIREA – Russian Technological University (RTU MIREA), (Moscow, Russia)

Dmitrieva E. – Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Orenburg State University

Dong Xin – Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University

Dzotsoeva Z. – Ph. D. in History, Associate Professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz)

Eremina N. – Ph.D. of Pedagogic Sciences, Assistant Professor, Orenburg State University

Ezhov K. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg

Our authors

Ezhov S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, FSAOU VO Russian State Vocational Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg

Filippova N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State Medical University after academician I.P. Pavlov

Fysina U. – Ph. D. of pedagogical Sciences, associate Professor, Russian State University of Justice

Galiakhmetova N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Izhevsk State Medical Academy

Galieva R. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University

Gao Han – Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University

Gasimova A. – Lecturer, Baku Slavic University

Gorelova L. – Senior Lecturer, "MIREA - Russian Technological University"; Applicant, "South Ural State Humanitarian and Pedagogical University"

Guo Hanwen – Al-Farabi Kazakh National University

Gusarova M. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, National Research University "MPEI" (Moscow, Russia).

Jia Mingxiu – PhD, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangdong Guangzhou, People's Republic of China

Jiang Mingyu – Graduate student, Beijing Foreign Studies University

Karimov T. – Candidate of historical sciences, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)

Kharatokova M. – Doctor of Philology, Professor, North Caucasus State Academy (Cherkessk)

Kharchenko N. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Kim Julia Hyun-sunovna – senior lecture, MIREA – Russian Technological University (RTU MIREA), (Moscow, Russia)

Kniazeva O. – PhD in Pedagogics, Associate Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol)

Kornetov A. – MD, PhD, Siberian State Medical University (Tomsk)

Korovin A. – lecturer, GBPOU MO «Podolsk College named after A.V. Nikulin»

Kosheleva A. – Pacific National University

Kozlovskikh I. – Senior Lecturer, Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg

Kumskov S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, FSAOU VO Russian State Vocational Pedagogical University, Russia, Ekaterinburg

Kuznetsova N. – Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, State University of Education (Moscow)

Lavrova O. – Associate Professor, St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I (PGUPS) (Russia)

Lee N. – Senior teacher, Pacific National University

Lipunova O. – FGBOU VO "Amursk State Humanitarian Pedagogical University" (Komsomolsk-on-Amur)

Makarenko A. – Candidate of Philological Sciences, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Matveicheva T. – PhD in Philology, Associate Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol)

Matvienko T. – Ph.D. of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk branch of Military Educational and Scientific Centre of the "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and the first cosmonaut Y.A. Gagarin"

Morozova E. – Senior Lecturer, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

Muravleva V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Technical University of Communications and Informatics

Nurgalieva D. – Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University

Pereverzeva I. – PhD in Philology, Associate Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol)

Petrenko O. – candidate of Philological Sciences, Associate Professor, FGBOU IN Bryansk GAU

Poberezhnik D. – Senior Lecturer, Surgut State University

Pomytkina T. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Izhevsk State Medical Academy

Ragimova N. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, MIREA - Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Redi E. – Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

Samardak M. – Ph.D., Associate Professor, Siberian State University of Communications, Novosibirsk, Russia

Semysheva V. – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, Bryansk State Agrarian University

Sergeeva N. – Ph.D., Associate Professor, Siberian State University of Communications, Novosibirsk, Russia

Shalamova D. – Expert, Moscow City Investment Agency

Shipacheva T. – Master's student, Kemerovo State University, Novokuznetsk

Sun Xin – Postgraduate Student, Moscow Pedagogical State University

Tin Wang – Lomonosov Moscow State University

Tkacheva T. – Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia

Tsarikaev A. – Ph. D. in History, Associate Professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz); Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz)

Tuskayeva G. – Ph. D. in History, Associate Professor, North Ossetian State Medical Academy (Vladikavkaz)

Wang Tianxue – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Yalaeva N. – Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Russian Technological University MIREA (Moscow)

Zayni R. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University

Zhang Wei – Lomonosov Moscow State University

Zhuchenko O. – Senior Lecturer, Izhevsk State Medical Academy

Zykov A. – Candidate of Pedagogics, Professor, Volk Military Institute of Material Support

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).